

Елена Гнесина.

«Я привыкла жить долго...».

Воспоминания, статьи, письма, выступления

От составителя

Елена Фабиановна Гнесина – одна из самых выдающихся личностей в истории отечественной культуры. С ее именем связано формирование системы российского музыкального образования, являющейся гордостью нашей страны. Уникальный по длительности срок – семьдесят два (!) года – она возглавляла крупнейший комплекс учебных заведений, который носит имя семьи Гнесиных. И нескольким поколениям гнесинцев передавала она драгоценные традиции, воспринятые ею во времена Серебряного века – «золотого» периода в истории русской музыки.

Елена Фабиановна была и создателем, и «охранителем», и строителем детища своей семьи. Она отстаивала жизнь Гнесинского дома в самые драматические периоды истории и постоянно расширяла масштабы его деятельности и профессиональных достижений. Благодаря хлопотам Гнесиной, ее принципиальности, убежденности, смелости и мужеству в Москве удалось построить небывалое для любой организации количество зданий. Она была заступницей не только для учебных заведений, но и для многих людей: оказывала решающую помощь в самых сложных ситуациях, давала «путевку в жизнь» в начале профессионального пути. Неиссякаемая творческая энергия Елены Фабиановны Гнесиной позволяла ей и успешно развивать важнейшие принципы музыкальной педагогики (ее педагогический стаж насчитывал более семидесяти пяти лет!), и заниматься композиторской деятельностью – создавать многочисленные произведения для детей. При этом в молодые годы она еще и регулярно выступала на концертной эстраде.

Удивительные черты мощной натуры Гнесиной, ее безграничная любовь к людям, необъятный размах свершений – все это определяет ее особое место в истории. Она была одной из российских женщин, чей созидательный вклад в развитие страны поистине грандиозен. Поэтому, безусловно, необходимо знакомить как можно больше людей – и музыкантов, и всех, кому интересна история русского искусства, отечественного образования, – с материалами о ее жизни и творческой деятельности.

В предлагаемой вашему вниманию книге впервые собрано то, что принято именовать «литературным наследием» – воспоминания, статьи, письма, выступления, написанные самой Ел. Ф. Гнесиной.

До сегодняшнего дня наиболее крупным изданием, включающим многочисленные воспоминания о Гнесиной, была книга, составленная М. Э. Риттих, – «Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников»¹. Ее деятельность как пианистки-педагога подробно рассмотрена в книге Л. Б. Булатовой², тоже выдержавшей два издания. Немало можно почерпнуть и из публикаций, посвященных истории учебных заведений имени Гнесиных³. Однако и воспоминания о Елене Фабиановне, написанные, как правило, ее младшими современниками (большой частью не отражающие ранние периоды ее жизни), и историко-методические исследования далеко не исчерпывают полноты портрета столь многогранной Личности. А главное – бесценным свидетельством может стать голос самой Елены Фабиановны. Написанные ею воспоминания, статьи по разным поводам, письма личного и делового характера, выступления и даже юмористические стихи рассказывают о ее жизни, работе, окружении, исторических событиях «от первого лица». И поэтому их публикация, безусловно, позволит не только гораздо больше узнать о главе Гнесинского Дома, но и гораздо лучше понять многие черты характера и жизненные принципы этого необыкновенного человека.

До сей поры в печати появлялись только отдельные воспоминания, принадлежащие Ел. Ф. Гнесиной, причем в различных изданиях (сборниках и журналах). Почти все они выходили давно, что затрудняет знакомство с ними. Кроме того, при редактировании этих материалов нередко делались сокращения в авторском тексте. В настоящей же книге все воспоминания печатаются по авторским рукописям и без сокращений.

Очень немногое было опубликовано из писем Елены Фабиановны. Все остальное ее литературное наследие не выходило в свет. Между тем хотя она и не обладала выраженным литературным дарованием и яркой индивидуальностью языка, чтение этого наследия представляет огромный интерес.

Семья Гнесиных всегда была окружена самыми блестящими представителями творческого мира. Со многими из них установились и дружеские отношения. Круг общения Елены Фабиановны был особенно широк. На протяжении своей долгой жизни ей пришлось встречаться с легендарными личностями разных эпох – от Чайковского до Гагарина – и тесно общаться с выдающимися деятелями искусства (и не только искусства). Ее воспоминания о друзьях и учителях, о музыкантах, артистах и общественно-политических

¹ 1-е изд. М.: Сов. композитор, 1982; 2-е изд., значительно расширенное. М.: Практика, 2003.

² 1-е изд. — Педагогические принципы Е. Ф. Гнесиной. М.: Музыка, 1976; 2-е изд. – Творческое наследие Е. Ф. Гнесиной. М., 1999 (РАМ им. Гнесиных).

³ Назовем главные издания: За тридцать лет. 1895–1925. Издание юбилейной комиссии по чествованию Школы Гнесиных. М., 1925; Сорок лет Московского государственного музыкального техникума имени Гнесиных / Ред. Ф.А. Ротштейн, Н. И. Шувалов, Б. Д. Владимирский. М., 1935; За полвека. Пятьдесят лет Государственного музыкального училища имени Гнесиных / Ред. П. Г. Козлов, К. К. Розеншильд, Л. И. Рябкова, В. Э. Ферман, А. Н. Юровский. М.; Л., 1945; История музыкальных учебных заведений имени Гнесиных / Общ. ред. М. Э. Риттих. М., 1981; 50 лет Российской академии музыки имени Гнесиных: Статьи. Воспоминания. Очерки / Сост. Л. Б. Булатова, Р. К. Ширинян, М. Э. Риттих. М., Магнитогорск, 1995; Гнесинский исторический сборник. К 60-летию РАМ им. Гнесиных: Записки Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной / Отв. ред. В. В. Тропп. М., 2004.

деятелях, о становлении учебных заведений и связанных с этим событиях и встречах содержат много ярких, интересных описаний и сведений о тех, кому она посвящает свои мемуарные строки. Совсем живыми – не предназначенными для печати! – выглядят ее дневник поездки по Италии в 1905 году (непосредственные заметки путешественника, волею судеб единственный раз оказавшегося за границей), а также воспоминания, записанные на магнитофон незадолго до девяностолетия. В книге публикуется расшифровка еще одной записи – беседы с Еленой Фабиановной о Песнях без слов Мендельсона, предназначенной для аннотации к выпущенной пластинке. Эта беседа также выглядит особенно живой и непосредственной среди методических заметок замечательного педагога (все они – редкие примеры изложения Гнесиной своих педагогических принципов).

Наиболее свободно и искренне Елена Гнесина высказывается в своих письмах (публикуемые письма охватывают период с 1908-го по 1967 год). Особенно содержательны ее письма к брату, Михаилу Фабиановичу, в которых можно найти отклики на важные события в общественной и музыкальной жизни: это и премьера «Золотого петушка», и смерть Скрябина, и концерты Бузони, и революция, и тяготы военного времени... Много в жизни и деятельности Елены Фабиановны открывается в этих письмах, как и в письмах к друзьям – М. О. Штейнбергу, Р. М. Глиэру, С. В. Рахманинову, к старшим современникам – С.И. Танееву и М.И. Чайковскому, к сестре и племяннику. Ряд писем Гнесиной, написанных в последние годы ее жизни (в основном это письма, адресованные за границу), ярко передают характер и ее работы, и ее натуры. Но, как это ни странно, и деловые письма, направленные в различные инстанции, к «сильным мира сего» (среди которых много фамилий «первых лиц» советских руководителей), оказываются в своем роде захватывающим повествованием о труднейшей постоянной борьбе за достижение своих созидательных целей, за воплощение всех чаяний о своем детище – Гнесинских учебных заведениях. Именно эти письма наиболее красноречиво говорят об особой силе характера Елены Фабиановны и о ее громадной любви к людям, постоянным ходатаем о которых (их было так много!) она была до конца своей долгой жизни. Это – и пример необычайной Доброты выдающейся Личности.

Несмотря на куда более официальный характер, несомненный интерес представляют и публичные выступления Ел. Ф. Гнесиной. Они дополняют историю ее активной общественной деятельности и очень точно отражают контекст эпохи, в которой она жила и сумела добиться поставленных ею целей. Хотя все речи и были произнесены с учетом «присутствия публики» и – чаще всего – по официозным поводам, но и здесь Гнесина поразительным образом проявляет смелость, упорство и свою бесконечную заботу о людях (речь идет о сохранившихся текстах ее выступлений в Моссовете, депутатом которого она была в тяжелые 1940-е годы). Любопытно сопоставить официальные высказывания и оценки Гнесиной (в том числе и в воспоминаниях,

предназначенных к публикации) с ее откровенными мыслями в письмах к близким.

В книге помещено большое количество фотографий, хранящихся в архиве Ел. Ф. Гнесиной, и два рисунка, сделанных ее рукой. Почти все фотографии (за исключением трех) публикуются впервые.

Характерным дополняющим штрихом к портрету Елены Фабиановны – человеку неизменного и острого юмора – являются помещенные здесь несколько юмористических стихотворений.

Главное в книге, несомненно, – авторские тексты Гнесиной. Однако поскольку в автобиографических рассказах она упоминает лишь немногие, избранные фрагменты своей жизни, а развернутой ее биографии нигде не публиковалось, книга начинается с «Дат жизни и деятельности». После краткого хронографа следует как бы развернутая «расшифровка» дат – биографический очерк. (Конечно, в отличие от текста самой Ел. Ф. Гнесиной, любой подобный текст может носить субъективные черты, неизбежные из-за внедрения «чужого голоса», оценивающего события с точки зрения сегодняшнего дня.) Все приводимые в нем данные основаны на документах архивов и – в небольшой мере – на воспоминаниях людей, лично знавших Елену Фабиановну.

В приложениях помещены сведения, относящиеся к главным направлениям деятельности Гнесиной: это список ее музыкальных произведений, ее концертный репертуар, огромный список учеников, а также небольшой перечень прижизненных литературных публикаций.

В связи с тем, что в текстах упоминается много разных имен, нередко повторяющихся, все сведения о персоналиях помещены в именном указателе, расположенном в конце издания. Важно иметь представление и о семье Гнесиных, члены которой, естественно, часто фигурируют на страницах книги. Им посвящен первый раздел именного указателя («Сведения о семье Гнесиных»)⁴.

Внутри каждого раздела книги материалы, насколько это возможно, располагаются по хронологическому принципу. Письма личного характера объединены и по адресатам.

Принципом публикаций писем Ел. Ф. Гнесиной является сохранение выделенных слов, авторских названий и – по возможности – авторских абзацев. Старая орфография заменена на новую, хотя в нескольких случаях сохранены некоторые особенности авторской орфографии. Все примечания и комментарии даны в сносках или мелким шрифтом. Даты событий, происходивших в России до 1918 года, приводятся по старому стилю, остальные – по новому.

Выражаю глубокую благодарность за предоставление архивных материалов для публикации в книге: Российскому государственному архиву ли-

⁴ Многие данные публикуются в настоящем издании впервые.

тературы и искусства (директор – Т. М. Горяева), заведующей Кабинетом рукописей Российского института истории искусств Г. В. Копытовой (директор РИИИ – Т. А. Клявина), а также Государственному дому-музею П. И. Чайковского и лично доктору искусствоведения, ведущему научному сотруднику музея П. Е. Вайдман. Искренне признателен также за помощь в получении публикуемых материалов, оказанную К. Н. Такеноучи (Япония), Л. Л. Тумаринсоном, Е. Н. Ефремовой, Е. С. Горник, П. В. Лобановым.

Сердечно благодарю за ценные сведения, сообщенные Е. Г. Гнесиной – племянницей Елены Фабиановны, И. С. Родзевич, Л. Б. Булатовой, О. С. Гончаровой, Л. А. Цургозеню, а также сотрудниками Музея им. Н. Г. Рубинштейна Московской консерватории (директор – Е. Л. Гуревич).

Большую помощь оказала в подготовке к печати архивных материалов В. Ю. Казимирова. В работе по подготовке к публикации участвовали сотрудники Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной – А. А. Сац, С. А. Усова, Е. П. Костина. Выражаю признательность за оказанную помощь и членам моей семьи.

Сокращения в названиях места хранения документов

ГДМЧ – Государственный дом-музей П. И. Чайковского в Клину
КР РИИИ – Кабинет рукописей Российского института истории искусств (Санкт-Петербург)

ММКЕЛФГ – Мемориальный музей-квартира Ел. Ф. Гнесиной (при РАМ им. Гнесиных)

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

Сокращения в названиях других учреждений

АСМ – Ассоциация современной музыки

ВМШ – Высшая музыкальная школа им. Ф. Кона (название Московской консерватории в 1932 г.)

ВЦИК – Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет

ГИМН – Государственный институт музыкальной науки

ГМПИ – Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных (с 1992 – РАМ им. Гнесиных)

ГМУ – Государственное музыкальное училище им. Гнесиных (название в 1936–2005, до этого – Музыкальное училище Е. и М. Гнесиных, после череды переименований в 1919–25 – Московский государственный музыкальный техникум им. Гнесиных, с 2005 – Государственный музыкальный колледж (ГМК) им. Гнесиных)

Гороно – Городской отдел народного образования

ГЦММК – Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки

Елена Фабиановна Гнесина
Даты жизни и деятельности

1874 (1872)

18 мая – родилась в Ростове-на-Дону

1881

17 октября – рождение сестры Ольги

1883

21 января – рождение брата Михаила

1883–85 – учеба в Екатерининской женской гимназии Ростова

1885

Август – поступление в Московскую консерваторию в класс фортепиано Э. Лангера на младшее отделение

Переезд в Москву к сестре Евгении и Т. В. Фигуровской на Поварскую улицу

1886

Лето – пребывание в Ростове

1888–90 – обучение на старшем отделении консерватории в классе В. И. Сафонова

Переезд на Нижнюю Кисловку (дом Коссова)

1888

Лето – отдых в Верее

1889 – участие в детском оркестре под руководством А. А. Эрарского

Лето – пребывание в Ростове

1890–91 – занятия в классе Ф. Бузони

1891

Лето – жизнь и работа в имении Унковских «Казбек» (Пензенская губ.)

13 октября – смерть отца

Начала работать педагогом в интернате гимназии Арсеньевой

1891–93 – занятия в классе П. Ф. Шлецера

1893

26 февраля – крещение в церкви Ржевской Богоматери (крестные М. В. Боборыкин и М. С. Померанцева)

Май – окончание консерватории с серебряной медалью и званием свободного художника

1893–97

Лето – отдых в Верее, в Стрелино и Поливаново под Москвой

1894 – начало активной концертной деятельности

Лето – поездка в имение Устье к П. А. Хохлову

1895

Начало года – переезд в Гагаринский переулок (дом фон Шлиппе)

2 февраля – открытие Музыкального училища Е. и М. Гнесиных

- 1896–97 – гастрольные поездки по городам России (Смоленск, Воронеж)
- 1898
22 января – Постановление Сената о жаловании почетного гражданства
14 декабря – Отзыв о концерте в газете «Московские ведомости»
- 1899
30 ноября – утверждение устава школы Гнесиных
Начинает вести занятия хора
- 1900 – снятие дома на Собачьей площадке (дом Полетаевой)
- 1901
23 апреля – свадьба Евгении Фабиановны Гнесиной и Александра Николаевича Савина
Май – первый выпуск Музыкального училища Е. и М. Гнесиных
Лето – первая поездка в имение Гончаровых Полотняный завод
Поступление Михаила Гнесина в Петербургскую консерваторию
Отдых на даче «Высокое» под Смоленском и в Поливаново под Москвой
- 1903
Июнь – рождение племянника Шурика Вивьена
- 1905
19 мая – 20 августа – поездка в Италию через Германию, Австрию и Швейцарию
- 1906
Лето – отдых на даче «Высокое» под Смоленском
- 1907
11 апреля – концерт в Малом зале консерватории, организованный Ел. Ф. Гнесиной в пользу студенческого землячества калужан и ельчан
Май – выпуск О. Корзлинской, Д. Зернова
Декабрь – выступление с П. Казальсом
- 1908
Март – арест Григория Фабиановича Гнесина
- 1909
18 января – свадьба Елизаветы Фабиановны и Генриха (Евгения) Францевича Витачеков
Лето – отдых в Крыму
- 1910
4 января – рождение племянника Фабия Витачека
Июнь – отдых в Силламяги (Эстония)
Ноябрь – 3 декабря – усиленная подготовка концерта из сочинений брата Михаила на «Музыкальной выставке»
- 1911
Лето – отдых в Меррекюле (Эстония) и в Крыму (Алупка)
Сентябрь (?) – смерть матери
6 октября – смерть племянника Шурика
- 1912

Июнь – отдых в Силламяги (Эстония)
Август – отдых в Крыму (Симеиз)
19–31 октября – гастроль Ф. Бузони в Москве

1913
27 февраля – смерть Дмитрия Зернова

1913–1917
Лето – отдых в Демьяново под Клином (имение В. И. Танеева)

1915
Ноябрь – начало занятий с Л. Обориным

1916
Апрель – последняя поездка в Ростов

1917 – сочиняет «Маленькие этюды»

1918
Общественная работа в Союзе педагогов-музыкантов
4 октября – смерть Марии Фабиановны Гнесиной

1919 – национализация училища. Назначается заведующей Второй Московской государственной музыкальной школы
Декабрь – начинает работать в Детских трудовых колониях А. А. Луначарской при Петроградской вольной трудовой коммуне преподавателем музыкальной грамоты и хорового пения

1920–1922
Работа в МУЗО Наркомпроса: заведующая хозяйственной частью в культпросветкомиссии при месткоме МУЗО (ХСПРО)
Работа в 1-й Кремлевской школе ВЦИК педагогом хора

1921
Назначение заведующей Третьего Государственного музыкального техникума
17 января – смерть Татьяны Васильевны Фигуровской
Май – выпуск Льва Оборина и Алексея Чичкина
Издание первого опуса – «Маленькие этюды»

1923
29 января – смерть А. Н. Савина
Осень – переезд М. Ф. Гнесина с семьей в Москву, в дом на Собачьей площадке

1925
6 февраля – присвоение звания Заслуженной артистки Республики
15 февраля – празднование 30-летия техникума, присвоение имени Гнесиных техникуму.
Выход юбилейной брошюры «За тридцать лет»
Статьи в прессе

1927
Январь – победа Л. Оборина на конкурсе им. Шопена в Варшаве
Июнь-июль – отдых в Кисловодске (санаторий Цекубу)
Прекращение занятий с хором

- Декабрь* – поездка в Томск (в гости к В. Н. Саввину)
- 1929
Выпуск М. Мильмана, А. Клумова, А. Николаева
Начало травли со стороны РАПМа
Декабрь – освобождение от заведования техникумом и назначение заведующей учебной частью
- 1931
4 мая – вынужденный уход с должности заведующей учебной частью
- 1932
22 июня – возвращение на должность директора техникума
Предоставление для техникума здания Дома Хомякова, начало его ремонта
Август-сентябрь – отдых и лечение в Кисловодске
- 1934
1 января – смерть Надежды Товиевны Гнесиной
Лето – отдых в Ессентуках
Избрание депутатом Краснопресненского райсовета
- 1935
3 марта – присвоение звания Заслуженного деятеля искусств
15 марта – празднование 40-летия техникума
Выход юбилейной брошюры
Лето – отдых в Архангельском (военный санаторий)
Осень – переезд М. Ф. Гнесина в Ленинград
- 1937
3 июня – награждение орденом Трудового Красного Знамени
Лето – на даче в Быково под Москвой
Осень (?) – закладка нового здания на улице Воровского
Ноябрь – арест Григория Фабиановича Гнесина
- 1938
Январь – участие в юбилее Ленинградской консерватории
Декабрь – работа в жюри Всесоюзного конкурса вокалистов
- 1939
Апрель(?) – отдых на Селигере вместе с семьей О. Н. Семенцовой
Лето – отдых в Барвихе (санаторий Совнаркома)
Декабрь – избрание депутатом Моссовета (до 1948)
- 1940
Активное строительство здания
6 апреля – смерть Евгении Фабиановны Савиной-Гнесиной
Сентябрь-октябрь – лечение и отдых в Кисловодске
- 1941
Август – сентябрь – выезд в Елабугу со школой
12–19 октября – пребывание в Казани
4 ноября – выезд в эвакуацию в Казань

Работа в Казанской музыкальной школе
1942
21 января – возвращение в Москву
1943
Возобновление строительства
28 августа – присвоение ученого звания профессора
1944
13 марта – приказ о создании Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных
29 мая – назначение директором института
Сентябрь – начало занятий в институте в качестве профессора кафедры специального фортепиано (ассистент – Т. С. Герасимович до 1951)
1944–1958 – заведует кафедрой специального фортепиано института
1945
15 февраля – празднование 50-летия учебных заведений им. Гнесиных
Награждение орденом Ленина
Сентябрь – начало занятий с И. Ягодиным (до 1956)
1946
Лето – отдых в санатории «Барвиха»
Сентябрь – создание Спецшколы-десятилетки (директор З. И. Финкельштейн)
10 сентября – открытие основной части здания на улице Воровского
1947
Лето – отдых в Архангельском
1948
10 февраля – написано завещание, адресованное К. Е. Ворошилову (Постановление «Об опере «Великая дружба»)
Июнь – первый выпуск института
Лето – отдых в Барвихе
5 декабря – переезд на новую квартиру в здании института
Назначение директором Детской музыкальной школы им. Гнесиных Е. В. Давыдовой
1949
Март (?) – назначение директором Музыкального училища им. Гнесиных Л. И. Рябковой
Август – отдых в Архангельском
1950 – окончание строительства второй очереди здания института
1951
Июнь – окончание института Л. Булатовой и назначение ее ассистентом Ел. Ф. Гнесиной
Лето – отдых в Барвихе
1951–53 – активные преследования Гнесиных и учебных заведений, увольнение Михаила Фабиановича и Елизаветы Фабиановны Гнесиных
1952

- Лето* – отдых в Архангельском и в санатории «Узкое»
- 1953
28 апреля – назначение Ю. В. Муромцева директором института, а Ел. Ф. Гнесиной – художественным руководителем
29 апреля – смерть Елизаветы Фабиановны Гнесиной-Витачек
- 1954
1 июня – награждение вторым орденом Ленина
18 июня – празднование 80-летия
- 1955
11 мая – перелом ноги
Май-август – пребывание в больнице (институт травматологии), после этого – возможность передвигаться только в инвалидном кресле
Осень – операция в клинике Б. В. Петровского
- 1956
26 июня - закладка здания Концертного зала института
- 1957
5 мая – смерть Михаила Фабиановича Гнесина
- 1958
21 ноября – открытие Концертного зала института
- 1959
Лето – отдых в Архангельском
Юбилейный классный вечер
- 1960
30 июня – встреча с Ваном Клиберном
- 1961
Лето – отдых в Архангельском (последний раз)
- 1962
Постройка общежития института, участие в открытии
Сентябрь – переезд школы-десятилетки в новое здание
- 1963
9 марта – смерть Ольги Фабиановны Александровой-Гнесиной
11 мая – составление последнего завещания
Постройка кооперативного дома «Гнесинец-1»
- 1963–1966
Лето – отдых в Доме творчества композиторов «Руза»
- 1964
23 января – встреча с Ю. А. Гагариным
Май – публикация воспоминаний в журнале «Советская музыка»
Отказ в присвоении звания Героя Социалистического Труда
30 мая – награждение вторым орденом Трудового Красного Знамени, радиопередача к 90-летию
8 июня – празднование 90-летия
Встреча с артистами «Ла Скала»

1965

15 июня – вторая встреча с В. Клиберном

Лето – сочинение последнего опуса «Дуэты маленьких скрипачей»

29 декабря – празднование 70-летия учебных заведений

1966

15 февраля – последнее празднование Дня основания учебных заведений

19 мая – последнее выступление на сцене с воспоминаниями о Ф. Бузони

Начало строительства нового здания Училища им. Гнесиных

1967

Март – выход из печати последней печатной работы

30 марта – ампутация ноги, с этого времени – пребывание в клинике

Института протезирования

4 июня – умерла в клинике

Похоронена на Новодевичьем кладбище

Биография

Свое детство Елена Фабиановна Гнесина провела в Ростове-на-Дону. Мы очень мало знаем об этом времени в ее жизни – лишь из сохранившихся писем родных (относившихся к тому периоду, когда она училась и жила в Москве) можно составить некоторое представление об атмосфере и характере семейного быта Гнесиных в Ростове.

Отец Гнесиных, Фабиан Осипович, с конца 1860-х годов служил в этом городе, занимая должность общественного раввина⁵. Из писем самого Фабиана Осиповича к дочери Елене, из отзывов о нем явствует, что это был человек мудрый, благородный, бескомпромиссный, с пронизательным умом и высокими нравственными идеалами.

Мать, Белла Исаевна, став волею судьбы домохозяйкой, заботящейся о большой семье (девять детей), не оставила своей большой любви к музыке (и, вероятно, к искусству вообще). Это, наверно, и обусловило то, что почти все ее дети стали серьезно заниматься музыкой и что родители верили в их профессиональное будущее. Характер и манеры Беллы Исаевны, несмотря на жизнь в провинции, отличались аристократизмом; она была эрудированной женщиной, любившей общество, и – одновременно – капризной, обидчивой. В семье ее называли исключительно «мамаша», впрочем (как это было принято в те времена), без всякого иронического подтекста.

Для заработка Фабиан Осипович служил в банке. Этих средств совершенно не хватало на содержание большой семьи, и ближе к концу его жизни, хотя старшие сыновья и старшая дочь Евгения уже жили самостоятельно, нужда была очень острой.

Ближайшим другом семьи – и, очевидно, коллегой отца по банку, был Моисей Александрович Шершевский. В семье он именовался «дядинькой». Не имевший, видимо, своей семьи (долгое время он и жил в доме Гнесиных), «дядинька» с обожанием относился к детям своего близкого друга – не зря его называли их «вторым отцом». Забота Шершевского о сестрах Гнесиных была очень трогательной. В своих многочисленных письмах, им адресованных, всех сестер он именовал очень ласково: Марию всегда называл «голубушкой», а Елизавету – «куколкой». После смерти отца «дядинька» взял на себя значительную часть материального обеспечения семьи; по-видимому, он оплачивал и обучение сестер (по крайней мере, Елены и Марии) в Московской консерватории. К «дядиньке» сестры всегда относились со вниманием и большой любовью.

Среди ростовских друзей семьи – музыканты Герович и Оскар Фритче (фон Фритче). Герович был учителем младших братьев – Михаила и Григория Гнесиных. Другие близкие друзья в Ростове – доктор Ф. Тиктин (и его семья), семьи Макриды, Самуэльсонов, а из поколения молодых Гнесиных – будущие музыканты: виолончелист А. Штример, пианист М. Пильстром, певица и композитор В. Рамм и ее муж, врач М. Рамм. Во время пребывания в Ростове Гнесины тесно общались с этим кругом друзей, но и в Москве «ростовцы» (все, кто был знаком по Ростову и потом жил или приезжал в Москву) неизменно поддерживали дружеские связи.

У Фабиана Осиповича и Беллы Исаевны выжило девять детей (из родившихся двенадцати). Старшими были два брата, затем подряд родились пять сестер – и снова два брата (необычайная симметрия!). И – удивительным образом – только два старших брата не обнаружили особых способностей (а самый старший – и склонностей) к музыке, при том, что все остальные были столь ярко музыкально одарены!

⁵ Сведения о членах семьи Гнесиных см. в начале указателя имен. Тексты проповедей Ф. О. Гнесина хранятся в РГАЛИ, в фонде М. Ф. Гнесина (ф. 2953).

Точные даты рождения всех пяти сестер Гнесиных установить трудно: в разных документах они различаются, так как все сестры не один раз меняли их на более «молодые» (Елена Фабиановна в разговорах со знакомыми и не скрывала, что изменяла свой возраст). Во всех ее документах, относящихся к XIX веку, указан год рождения – 1872-й. В дальнейшем во всех официальных случаях указывался 1874-й.

Елена-Роза Гнесина (такое имя было дано ей вначале) родилась 18 мая по старому стилю. При переводе на новый стиль правильным было бы считать эту дату 30 мая, но, как и многие ее соотечественники в то время, она считала новую дату, прибавляя к старой тринадцать дней (как в XX веке), а не двенадцать (как в XIX), и называла своим днем рождения 31 мая. В семье Елену всегда называли Лёней (младшие – племянники – тетей Лёней), тогда как Марию Фабиановну – Маней.

Когда Елена Гнесина поступила в гимназию – сказать трудно. В Екатерининской женской гимназии города Ростова она училась всего два года – с 1883-го по 1885-й, закончив там III класс (возможно, до того она обучалась в другой гимназии). В свидетельстве об окончании этого класса преобладают оценки «хорошо» («отлично» – только по чистописанию, «удовлетворительно» – по французскому и географии). Окончания третьего класса гимназии было достаточно для поступления в консерваторию, и 24 июня 1885 года Евгения Фабиановна Гнесина пишет прошение о зачислении ее сестры в фортепианный класс Э. Лангера⁶. С этого момента начинается более чем восьмидесятилетняя жизнь Елены Фабиановны в Москве. Знаменательно, что почти вся она проходила в районе Арбата: из семи известных ее адресов шесть относятся к арбатским (по единственному неарбатскому она проживала непродолжительное время). Это Поварская (дважды), Гагаринский переулок, Собачья площадка (около полувека). Арбат – средоточие московской интеллигенции – питал своей атмосферой и семью Гнесиных, и, наверное, многие художественные, просветительские, общественные устремления этой семьи естественно возникали среди «арбатского» окружения.

В Москве Елена, как вскоре и ее младшие сестры (Мария и Ольга к 1889 году уже приехали в Москву, не позднее 1892-го здесь оказалась и Елизавета – возможно, это было связано с тяжелым материальным положением семьи в Ростове, поскольку отец тогда уже вышел в отставку), жила под присмотром и на попечении старшей сестры Евгении. Сама Евгения Гнесина приехала поступать в консерваторию, видимо, в 1882-м или 1883 году. Остановившись у знакомых родителей, она почти сразу встретилась у них с Татьяной Васильевной Фигуровской, которая, очевидно, тоже была тесно связана с Ростовом.

С этого момента и до конца жизни Фигуровской семья Гнесиных стала ее собственной семьей. Воспитанию сестер, их материальному обеспечению и всевозможной помощи им она посвятила всю свою жизнь. Татьяна Васильевна стала им (по ее собственным словам) второй матерью, еще более близкой, чем их родная мать. Т. В. Фигуровская была крестной Евгении (вероятно, и Елизаветы, а может быть, и кого-то из других сестер Гнесиных), но все пять сестер считали ее своей крестной матерью и воспитательницей. Евгения Гнесина сразу же поселилась у Фигуровской, в ее же квартире большей частью жили и остальные сестры. Татьяна Васильевна, отличавшаяся добротой и радушием, была преподавательницей иностранных языков в частной гимназии, она давала и частные уроки. За счет этого, а также за счет помощи некоторых ее богатых друзей (родителей ее учеников) она сумела оказать сестрам Гнесиным существенную материальную поддержку и способствовала осуществлению их начинаний, жизни их школы.

⁶ У Лангера на младшем отделении училась и Евгения Фабиановна. Прошение хранится в Музее им. Н. Г. Рубинштейна в Московской консерватории.

Живя у Фигуровской на Поварской, сестры подружились с семьей Книпперов, живших в том же доме. Это были дети певицы А. И. Книппер – Ольга (будущая знаменитая Книппер-Чехова) и Владимир (будущий певец и режиссер Нардов). С ними дружеские отношения сохранялись всю жизнь, а их племянник Лев, ставший композитором, позже обучался у Елены Фабиановны.

В годы учебы Евгении Фабиановны на старшем отделении консерватории (1886–89) именно у Гнесиных собирался замечательный кружок друзей – ее соучеников. Поскольку его составляли исключительно одаренные музыканты, люди высокой общественной активности, с широчайшим кругом интересов, то домашний кружок скорее напоминал блестящее художественное собрание⁷. Зафиксированными остались в основном лишь плоды юмористической деятельности кружка (эта сторона и составляла его внешнюю цель – развлечение молодежи в часы досуга). Они собраны Еленой Фабиановной в ее архиве под титлом «Музей смеха» и «Хороший тон». Сюда входят стихи, рисунки, игры в буриме, ребусы, шуточные «телеграммы» и письма (так, в серии «телеграмм» – сводки каких-то вымышленных детективных событий, а ряд писем адресован Гречанинову от некоего ненормального «автора», назойливо навязывающего ему свое либретто для оперы), фрагменты рукописных журналов «Кузьмич», «Жив курилка» и «Мысль и чувство» и многое другое. Постоянно собирались также вырезки со смешными текстами, рекламами, опечатками из газет и журналов (подобное коллекционирование в течение многих десятилетий продолжали Елена и Михаил Гнесины). Большой популярностью, видимо, пользовалась книга «Сочинения купца-самоучки Поликарпова», переписанная во многих экземплярах. Впечатляющим детищем кружковцев был публичный благотворительный спектакль (в пользу бедных) в городе Епифани, состоявшийся в 1890 году. И автором пьесы-водевиля (нечто вроде позднейших «капустников»), и исполнителем главной роли, и одним из авторов музыки был официальный секретарь кружка Илья Протопопов. Среди других авторов музыки к спектаклю – Гречанинов и Евгения Гнесина.

Конечно, встречи в доме у Гнесиных носили и творческий, и чисто домашний, дружеский характер. Так, характерным и обаятельным свидетельством этого является написанная Эмилием Розеновым «Песенка Оле» (младшей сестре Гнесиных) ко дню рождения (ей исполнилось одиннадцать лет): она расписана по партиям, каждая предназначалась конкретному участнику ансамбля. Стихи юной Елизаветы Гнесиной (некоторые из них были весьма обещающими, была даже публикация в журнале «Вестник Европы»), которые всегда очень ценили все ее сестры, пользовались, видимо, успехом и у членов кружка, написавших на эти тексты романсы.

Вероятно, роль идеолога кружка играл Э. К. Розенов – человек энциклопедических интересов и весьма разносторонних талантов. И он, и Давид Шор (впоследствии – и вся его семья, а также участники знаменитого Московского трио – Шор, Крейн, Эрлих), и Александр Гречанинов – стали близкими друзьями Гнесиных на долгие годы. Но особенно интересно и важно то, что все участники домашнего кружка, включая Гнесиных, стали активными членами, инициаторами и даже руководителями почти всех известных музыкально-общественных объединений и вовсе не домашних «кружков» в Москве⁸.

Что касается соучеников Елены Гнесиной, то ими были, как известно, и Рахманинов, и Скрябин⁹. Из близких ее подруг по консерватории нам известна Антонина Хейфиц (в шутку ее называли «брат Антон», а в обиходе обычно Анной Константиновной – Аней).

⁷ О кружке пишет Ел. Ф. Гнесина в своих воспоминаниях.

⁸ См.: *Тропп В. В.* Деятельность Гнесиных и художественные объединения Москвы на рубеже XIX–XX веков // Гнесинский исторический сборник. М., 2004.

⁹ См. раздел «Воспоминания».

В 1897 году она вышла замуж за одного из крупнейших музыкальных критиков – Ю. Д. Энгеля, с которым у Гнесиных также сложились многолетние дружеские отношения.

От года к году выступления Елены Гнесиной на экзаменах были все более успешными, а за год до окончания младшего отделения Сафонов уже взял ее в свой класс на старшее отделение. Заметим, что у Сафонова в это время на последнем курсе учились ее сестра Евгения, Шор, Розенов, одновременно в его классе занимались И. Левин, А. Скрябин, позже – Е. Бекман-Щербина и Е. Дукельская-Лунц, ставшие друзьями Елены Фабиановны. После двухлетнего обучения у Сафонова и, увы, всего лишь годичного у Бузони¹⁰ ее ждало, видимо, естественное разочарование в классе П. Ю. Шлецера. И если два великих учителя всегда были ею высокочтимы – она собирала все, что связано с их деятельностью и памятью о них – то о Шлецере в архиве Елены Фабиановны напоминает лишь его визитная карточка. «Я не любила его как человека»¹¹, – эта фраза объясняет умолчание об уважаемом учителе, по классу которого она успешно окончила консерваторию с дипломом свободного художника и серебряной медалью.

Помимо очевидного таланта пианистки, профессора консерватории обращали внимание на ее вокальные и композиторские данные. Впоследствии Елена Фабиановна неоднократно говорила, что жалеет о том, что не вняла их советам учиться и по этим специальностям.

Летом 1891 года Сафонов, всегда заботившийся обо всех своих учениках, рекомендовал Елену Гнесину для домашних занятий в семье Унковских (очевидно, заниматься надо было с их детьми). Это была богатая семья генерала, владевшая имением-дачей «Казбек» в Пензенской губернии. Туда на лето (это было общепринятой практикой в обеспеченных семьях) и была приглашена Елена Гнесина. Помимо хорошего материального подспорья, пребывание у Унковских оказалось очень удачным и в другом отношении: в этой семье Елене Фабиановне оказали самый теплый прием, окружили вниманием и уважением. В октябре того же года скончался отец Гнесиных, и семья Унковских очень помогла сильно нуждавшимся Гнесиным – видимо, эта помощь была весьма значимой в столь тяжелый момент. Сложное материальное положение стало причиной начала рекордной по протяженности педагогической деятельности Елены Фабиановны – в гимназии Арсеньевых.

Надо заметить, что юная Елена Гнесина довольно долго отличалась озорным нравом, наверное, связанным и с ее огромным темпераментом и энергией, столь блистательно способствовавших всей ее деятельности¹². Любовь к проделкам, вероятно, была и формой проявления того чувства юмора, которым всю жизнь отличалась Гнесина и который воплощался в постоянных юмористических «предприятиях», неизменно проходивших в доме Гнесиных – шарады, всевозможные игры, вышеупомянутые развлечения кружка и т. п. Естественна поэтому реакция Н. С. Зверева на просьбу о рекомендации ее в качестве педагога в гимназию. Он назвал ее «вертопрахом», но все же рекомендацию дал. При всех этих чертах, в характере молодой Елены Гнесиной было нечто и совсем иное, позволившие «дядиньке» выразиться о ней так: «самая угрюмая и необщительная из всех гнесинят». Относительно «необщительности» здесь, конечно, большое преувеличение (во всяком случае, в более поздний период это качество вряд ли ощущалось), но подобные проявления могли быть и выражением колоссальной внутренней воли Елены Фабиановны.

¹⁰ См. Воспоминания о Бузони на с. ?

¹¹ Письмо Ел. Ф. Гнесиной к В. Н. Такеночу – см. с. ?

¹² Любопытно в этой связи обратиться к описаниям консерваторской жизни в форме художественного вымысла – к повести А. М. Шепелевского, где прототипом персонажа Мельниковой является Елена Гнесина. См. : *Шепелевский А. М.* В музыкальной бурсе. Великий Новгород, 2004.

В год окончания консерватории произошло и крещение Елены Гнесиной в церкви Ржевской Богоматери на Поварской улице. По удивительному (судьбоносному?) совпадению почти напротив этой снесенной церкви Елене Фабиановне через полвека удастся и построить здание для своих учебных заведений, и прожить восемнадцать последних лет своей жизни.

В 1895 году произошло то событие, которое стало определяющим для всей дальнейшей жизни всех сестер Гнесиных – они открыли «Музыкальное училище Е. и М. Гнесиных» в домике в Гагаринском переулке, принадлежавшем В. К. фон Шлиппе – известному политическому деятелю, крупному экономисту, семья которого долгое время сохраняла дружеские связи с Гнесиными. Сестры переехали в этот домик (неизвестно, предоставил ли его дружески расположенный хозяин бесплатно или за какую-то доступную плату) и приобрели рояль, покупку которого оплатил известный меценат, богатый московский фабрикант из старого купеческого рода Александр Павлович Каверин. Будучи другом Т. В. Фигуровской, он оказывал поистине родственное внимание семье Гнесиных, позже стал крестным Елизаветы Гнесиной. Его дети тоже дружили с Гнесиными, а внуки обучались в их школе.

Сохранилась резолюция и. о. оберполицмейстера Москвы, начертанная на эскизе вывески училища: «Повесить оную разрешаю с тем, чтобы крепко и плотно была прибита к стене и не мешала проходящим». Сохранилась и сама вывеска с медным покрытием. Елена Фабиановна рассказывала о том, как она (самая смелая!) отправилась за этим разрешением. С этих пор она и стала главой учебных заведений (эту миссию ей придется выполнять более семи десятилетий!), взяв – навсегда – на себя все многотрудные организационные дела. Официально школа была зарегистрирована как частная собственность двух владельцев – Елены Фабиановны и Марии Фабиановны¹³. При этом, конечно, сестры Евгения и Елена в равной мере определяли деятельность школы. Мария, как младшая из них, занималась преимущественно с малышами, что удавалось ей очень хорошо. Мария Фабиановна отличалась мягкостью, обаянием, а также большим терпением (по сравнению с темпераментными Еленой и Ольгой она, по выражению последней, была «хладнокровной»). Четыре года спустя, в 1899 году, принимается устав школы, а затем и программа. В своих принципах эта программа основывается на программе консерватории (речь идет о фортепианных классах, которые только и существовали тогда). Еще одним унаследованным принципом было введение обязательного хорового класса (его роль стала особо значительной в консерватории при Сафонове), который вела в течение тридцати лет Елена Фабиановна¹⁴. При этом она всегда имела огромный фортепианный класс: в иные годы количество учеников доходило до тридцати шести! Теперь вся жизнь ее была связана с занятиями, с заботами об обеспечении и развитии учебного заведения... Навсегда дом, где жила семья Гнесиных, стал и домом, где работала школа – это неотъемлемая черта Гнесинских учебных заведений...

Не подлежит никакому сомнению исключительное рвение, которое в своих занятиях проявляли сестры Гнесины (в описываемый период Елизавета Гнесина училась в консерватории, а Ольга была ученицей своей суровой сестры Елены, ни разу ее не похвалившей за все время обучения). Относились к ученикам очень внимательно (среди первых близких учениц Елены Фабиановны – Софья Клумова, поступившая в Лейпцигскую консерваторию, Мария Ренквист, получившая диплом номер один училища). В мае обычно занятия заканчивались. Прием новых учеников проводился в сентябре. А летом все обязательно выезжали на дачи, куда приглашались заниматься многие ученицы. В девяностые

¹³ Сейчас трудно объяснить именно такое оформление владения.

¹⁴ Примерно с 1899 года в училище существовал женский, а затем и смешанный хор. Некоторые программы хора указаны в приложении (концертный репертуар Ел. Ф. Гнесиной).

годы, например, снимали дачу под Вереей, приглашали гостей, ездили и сами в гости к друзьям.

Среди близких друзей Гнесиных к концу девяностых годов – семья Савиных, очень многочисленная (тоже девять братьев и сестер), талантливый ученик Сафонова композитор Дмитрий Корнилов, очень любимый всеми сестрами: в 1899 году он женился на самой близкой консерваторской подруге Елизаветы Фабиановны Марии Владимирской¹⁵. Это и Р. Глиэр, бравший фортепианные уроки у Елены Гнесиной (и затем всегда благодаривший за это «Аленушку», как ее называли чаще всего друзья). Вскоре он присоединился к «делу Гнесиных», став педагогом их училища.

При все нарастающих заботах о школе быстро развивается и концертная деятельность Елены Фабиановны – талантливой пианистки, любившей выступать, обладавшей прекрасной памятью, с увлечением разучивавшей новый репертуар. Больше всего было благотворительных концертов: благотворительность и просветительство – главные устремления всего того круга людей, с которым постоянно общались Гнесины. Она выступает как концертмейстер известных певцов – Хохлова, Клементьева, А. Книппер; в ансамбле и как солистка¹⁶. В этих благотворительных программах участвовали и выдающиеся драматические актеры – И. Москвин, Е. Турчанинова (с ней у Гнесиных сложились долговременные дружеские отношения). Особенно плодотворным было сотрудничество с П. А. Хохловым¹⁷. Позже Елена Фабиановна регулярно выступала и с Л. В. Собиновым. Сохранился его записки к ней, где он сообщает свою занятость в Большом театре для назначения возможных дат концертов. В 1896–97 годах Елена Гнесина гастролирует в ряде городов: известно о ее выступлениях в Смоленске (рецензия опубликована в газете «Русские ведомости») и Воронеже. О концерте 1898 года в «Русских ведомостях» появляется рецензия, видимо, С. Н. Кругликова – одного из крупнейших критиков. Рецензия всецело благожелательная, хотя большую ее часть занимает разбор самой музыки «Детских сцен» Шумана¹⁸.

В полной мере сбывалось пророчество Н. Д. Кашкина (о чем рассказывала Елена Фабиановна спустя много десятилетий¹⁹): в школе через пять лет после открытия занималось более шестидесяти учеников и работало уже пять педагогов. В домике на Гагаринском было не более пяти комнат. Евгения Фабиановна, видимо, сняла еще квартиру на Собачьей площадке (в Дурновском переулке), которой сестры пользовались еще несколько лет. В поисках нового дома, достаточно большого для школы и проживания семьи, сестры, по их рассказам, обратили внимание на домик с мезонином на Собачьей площадке, украшенный пятью барельефами в виде женских головок. Тогда они решили, что именно здесь они – пять сестер – и должны поселиться. Возможно, эту легенду придумали уже позже. Но дом номер пять, принадлежавший Полетаевой, был снят Еленой Фабиановной, и отныне Гнесинский Дом станет связываться с замечательным, во многих смыслах легендарным уголком старой Москвы. Договор об аренде дома заключался каждый год, вплоть до 1918-го, когда хозяйка уже перестала им владеть. Сколько судеб гнесинцев, творческих свершений, сколько воспоминаний ассоциировалось именно с этим уголком Москвы на протяжении более шестидесяти лет – до того как Собачья площадка была уничтожена. Поселившись в новом, достаточно большом доме, по соседству с памятными

¹⁵ См.: «Как хороши, как свежи были розы...» По материалам фонда Д. Г. Корнилова. Публикация Е. Кривцовой // Альманах. Вып. 3 / Труды Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки. М., 2007. С. 242-282. (О Д. Корнилове и его взаимоотношениях с М. Владимирской и Елизаветой Гнесиной.) В ГЦЦМК им. Глинки хранится обширная переписка сестер Гнесиных с Корниловым.

¹⁶ См. список концертного репертуара Ел. Ф. Гнесиной на с.????.

¹⁷ См. воспоминания Ел. Ф. Гнесиной о П. А. Хохлове на с.????

¹⁸ Хранится в ММКЕЛФГ, X-83.

¹⁹ См. беседу Ел. Ф. Гнесиной с П. В. Лобановым на с????.

местами, связанными с пребыванием знаменитых людей прошлого, Гнесины могли видеть и живых представителей этого легендарного прошлого. Там жила Софья Григорьевна Рубинштейн, сестра двух великих братьев. С ней подружилось Гнесины и от нее получили в дар реликвии, связанные с Рубинштейнами, слышали из ее уст интересные воспоминания.

В следующем году после переезда произошло особенно много важных событий в жизни семьи Гнесиных. Вышли замуж две сестры. Евгения Фабиановна вышла замуж за Александра Николаевича Савина. С этих пор он также стал обитателем дома Гнесиных, членом их большой семьи. В связи с его работой Евгения Фабиановна стала много времени проводить за границей вместе с ним – обычно в летний период. Брак Елизаветы Фабиановны, в тот год окончившей консерваторию, не оказался в итоге счастливым (примерно через шесть лет она разошлась со своим первым мужем, Александром Вивьеном – талантливым скрипачом, чье имя занесено на почетную мраморную доску выпускников Московской консерватории). В первом выпуске Училища Е. и М. Гнесиных диплом номер один был вручен Марии Ренквист (в скором времени ставшей М. Глиэр), а диплом номер два – Ольге Гнесиной. На выпуске, кроме Гнесиных, присутствовали Гольденвейзер, Шор и Глиэр. Очень важным событием было и поступление Михаила Гнесина в Петербургскую консерваторию – ведь за год до того его не приняли в Московскую, что нанесло ему большую душевную травму. Елену Фабиановну заботило все, что касалось жизненных обстоятельств брата, находившегося долгие годы вдали от нее. Горячо веря в его композиторское дарование, она всегда интересовалась его работой, стремилась приложить максимальные усилия для исполнения и публикации его сочинений. По ее предложению Михаил постоянно высылал ей корректуры своих произведений для того, чтобы готовить их к печати в издательстве Юргенсона, находившемся в Москве.

Вскоре Ростов покинул и самый младший брат – Григорий, но его авантюрный нрав и страсть к путешествиям доставляли много волнений и неприятностей старшим членам семьи. («Как это в таком благовоспитанном семействе – такой авантюрист!») – сказала о нем впоследствии Зинаида Райх.) Через несколько лет «мамаша», оставшаяся в Ростове уже одна, переехала к дочерям в Москву.

Замечательные встречи происходили у Елены Фабиановны также в 1901 году – она впервые гостила в Полотняном Заводе, имении Гончаровых. Отдых там летом был очень привлекательным: пребывание в роскошном дворце, многочисленные спектакли и концерты, прогулки пешком и катания на лодках, встречи сразу со многими представителями артистической среды... До гибели Д. Д. Гончарова в 1908 году каждое лето Елена Фабиановна старалась попасть туда (возможно, не каждый раз это удавалось).

Замужество Евгении Фабиановны принесло в дом Гнесиных много радости. Но одновременно оно оказалось – волею судьбы – и окончанием всех надежд Елены Фабиановны на собственную семейную жизнь. Несмотря на то, что ее чувства к брату А. Н. Савина – Витту Николаевичу²⁰ – были, вероятно, взаимны, бытовавшие тогда традиции делали подобный брак сводных родственников и затруднительным, и сложным в отношении признания в семье. Всегда столь любившая детей, она всю свою нежность и материнскую привязанность отдает сыну Елизаветы Фабиановны Шурику, своему крестнику. Безусловно, он становится главной отрадой ее жизни.

А школа Гнесиных расширялась и крепла. В связи с этим материальные возможности семьи улучшились. Каждое лето снимали дачи – и не одну (семья была уже очень большой). В начале девяностых годов Гнесины неоднократно жили в Поливанове. Там

²⁰ Тесная дружба с В. Н. Савиным и его семьей сохранялась всегда: незадолго до смерти он писал Ел. Ф. Гнесиной: «...Ведь ваша семья и ты в особенности, по сути, самые близкие мне люди».

сделано много очень милых, идиллических фотоснимков. Появилась и возможность отдыха на море – сестры регулярно ездили в Финляндию, и особенно любили Крым (Елизавета и Ольга ездили туда многие годы). Наконец, в 1905 году состоялось единственное в жизни (!) путешествие Елены Фабиановны за границу. Разумеется, это было для нее большим и радостным событием. А в письме Евгении Фабиановны к сестре Елизавете проскальзывает и грустная нотка: «Бедная Леня, хоть одна мечта в ее жизни исполнится!»

После путешествия концертная деятельность Елены Фабиановны становится еще интенсивнее. Она часто выступает в различных кружках, является членом многих обществ – в том числе «Музыкально-теоретическая библиотека», «Общество свободной эстетики», – активно участвует в работе Народной консерватории. Кульминацией этой деятельности был благотворительный концерт, который она сама организовала в Малом зале консерватории. В дальнейшем важной миссией своих выступлений она считала пропаганду сочинений брата. В этой связи назовем памятный концерт, где она играла в ансамбле с П. Казальсом²¹. В сезоне 1910/11 годов дала о себе знать болезнь пальцев, осложнявшая и в последующие годы пианистическую деятельность Елены Фабиановны.

Наконец, и концерты училища завоевывают все большее признание: всех восхищает детский хор, созданный Евгенией Фабиановной впервые в московских учебных заведениях; в концертах выступает талантливый пианист – юный ученик Коля Орлов... Не позднее, чем с 1904 года, становится традицией устраивать торжественный концерт с детским праздником и вечером для взрослых (в дальнейшем – и всех бывших выпускников) 2 февраля (с 1918 года эта дата отмечалась 15 февраля), в Сретенье – в день появления первой ученицы в училище в 1895 году. А в 1905 году отмечается первый юбилей – десятилетие училища. Появляется солидный очерк в журнале, поздравляют друзья, ученики, родители (в том числе семья Эренбургов, чьи дочери – сестры будущего писателя – учились в школе). Среди поздравивших добрых знакомых – Леонид и Розалия Пастернаки, дружба с которыми завязалась, возможно, через Ангеля и его жену.

В событиях 1905 года в Петербурге горячее участие принимают Михаил и Григорий Гнесины²². Григория арестовывают, что ломает его планы получить вокальное образование – он только что вернулся из Италии (позже впечатления об этой поездке будут положены в основу его замечательной книги «Воспоминания бродячего певца»)²³. В 1908 году его вновь арестовывают. На этот раз последствия были очень серьезными: ему пришлось пережить мучительное время в тюрьме, затем недолгую ссылку, которую после усиленных хлопот Михаила Фабиановича, с помощью А. И. Зилоти, удалось заменить на высылку за границу. Попав вновь в свою любимую Италию, какое-то время он наслаждается пребыванием там, берет уроки пения. Но по возвращении снова возникают сложности – долгая борьба за освобождение от военной службы.

С 1908 года с сестрами Гнесиными постоянно общается Генрих Витачек – скрипичный мастер. Он приезжает в Финляндию, где они отдыхают; больше всего внимания он уделяет Марии Фабиановне. Однако через некоторое время возникает серьезный роман между ним и Елизаветой Фабиановной, а вскоре состоялась их свадьба.

Интереснейшие концертные выступления, возрастающий успех школьных концертов (они привлекают внимание многих выдающихся музыкантов, вызывают самые положительные отклики крупнейших критиков), участие в кружках, интенсивная подготовка концертов из произведений Михаила Гнесина на «Музыкальных выставках» и общение с замечательными музыкантами – Бихтером, Неждановой, Зилоти, Штейнбергом, Олениной

²¹ См об этом в Беседе Ел. Ф. Гнесиной с П. В. Лобановым.

²² См.: Дроздов Ан. 1905 год в Петербургской консерватории // Гнесин М. Мысли и воспоминания о Римском-Корсакове. М., 1956. С. 310–330.

²³ Гнесин Г. Воспоминания бродячего певца. Очерки Италии. М.: «Россияне» (книга в журнале), 1997.

д'Альгейм, с главой крупнейшей издательской фирмы Б. П. Юргенсоном и его семьей... Все это – активная, богатая впечатлениями, насыщенная работой жизнь.

И вдруг – страшный удар судьбы. За два дня любимый ребенок – Шурик – умирает от дифтерита. Вся семья потрясена этим. Шурик проявлял замечательные музыкальные способности, сочинял – музыку и литературные вещицы, которыми гордилась Елена Фабиановна, уже второй год учился в ее классе в школе... Для нее это горе было, вероятно, еще страшнее, чем для всех остальных (у Елизаветы Фабиановны к тому времени уже был полуторагодовалый младший сын – Фабик, это вынуждало ее все внимание переключить на малыша). Только из письма к М. И. Чайковскому, написанному уже спустя почти два года, можно представить себе, какую страшную трагедию, скрытую от всех, перед кем она представляла как деятельный педагог, пришлось пережить Елене Фабиановне²⁴. Она не только посидела чуть ли не в один день (а ей не было еще сорока лет). Из-за психологического шока она не могла появляться на публичных мероприятиях и даже прикасаться к клавишам рояля... Конечно, благодаря силе воли Елена Фабиановна постепенно справляется с потрясением. С января 1912 года она с трудом, но начинает ходить на концерты, летом, отдыхая в Эстонии, даже учится кататься на велосипеде, а поехав в Крым – начинает понемногу заниматься. Но рана эта, конечно, не заживает до самого конца ее жизни. «Это ведь был не мальчик, а ангел, и он не мог быть долго на земле», – написал Григорий Фабианович после смерти Шурика. «Светлой памяти Шурика Вивьена» посвятил свою первую детскую оперу – «Елочкин сон» – А. Т. Гречанинов, ее премьера вскоре прошла в Училище Гнесиных силами учащихся.

Впоследствии не менее любимым племянником, оправдавшим все ее надежды, стал музыкально одаренный Фабик Витачек. С особым трепетом и страхом она относилась к нему. «Только бы нам уберечь это сокровище», – писала она в одном письме.

Удары, однако, продолжают обрушиваться: один за другим уходят из жизни двое самых талантливых и любимых учеников Елены Фабиановны. Один из них – Дмитрий Зернов – был своим человеком в их доме, здесь он фактически вырос, проучившись девять лет. Талантливый композитор (после смерти Зернова друзья издали его сочинения в двух томах, отражающие эволюцию «скрябиниста»), пианист, он был и любимым другом, и единомышленником – участником многих начинаний Гнесиных. Особенно тесные дружеские отношения (вероятно, из-за близости по возрасту) установились у него с Ольгой Фабиановной. В двадцать три года он заболел тяжелой формой туберкулеза и вынужден был уехать в Давос, в Швейцарию, где три года провел на лечении, которое, однако, не спасло его (Гнесины очень дорожили его письмами из Давоса). В один год с ним с оценкой «пять с плюсом» (впервые поставленной двум ученицам) закончила училище шестнадцатилетняя Оля Корзлинская (она долгое время оставалась самой юной из выпускников училища). Елена Фабиановна устроила ее в класс самого Годовского, и она училась в Вене²⁵. Но судьба оказалась безжалостна – Ольга Пляттен (ее фамилия по мужу) умерла от родов – ей, видимо, не было и двадцати двух...

К счастью, иное потрясение – но уже радостное – Елене Фабиановне удалось испытать осенью 1912 года, когда в Москву приехал на гастроли Бизони. Их встреча совершенно «выбила ее из колеи» (по ее собственным словам). Об этом она эмоционально рассказывала и в письмах, и в воспоминаниях, написанных через много лет²⁶. Возможно, такое сильное впечатление (и вынужденное полное переключение) пошло на пользу Елене Фабиановне.

²⁴ См. письмо к М. И. Чайковскому, а также письмо к С. И. Танееву на с. ???

²⁵ См. письмо Ел. Ф. Гнесиной к Р. М. Глиэру на с.????

²⁶ См. воспоминания о Бизони, а также письма к М. Ф. Гнесину от 1912 года на с.????.

С 1913 года каждое лето Гнесины выезжали в Демьяново под Клином, где жили в усадьбе В. И. Танеева. Там они постоянно общались с М. И. Чайковским в Доме-музее в Клину.

Вскоре в России наступила пора бурных исторических перемен, повлиявшая на жизнь каждого. Первая мировая война принесла много тревог. Евгения Фабиановна и А. Н. Савин оказались в это время во Франции и с трудом, через Норвегию, добрались в Россию. Генрих Витачек, как и многие знакомые, был призван в армию. Семья волновалась и из-за возможного призыва Михаила Фабиановича. Ожидали и вероятного оттока учащихся, но этого, к счастью, не произошло. Развернулись новые благотворительные акции в пользу пострадавших, и в них активное участие принимали как сами Гнесины, так и их училище. С фронта, после контузии пришел сосед по Собачьей площадке Петр Кудряшов – он потерял речь и до конца жизни работал швейцаром в школе Гнесиных. Его сестра (оба они были детьми местного дворника) Лиза – Елизавета Тимофеевна – осиротев, совсем маленькой была взята Ольгой Фабиановной в дом Гнесиных. Здесь она и выросла, здесь осталась навсегда. Приемная мать не только воспитала Лизу, но и дала ей музыкальное образование: первой дипломницей училища у Ольги Фабиановны была именно она (до того старшие сестры, очень взыскательно относившиеся к младшей, даже уже находящейся в солидном возрасте, не решались доверять ей старших учеников). Потом Елизавета Тимофеевна долго работала в школе-семилетке, хотя и не была особенно хорошим профессионалом. Будучи членом семьи, она всячески помогала по хозяйству, но, поскольку была человеком другого склада, чем Гнесины, порой вносила и осложнения в семейную жизнь. Ольга Фабиановна относилась к своей приемной дочери как любящая мать, в отличие от Елены Фабиановны и других сестер.

В 1916 году еще одну трагедию пережила именно младшая сестра – Ольга Гнесина. Человек, имени которого мы не знаем, уже имевший ранее семью и испытавший немало разочарований, полюбил Ольгу Фабиановну. Видимо, эти чувства стали взаимными. На протяжении года им было написано шестнадцать нежных и выразительных писем к ней. И вдруг – он внезапно умирает.

События в России развивались, однако, все более стремительно и драматично. Февральскую революцию Елена Фабиановна встретила восторженно. Сохранилась газета с сообщением о революции, где красными большими буквами ее почерком написано «Ура!». Она разделяет энтузиазм многих представителей московской интеллигенции, стремится участвовать в общественных организациях, мечтает, чтобы Михаил Гнесин написал новый гимн... Но вскоре наступают голодные дни, ликование быстро сменяется тревогой. «Очень я на них зла», – пишет о большевиках Елена Фабиановна за одиннадцать дней до Октябрьской революции; позже говорит об «ужасах, которые пережили мы здесь». Страшный, но благополучно завершившийся инцидент произошел во время уличных боев в 1917 году: пуля большого калибра пробилла окно кабинета в доме, где находились А. Н. Савин и Евгения Фабиановна, и, пройдя между их головами, никого не задела. Пулю сохранили как реликвию. Происшествие оказалось символичным: во всей последующей истории Дома Гнесиных события, порой принимая опаснейший оборот, все же заканчивались спасительным исходом.

А тяжелые потери становились все более частыми. В последнее лето, проведенное в Демьянове, во время купания получила травму Мария Фабиановна, наткнувшись в воде на какой-то предмет. Это дало толчок к заболеванию, которое к концу 1917 года уже было признано неизлечимым. Незадолго до этого она – обаятельная, общительная, имевшая много друзей – ответила согласием на предложение выйти замуж. Ей было уже за сорок, и, казалось, вот-вот произойдет счастливый поворот в личной судьбе. Но все обернулось совсем иначе: пролежав целых десять месяцев, она скончалась. В годы Гражданской вой-

ны количество потерь катастрофично: еще в 1917 году трагически погиб замечательный певец, особенно любимый и ценимый в семье Гнесиных – Иван Алчевский (его фотография всю жизнь стояла на письменном столе Елены Фабиановны); затем умер его брат, с которым также были дружны Гнесины. Утонул учившийся у Марии Фабиановны сын Скрябина Юлиан – после этого смертельно заболела вдова Скрябина Т. Ф. Шлёцер. О многих бедах пишет Елена Фабиановна и в письмах к брату Михаилу, жившему в эти годы в Ростове (в гости к нему в апреле 1916 года она ездила в родной город, очевидно, в последний раз) и развернувший там беспрецедентную по масштабам музыкально-просветительскую деятельность, а также и в письме к С. В. Рахманинову, чья продуктовая посылка, присланная из Америки в 1921 году на Рождество, в полном смысле слова явилась «манной небесной»²⁷.

События раскидали всех братьев Гнесиных далеко от сестер: старший брат Александр с семьей уехал на лесозаготовки в Саратовскую губернию, Владимир эмигрировал, младший – Григорий – работал в Мурманске и Петрозаводске и изрядно бедствовал. К могилам Шурика Вивьена и Марии Фабиановны на Ваганьковском кладбище прибавилась и могила «второй матери» Гнесиных – Т. В. Фигуровской. Основные хозяйственные заботы все больше ложились на плечи Ольги Фабиановны, а позднее – и Елизаветы Кудряшовой (впрочем, без «наемных» помощниц по хозяйству в семье никогда не обходились).

Тем временем, в самый тяжелый и опасный период деятельность Елены Фабиановны беспрецедентно интенсивна и масштабна, что позволяет ей сказать, что «школа процветает обратно пропорционально нам» (в том же письме к Рахманинову). Когда вопрос о существовании стоял особенно остро (наступила эпоха «военного коммунизма»), состоялась встреча с Луначарским²⁸, после чего и он всячески способствует выживанию Училища Гнесиных. И сестры Гнесины (прежде всего Евгения и Елена) активно включаются в музыкально-общественную деятельность нового государства. Работа эта действительно очень велика. Приходится вступать в контакты с разными людьми, в том числе и с крупными деятелями искусства, занимавшимися организационно-управленческой работой. Так, среди множества различных документов Елены Фабиановны этого времени (тревожного и отнюдь не мирного) есть подписанные А. Лурье, В. Брюсовым... С некоторыми чиновниками от искусства – например Б. Л. Яворским (ранее интересные творческие связи установились у него с Евгенией Фабиановной) и А. С. Лурье – отношения не складывались, и их деятельность не вызвала у нее одобрения. Именно в это время Елена Фабиановна освоила новое для себя занятие – «пробивание» в инстанциях и сражение за интересы своих учебных заведений. В дальнейшем ей всегда приходилось заниматься этим, и она приобрела замечательное умение «нажимать» и добиваться от различных начальников необходимого. Некоторые руководители, помимо Луначарского, также оказывали всяческую поддержку – хорошие взаимоотношения (как и у большинства музыкантов) сложились с Б. Б. Красиным, а также И. Г. Званским²⁹.

Главной своей целью Елена Фабиановна видела сохранение и развитие учебных заведений, а также помощь всем, кто в них работал и учился. Эта благородная цель придавала ей силы, воспитывала невероятную стойкость.

По инициативе Елены Фабиановны все имущество училища было передано для национализации. Насильственной экспроприации удалось избежать (судя по неоднократным вмешательствам Луначарского, такие угрозы возникали регулярно). Дом на Собачьей площадке остается в распоряжении Гнесиных, но там продолжают жить разные жильцы (помимо классов и жилых комнат Гнесиных). Из школы, где учились многие представите-

²⁷ См. письмо к С. В. Рахманинову на с.

²⁸ См. воспоминания о Луначарском на с.

²⁹ См. воспоминания о Званском («Вспоминая прошлое») на с.

ли семей московской интеллигенции (в том числе дети музыкантов и артистов), учебные заведения превращаются в место профессионального обучения, куда стремятся попасть из разных городов страны (в 1921 году, к примеру, сюда поступает приехавший из Тифлиса А. Хачатурян).

Елена Фабиановна как будто обретала все новые силы по мере накопления трудностей. Приходилось нести колоссальную нагрузку в борьбе за выживание (проблема номер один – дрова!), занимаясь общественной работой и подработками (государство ничего не платило, а в это время и вплоть до утверждения «нэпа» шла гиперинфляция). При этом – у Елены Фабиановны по-прежнему большой класс, в котором именно в эти годы занимают замечательные ученики.

Левушка Оборин – самый лучший ученик за всю ее долгую педагогическую работу. В эти сложные годы его успехи, детские сочинения и письма приносят Елене Фабиановне большую радость. Одновременно с ним учился и другой огромный талант – Алеша Чичкин³⁰ (трагическая судьба помешала ему реализоваться в полной мере).

Школьные концерты, в том числе благотворительные, просветительские (в свете установок нового режима – для красноармейцев и рабочих и т. д.), – все это идет полным ходом; в 1920 году устраиваются и большой «капустник» в МУЗО³¹, и веселое празднование 15 февраля – 25-й годовщины училища.

Елена Фабиановна одновременно занимается и композиторской деятельностью: в 1917 году уже написан сборник «Маленькие этюды», позже ее сочинения начинают издаваться (надо сказать, что она никогда не скрывала критического отношения к собственным сочинениям).

Однако число потерь росло. «Иных уж нет, а те далече», – в полной мере эти слова можно отнести к ситуации того времени. Многие уезжали – это и друзья, и соратники (после Рахманинова – Гречанинов, Шор, Энгели, Сабанеев), и любимые ученики-гнесинцы – Орлов, Чичкин (позже вернувшийся), Постельников и мн. др. Безвременно ушли из жизни талантливые композиторы – воспитанник школы А. Юрасовский, преподаватель В. Алексеев, а одна из самых молодых педагогов, прекрасная пианистка и дочь соученика Гнесиных А. Старикова покончила с собой...

В Англии от испанки умер А. Н. Савин, не дожив и до пятидесяти лет. Евгения Фабиановна так и не смогла ни поехать на его похороны, ни увидеть его могилу. В его кабинете в доме Гнесиных находились ценная и большая библиотека, рукописный архив. Все это было передано в Румянцевский музей, где (уже в Библиотеке им. Ленина) долго хранилось в мемориальном виде, а в благодарность музей избрал Евгению Фабиановну своим почетным членом. Поддерживали ее в горе многие друзья, ученики Савина, всегда глубоко чтившие память своего учителя, несмотря на объявление его «буржуазным ученым». Вячеслав Иванов, знакомый и Савиных (через Скрябина), и Михаила Гнесина, написал свой отзыв о стихах А. Н. Савина.

Радостью в это время стал переезд Михаила Фабиановича с семьей в дом Гнесиных. Он сильно колебался – остаться ли в Берлине, где он находился два года, отправиться ли в интересовавшую его Палестину, и все же решился переехать в Москву. Елена Фа-

³⁰ Об А. А. Чичкине см.: Воспоминания об А. А. Чичкине; Меркулов А. М. Штрихи к портрету А. А. Чичкина // Профессора исполнительских классов Московской консерватории. Вып. 2. М., 1998 (2002). С. 69–120. (Научные труды Московской гос. консерватории им. П. И. Чайковского. № 39).

³¹ См. об этом воспоминания Ел. Ф. Гнесиной, а также: Сац Н. Молодость в девяносто два // Новеллы моей жизни. Кн. 2. М., 1984. Перепечатано: Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. М., 2003. С. 277–282.

биановна всячески стремилась склонить брата к этому решению и очень была рада тому, что спустя двадцать восемь лет и он примкнул к делу жизни сестер: с приездом Михаила Фабиановича открылся творческий отдел в техникуме.

Успехи учебного заведения и вправду были «обратно пропорциональны» общему уровню жизни. Но – благодаря тому же «нэпу» – постепенно, к середине 20-х годов, условия жизни становились более приемлемыми, а творческая жизнь в техникуме была ключом. Ставились детские оперы – настоящие спектакли под руководством Евгении Фабиановны. Каждую пятницу проходили концерты, известные артисты – все самые лучшие, включая иностранных гастролеров, – охотно соглашались играть для учащихся и педагогов. А по четвергам у Михаила Фабиановича собирался уже совсем другой домашний кружок – композиторы показывали новые произведения, шло их обсуждение. Подлинным продолжением «кружковских» традиций в доме Гнесиных стало начинание уже нового поколения – учащихся техникума, так называемый «шарком» (шарадный комитет)³². Выступления «шаркомиков» вызывали колоссальный энтузиазм, и неудивительно, что «старшие» хотели примкнуть к вполне семейному делу «детей»: так, Е. А. Бекман-Щербина с удовольствием участвовала в вечерах, где активную роль играли ее две дочери, а Елена Фабиановна также написала заявление о приеме в члены «шаркома».

К тридцатилетнему юбилею в 1925 году техникум пришел «на гребне» заслуженных успехов. Учитывая, что в Москве в это время «как грибы» росли новые музыкальные учреждения (техникумов насчитывалось десять!), приходилось выдерживать непростую конкуренцию. И Гнесинский техникум ее выдерживал более чем успешно: учащихся было триста, а в «школе первой ступени» – двести (больше было тогда только в двух московских техникумах). Юбилей праздновался и очень торжественно, и очень тепло. Это касалось и множества приветствий, и степени освещения в прессе (весьма хвалебные заметки); была выпущена юбилейная брошюра с ценными статьями (хоть выпуск ее и стоил многих волнений). Были присвоены почетные звания Евгении и Елене Гнесиным, а главное – учебное заведение стало носить имя Гнесиных (теперь уже узаконенное государством). Впервые состоялся банкет, где развернутую речь – хвалебную и одновременно шутивную – произнес Сабанеев.

Все отмечали и талант совсем юного Фабия Витачека, говорили даже о его гениальности: и Елена Фабиановна, и вся семья с огромной радостью следили за все возрастающими успехами единственного музыканта в новом поколении семьи. В 1929 году он участвовал в широко разрекламированном концерте «юных дарований», устраиваемом филармонией; тогда же он поступил в консерваторию, которую окончил за два (!) года.

В значительно расширившемся составе педагогов, наряду с опорой на старых друзей – Глиэра, Бекман-Щербину, Корнилову, а также еще молодых В. Э. Фермана и Е. Ф. Колобову, можно было положиться и на своих воспитанников – целую плеяду учеников Евгении Фабиановны (наиболее близкими были С. Апфельбаум, В. Стрельбицкая, В. Шор – племянник Д. С. Шора, В. Грановский, а позже – М. Гурвич и В. Шубина), а также собственных учеников Елены Фабиановны – Е. Одолеву, О. Семенцову и совсем молодых Е. Давыдову и К. Виноградова, которым еще до окончания обучения было предложено вести сольфеджио и хор. Вскоре Елена Фабиановна отказалась от руководства хором, чему посвятила столько лет. Почти прекратились ее выступления в концертах. Колоссальная работа главы огромной «семьи» гнесинцев требовала того, чтобы она оставила педагогическую нагрузку только в своем фортепианном классе и вела курс методики обучения на

³² Его наиболее активными членами были: К. Виноградов, С. Скробков, В. и О. Бекман, Е. и Т. Давыдовы, Ю. и Б. Сухаревские, А. Хачатурян, Ю. Муромцев, Т. Кишкина. О «шаркоме» см. в книгах: Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. М., 2003; Жизнь пианистки (к 125-летию со дня рождения Е. А. Бекман-Щербины). М., 2006.

фортепиано (первоначально это был кружок для старшекурсников). В ее классе в это время продолжали учиться многие замечательные таланты³³.

Расцвет Дома Гнесиных в конце 20-х годов стали искусственно нарушать враждебно настроенные, агрессивные силы, действующие с политическими лозунгами (что было впоследствии многократно использовано в истории нашей страны). Как известно, РАПМ приобретал все большую силу в различных музыкальных организациях, включая и консерватории, и Музыкальный отдел Наркомпроса. В 1929 году ректором Московской консерватории стал Б. С. Пшибышевский – рьяный «рапмовец», а в 1932 году, руководимую «Главнаукой» под началом старого большевика Ф. Кона, консерваторию переименовывают в «Высшую музыкальную школу им. Ф. Кона». Большинство музыкальных печатных органов принадлежат сторонникам РАПМ; известные музыканты, профессора «пасуют» под их натиском. Тем временем Михаил Фабианович Гнесин с 1925 года возглавляет в консерватории «Педфак» (педагогический факультет)³⁴. Ведя активную деятельность и как профессор, и как композитор, и как организатор и исследователь, он пользуется большим авторитетом. Однако у Педфака есть противники в консерватории, а М. Ф. Гнесин – один из немногих, кто не идет ни на какие соглашения с РАПМом, а открыто и бескомпромиссно выступает с совершенно противоположными мнениями. К 1929 году он становится в полном смысле «главной мишенью» РАПМа – ни один из номеров журналов «Пролетарский музыкант» и «За пролетарскую музыку» не обходится без выступлений против Гнесина. Заметкой «Счастливая семейка» в журнале «Красное студенчество» начинается и травля Техникума имени Гнесиных. К тому же А. В. Луначарский с 1928 года уже не занимал поста наркома просвещения. Обвиняя в «семейственности» (!) и в том, что педагогами сплошь являются воспитанники техникума, даже еще не окончившие его, Гнесиных объявляют фактически «пособниками классовых врагов». Ситуация становится все более угрожающей, особенно с усилением позиций «рапмовцев» в консерватории и общими радикальными идеями об уничтожении «буржуазных» учебных заведений и реакционных педагогических кадров. Возмутительным фактом этой травли явилось демонстративное «заваливание» на приеме в консерваторию двух самых лучших учеников Елены Фабиановны, талантливейших пианистов Мильмана и Клумова. В 1931 году (к тому же после объявления «бойкота» музыке Рахманинова, чьи произведения неизменно исполнялись учениками в Гнесинском техникуме) Елена Фабиановна вынуждена отказаться от должности завуча. Но ее убежденность и отстаивание своих позиций «повлияли» на судьбоносный поворот: с ликвидацией РАПМа и выходом известного постановления от 23 апреля 1932 года³⁵ все вернулось на прежние позиции. Елене Фабиановне не только был возвращен директорский пост (временный директор Б. Д. Владимирский стал ее заместителем по техникуму, а должность завуча школы заняла многолетняя заведующая фортепианным отделом В. А. Стрельбицкая), но и предоставлено, по ее ходатайству, соседнее довольно большое здание – дом Хомякова, где раньше находился Музей быта 1840-х годов³⁶. Более того, Гнесиным выделили квартиру в Доме Правительства. Но они не воспользовались этим, оставшись в своем доме – общем Доме гнесинцев.

³³ Это М. Мильман, А. Клумов, Ю. Муромцев, Р. Жив, А. Николаев, Е. Акулов, С. Скробков и др.

³⁴ Педагогический факультет консерватории, деканом которого в 1925–35 годах был М. Ф. Гнесин, имел три отделения: музыковедов и композиторов (наиболее сильное), исполнителей и инструкторско-педагогическое (для работников культпросветучреждений). О позиции М. Ф. Гнесина и о его борьбе с РАПМом см.: *Власова Е.* Венера Миловская и принципы 1789 года // Муз. академия. 1993. № 2. С. 154–160; № 3. С. 178–185; *Рыжкин И. Я.* Мои встречи с Михаилом Фабиановичем Гнесиным // Гнесинский исторический сборник. М., 2004.

³⁵ См. письма-ходатайства Ел. Ф. Гнесиной 1930–31 годов на с.

³⁶ Дом философа А. С. Хомякова был важнейшим историческим памятником: помимо личности самого Хомякова, дом известен тем, что именно там собирались «славянофилы». После революции здесь был музей, закрытый в 1930 году.

Сильно переутомившаяся после всех перипетий драматической борьбы, Елена Фабиановна вынуждена обратить внимание на свое здоровье: она едет в Кисловодск, по ее словам, «подремонтировать сердце». Идет активный ремонт полученного здания, а вскоре появляется возможность расширения сферы занятий. В доме Хомякова есть настоящий зал, и здесь начинает постоянно работать оперный класс (готовые спектакли показывают в разных залах, например в Доме культуры МГУ). Ряд новшеств вызван диктатом времени, а Елена Фабиановна всегда открыта новым веяниям – и из чувства современности, а также из необходимости заботиться о выживании своего детища. Открывается радиоотделение; ведутся необходимые теперь общественные дисциплины, военное дело. Работают студенческий планерный кружок и, конечно, комсомольская и партийная ячейки. Каждый год соревнуются за звание «ударников», и она, как «лучшая ударница», избирается в райсовет. Принятая в «ряды сочувствующих», Елена Фабиановна, однако, не вступает в партию, в этом смысле оставаясь редким директором из «бывших кадров».

Сорокалетний юбилей училища в 1935 году отмечается очень торжественно: юбилейные концерты проходят и в Большом зале консерватории, и в Колонном зале Дома союзов, много концертов – и в меньших залах. Юбилейный комитет включает самых знаменитых деятелей искусства и высокое начальство. Приходят сотни поздравлений, адресов, телеграмм; нарком А. С. Бубнов перед юбилеем лично завозит букеты цветов с записками Елене и Евгению Гнесиным, не забыв поздравить последнюю с 65-летием, официально не отмечавшимся. Как и в другие юбилеи, ученики техникума (скоро он вновь станет училищем) и школы преподнесли свои трогательно оформленные сочинения, рисунки (среди них – и сборник, куда включены были произведения Б. Чайковского и А. Чугаева, вальс «Гнесины» маленьких Вероники и Славы Ростроповичей, учившихся у своего отца в школе)... В изданном юбилейном сборнике были опубликованы блестящие отзывы многих выдающихся деятелей искусства.

Празднование, успехи, присвоение целой группе педагогов званий – все это позволяет Гнесиным быстро добиться положительного решения вопроса о строительстве нового большого здания для учебных заведений. Уже в 1936 году архитектор А. В. Тишин выигрывает объявленный конкурс проектов (вскоре его проект будет представлен на Всемирной выставке в Париже), и с 1937 года Елена Фабиановна начинает свою гигантскую деятельность в качестве «строителя», продолжавшуюся до конца ее жизни. С этого времени ведется и постоянная переписка с начальством различного уровня, и Елена Фабиановна постепенно полностью овладевает нелегким искусством обращать чиновников (порой самого высокого ранга) в своих союзников. В связи с «пробиванием» строительства завязывается ее постоянное взаимодействие с Ворошиловым – человеком, в дальнейшем дружелюбно расположенным к Гнесиной и глубоко ее почитавшим.

А постоянных жителей на Собачьей площадке становится меньше. После смерти первой жены, в 1935 году Михаил Фабианович переезжает с сыном в Ленинград. По приглашению своего близкого друга М. О. Штейнберга, он начинает работать в консерватории. «Педфак» в Московской консерватории все же закрыли. После юбилея начинает болеть Евгения Фабиановна – это была уже смертельная болезнь, доставившая ей много мучений, хотя она и продолжала активно работать.

В 1937 году, на фоне трагических событий в стране, постоянно громко звучат сообщения о всевозможных трудовых подвигах, среди них – и о музыкальных победах. В числе известных педагогов-музыкантов Елена Фабиановна становится орденосцем. А в это время идут аресты; арестовывают ее талантливых учеников – А. Сафронеева (и он погибает в лагере), А. Чичкина (который вернется, но, конечно, судьба его будет сломана); погибает и один из лучших педагогов-пианистов в училище – А. С. Яппо. Двадцать шесть лет проводит в лагерях и ссылках бывший воспитанник училища С. Кайдан-Дешкин – Ел.

Ф. Гнесина старается поддержать и его³⁷. А в ноябре 1937 года арестован ее младший брат, талантливый актер, певец, писатель. Вскоре он будет расстрелян³⁸. Остается только оказать посильную денежную помощь его жене и дочери, а упоминать о Григории Фабиановиче не будут вплоть до его реабилитации в 1956 году.

В это же время Гнесину как «почетного представителя» старой интеллигенции приглашают на торжественные заседания и конкурсы, она получает возможность отдыхать в правительственной санатории. Восемь лет она является депутатом Моссовета. Это способствует тому, что, всегда охотно откликаясь на просьбы людей, она становится постоянным «ходатаем» по делам очень многих, обращающихся к ней за помощью.

Высокая квалификация педагогов (многих вузовского уровня), сильный состав студентов, успешно поступавших в консерваторию, а также субъективные причины – превращение консерватории в «комбинат» после создания ЦМШ и преимущество воспитанников этого комбината при дальнейшем поступлении в консерваторию – все это привело Гнесиных к мысли о создании своего вуза (на базе училища). 45-летие училища, хотя и отмечалось концертами и поздравлениями, но официально юбилей разрешен не был. Однако ходатайство о вузе было подано.

К сожалению, Евгении Фабиановны скоро не стало, и после сорока пяти лет постоянного совместного руководства со старшей сестрой, авторитет которой был в семье непререкаем, Елене Фабиановне пришлось остаться «единоличным» руководителем и старшей всей огромной семьи гнесинцев (при том, что Елизавета Фабиановна, никогда не стремившаяся выступать в роли руководителя, неизменно являлась мудрым советчиком во всех важных вопросах). На Новодевичьем кладбище появилась первая семейная могила³⁹. С этого времени Елена Фабиановна жила вдвоем с Ольгой Фабиановной (и после замужества последней).

Вначале ходатайства о создании нового вуза наталкивались на противодействие, и Елене Фабиановне решительно боролась за реализацию этой идеи. Предполагалось создать и школу-десятилетку (чтобы «комбинат» был полным): шагом к этому стала организация специальной группы для оканчивающих семилетнюю школу с прохождением общеобразовательных предметов.

Но все эти попытки, как и строительство нового здания, прервала война. Училище продолжало работать, детей эвакуировали в лагерь в Елатье. Потом работу школы пришлось остановить, многие педагоги уехали. Ольга Фабиановна с мужем и его приемной внучкой выехали в Свердловск – условия жизни там были более или менее сносными, по сравнению с теми, в которых находились другие члены семьи⁴⁰. Елизавета Фабиановна с сыном Фабием из Елатьи перебираются в Казань; Михаил Фабианович из блокадного

³⁷ См. о нем: *Гольденштейн М.* Автор пионерского гимна // Муз. жизнь. 1973. № 11. С. 22. Письма С. Ф. Кайдан-Дешкина к Ел. Ф. Гнесиной опубликованы: Елена Гнесина. Я чувствую себя обязанной... // Муз. академия. 1998. № 3–4. Кн. 1. С. 134.

³⁸ См. о Г. Ф. Гнесине: *Ахматова О.* Григорий Фабианович Гнесин (по сохранившимся архивным материалам) // Гнесинский исторический сборник. М., 2004.

³⁹ Первоначально могила Евг. Ф. Савиной-Гнесиной, а затем и могила Елиз. Ф. Гнесиной-Витачек находились на так называемой «аллее летчиков» (участок 3). После смерти Михаила Фабиановича Гнесина семейная могила была перенесена на участок 2 (так называемый «Вишневый сад»), где Союзом композиторов СССР и был установлен памятник Михаилу Фабиановичу. После смерти Ольги Фабиановны Елена Фабиановна на установленном ею памятнике сестрам пожелала указать имена всех четырех своих сестер, хотя Мария Фабиановна и похоронена на Ваганьковском кладбище, таким образом, ее имя указано символически. Памятник Елене Фабиановне был установлен рядом в 1977 году (автор проекта – скульптор Л. Кербель) на личные средства Е. М. Одаровской с последующей частичной компенсацией Союзом композиторов СССР.

⁴⁰ См. также материалы, опубликованные в книге: Гнесинский Дом. Военные годы. М., 2005.

Ленинграда успел выехать (вместе со второй женой Г. М. Ванькович и ее семьей) в Йошкар-Олу; затем он отправился в Ташкент, где находилась тогда Ленинградская консерватория. Условия жизни в Ташкенте были особенно тяжелыми; в октябре 1942 года его сын Фабий умер там от желтухи – последствия ленинградского истощения. Елену Фабиановну, оказавшуюся дома в одиночестве, конечно, опекали педагоги и ученики, оставшиеся в Москве. Преданно к ней относились секретарь учебной части школы А. А. Иванова, ее собственная ученица Г. Кашеева, порой, правда, излишне назойливая в своей помощи, и многие другие.

Вскоре после вынужденного отъезда Елены Фабиановны в Казань, по постановлению о военном положении в Москве училище было закрыто. Но уже через две недели оно вновь возобновило работу, став единственным музыкальным учебным заведением, фактически не прерывавшим работу в течение всей войны. Это, видимо, окончательно повлияло на решение Елены Фабиановны вернуться (тогда, когда ни о каком возвращении эвакуированных еще не было и речи), что она героически осуществила⁴¹. В военный период Елена Фабиановна трудится с невероятной энергией, и можно только поражаться тому, что она, будучи в пожилом возрасте и очень ограниченной в передвижении из-за больных ног, смогла столько всего осуществить. Это и большая работа училища на нужды фронта и хозяйства (лесозаготовки), и стройка, которую удалось возобновить в 1943 году (а в 1944 она уже шла полным ходом), наконец, воплощение давней мечты – открытие вуза, Института имени Гнесиных. Фактически, она действует в постоянном боевом режиме!

Именно в военное время приобретает особые масштабы ее забота о людях. Практически каждый педагог и ученик училища нуждался в помощи, и каждому Елена Фабиановна старалась по мере сил помочь. Помогала она и многим незнакомым людям, обращавшимся к ней как к депутату Моссовета и как авторитетному музыканту, – и в эвакуации, и в армии. Война унесла многих близких людей: это семья сына Римского-Корсакова Андрея Николаевича, жена младшего брата Григория – М. В. Руднева, умершие в блокадном Ленинграде; старший брат Александр, умерший в Москве от истощения; двое его внуков (один из них, «маленький Саша», учился по классу скрипки у Елизаветы Фабиановны), погибших на фронте не дожив и до двадцати лет; гнесинцы, погибшие на фронте, и мн. др...

Елена Фабиановна целыми партиями подает заявления о прикреплении к столовым и выдаче продовольственных пайков, о возвращении эвакуированных в Москву (что было сложной проблемой: так, Елизавета Фабиановна с Фабием вернулись в конце 1942 года, Ольга Фабиановна с мужем – летом 1943-го, а Михаил Фабианович с женой – только в январе 1945-го). Почти невыполнимое – спасение от смерти находившейся в трудовом лагере тяжело больной В. Абрамсон (к тому же дочери репрессированных родителей) – тоже удалось Елене Фабиановне благодаря ее убежденности и бесстрашию⁴². Дочь Григория Фабиановича Женя, оставшаяся без родителей и пережившая страшную эпопею бегства на Кавказ из Ленинграда, была вызвана в Москву после освобождения Пятигорска, где она оказалась. В течение пяти лет она прожила в доме Гнесиных на Собачьей площадке вместе со своими тетками, обретя там кров.

Постепенно все возвращались в Москву... Вернулся Геня Рождественский, любимый из младших школьных учеников. Во время войны окончили училище Борис Чайковский и Григорий Хаймовский... А Елена Фабиановна «осваивает» и роль «молодого директора», как она говорила: формирует состав нового вуза, к работе в котором привлече-

⁴¹ См. письма к М. Ф. Гнесину, М. О. Штейнбергу, Елиз. Ф. Гнесиной-Витачек и Ф. Е. Витачеку в этот период (с.).

⁴² См. об этом письмо в разделе «Письма-ходатайства» на с. Ел. Ф. Гнесина постоянно оказывала помощь и поддержку В. Абрамсон и в дальнейшем.

ны многие крупнейшие музыканты – и испытанные коллеги, и профессора, работающие в консерватории, играющие в главных оркестрах. Большинство гнесинцев, оказавшихся в эвакуации, смогли вернуться в Москву и приступить к работе только благодаря хлопотам Гнесиной. В числе первых педагогов института был и Г. Г. Нейгауз, находившийся в военный период (после ареста и высылки) в Свердловске. Елена Фабиановна добилась вызова в Москву и прописки для него и его семьи – лишь позже он был восстановлен и в Московской консерватории. И в дальнейшем некоторые замечательные музыканты, изгнанные из консерватории в жестокие сталинские годы, были приняты в Институт им. Гнесиных и успешно там работали.

Юбилей – пятидесятилетие училища – проходит триумфально, как будто уже настало мирное время: стройка в полном разгаре (хотя бороться за ее продвижение надо почти ежедневно), на юбилейном торжестве Елена Фабиановна произносит знаменитую фразу: «Дайте мне гвозди!» В своих ходатайствах она заступает не только за «своих», но и добивается многих прав для всех училищ, для музыкантов-педагогов.

Еще одна постоянная миссия «ходатая» возникла в связи с необходимостью демобилизации из армии многих талантливых гнесинцев, призванных во время войны. Этой трудной работой Елена Фабиановна также занимается с большим упорством. Ей удалось многим помочь остаться в своей профессии⁴³. Демобилизованы были и два любимых ученика, которым она очень доверяла и в которых видела (благодаря их прекрасным организационным способностям) своих достойных преемников: это Зиновий Финкельштейн (приступил к работе в 1945 году в качестве заместителя по школе и активно занимался строительством здания) и Юрий Муромцев (в 1946 году стал заместителем директора института, при нем была построена первая очередь здания, и он руководил переездом).

С открытием здания появилась, наконец, и школа-десятилетка. Ее директором Елена Фабиановна назначила Финкельштейна. Долгие годы он был не только отличным руководителем истинно гнесинского типа, но и преданнейшим другом всей семьи Гнесиных. Елена Фабиановна завершила формирование мощного «комбината», став на какое-то время руководителем фактически трех учреждений, при этом она продолжала активную педагогическую деятельность, руководя кафедрой института, и – в эти же годы – проявляла себя как плодовитый автор, сочинения которого постоянно издавались. По ее плану руководство всеми учреждениями должно было перейти к заранее намеченным достойным преемникам-гнесинцам. Школу-семилетку она передает своей «музыкальной дочке» Е. В. Давыдовой, ее помощником-завучем стал другой любимец семьи Гнесиных, вернувшийся с фронта ученик Елизаветы Фабиановны веселый «Соломончик» – С. И. Абрамзон; училище – давнему заместителю Л. И. Рябковой, человеку весьма далеких Елене Фабиановне взглядов (она была преподавателем истории КПСС), но честному и очень преданному своей работе.

Приходится сокращать количество собственных учеников. Главным стал класс в институте, где у нее было много студентов. Ее ассистентом стала бывшая ученица, воспитанная Еленой Фабиановной с раннего детства – Т. С. Герасимович⁴⁴. Будучи скромным и честным человеком, Елена Фабиановна не стремилась взять в свой класс лучших первокурсников, давая возможность приглашавшимся – сразу же и позднее – блестящим пианистам работать с достойными учениками (и даже лучших своих студентов – Л. Булатову, В. Орлову-Звереву – она направляла в аспирантуру к другим профессорам). При этом у нее учились многие талантливые молодые пианисты; с 1951 года наиболее ценимая ею выпускница – Л. Булатова (Кац) – заменила в качестве ассистента Герасимович. В училище и

⁴³ См. раздел «Письма-ходатайства» в книге.

⁴⁴ Некоторое время (1944–46) ассистентом Ел. Ф. Гнесиной был и ее замечательный воспитанник А. А. Чичкин.

десятилетке Елена Фабиановна имела нескольких учеников и всегда интересовалась работой в этих звеньях музыкального образования.

Особо любимым – последним из «маленьких» учеников – стал учившийся у нее в десятилетке Илюша Ягодин. По мере его «роста» не проходило отношение к нему, как к собственному «внуку» (в детстве он называл Елену Фабиановну «мамусей» и «бабусей»), и она, будучи всегда чрезвычайно требовательным и строгим педагогом, все же баловала своего «ребенка»-ученика. Мать Ягодина, Екатерина Александровна, с огромным вниманием и любовью относилась к Елене Фабиановне, помогая ей в домашних делах; она разобрала большой архив Гнесиных (Елена Фабиановна, к счастью, имела возможность сохранить все интересные документы о своей жизни и работе), вела дневники всех занятий сына. Три года она была официальным и единственным секретарем Елены Фабиановны (работать без секретарей – принципиальная позиция Гнесиной)⁴⁵.

Покинув дом на Собачьей площадке, где они жили сорок восемь лет, Елена и Ольга Гнесины въехали в новую квартиру в новом здании института. Вместе с ними переехала и Елизавета Тимофеевна Кудряшова (а также любимая кошка Ольги Фабиановны Пчелка). Квартиру запланировали в проекте здания, и специально устроенная там деревянная лестница (Ольга Фабиановна, как когда-то на Собачьей площадке, разместилась на втором этаже) напоминала об интерьере старого жилища. Архитектор А. В. Тишин признался много лет спустя, что предполагал: квартира когда-нибудь станет музеем. Удачным было и то, что многолетний завхоз И. М. Пахтер сумел найти старинные стекла в разрушенном арбатском доме, и из них сделали витраж на лестничном окне (вначале задуманном как балконная дверь). Все это сглаживало расставание со старым домом, и в то же время Елена Фабиановна, тесно связанная с институтом, жила в одном с ним здании. По ее настоянию внутренняя отделка квартиры велась за ее собственный счет. Тем не менее предоставленная еще в 1925 году Гнесиным в пожизненное пользование квартира на Собачьей площадке была сдана для нужд школы-семилетки, то есть государству, а новую квартиру официально не закрепили за ними. В связи с этим Елене Фабиановне пришлось единственный раз обращаться к Ворошилову с просьбой, касающейся себя лично. Но, кажется, вопрос так и «завис».

После войны «железный занавес» немного приоткрылся. Возобновилась когда-то постоянная переписка с А. Т. Гречаниновым: к его восьмидесятилетию был подготовлен концерт в школе. Написала письмо – после многих лет неизвестности – жившая в Праге племянница. Она сообщила о судьбе брата Владимира: он жил в Америке и был очень горд, прочитав о том, что его сестра Елена награждена орденом Ленина. Вскоре его внучка решила вернуться на родину (откуда уехала маленьким ребенком в Прагу). Несмотря на осторожные попытки Елены Фабиановны отговорить ее, она приехала, потеряв все имущество и средства, и сразу же была направлена с только что родившимся сыном в Печоры, где жила в тяжелейших условиях (Ольга Фабиановна по возможности оказывала ей денежную помощь).

Наступил 1948 год. В начале года Елена Фабиановна серьезно заболела. Очевидно, это заставило ее написать письмо-завещание Ворошилову, в котором она просила назначить директором после нее Муромцева. Письмо датировано, по удивительному совпадению, именно 10 февраля, днем выхода постановления «Об опере «Великая дружба»⁴⁶. На обсуждении постановления на собрании в институте она отсутствует, прислав не слишком серьезную (в свете официальной значимости события) краткую записку. Михаил Фабианович, уже выступавший на трех композиторских собраниях с редкой по своему благо-

⁴⁵ См ее письмо к М. Ф. Гнесину от 9 августа 1943 года по этому поводу.

⁴⁶ Опубликовано: Гнесинский исторический сборник. М., 2004. С. 104–105.

родству позицией, еще более принципиально выступил на этом собрании в институте⁴⁷. С резкими словами обращается к присутствующим студент II курса Евгений Светланов, вызвав бурную отповедь официальных лиц. В целом партийное начальство не было удовлетворено собранием: никого не осудили, не сделали мишенью-жертвой обвинений в формализме (намеченных в этом качестве Г. И. Литинского и И. М. Белорусца выступавшие защитили). Михаила Фабиановича тогда не тронули⁴⁸.

Однако оставить «без жертв» Гнесинские учебные заведения не могли. Начинается тенденциозная финансовая проверка, завершившаяся грозными выводами о нарушениях, выговором Муромцеву и – пока что мягко – «постановкой на вид» Гнесиной. Затем объектами нападения становятся вокалисты: унижительная и нечестная аттестация приводит к тому, что ряд уважаемых педагогов признаны несоответствующими квалификации. Чиновники выдвигают и совершенно абсурдное обвинение: в педагогическом вузе зачем-то обучают «не тому делу» – исполнительству! Приходится опровергать все нападки, доказывать, защищать – все это отнимает много сил и нервов. По политическим обвинениям легче всего расправиться с музыковедами. Соответствующая кампания организуется и в институте, оттуда изгоняются самые крупные специалисты – В. Д. Конен и М. С. Пекелис. Затем берутся и за кафедру композиции – теперь оказывается под ударом Михаил Фабианович. Организуется разгромный разбор работы его класса; увольняют его ближайшую коллегу и давнего друга Л. Л. Штрейхер и ассистента И. М. Белорусца; делается вывод о нетрудоспособности М. Ф. Гнесина из-за его болезни сердца. Елена Фабиановна предпринимает всяческие попытки отстоять брата, но приходится принять трудное решение: Михаил Фабианович решает уйти из института, который носит и его имя. Один из самых выдающихся профессоров, он вынужден покинуть вуз для сохранения кафедры композиции⁴⁹. Елена Фабиановна мужественно действует, старается пригласить достойных композиторов на его место: обсуждает возможности работы с Хачатуряном, Шостаковичем, Шебалиным, Хренниковым. Но кампания, возглавляемая «борцами за коммунистическую идеологию», набирает силу. Упорно пытаются изгнать М. В. Юдину, не скрывавшую своей религиозности. Однако Елена Фабиановна противостоит этому⁵⁰. Намечено исключение из комсомола Светланова за его резкое выступление в защиту Рахманинова – оно срывается благодаря смелой позиции студентов и Гнесиной. Вступаясь за Светланова, она прямо говорит возглавляющему «идейную кампанию» Розеншильду: «Когда-нибудь вам будет стыдно, что выступали против Светланова»⁵¹. Удары, однако, продолжаются. Чтобы ослабить позиции Гнесиной, ее оставляют без ближайшего помощника, намеченного в преемники – Муромцева. На его место она вынуждена пригласить Аксенова – композитора и фольклориста, друга ее племянника Ф. Е. Витачека. Но на гребне «борьбы с космополитизмом» начинается подлые и предательские действия: во время отпуска Елены Фабиановны Аксенов, как ее заместитель, подписывает приказ об увольнении или сокращении нагрузки семнадцати педагогов, в том числе и старейших гнесинцев, и близких Гнесиной людей (А. Чичкина, М. Волькенштейн, В. Шора). Протест вызывает освобождение от работы руководителя хора А. Б. Хазанова, но ему якобы «не разрешает совместительство»

⁴⁷ См.: Елена Гнесина. Я чувствую себя обязанной... // Муз. академия. 1998. № 3–4. Кн. 1. Стенограмма собрания хранится: ММКЕЛФГ, XX – 9.

⁴⁸ Еще одна насмешка – как будто нарочно изобилующий ошибками список запрещенных произведений, присланный Елене Фабиановне. Она возвращает его в Комитет по делам искусств, отметив в тексте все ошибки (таким образом, уже это внесло элемент фарса).

⁴⁹ См. там же.

⁵⁰ См.: Письма М. В. Юдиной к Ел. Ф. Гнесиной // Муз. академия. 1997. № 3. С. 196–204. То же перепечатано в кн.: Юдина М. В. Лучи божественной любви. СПб, 1999.

⁵¹ О Е. Светланове см. также: письмо Ел. Ф. Гнесиной к Н. С. Голованову // Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. М., 2003

Большой театр. Талантливый ассистент Нейгауза Л. Брумберг подает в суд (Нейгауз возмущен его увольнением) и, как ни странно, выигрывает его – он восстановлен на работе.

Однако ясно, что удар уже направляется против Гнесиных и лично против Елены Фабиановны. Следующей (после Михаила Фабиановича) жертвой становится Елизавета Фабиановна. Она, торжественно отметившая вместе с Ольгой Фабиановной 50-летие своей работы, основатель и руководитель струнных отделов трех учебных заведений, вначале подвергнута унизительному отстранению от работы в своем скрипичном классе (для этого организуется «письмо недовольных учеников») и переводу только на руководство преподавательской практикой, а затем в обход директора – Елены Фабиановны – получает от Аксенова уведомление о своем увольнении. Потрясение этим столь велико, что Елизавета Фабиановна больше не поднимается с постели: ее сознание быстро гаснет. Елене Фабиановне остается только добиться для сестры персональной пенсии. Очевидно, что следующий удар нацелен уже по самой Елене Фабиановне. В чиновничьих кругах зреют идеи о ликвидации «лишнего» института и его переводе в другой город. В конце концов «руководящий треугольник» – заместитель директора, секретарь партбюро и заведующий кафедрой марксизма-ленинизма – прямо объявляет ей о необходимости ухода в связи со слишком преклонным для директора возрастом. Но Елена Фабиановна, не теряющая воли и самообладания, отвечает, что уйдет, только передав институт «не в ваши руки». Когда политическая ситуация стала совсем тяжелой, эта троица адресовала Берии письмо, уже однозначно имевшая целью убрать со всех постов Елену Фабиановну и арестовать Михаила Фабиановича. Письмо это опубликовано⁵². Характерно, что одному из этих трех лиц Елена Фабиановна помогла перебраться в Москву и уберечься от нападков за свое происхождение, а другому – в получении и квартиры, и ученого звания.

Однако судьба – уже во второй раз, как и в ситуации 1932 года, когда все столь долго и самоотверженно создаваемое могло рухнуть, – поворачивается лицом к Елене Фабиановне. Она убежденно и стойко не сдавалась. И победила. После смерти Сталина поменялось все руководство, новый министр культуры Пономаренко восхищен энергией и энтузиазмом Гнесиной (говорят, он сам навещал ее, чтобы узнать, не требуется ли какая-то помощь). По ее настоянию он подписывает назначение Муромцева директором института, а заместителем становится тоже надежная помощница и единомышленница Давыдова.

На другой день после состоявшегося «победного ухода» умерла Елизавета Фабиановна. Хоронить ее пришлось уже на следующий день из-за наступавших праздников. Можно только поражаться мужеству Елены Фабиановны, выдержавшей все эти испытания в восьмидесятилетнем возрасте.

А ведь все это тяжелое время шла интенсивнейшая организационная работа – стройка второй очереди здания института, открытие (опять же в ногу со временем) факультета народных инструментов, введение новых форм обучения – заочного и вечернего; шли занятия с учениками, экзамены во всех учебных заведениях, возглавлялась работа кафедры...

Гнесина продолжала ходатайствовать за многих людей. После войны все более крепла ее дружба с Рихтером. По просьбе Нейгауза Рихтер, не имевший квартиры и инструмента для занятий, каждую ночь занимался в здании училища на Собачьей площадке, а затем и в новом здании на улице Воровского. На всю жизнь он сохранил (как и Нина Дорлиак, вместе с матерью Ксенией Дорлиак бывшая давним другом Гнесиных⁵³) трогатель-

⁵² Богданова А. Фрагмент из книги «Музыка и власть» // Муз. академия. 1993. № 3. С. 190.

⁵³ См.: Дорлиак Н. «Я очень любила Арбат...» Беседа со С. Шмидтом // Арбатский архив. М., 1997. С. 293–302.

ную привязанность к Елене Фабиановне. Присылал открытки из разных концов света, дарил игрушечные рояльчики. Он неоднократно обыгрывал свои программы в кабинете Елены Фабиановны, дал концерт в память Ольги Фабиановны.

Всегда блестящее окружение Гнесиных по-прежнему включало замечательных деятелей искусства. Теперь Гнесина входила в число «великих старух» советского искусства – среди Неждановой, Книппер-Чеховой, Яблочкиной, Турчаниновой, Эрдели и др. С Яблочкиной Елена и Ольга Гнесины особенно сблизились, отдыхая в Архангельском, когда знаменитая актриса уже очень страдала от болезней и печальной обстановки дома. Контакт с людьми у Елены Фабиановны не становилось меньше. Как старейшего представителя советского искусства ее приглашали в президиумы различных собраний (особенно часто в ЦДРИ), в жюри конкурсов, на встречи со знаменитыми иностранцами – П. Робсоном, Н. Хикметом. Ее нередко «помещают» в журналы и газеты – то «в виде» фото, то с очерком об учебных заведениях, то предлагают выступить по радио. Чем дальше, тем более обширной становится ее переписка: ей пишут и коллеги, и бывшие ученики, и самые разные люди из разных городов, желающие получить помощь, совет, поддержку. Одной из особенно любимых друзей в эти годы стала замечательная певица Ирма Яунзем (ее называли «Ирмуша»).

К восьмидесятилетию юбилею приходит особенно много поздравлений. На праздновании Большой зал консерватории полностью заполнен народом: это настоящий праздник для очень многих людей. Юбилей заснят для всесоюзного киножурнала «Новости дня», демонстрировавшегося во всех кинотеатрах. Елена Фабиановна выглядит здесь победительницей – она говорит, что «обещала дожить до первого выпуска института, но прошел уже пятый»; не исключено, что ей захочется дожить еще до чего-то».

Используя очередной положительный поворот в отношении к ней «властей», она со всей своей настойчивостью добивается строительства Концертного зала института. Но на закладку здания она уже приезжает на инвалидном кресле-каталке, ставшим навсегда ее принадлежностью при любом выходе из квартиры. Могучая воля Елены Фабиановны дала ей возможность и выдержать перелом шейки бедра, который, увы, многие в ее возрасте не в состоянии перенести, хотя врачи побоялись (явно ошибочно!) сделать ей операцию, благодаря которой она смогла бы ходить. Вскоре она мужественно перенесла гораздо более серьезную операцию, которую сумела скрыть от многих. Эта операция, сделанная знаменитым хирургом Б. В. Петровским, спасла ее – единственную из сестер Гнесиных – от рака.

Вся дальнейшая ее жизнь полна активной деятельности, только теперь министерские чиновники боялись не приезда Гнесиной, а ее звонков, от которых по-прежнему прятались. Стройки шли одна за другой: зал, общежитие, кооператив «Гнесинец», новое здание училища... «У нас на кафедре много совместителей. Я тоже совместитель, потому что все время занимаюсь строительством», – с неизменным своим юмором говорила она на заседании кафедры.

Постепенно она сводит свою учебную нагрузку к минимуму: становится труднее заниматься с учениками, хотя ясность мышления, четкость задач, память – все это ее не подводит. Последняя ученица – аспирантка А. Малинковская – училась у нее до 1964 года. Заведование кафедрой она передает достойнейшему музыканту – Т. Д. Гутману. До самой своей кончины она, однако, живо реагировала на все новости, на все дела учебных заведений и, конечно, «огрызалась» (по ее выражению) на попытки оградить ее от забот из-за беспокойств о здоровье. М. В. Юдина писала о том, что Гнесину «окружали льстецы, покинувшие ее с потерей ряда позиций», и что она «плохо разбиралась в людях». Это не совсем так, но Елена Фабиановна всегда была доверчивой (из-за чего нередко бывали ее «стычки» с сестрами Елизаветой и Ольгой). Ее нередко обманывали – и врач, приобре-

тавший через нее «блага», а затем забросивший ее, и отдельные «просители», и просто жулики (как тот, который обратился к ней за денежной помощью в Рузе из-за «кражи чемодана»). Обладая мудрым, практическим умом, она, однако, терялась в некоторых бытовых ситуациях: так, была искренне удивлена, когда в магазине получила сто грамм конфет вместо ожидаемого килограмма (о происшедшей инфляции она не подумала).

Елена Фабиановна и в старости оставалась заступницей людей. Она готова была помочь любому студенту. Приходилось вступаться за гонимых: она помогала в восстановлении прав и возвращении в Москву семье знаменитого ученого А. И. Угримова, высланного на «философском пароходе» в 1922 году и вернувшегося на родину после войны (это были давние знакомые Гнесиных). Оказывала материальную помощь М. К. Морозовой – когда-то крупнейшей меценатке, впавшей в полную нищету. Помогала в реабилитации и последующей деятельности С. Кайдан-Дешкина⁵⁴. К сожалению, все больше и больше друзей и коллег, в том числе и младших, уходили из жизни. Все чаще приходилось писать некрологи, воспоминания.

«Оттепель» дала возможность и новых интересных встреч с иностранцами: это были и П. Владигеров, и М. Лонг, и З. Кодай, и солисты театра Ла Скала (среди них еще совсем молодые М. Френи и Ф. Коссото), и другая итальянская знаменитость – Тотти даль Монте. А встреча с Клиберном настолько восхитила Елену Фабиановну, что она подарила ему драгоценнейший для нее портрет Рахманинова с автографом! С какой радостью она ожидала новой встречи со своим любимцем (впервые увиденном еще по телевизору, подаренному к ее 85-летию) – она произошла ровно через пять лет. И Елена Фабиановна, уже перешагнувшая девяностолетие, провидчески высказала ему беспокойство в связи со слишком изнурительной концертной деятельностью, опасной для судьбы большого музыканта... Интересным «приветом из прошлого» была встреча с замечательной певицей, создавшей когда-то в Москве «Дом песни», – М. А. Олениной д'Альгейм, которая более тридцати лет добивалась возвращения из эмиграции (вскоре она оказалась никому не нужной на родине). Восторженная Оленина д'Альгейм говорила о грядущем коммунизме, восхищалась Гагариным (с которым Елена Фабиановна встретила у себя в кабинете, когда его принимали в институте)... А королева Бельгии Елизавета «добралась» до квартиры Гнесиной с большими трудностями: она вместе с Муромцевым изрядное время просидела в застрявшем лифте института. Но обладавшая юмором королева лишь оценила «пикантность» обстоятельств, сопровождавших этот приятный визит и сделавших «приключением» встречу с Еленой Фабиановной.

Самый трагичный момент наступил в связи со смертельной болезнью Ольги Фабиановны. Елена Фабиановна не могла навещать сестру, так как не в состоянии была подняться к ней по лестнице. Ощущая собственную беспомощность в этот период особенно остро, она терпеливо ожидала прихода Елизаветы Тимофеевны Кудряшовой, ухаживавшей за своей приемной матерью. Обе сестры составили в свое время завещания в пользу друг друга, а в случае их смерти все в равной мере переходило к пяти племянникам. После ухода из жизни Ольги Фабиановны Елена Фабиановна составила новое завещание. Теперь она оставляла все, находящееся в кабинете (то есть рояли, библиотеку, архив и другие мемориальные вещи), своему детищу – институту, а все остальное имущество – Е. Кудряшовой, понимая, что Елизавета Тимофеевна и будет за ней ухаживать до конца жизни. И еще одно значимое пожелание было высказано в этом завещании – желание, чтобы все в кабинете оставалось на своих местах. Так Елена Фабиановна скромно выразила мысль о будущем музее, осознавая историческую ценность своего наследства. Исполнителем воли был назначен З. И. Финкельштейн – надежный друг, на которого можно было положиться. К

⁵⁴ См.: Елена Гнесина: Я чувствую себя обязанной... (публикация И. П. Шеховцовой и В. В. Троппа) // Муз. академия. 1998. № 3–4. Кн. 1.

счастью, все было исполнено, и квартира сохранилась в виде музея: Е. Т. Кудряшова передала туда и доставшиеся ей по завещанию вещи⁵⁵.

Во время празднования 90-летия Елены Фабиановны ее уже воспринимали как легенду отечественной музыки. Она как бы несла новым поколениям совершенно утерянные традиции прошлого, особого отношения к людям. В радиопередаче, посвященной юбилею, она рассказывает о своей встрече с Чайковским, о Рахманинове, записан ее урок с аспиранткой, продолжавшиеся целый день деловые встречи дома. Поражают своей живостью глаза Елены Фабиановны во время юбилейного торжества...

Все проблемы учебных заведений продолжали касаться ее самым близким образом: она подписывала ходатайства, слушала учащихся (интересны ее одобрительные записки, посланные во время экзаменов Э. М. Федорченко), приветствовала малышей и студентов. Большие надежды она возлагала на открывшийся в общежитии «Клуб интересных встреч» (где студенты принимали выдающихся людей – это в какой-то степени, хотя и проходило по средам, возрождало традиции «пятниц» в Гнесинском доме). Вот уж поистине героический пример трудового подвига!

К ее 90-летию институт направил ходатайство о присвоении Гнесиной звания Героя Социалистического Труда. Этого звания она, конечно, заслуживала в полной мере. Однако прецедента присвоения этого звания музыкантам и артистам еще не было. Некоторые считали, что из-за бесперспективности такого выдвижения надо бороться за присвоение «Народной артистки СССР». В результате званий не дали, а «только» орден Трудового Красного Знамени (третий орден Ленина также не полагался по «разнарядке»). Сама Елена Фабиановна говорила, что больше всего ценила бы звание «Народный учитель СССР». Но – не дали.

Не иссякало и творческое вдохновение. В девяносто один год она написала последний свой опус – «Дуэты для маленьких скрипачей». Радовали встречи с малышами, впервые исполнявшими дуэты. Всегда ждала детей, которых приводили ученики нескольких поколений. К 90-летию ей преподнесли «Альбом Леночек» – фотографии девочек, названных в ее честь: там были и дочери, и даже внучки учеников и коллег. «Прабабушка всех гнесинцев» – подписывалась она на некоторых обращениях. В 1966 году Елена Фабиановна последний раз отмечала 15 февраля – традиционный праздник, день встреч гнесинцев. Она сама составила список тех, кого хотела видеть за своим столом. Очень желала продолжения старой, веселой традиции этих праздников. «О, не целуй меня (если губы накрашены)!» – такое воззвание она написала к одному из них.

Последний раз она выступала на сцене – в Концертном зале института – в декабре 1966 года, на столетии Бузони: читала воспоминания о нем. В марте 1967 года вышла последняя ее публикация – «Воспоминания о Луначарском». В это же время она написала свои последние деловые ходатайства.

Во время операции и последнего – двухмесячного – пребывания в больнице она ни в малейшей мере не теряет того мужества, которое поддерживало ее силы всю жизнь.

И так случилось, что дни ее рождения, именин⁵⁶ и кончины – все оказались рядом.

⁵⁵ Мемориальный музей-квартира Ел. Ф. Гнесиной при РАМ им. Гнесиных был создан в 1969 году и до 1988 года действовал как народный. Е. Т. Кудряшова была его первым хранителем, оставаясь жить в квартире до своей кончины.

⁵⁶ Именины Елены отмечаются по старому стилю 21 мая, по новому стилю – 3 июня.

ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕЙ СЕМЬИ – ИСТОРИИ НАШИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Воспоминания в разных вариантах и в разных форматах писались Ел. Ф. Гнесиной неоднократно в период 1940–1960-х годов. Поводом для этого являлись как первоначальный заказ издательства «Академия» (о чем рассказывает Ел. Ф. Гнесина в беседе с П. В. Лобановым), так и необходимость представить исторический очерк об учебных заведениях имени Гнесиных в связи с очередными ходатайствами. В архиве Ел. Ф. Гнесиной сохранилось довольно много подобных очерков, озаглавленных и «биографиями», и «историческими справками» и т. п. (некоторые предназначались и для устных выступлений). Во всех очерках дается прежде всего общая история развития Гнесинских учебных заведений со времени их основания. Иногда краткую историю учебных заведений она излагала и в письмах-ходатайствах (см., например, письмо к Г. М. Маленкову от 1954 года, опубликованное в данной книге).

Публикуемый нами вариант представляет собой самый развернутый текст: ММКЕлФГ, V – 6, машинопись на 32 л. Он датирован 1946 годом, но из содержания текста следует, что этот вариант писался раньше – был начат в 1944-м. Добавления и исправления в тексте рукой Ел. Ф. Гнесиной делались и позже, в том числе и в январе 1964 года, в связи с подготовкой публикации в журнале «Советская музыка» к 90-летию Ел. Ф. Гнесиной (этот текст и публикуется здесь). Ряд таких позднейших вставок, если они не являлись очевидными исправлениями, даны в круглых скобках (в скобки взяты и явно «лишние» слова не до конца отредактированного текста).

Вариант, опубликованный в журнале «Советская музыка» (Е. Ф. Гнесина. Из моих воспоминаний. 1964. № 5, с. 44–51) сокращен по сравнению с публикуемым здесь. Сокращения касаются в основном истории учебных заведений; не включены приводимые автором цитаты, кроме письма А. В. Луначарского. Характерно то, что при публикации была снята характеристика М. В. Юдиной, которую в то время уже уволили из Института им. Гнесиных. В то же время сделана вставка о реабилитированном И. Г. Званском. Некоторые фрагменты были даны в несколько иных вариантах, некоторые – помещены в другом месте текста. Одна вставка – о помощи участникам революции 1905 года, оказываемой в Школе Гнесиных, – зачеркнута Ел. Ф. Гнесиной в рукописи, но в публикации осталась (здесь она не приводится).

Музыкальные склонности и музыкальная одаренность, которые характеризовали и продолжают характеризовать нашу семью на протяжении нескольких поколений, сами собой наводили на мысль, что нам естественно было бы, соединившись вместе, создать музыкальную школу, в которой легко было бы достигнуть единства направленности в разных музыкальных специальностях. Эту мысль высказывали и наши родители, и профессора Московской консерватории: пять сестер⁵⁷ получали там свое образование, а одновременно начали проявляться музыкальные способности и у младших братьев – еще детей. Мысль о будущей нашей школе как бы формировала музыкальные устремления каждой из нас – сестер и властно влияла на жизненные артистические планы: удерживая нас всех в Москве и заставляя не разлучаться на сколь угодно длительный период. Были моменты, когда я лично могла бы и колебаться в своем решении, так как один из моих учителей, знаменитый Ферруччио Бузони, у которого я училась в тот единственный год, когда он был профессором Московской консерватории, настойчиво внушал мне мысль о переезде с ним вместе за границу и о деятельности концертирующей пианистки впоследствии. Но я тогда была, впрочем, слишком юна для столь решительного шага, как отъезд за границу. Попрощавшись с замечательным и лю-

⁵⁷ О. Ф. Александрова-Гнесина в консерватории училась всего два месяца – дальше она заниматься не стала. Таким образом, правильнее считать, что в консерватории учились четыре сестры Гнесины.

бимым учителем, я как-то потеряла с ним связь. К сожалению, никто из музыкантов, встречавшихся позднее с Бузони за границей, не передал мне о том, что он не забыл меня и продолжал верить в мою будущность. Лишь спустя двадцать два года мне снова довелось встретиться с Ферруччио Бузони⁵⁸. Он был тогда уже на вершине своей славы. В год его приезда (1912) я находилась в тягчайшем душевном состоянии, глубоко переживая несчастье, постигшее нашу семью, – смерть гениально одаренного ребенка, первого сына моей младшей сестры Шурика Вивьена. Я никуда не выезжала и даже не была уверена, что смогу пойти в концерт Бузони. По настоянию всех близких я все же пошла в концерт. Во время антракта Сергей Рахманинов буквально втолкнул меня в артистическую к Бузони. Тут только по необыкновенно ласковому и экспансивному приему, оказанному мне со стороны Бузони и его жены, на глазах у ряда крупнейших музыкантов Москвы, я могла убедиться в том, как ценил и любил меня мой учитель.

Начав педагогическую работу еще в школьный период, в год окончания Консерватории третьей сестрой Марией (1895 год), мы, т. е. старшая сестра Евгения, Мария и я, сочли уже возможным воплотить в жизнь взлелеянную мысль о собственном музыкальном училище. Вместе с окончанием образования младшими сестрами – Елизаветой (скрипачка) и Ольгой (пианистка) – и они вошли в состав педагогов училища. Еще много позже к нам присоединился и брат Михаил, ученик Римского-Корсакова, ставший к тому времени известным композитором.

Годы, когда я училась в Консерватории (конец восьмидесятых и начало девяностых годов прошлого столетия), и первые несколько лет существования нашего музыкального училища, не были годами цветения общественной жизни в России. Но реакционный период уже был на исходе, и передовая общественная мысль, как бы показывая накопившиеся уже силы, отдельными струями пробивалась то тут, то там (в частности, и в области искусства); одно за другим стали появляться, в результате инициативы небольших групп или отдельных лиц, талантливые начинания, из которых вскоре же выросли выдающиеся в том или другом отношении художественные явления. От большинства из них протягивались нити к нам и позже к нашему Музыкальному училищу.

О некоторых из этих начинаний я расскажу позже. Сначала же упомяну о годах своего обучения в Московской консерватории.

Несколько лет, еще девочкой, я была в классе у В. И. Сафонова, выдающегося пианиста и замечательного педагога. Культура звука, пластичность, «классицизм» исполнения были характерны для отличной школы пианизма, насаждаемой им. Умный и энергичный деятель искусства, он был, кажется, первым русским дирижером, завоевавшим мировое признание. В классе у профессора Сафонова одним из моих товарищей был юный Скрябин, уже в те

⁵⁸ См. Воспоминания о Бузони на с. ????. В данных воспоминаниях имеется текст, примерно совпадающий с описанием тех же событий и в «Воспоминаниях о Бузони» (см. с. ????), и в «Воспоминаниях о Рахманинове».

годы проявлявшийся блестяще и как пианист, и как начинающий композитор. Скрябин бывал у нас в доме, поддерживая дружеские отношения особенно с моей старшей сестрой Евгенией, ранее меня поступившей в класс Сафонова и одновременно проходившей курс композиции у известных наших композиторов С. И. Танеева и А. С. Аренского. Сестра рассказывала, как однажды восемнадцатилетний Скрябин, провожая ее домой, сказал ей, что его крайне интересует, как каждый из его товарищей проявляется в музыке. «Я представляю себе, – сказал он – какую-то музыку, совсем не такую, какую сочиняют теперь. В ней будут как будто те же элементы, что и в нынешней музыке – мелодия, гармония, но все это будет какое-то совершенно иное!» Таково было раннее, пророческое самопознание у этого юноши! Сестра моя Евгения, изучая контрапункт, обратила на себя внимание превосходно написанным Мотетом в строгом стиле, публично, при участии хора, исполненном в Консерватории. Этот Мотет обнародован в учебнике контрапункта проф. Г. Э. Конюса, товарища моей сестры по обучению в классе Танеева⁵⁹. Аренский считал мою сестру очень композиторски талантливой. К сожалению, жизненные обстоятельства рано заставили ее ограничить свою работу в этой области. А. С. Аренский, в чьем классе и я училась и которому показывала небольшие свои работы в области сочинения, очень поощрял меня к серьезным занятиям в этой области, но я мало верила тогда в свои композиторские возможности и жалею теперь, что не сосредоточилась тогда в большей степени на сочинении. Впоследствии мне все же довелось написать немало пьес педагогического репертуара, разумеется, в мелких формах, об этом я позже напишу.

В общеобразовательных классах Консерватории на протяжении нескольких лет моим товарищем был Сергей Рахманинов. Я его знала, кажется, с тринадцатилетнего возраста, когда он еще именовался Сережей Рахманиновым. Три года подряд мы сидели с ним за одной партой. Он мне помогал во французском языке, а я ему иной раз – в задачах по гармонии, так как была по этому предмету классом старше его! Как сказывался его замечательный талант даже при самых ранних его проявлениях! Публика собиралась в зале Консерватории, если становилось известным, что на ученическом вечере будет играть Сережа Рахманинов. Мы одновременно закончили Консерваторию, и я помню, как созревала быстро, номер за номером, опера «Алеко» – его выпускная работа. Мы много встречались с ним и в те, и в последующие годы и всегда сохраняли добрые отношения.

Кроме выдающихся музыкантов, преподававших и обучавшихся в нашей Консерватории, в ней можно было «наткнуться» еще на какого-нибудь приезжего, нередко знаменитого музыкального деятеля. В очень юные годы я обычно опрометью «летала» по лестницам Консерватории, никого не заме-

⁵⁹ Конюс Г. Курс контрапункта строгого письма в ладах. М., 1930. Мотет (Magnificat) вновь был исполнен Академическим хором заочного отделения РАМ им. Гнесиных на ежегодных Гнесинских чтениях 15 февраля 2000 года в Мемориальном музее-квартире Ел. Ф. Гнесиной, а затем повторен этим же хором во время других концертных выступлений.

чая. Однажды, спускаясь с лестницы этим способом, я буквально попала в объятия к поднимавшемуся седому человеку, он ласково усмехнулся. Тут только, взглядевшись, к своему сильному смущению, я убедилась, что это был сам Петр Ильич Чайковский.

Переходя к интересным начинаниям тех времен, не могу не упомянуть о детском оркестре, организованном А. А. Эрарским. Эрарский был педагогом-пианистом и энтузиастом – учредителем превосходного детского оркестра; в его оркестре, наряду с некоторым количеством детей-инструменталистов, игравших нетрудно изложенные партии для настоящих музыкальных инструментов (скрипок и других, при опорной роли фортепиано), целый ряд юных исполнителей играл на «декоративных» инструментах, иногда с определенной интонацией в произведении («кукушка», «дудочка»), иногда без таковой («перепел», «соловей» и ряд других). Эрарский – аранжировал для своего оркестра десятки различных произведений. Оркестр вызвал блестящие отзывы у Чайковского и Римского-Корсакова; Танеев, Лядов и Аренский специально сочиняли музыку для этого оркестра. Несколько молодых и в будущем известных музыкальных деятелей приобрели в этом оркестре первые навыки коллективной игры. В жизни младших членов нашей семьи оркестр этот также сыграл свою образовательно-развлекательную роль. Впоследствии почти весь набор этих инструментов попал в наше Училище⁶⁰. В более поздние годы оркестр этот возрождался у нас в дни школьных праздников. Впрочем, я помню случай, когда он пригодился и для развлечения взрослых – и не только в качестве слушателей и зрителей, а и в качестве исполнителей!

Когда я работала в Музыкальном отделе Народного комиссариата просвещения в непосредственно послевоенные и послереволюционные годы (1920–21), в обстановке холода и недоедания, мы все, трудясь с энтузиазмом и утомляясь, нуждались, разумеется, в отдыхе. Иногда музыкальный отдел устраивал для общего удовольствия концерты и развлечения с весьма «легкой» закуской. На одном из таких вечеров я взяла на себя организационную роль. Я решила исполнить экспромтом детскую симфонию Гайдна и привезла все необходимые для этого музыкальные инструменты; быстро организовала оркестр при участии превосходных музыкантов и взяла на себя роль дирижера. На «декоративных» инструментах (треугольник, перепел, соловей, кукушка) играли в моем оркестре исполнители очень высокой квалификации: Шаляпин, Кусевицкий, Гречанинов и др. музыканты. Сколько таланта они проявили в шуточном использовании своих инструментов! Как веселились и исполнители и публика!⁶¹

⁶⁰ Об А. А. Эрарском см.: *Корабельникова Л.* Забытое имя // Муз. жизнь. 1971. № 21. С. 10. Судьба инструментов оркестра Эрарского не вполне ясна. Директор Синодального училища С. В. Смоленский пишет об их отправке в Петербург (переписка с А. В. Преображенским: РГИА, ф. 1109, оп. 1, ед. хр. 107, л. 91 и ф. 1119, оп. 1, ед. хр. 154, л. 30); хотя Ел. Ф. Гнесина и пишет о том, что они попали в училище, в составленной ею инвентарной описи всего имущества училища в 1920 году эти инструменты не значатся. Судьба их на сегодняшний день так и остается невыясненной.

⁶¹ Описание этого см.: *Сац Н.* Молодость в девяносто два // *Сац Н.* Новеллы моей жизни. 2-е изд. М., 1984; Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. 2-е изд. М., 2003.

Однако, возвращаясь к культурным начинаниям отдаленных времен начала 90-х годов прошлого века. Одним из начинаний, наиболее плодотворным по своим художественным последствиям, было основание кружка литературы и искусства, в котором немалую роль играл замечательный театральный деятель, певец, художник сценического искусства Ф. П. Комиссаржевский (отец знаменитой артистки Веры Комиссаржевской). Тут формировались дарования и идеи будущих основоположников всемирно знаменитого Московского Художественного театра. Я помню К. С. Станиславского (Алексеева), В. В. Лужского (Калужского) и других будущих замечательных деятелей Художественного театра в период, предшествовавший возникновению театра.

Моя сестра обучала их музыкально-теоретическим предметам и была дружна и с ними, и с самим Комиссаржевским⁶². Весь славный путь этих артистов (и Станиславского, и Качалова, и Москвина, и О. Л. Книппер и др.) запечатлелся в моей – тогда еще юной – памяти. Добрые отношения с некоторыми из них и добрые отношения между Художественным театром и нашим Музыкальным училищем сохранились по сие время.

Еще в сравнительно недавние годы К. С. Станиславский заключал договор с нашим училищем о совместной с руководимым им оперным театром подготовке молодых оперных артистов⁶³.

Одним из островков прогрессивной общественной мысли были в 90-х годах Университеты; моральное и материальное содействие студенчеству, жаждущему радостей искусства и в массе весьма необеспеченному, считалось приятным и почетным долгом (со стороны) деятелей искусства. Лишь в редких случаях за участие в концертах, устраиваемых студенческими «землячествами», артисты считали возможным получать вознаграждение. Между тем принимали участие в этих концертах нередко замечательнейшие и популярнейшие артисты того времени. Знаменитый баритон Хохлов (первый Онегин и первый Демон в одноименных операх Чайковского и Рубинштейна), а также Собинов в его молодые годы, и многие другие без конца выступали в студенческих концертах не только в Москве, но и в целом ряде других городов. По окончании мной Консерватории, я на протяжении многих лет постоянно выступала в этого рода концертах и часто – вместе с упомянутыми артистами. Мне довелось принимать участие, не раз совместно с сестрой скрипачкой, и в более редких, в те времена, может быть, единичных начинаниях, где слушательская масса состояла из заводских рабочих.

Хочется упомянуть о «Рабочем театре» в имении «Полотняный завод» Гончаровых в Калужской губернии. Имение это является историческим для русской художественной культуры⁶⁴. Здесь бывал Пушкин, женившийся на Н. Н. Гончаровой. От этих времен сохранилось много исторически ценных и инте-

⁶² При Обществе искусства и литературы, возглавляемом А. Ф. Федотовым и Ф. П. Комиссаржевским, в 1888-91 годах действовало и училище, где Евгения Фабиановна Гнесина и преподавала.

⁶³ См. статью: *Станиславский К.* Большая музыкально-педагогическая работа сестер Гнесиных // Сорок лет Московского государственного музыкального техникума им. Гнесиных. М., 1935. С. 51.

⁶⁴ См.: *Соловьев В. В.* Пушкин. Гончаровы. Гнесины // Гнесинский исторический сборник. М., 2004. С. 9–16.

ресных предметов. Д. Д. Гончаров, человек высокой культуры и редких моральных качеств, делал все возможное, чтобы улучшить условия жизни и быт рабочих старинной писчебумажной фабрики, которой он являлся непосредственным владельцем. К числу различных, довольно редких в то время проявлений этого рода заботливости, принадлежит вышеупомянутый «Рабочий театр», а также большая библиотека для рабочих, созданная Д. Д. Гончаровым. Представители искусства охотно содействовали Гончарову, тем более, что и сам он, и его жена были артистами-певцами⁶⁵. Будучи по убеждениям социал-демократом, Гончаров собирал у себя и революционеров, иногда давая длительный приют в своем большом доме тем из них, которые подвергались гонениям и скрывались от полиции. Некоторые из лиц, с которыми я там встречалась, через тридцать лет стали играть крупную роль в нашей стране. Среди них был будущий народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский, которому наше училище многим обязано.

Надо сказать, что наше Музыкальное училище, вступившее теперь в пятидесятый год существования, ни при основании своем, ни на протяжении почти всей первой половины своего пути не пользовалось никакими субсидиями, ни правительственными, ни частными; училище держалось только стараниями и воодушевленным трудом устроительниц и примкнувшим к ним позже педагогов. Никто не проявлял о нем забот, кроме только симпатизировавшего училищу В. И. Сафонова, присылавшего учеников для подготовки в Консерваторию, и выдающихся музыкальных критиков того времени – С. Н. Кругликова, Н. Д. Кашкина, Ю. Д. Энгеля и др., своими приветливыми отзывами в прессе о наших открытых ученических концертах увеличивавших популярность училища (которое только в 1919 году было национализировано). Тем поразительнее многообразное проявление заботы об Училище во вторую половину его жизненного пути. Это связано, конечно, прежде всего с той позицией, которую заняла Советская власть в отношении к культурным начинаниям в искусстве. Но проявление заботы о нашем Училище со стороны А. В. Луначарского носило характер исключительный. Это было и признание имевшихся достижений, и проявление любви и доверия к учреждению, может быть отчасти даже связанного с воспоминаниями о наших встречах и совместной причастностью к прогрессивным начинаниям очень отдаленного времени.

Кстати сказать, в «Рабочем театре» Гончаровых впервые выдвинулась впоследствии известная артистка О. Л. Книппер-Чехова, сыграв там еще в молодом возрасте роль Василисы Мелентьевой⁶⁶.

Девяностые годы – это годы появления последних и замечательных произведений Чайковского, которые мне доводилось слушать при первых показах, и годы первых постановок целого ряда опер Римского-Корсакова на сцене Ма-

⁶⁵ Так, Д. Д. Гончаров пел ведущие партии в операх: Альмавивы в «Севильском цирюльнике» Россини, Ленского в «Евгении Онегине» Чайковского, Фауста в одноименной опере Гуно; В. К. Гончарова – партии Татьяны в «Евгении Онегине», Марфы в «Царской невесте» Римского-Корсакова.

⁶⁶ Героиня пьесы А. Н. Островского.

монтовского театра в Москве (блестящие начинания – и как бы в пике консервативным в своем репертуаре тогдашним правительственным театрам). В опере у Мамонтова впервые заблистал гений Шаляпина; там пела замечательная певица Забела-Врубель (жена художника Врубеля), поэтичнейшая и непревзойденная воплотительница сказочных образов в операх Римского-Корсакова. Впоследствии Забела-Врубель оказалась первой исполнительницей-пропагандисткой сочинений моего брата, отчасти внушенных обаянием ее пения⁶⁷. Большую роль в качестве дирижера и руководителя сыграл в этом театре известный композитор М. М. Ипполитов-Иванов, ставший впоследствии большим другом нашего Училища⁶⁸.

Я неоднократно участвовала в концертах Московского «Кружка любителей русской музыки», основанного А. М. и М. С. Керзинными; в этих концертах можно было знакомиться со всеми новинками в области русской камерной музыки и особенно романса.

Многие из позже прославленных артистов выступали там, тогда еще совсем молодые и только начинавшие приобретать популярность.

Перехожу к еще одному художественному начинанию, особенно близко стоявшему к жизни нашей семьи, именно к «Кружку молодых музыкантов», собрания которого, большей частью, проходили у нас. В состав кружка входили молодые композиторы, артисты-исполнители, педагоги-музыканты, теоретики, преимущественно сблизившиеся в школьный период в стенах Московской консерватории. Постоянным секретарем кружка был И. Н. Протопопов – теоретик, ученик Танеева и пианист Сафоновской школы. Моя сестра Евгения не раз с успехом демонстрировала здесь свои сочинения. Общим вниманием была встречена ее соната для скрипки с фортепиано, с одобрением была встречена «Колыбельная», четырехручная фортепианная пьеска для детского возраста, очень легкая и с очень красивым сопровождением, предназначенным для учителя. Буквально все участники этого кружка сыграли впоследствии заметную роль в музыкальной жизни России, а некоторые приобрели повсеместную известность и даже мировую славу: А. А. Ярошевский выдвинулся как педагог-пианист с самостоятельными идеями в области фортепианной педагогики, Д. С. Шор сыграл крупную роль как основатель превосходного ансамбля (Шор, Крейн, Эрлих), в продолжение двадцати пяти лет содействовавшего насаждению камерной музыки в России; Э. К. Розенов, пианист и композитор, сделался заметным музыкальным ученым; превосходные скрипачи А. Я. Могилевский, А. М. Печников приобрели крупнейшую известность; виолончелист, а позже и дирижер Альтшуллер, перенеся свою деятельность в Америку, будучи пропагандистом русской музыки, сыграл несомненную роль в тамошней музыкальной жизни; из молодых композиторов в кружке проявлялись Калинин, Гречанинов и Рахманинов. Помню первый показ всемирно прославившейся симфонии g-moll Калиникова у нас

⁶⁷ Ей посвящены романсы и симфонический дифирамб «Врубель» для голоса с оркестром.

⁶⁸ М. М. Ипполитов-Иванов был самым первым руководителем симфонического оркестра училища (около 1934 года).

в кружке. Кружок издавал свой рукописный журнал, юмористический и серьезный, отдельные номера которого сохраняются до сих пор⁶⁹.

Первые годы нового века застают наше Училище уже значительно разросшимся и в смысле состава учащихся, и – разнообразия преподаваемых в нем предметов и числа руководителей. Все пять сестер уже деятельно работают в нем; вступает в число педагогов только что окончивший Консерваторию молодой композитор Р. М. Глиэр, ставший другом основательниц Училища. Кроме класса скрипки, который ведет сестра Елизавета, вводится класс виолончели под руководством Букиника; вводятся постоянные хоровые классы, которым руководит старшая сестра Евгения и хор взрослых учащихся под моим руководством.

С наших очень юных лет у нас в семье существовал мой маленький «домашний хор» в составе всех пяти сестер и нашей воспитательницы – старого друга нас всех и нашей школы Т. В. Фигуровской. В летние месяцы приезжали к нам жившие на юге младшие братья – еще дети, и они также включались в состав этого «хора». Все имеющиеся сборники хоров западных и русских классиков составляли репертуар для этого увлекательного и полезного домашнего «музицирования». Хоры из появлявшихся в свет опер русских композиторов с увлечением исполнялись нами (как, впрочем, и все эти оперы целиком). Я всегда была у нас главным «хормейстером» и приобрела уже в то время пригодившиеся мне впоследствии ценные навыки. Стремление обогатить школьный репертуар – инструментальный и хоровой – вызвало к жизни большое количество пьес, возникших в стенах Училища и по инициативе его руководительниц. Очень большую роль в создании этой новой литературы сыграли два наших преподавателя-композитора – Р. М. Глиэр и А. Т. Гречанинов. Все почти педагогические фортепианные пьесы сочинены им [Глиэром] для нашего Училища и посвящены нам, также почти все сочинения для детского хора А. Т. Гречанинова были написаны им для нашей школы и исполнялись по рукописям детьми, нашими учащимися.

Привожу заметку А. Т. Гречанинова, напечатанную в сборнике, посвященном тридцатилетию нашей школы в 1925 г.⁷⁰: «В 1903 году, – пишет Гречанинов – выходит мой первый сборник песен “Ай ду-ду”. Образовавшийся вскоре после того в школе детский хоровой класс под руководством Евгении Фабиановны разучил песенки сборника. Детская литература была тогда очень бедна, петь почти нечего было, и я с удовольствием принял предложение написать что-нибудь еще для детей. “Петушок”, “Ручеек”, “Времена года” – один за другим появляются мои сборники. Я только успеваю написать, как хор Евгении Фабиановны распевает мои новинки. Весело было писать, весело было слушать свои хоры в прелестном детском исполнении. Таким образом, для Гнесинского детского класса я написал почти все свои хоровые детские песни. Вспоминается при этом милая Татьяна Васильевна Фигуров-

⁶⁹ В архиве Ел. Ф. Гнесиной сохранились фрагменты рукописных журналов «Жив курилка» и «Мысль и чувство» (ММКЕЛФГ, X-84).

⁷⁰ Гречанинов А. Моя связь со школой // За тридцать лет. 1895–1925. М., 1925. С. 37–40.

ская – этот преданнейший друг школы. Она заботливо снабжала меня текстами, из которых многие пошли в дело. Дружеская связь моя с Гнесинским музыкальным домом из года в год укреплялась этой совместной работой по детскому хору».

В работе по обогащению музыкальной литературы для учащихся позже приняли участие и мои сестры Елизавета и Ольга, и брат, композитор М. Ф. Гнесин, написавший несколько сборников четырехручных пьес для фортепиано. Эта работа по сие время продолжается в стенах нашего Училища.

Читатель простит мне упоминание и [о] моих скромных заслугах по обновлению детской фортепианной литературы. В моей работе по сочинению, которую я не прекращаю и в настоящее время, меня привлекала задача пополнения скудного репертуара для начинающих. В сочиненных мной многочисленных этюдах и пьесах в две и в четыре руки я пыталась разрешить задачу совмещения в них, с одной стороны, техническо-инструктивной плавности с наличием понятного детям художественного образа.

Отмечая исполнившееся мое семидесятилетие, преподаватели нашей детской школы позабавили и порадовали меня экспромтом в виде исполнения детьми семидесяти моих пьесок – вариант принятого в Англии торжественного пирога с зажженными по числу прожитых лет свечами!

Период моих концертных выступлений (в девяностые годы на периферии концерты в пользу студенческих организаций-«землячеств») привлек к нашей семье группу передовой студенческой молодежи – деятельных организаторов этих концертов: медиков, химиков, филологов и др. Некоторые из представителей этой молодежи пережили немало трудных моментов благодаря своей революционной направленности.

Проявившиеся заметные способности и склонности к живописи у моих сестер Марии и Ольги и к поэзии у сестры Елизаветы привлекали к нам и художников, и литераторов. Наши встречи и беседы с ними всеми в свободные вечера (вместе с не переводившейся в нашем доме талантливой музыкальной молодежью) вносили новую струю интересов, переходивших пределы искусства. Тогда же возникла прочная дружба с семьей Савиных. А. Н. Савин, историк, тогда доцент Университета, вступил в нашу семью в 1901 году как муж старшей сестры, и с тех пор, до безвременной своей смерти (1923 г. в Лондоне во время научной командировки) он жил у нас, цenia наше Училище, входя во все его интересы, и в трудные годы, не щадя своих сил, самоотверженно помогал нам. А. Н. Савин быстро выдвинулся как крупный ученый европейского значения. Вскоре (же) он стал профессором Университета, и его работы по истории Англии получили в Англии высокую оценку. При его поездках в Лондон для работы в Британском музее сестра сопровождала его и, достаточно владея английским языком, оказывала ему помощь в его работе.

Постепенно стены нашего Училища стали сосредоточением не только музыкальной жизни, но и жизни научной. У нас нередко устраивались собрания, в которых принимали участие такие ученые-историки, как Покровский, Кизеветтер, Петрушевский, Виппер, знаменитые Ключевский и (академик) Вино-

градов. Позже в этих собраниях стали принимать участие и ученики Савина, из среды которых вышло несколько выдающихся в наше время историков. К группе той же студенческой молодежи, входившей в прочный дружеский кружок около нашего Училища, принадлежал и Д. К. Александров, теперь профессор химии, ставший в более поздние годы мужем моей младшей сестры Ольги. Немало самой разнообразной помощи Училищу оказывал Е. Ф. Витачек, со времени выхода за него замуж сестры Елизаветы. Е. Ф. Витачек – очень ценимый у нас деятель искусства, высококультурный представитель тончайшего и редкого в настоящее время мастерства создания высококачественных струнных инструментов; на специальных конкурсах его скрипки неоднократно выдерживали сравнение со скрипками Страдивари.

Последние годы жизни Скрябина я была очень дружна с ним и его семьей. Я часто бывала у Скрябиных, живших вблизи нас, дети Александра Николаевича учились в нашей школе. Скрябин, как и Рахманинов, бывали постоянными посетителями наших ученических концертов и школьных детских праздников. Скрябин способен был длительно восхищаться какими-либо пустяками при наличии в них эстетической ценности. Как-то Р. М. Глиэр привез мне из Японии несколько прелестных японских погремушек – одну из них я подарила маленькой Марине Скрябиной. Но Александр Николаевич отобрал ее у дочери, без конца вслушивался в созвучия при потряхивании игрушки, я часто видела его с этой погремушкой в руках, она в настоящее время хранится в Скрябинском музее.

Однажды я зашла к Скрябиным с вязаным разноцветными полосами шарфом на плечах. А. Н. без конца вглядывался в порядок расположения полос и соотношение красок; он попросил жену непременно связать ему точно такой же шарф и зарисовал при этом цветные полосы. Я ему сказала шутя, что будущие его биографы сочтут эту зарисовку за световую таблицу для исполнения «Прометея» (как известно, это произведение должно было, по замыслу автора, исполняться в сопровождении цветных лучей).

За несколько дней до его роковой болезни Скрябин был у нас; А. Н. Савин спросил его: «Как подвигается Ваша Мистерия?» На что Скрябин ответил: «Она вся у меня в голове. ...Осталась только неприятная работа – записать ее!» Через неделю после разговора Скрябин скончался. Я тяжело пережила эту неожиданную и преждевременную смерть⁷¹, так же как и смерть его сына Юлиана, бывшего ученика нашей школы.

К тем же годам относится моя дружба с Модестом Ильичем Чайковским, братом и биографом великого композитора⁷². Модест Ильич до последних своих дней был полон обожания в отношении к жизни и всей личности покойного брата. До самой смерти Модеста Ильича (он умер после длительной болезни) я навещала его и играла все любимые им сочинения: Чакону Баха-

⁷¹ См. публикуемые в данной книге письма к М. Ф. Гнесину от 1915 года.

⁷² См. публикуемые здесь письма к М. И. Чайковскому. В 1913–17 годах каждое лето сестры Гнесины отдыхали в имении Демьяново под Клином, где постоянно общались с М. И. Чайковским. Сохранились фотографии Гнесиных, сделанные М. И. Чайковским в саду Дома-музея П. И. Чайковского.

Бузони, Шумана – Романс *Fis-dur* и П. И. Чайковского – отрывки из его трио и др. сочинения.

Не могу не остановиться на некоторых подробностях, освещающих композиторскую деятельность моего брата Михаила. Первыми пропагандистами сочинений моего брата в Петербурге были А. И. Зилоти, а также Забела-Врубель и М. А. Бихтер. Зилоти неоднократно включал произведения тогда еще начинающего композитора в программу своих симфонических концертов, исполнял совместно с П. Казальсом его Сонату-балладу для виолончели с фортепиано, способствовал его первой поездке за границу и вообще сыграл благотворную роль в развитии его таланта. Исключительное значение для пропаганды творчества моего брата имели выступления И. А. Алчевского, с 1915 года – постоянного исполнителя его вокальных сочинений. Алчевский – замечательный оперный и камерный певец с огромным голосом, талантом, чрезвычайно благородный, пытливый и гениально одаренный человек. Почти не учась пению, он стал исключительно выдающимся певцом; совершенно не учась играть на фортепиано, он подряд, опус за опусом сыграл мне, притом с большим художественным вкусом, множество произведений Скрябина.

Его страстное отношение к сочинениям брата и вдохновенное исполнение совместно с талантливейшим пианистом Бихтером его сочинений поражало и трогало слушателей. Полный творческих замыслов, Алчевский внезапно умер почти на сцене, после гастрольного спектакля в Баку, в самом начале Октябрьской революции. Я очень тяжело пережила его преждевременную смерть⁷³.

В эти годы нас всех поджидало новое тяжкое горе. В 1918 году скончалась одна из основательниц Училища наша сестра Мария. Утрата сестры, деятельной сотрудницы, талантливой, живой и доброй, была чрезвычайно тяжелой и для семьи и для школы.

Перед тем, чтобы перейти к описанию жизни нашей школы в послереволюционный период, мне хочется упомянуть еще нескольких артистов и деятелей искусств, оказывавших нам помощь в нашей работе: превосходную пианистку Е. А. Бекман-Щербину, профессора Г. Э. Конюса, профессора А. Б. Гольденвейзера, А. М. Аврамова – одного из пионеров акустической науки в России.

Упомянутые концерты из сочинений моего брата в столицах были организованы журналом «Музыкальный современник», возникшим через несколько лет после смерти Римского-Корсакова и руководимом сыном великого композитора А. Н. Римским-Корсаковым в теснейшем содружестве с его женой, композитором Юлией Вейсберг. Вся семья Римских-Корсаковых и по настоящее время – близкие наши друзья и друзья нашего Училища. В их числе композитор М. О. Штейнберг, зять Н. Римского-Корсакова и друг моего брата со времени их совместного обучения у великого мастера.

⁷³ Об И. А. Алчевском см.: *Гнесин М. Ф. Семья Алчевских // Гнесин М. Ф. Статьи, воспоминания, материалы.* М., 1961. С. 129–131; письма к М. Ф. Гнесину в данной книге.

Возвращаясь к концертам из произведений моего брата (я имею в виду более поздние годы), вспоминаю, как все мы радовались превосходному исполнению его сочинений певцами Духовской (с тем же Бихтером), Акимовой и К. Дорлиак. Приблизительно с 1924–25 гг. становится пропагандисткой сочинений брата – и вокальных, и камерно-инструментальных – пианистка М. В. Юдина, исключительно выдающаяся и глубокая артистка и музыкальная деятельница, в настоящее время профессор Московской консерватории и сотрудник нашего Училища.

С Октябрьской революции для нашей школы наступила новая эра. Вспоминаю о первоначальных трудностях, которые школе пришлось преодолеть в течение тяжелых лет мировой и, вслед за ней, гражданской войны и связанной с ними разрухи. Общая любовь и преданность к делу творчески солидарного коллектива помогли преодолеть все трудности. В плохо отапливаемых помещениях, в валенках и шубах, руководители и учащиеся продолжали занятия, сдавали зачеты и устраивали концерты.

Октябрьская революция открыла перед нашей школой новые возможности. Включенная в 1919 году в сеть государственных учебных заведений под названием «Московской государственной показательной Музыкальной школы»⁷⁴, она значительно расширилась в отношении как количества учащихся и педагогов, так и учебного плана. Школа переходит на государственный бюджет, обучение в ней становится бесплатным. В конце 1923 года, по ходатайству сотрудников и учащихся школа получает название «Государственного музыкального техникума имени Гнесиных»⁷⁵. Совершенно лишенная до революции какого-либо внимания со стороны государства, школа сразу же получает полную поддержку Советского правительства, оказывается выдвинутой в первые ряды признанных образцовыми культурных учреждений.

А. В. Луначарский в записке, адресованной в одно из советских учреждений по поводу нашей школы, пишет: «...Обращаю Ваше внимание на то, что это совершенно образцовая школа. Я знаю очень немного учебных заведений, считая все типы школ в Москве, которые доставляли бы мне столько радостей своей деятельностью, добросовестностью и необычайно плодотворной работой». В обстановке новых, здоровых революционных и демократических тенденций, общественного признания, а также исключительного внимания и доверия создается почва не только для успешной работы, но также и благоприятные условия для проявления широкой инициативы во всяких новых, прогрессивных и интересных педагогических начинаниях.

Когда в 1918 году организованный Музыкальный отдел Народного Комиссариата по просвещению приступил к разрешению вопросов, связанных с реформой музыкального образования, наша семья, и особенно моя сестра Евге-

⁷⁴ Первоначальное название после национализации – «Вторая московская государственная музыкальная школа»; с 1920 года называлась «Третьим московским государственным показательным музыкальным техникумом».

⁷⁵ Имя Гнесиных было присвоено техникуму только в 1925 году, к 30-летию, постановлением Московского отдела народного образования (МОНО). В 1923 году, по ходатайству сотрудников, техникум стал именоваться «бывший Гнесиных».

ния, приняла деятельное участие в работе по преобразованию музыкальных учебных заведений⁷⁶. (Значительную помощь в работе оказывал возникший в 1918 году Союз Всерабис и тогда же образованный Первый объединенный местком музыкальных школ Москвы, первым председателем которого был прекрасный, высокоинтеллигентный музыкант и человек И. Г. Званский, а я была его заместителем.) Однако характер работы нашей школы, ее основные принципы были таковыми, что в основном не были не только изменены, но скорее даже легли в основу новой советской реформы. Новое положение о музыкальных специальных школах⁷⁷, в целях организации профессионального обучения в них, предъявило требования к оканчивающим их: «быть действительными специалистами, владеющими своим инструментом настолько, чтобы быть использованными либо как артисты-исполнители, либо как деятели музыкальной педагогики...»

Между тем наша школа еще задолго до Революции стала на путь действительно профессионального обучения. Многие ученики поступали в школу для того, чтобы вслед за тем перейти после соответствующей подготовки в консерваторию для завершения музыкального образования. Среди наших учеников были такие выдвинувшиеся впоследствии музыканты, как всемирно известный пианист Н. А. Орлов, учившийся в школе одновременно со своим братом и матерью О. Н. Орловой. У нас учился А. Юрасовский, сын выдающейся певицы московского Большого театра Н. В. Салиной, впоследствии талантливый композитор, написавший оперу «Трильби», и многие другие впоследствии видные музыканты. Окончивший нашу школу в 1921 году замечательный пианист Л. Оборин в заметке «О годах учения в Техникуме», в сборнике, посвященном его сорокалетнему юбилею, пишет: «Что мне хочется особо отметить в педагогической работе Гнесиных, это – то большое внимание, которое обращалось и обращается до сих пор на эстрадное воспитание учащихся. Частые обязательные выступления на всякого рода закрытых, открытых и показательных вечерах давали возможность ученику с первых же лет привыкнуть к эстраде, к целеустремленности в работе. Ученик чувствовал, что он работает действительно как исполнитель, который должен передать свое искусство другим, а не как комнатный музыкант»⁷⁸.

Еще задолго до советской реформы музыкального образования, с первых же шагов нашего существования мы старались стать на путь новых исканий в области педагогики, избегать устарелых трафаретов преподавания музыки. Так, моя сестра Евгения вводит швейцарский метод Шассевана при изучении детьми музыкальной грамоты, заключающийся в применении подвижных накладных нот при диктанте, который при таком методе становился одним из любимых занятий детей. Учитывая большое значение подготовки музыкан-

⁷⁶ Евг. Ф. Савина-Гнесина была заведующей отдела детских школ МУЗО (Музыкального отдела) Наркомпроса. Ею и была разработана программа, принятая во всех музыкальных школах «первой ступени» (то есть соответствующих детской школе).

⁷⁷ Специальными музыкальными школами тогда называли все детские музыкальные школы.

⁷⁸ См.: Сорок лет Московского государственного музыкального техникума им. Гнесиных. М., 1935. С. 67.

тов-педагогов, я издавна вела класс методики фортепианной игры. Могу сказать, что значительная часть педагогов нашей школы, также и некоторых других школ проходили у меня методику фортепианной игры. Мы всегда ставили себе задачу выпуска из школы не только хороших исполнителей, но вместе с тем и всесторонне образованных музыкантов(-педагогов).

Прекрасным средством для музыкального развития детей всегда являлись у нас уже упомянутые мною хоровые занятия. Занятия с женским и смешанным хором, которые раньше проводились мною, я передала потом моему ученику К. П. Виноградову, впоследствии хормейстеру и дирижеру театра имени Станиславского. Мы много поработали в отношении совершенствования хоровой работы; благодаря этому мы сумели обеспечить вполне хорошее исполнение не только хоров в наших оперных постановках, но даже и таких трудных произведений, как «Поэма о Сталине» А. Хачатуряна, исполненная силами хора и оркестра учащихся на праздновании сорокалетнего юбилея нашей школы в 1935 году.

Классы пения, оперного и камерного, являются у нас самыми молодыми. И это вполне понятно: ведь наша школа была построена не по составленному плану, а развивалась постепенно и органически. Естественно, что ряд новых отраслей музыкальной работы, особенно со взрослыми, вырос лишь впоследствии, уже после того как мы приобрели значительный опыт в работе с детьми.

Так, организации нашего симфонического оркестра предшествовали различные детские фортепианные и инструментальные ансамбли, постановкам больших классических опер – детские оперные спектакли.

Я не упомянула до сих пор о том, что с юных лет буквально все члены нашей семьи проявляли любовь и способности к театру, так что для некоторых из нас в свое время возникал даже вопрос – не избрать ли сцену основной специальностью⁷⁹. Возникновение оперных постановок в нашем Училище наполняло радостью нас всех.

Вот что пишет о наших детских спектаклях руководитель их В. Л. Нардов (певец и режиссер Московского Большого оперного театра): «Если не ошибаюсь, в 1922 году Елена Фабиановна звонит мне, начинающему режиссеру, и просит помочь организовать подготовленный у них спектакль детских опер – “Теремок” Гречанинова и “Репку” маленького Фабия Витачека, сына Елизаветы Фабиановны. Откликнувшись по старой памяти на эту просьбу, я сразу увидел, что помощь сводится к пустякам, настолько все было великолепно разучено и слажено Евгенией Фабиановной. Даже незатейливое, но остроумное оформление было сделано самими ребятами. Я был на нескольких репетициях исключительно для того, чтобы любоваться этой трогательной и очаровательной работой маленьких артистов. Я был искренне восхищен и заинтересован совершенно исключительным педагогическим тактом и

⁷⁹ Такой вопрос мог стоять перед Ольгой Фабиановной Гнесиной, принимавшей участие в летних гастролях Малого театра вместе с братом Григорием Фабиановичем, в дальнейшем постоянно выступавшим как драматический актер.

чутьем Евгении Фабиановны, ее терпением, любовью к детишкам и творческим энтузиазмом»⁸⁰.

Работа по постановке детских оперных спектаклей столь увлекательная и для детворы и для руководства, продолжала интересовать нас и в позднейшее время.

В 1938 году состоялась постановка прелестной детской оперы «Гуси-лебеди» Юлии Вейсберг, уже упомянутой мною талантливым композиторе, впоследствии трагически погибшей в Ленинграде в дни его героической обороны против немцев.

Наряду с детскими спектаклями, на основе приобретенного таким образом опыта, наш художественно и организационно окрепший коллектив сумел поставить ряд больших оперных спектаклей, продемонстрировавших достаточно высокий уровень сценической и музыкальной культуры. Таковыми были – имевшая большой успех (в 1932 году) «Свадьба Фигаро» Моцарта, повторенная многократно в различных аудиториях, постановки «Евгения Онегина» Чайковского (в 1934 году), комической оперы Делиба «Король сказал» (в 1935 году), новой и талантливой оперы Ю. Вейсберг «Гюльнара» (в 1936 году⁸¹). Последней нашей оперной постановкой была опера Мусоргского «Сорочинская ярмарка», также повторенная несколько раз. Отечественная война и, увы, недостаток мужских голосов приостановили нашу работу в этом направлении.

Класс «детского сочинения» открылся у нас в 1932 году. Цитирую заметку композитора Е. Месснера, ученика моего брата Михаила, которому было поручено руководить занятиями с детским творческим классом: «Из числа учеников Музыкальной школы, – пишет Е. Месснер – была выделена группа детей наиболее музыкально одаренных и проявивших склонность к композиции. Было решено не отрывать этих ребят от их основной специальности, а заниматься с ними композицией попутно, не предрешая при этом, кому из них предстоит в дальнейшем стать композиторами... Программа охватывает как самые элементарные сведения и навыки, необходимые для творчества, так и довольно сложные вопросы музыкального искусства... Преподавание ведется в доступном детском возрасту изложении и прорабатывается на образцах художественной литературы. В первый год ученикам дается полный простор в их сочинительстве. Поощряется сочинение отдельных небольших вещей без определенного формального задания, но с ясно выраженным конкретным содержанием сюжетного или эмоционального характера. Со второго же года ученикам сообщаются некоторые понятия о форме. Как выяснилось, на третий год наиболее успевающие могут пойти и дальше в сочинении, вплоть до небольших рондо, пишутся пьески для фортепиано и других инструментов с сопровождением, а также музыка на текст... Сложно и многооб-

⁸⁰ Нардов В. О Гнесиных // Сорок лет Московского государственного музыкального техникума им. Гнесиных. М., 1935. С. 63–64.

⁸¹ Премьера этого спектакля состоялась в начале 1937 года.

разно совершается у них всех переход от чистого подражания к появлению некоторых индивидуальных черт. Для многих большие трудности представляет овладение гармоническим языком. С наибольшей легкостью сочиняют дети, склонные к импровизации, но зато для них известные трудности представляет запись их сочинений... »⁸²

Творческим отделом для более взрослых, начиная с 1923 года и почти непрерывно, руководит мой брат Михаил. Много помогли нам в этой работе Р. М. Глиэр, а в (последние) годы, после переезда брата в Ленинград, также В. Я. Шебалин. Ранее, чем во всех других музыкальных заведениях, у нас был принят метод практического обучения композиции наряду, а не после овладения теоретическими дисциплинами. К композиции допускались не только лица с ярко выраженными творческими данными, но также и ряд пианистов, скрипачей, певцов и др. Это значительно содействовало повышению их общего музыкального развития, некоторые же из них проявились впоследствии как музыковеды и даже как подлинные композиторы. Из числа учащихся творческого отдела училища вышли впоследствии такие видные советские композиторы, как Арам Хачатурян, Тихон Хренников, Аро Степанян, Ю. Тихомиров, Е. Голубев и многие другие. В настоящее время, одним из наших преподавателей является уже сын моей сестры, Фабий Витачек, заметный и сильно одаренный молодой композитор, обучавшийся в нашем же училище и имевший возможность демонстрировать здесь свои первые, еще полудетские, сочинения и в их числе уже упомянутую нами маленькую оперу-сказочку «Дедка и репка», сочиненную им в возрасте одиннадцати лет.

В дополнение ко всему рассказанному мною об учебной жизни в нашем училище, мне хочется указать на две важные и новые, характерные для современности стороны нашей работы.

Я имею в виду, во-первых, крупную роль общественных организаций учащихся и педагогов, вспомогательная работа которых неизменно сопутствовала художественной и организационной деятельности руководителей училища, поднимала весь коллектив на преодоление трудностей, содействовала росту творческой инициативы, способствовала укреплению учебной дисциплины.

Другой чертой, типичной для нашей эпохи, является новый в послереволюционный период уклон в работе учащихся, при котором приобретение ими исполнительских и творческих умений сочетается с практическими навыками в работе в самых разнообразных аудиториях и планомерным участием в музыкально просветительской работе с широкими массами. Так, за годы Отечественной войны наше Училище (группы учащихся) дало свыше пятисот разнообразных концертов, обслуживавших красноармейские части фронта и тыла.

⁸² Месснер Е. О детском творчестве // Сорок лет Московского государственного музыкального техникума им. Гнесиных. М., 1935. С. 40–42.

На этом я заканчиваю беглый, далеко не полный и не вполне систематический очерк основных вех музыкально-жизненных путей нашей семьи и Училища, с которым она так связана.

Я не имею здесь возможности, шаг за шагом проследить ход развития училища. Размеры очерка также не позволили мне перечислить и охарактеризовать работу многих, в том числе и очень видных, педагогов, постепенно входивших в состав училища (из среды бывших наших питомцев или профессоров консерватории, а также сценических деятелей).

(В 1944 году, еще в тяжелые годы Отечественной войны, Правительство нашло возможным утвердить на базе Училища Музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, предвидя в ближайшем будущем большую потребность в музыкально-педагогических кадрах.)

Наше училище, которое в первые годы после его основания, при всей серьезности постановки в нем теоретических классов, было в сущности начальными курсами фортепианной игры с тремя преподавательницами и тридцатью учениками, в пятидесятый год своего существования, на сегодняшний день, является Музыкально-педагогическим институтом, представляющим Комбинат из высшей музыкальной школы, училища, т. е. средней школы, и подготовительной детской музыкальной школы⁸³. В этом объединении музыкальных учреждений имеется свыше ста педагогов и свыше тысячи учащихся. Здесь могут получить законченное образование музыканты любой исполнительской специальности и притом [по окончании быть] подготовлен(ой)[ыми] к педагогической работе. Такое же законченное образование будут получать здесь и композиторы, и музыканты-теоретики, и дирижеры – руководители хоров. Внимание нашего Правительства, кроме как в уже упомянутых мероприятиях, выразилось, в частности, и в том, что для нашего учреждения достраивается превосходное большое здание в центре Москвы, которое мы надеемся оборудовать как настоящий дворец музыкального просвещения.

Еще несколько слов о моей личной общественной жизни: вместе с постепенным ростом Училища у меня, как и у других сестер, не оставалось времени и специальной сосредоточенности для концертных выступлений. Надо учесть и то, что педагог послереволюционной эпохи в нашей стране в гораздо большей степени был вовлечен, чем это было прежде, и в научную работу по своей специальности, и в работу общественную (и не только в пределах своего учреждения). Я, к примеру, бывала избираема в Центральный Комитет Союза работников искусства; в настоящее время я уже несколько лет состою депутатом Московского Городского Совета. Глубоко интересная работа в этих учреждениях дает возможность как бы включаться в очень широкий круг общественных явлений и, в известной мере, активно участвовать в строительстве общественной жизни страны. Не приходится и распространяться о

⁸³ В период написания воспоминаний в составе «комбината» еще не было спецшколы-десятилетки: она начала работу в сентябре 1946 года.

том, какое моральное удовлетворение дают всем нам художественные достижения наших учащихся, получающих признание как артисты-исполнители, дирижеры, ученые, композиторы и педагоги. Многие из них бывали премированы на (всесоюзных) конкурсах, включая и международные.

Я счастлива, что мне довелось принимать активное участие в жизни нашего учреждения от момента скромного его возникновения до настоящего периода его расцвета, счастлива я и тем, что на протяжении своего уже длительного жизненного пути я сталкивалась со многими выдающимися людьми в среде своих учителей, своих близких, товарищей по искусству, в среде деятелей науки и общественного строительства. Несмотря на мои семьдесят лет я еще не слишком устала от работы и не утратила вкуса ни к жизни, ни к деятельности. Продолжать участвовать в строительстве художественной культуры нашей страны, видеть исцеление Родины от всех ран, нанесенных ей врагом, и наблюдать новый, еще небывалый ее расцвет – предмет моих сильнейших желаний и надежд.

1946 год

Беседа Ел. Ф. Гнесиной с П. В. Лобановым⁸⁴

Запись беседы на магнитофонную пленку осуществлена П. В. Лобановым 18 апреля 1964 года в кабинете Гнесиной в ее квартире – ныне Мемориальном музее-квартире Ел. Ф. Гнесиной.

П. В. Лобановым, кроме этой беседы с Гнесиной, была записана еще одна – 1 апреля 1965 года, не предполагавшая определенной темы: разговор касался самых разных вещей. Очевидно, сначала Лобанов задал вопрос о том, как создавались учебные заведения имени Гнесиных. В беседе участвовала и Л. Б. Булатова.

Расшифровка магнитофонной записи, предоставленной П. В. Лобановым Мемориальному музею-квартире Ел. Ф. Гнесиной, осуществлена Н. С. Сванидзе.

Ел. Ф. Гнесина: У нас очень дело сразу пошло. Я все это пишу. Был профессор Кашкин, у которого Евгения Фабиановна и я – мы все учились у него, друг Чайковского. Тогда Евгения Фабиановна обратилась к нему с вопросом: «Вот мы две кончили, сейчас третья сестра Мария кончает, потом две еще учатся». Вот он сказал ей: «Если кому-нибудь суждено создать настоящую школу, так это только Гнесиным. Три сестры уже [закончили], две еще кончают, а дальше подрастают еще музыканты – братья маленькие. От-

⁸⁴ Впервые опубликовано: Елена Фабиановна Гнесина. Из неопубликованных воспоминаний. (Публикация и комментарии В. В. Троппа) // Альманах «Журнал наблюдений». М., 2005. С. 153–161. Далее в альманахе помещена статья его главного редактора А. Е. Килимник о Ел. Ф. Гнесиной: «Дайте мне гвоздей! А без машины я обойдусь!» (с. 162–173).

Запись беседы хранится: ММКЕлФГ, архив музея, аудиозапись (магн. пленка) № 4а.

крывайте школу! Первый год откроете, у вас будет тридцать учениц, второй год уже будет шестьдесят. Вы увидите, как у вас пойдет дело».

П. В. Лобанов: Это он вам посоветовал?

Е. Г.: Пророчески подсказал.

П. Л.: Это кто, Елена Фабиановна?

Е. Г.: Это Кашкин, Николай Дмитриевич Кашкин. Это большой, известный музыкант... Воспоминания о Чайковском Кашкина Вы знаете? Предсказание исполнилось совершенно. Мы открыли школу. Повесили вывеску. Это было 15 февраля 1895 года. Открыли, повесили вывеску, и в первый же день к нам пришла молоденькая девушка Верочка Блюменфельд, которая все юбилеи у нас бывала, вплоть до Октябрьской революции – она погибла в Можайске⁸⁵.

П. Л.: Но не родственница пианиста Блюменфельда⁸⁶, конечно? Однофамилица Блюменфельда?

Е. Г.: Да, конечно!

П. Л.: Первая Ваша ученица?

Е. Г.: Нет, [ученики] у меня были раньше. Ведь мой стаж сейчас семьдесят лет. А перед этим я еще около пяти лет преподавала в гимназии Арсеньевой. Мне было пятнадцать лет, даже уже около шестнадцати лет, когда скончался наш отец⁸⁷, надо было начать зарабатывать на жизнь. Мы жили, средств не получали никаких. Тут мне случайно подсказали, что освобождается место в интернате гимназии Арсеньевой. А он, Зверев, тогда был председателем всех таких закрытых учебных заведений. Я пошла к нему: «Николай Сергеевич, мне очень нужно сейчас начать зарабатывать, Вы не можете меня рекомендовать? Там освободилось место». Помню его слова: «Эх ты, такой вертопрах, ну куда тебе уроки давать!» Помню его слова – «вертопрах». «Нет, я могу обещать, что буду очень серьезно работать, серьезно заниматься». И он меня рекомендовал. Я там несколько лет занималась. И меня уважали ученицы, которые были старше меня – я была моложе.

П. Л.: Преподавали там фортепиано?

Е. Г.: Это хорошо помнил, например, покойный Чичкин Алеша, который умер так внезапно, бедный.

П. Л.: А он там занимался?

Е. Г.: Кто, Алеша?

П. Л.: Алеша.

Е. Г.: Это же мой ученик с детства! Он у меня кончил.

П. Л.: Вот он занимался у Вас в школе или в интернате?

Е. Г.: Нет, он занимался у нас в школе, но он помнил, что моя первая ученица была его тетка – Варвара Васильевна Чичкина. Она была старше меня на три года – он это помнил.

⁸⁵ Здесь очевидная неточность: Вера Блюменфельд откликнулась на юбилеи учебных заведений им. Гнесиных до Великой Отечественной войны – вероятно, она погибла именно во время военных событий.

⁸⁶ Имеется в виду Ф. М. Блюменфельд.

⁸⁷ Отец Гнесиных скончался, когда Елене Фабиановне было не менее семнадцати лет – в 1891 году.

П. Л.: Так.

Е. Г.: Да, я могла бы много рассказать, но я боюсь, что я вот болтаю...

П. Л.: Нет, это очень интересно, только мы Вас задерживаем.

Е. Г.: Нет, я с удовольствием завсегда. Я говорю, что я потеряла голос.

П. Л.: Нет, Вы знаете, у Вас очень хороший голос.

Е. Г.: Хрипло я говорю. Мне кажется, что я совершенно хриплю. А другие говорят, что в микрофон будто бы не слышно. Вот я выступала, тут концерт был в Новомосковске. Знаете?

П. Л.: Да.

Е. Г.: Пришли ко мне сюда неожиданно с микрофоном, сказали: «Сейчас идет там концерт, и Вам придется сказать слово». Пришлось сказать, что я не могу говорить, у меня голоса нет. Но потом сказали, что все, что я говорила, было очень хорошо слышно.

П. Л.: У Вас такой хороший голос, что не может он так испортиться, что его бы совсем не было слышно.

Е. Г.: Нет, я совсем охрипшая. Вот в мае месяце выйдет книжка с моими воспоминаниями⁸⁸. Надеюсь, Вы их прочтете?

П. Л.: Обязательно, обязательно.

Е. Г.: Я эти записки писала давно, когда еще была директором училища. Обратилась «Академия»⁸⁹ – если помните, к Скребкову Сереже, Сергею Сергеевичу, что они будут издавать такую книгу «Москва», где будут напечатаны статьи о всех видах обучения в Москве. Все статьи про индустриальные вузы, но одна глава будет посвящена музыкальному образованию. «Мы Вас просим, будем просить [через Вас] товарища Гнесину, чтобы она написала воспоминания». Я, конечно, прежде всего отказалась: «Как я буду писать? Пусть Гольденвейзер пишет». – «Нет, просили Вас». – «Почему?» – «Потому что известна ваша семья, что у вас целая семья музыкантов». Нас было девять человек – семь из них были музыканты. Поэтому это поручили мне, но я как раз меньше всего писала биографию. Я писала о том, что в те годы окружало меня. Писала о том, как при нас возникал Художественный театр. Он моложе нас на три года. Как бывали у нас Алексеев (Станиславский), Лужский, Книппер-Чехова и все, все, все. Обо всех и обо всем написала. Может быть, Вы найдете мои воспоминания интересными. Когда я их написала, я никому их не показывала. Я не придавала им значения. А когда я их два месяца тому назад показала Юрию Владимировичу⁹⁰: «Не хочешь ли ты познакомиться? Вот я когда-то писала воспоминания. Очень внимательно прочитай. Это займет у тебя всего пятнадцать минут, не больше». Он прочитал и сказал только два слова: «Достойны опубликования». Тогда я «охрабрела». Если так – покажу еще кому-нибудь. Показала Пекелису, показала Ле-

⁸⁸ Имеется в виду журнал «Советская музыка», 1964, № 5. Там к юбилею Ел. Ф. Гнесиной опубликованы: Гнесина Е. Ф. Из моих воспоминаний; Риттих М. Э. Елене Фабиановне – 90!

См. в данной книге воспоминания Ел. Ф. Гнесиной «Из истории нашей семьи – истории наших учреждений» и комментарии к ним на с.???

⁸⁹ Издательство «Академия».

⁹⁰ Ю. В. Муромцев.

вику – они все одобрили. Параничеву⁹¹ показала. Когда несколько голосов было «за», тогда уже показала Риттих, которая, стала «председателем», то есть редактором-составителем этой будущей книги об учебных заведениях⁹². Она показала ее Эдельману⁹³. Я его еще в глаза ни разу не видела. Мы с ним только по телефону разговаривали. Знаете его?

П. Л.: Эдельмана? Знаю.

Е. Г.: Георгия Яковлевича?

П. Л.: Да, знаю.

Е. Г.: Я просила передать ее ему. Он прочитал раз, потом второй раз прочитал, потом мне после этого позвонил: «Второй раз перечитываю и нахожу, что Ваши воспоминания очень интересны, и мы их напечатаем». «Только, – я говорю – напечатайте целиком, я не хочу иначе». Сначала они думали напечатать половину. Я сказала: «Нет, я не хочу, тогда не надо печатать совсем». А потом сказали: «Нет, будет напечатано целиком».

П. Л.: В одном номере?

Е. Г.: В одном номере, только в майском.

П. Л.: Хорошо, Елена Фабиановна. А когда Вы с Валерией Владимировной Листовой познакомились? Мне интересно.

Е. Г.: Это было давно, еще до революции. По-моему, до революции она начала у нас заниматься. Была школа Ярошевского Адольфа Адольфовича – прекрасный был музыкант! У него была школа, Листова там преподавала⁹⁴. Она пригласила меня как-то прийти туда послушать. И вот ее ученик – забыла его имя – он потом преподавал в консерватории и у нас преподавал⁹⁵. Ученик с девочкой сыграли вдвоем четырехручную вещь Равеля. Как называется вещь, ты не знаешь?

Л. Б. Булатова: На два рояля?

Е. Г.: На два рояля.

Л. Б.: «Ноктюрны»⁹⁶.

Е. Г.: Прелестная вещь на два рояля – никто не играет у нас. Я пришла в восторг. Стала ее спрашивать: «Что это – талантливые ученики или талантливый педагог?» Она говорит: «Вот видите, я Вам показала». «Хорошо, хо-

⁹¹ О. С. Параничев в то время был секретарем партбюро института. То, что Ел. Ф. Гнесина показывала ему текст своих воспоминаний, означает лишь жесткость принятых тогда правил: любую печатную работу вначале утверждает и «одобряет» партбюро.

⁹² Имеется в виду создаваемая книга «История музыкальных учебных заведений имени Гнесиных», которой Елена Фабиановна придавала большое значение. Книга вышла значительно позднее (М., 1981). М. Э. Риттих подготовлена также книга «Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников» (1-е изд. – М., 1982, 2-е, расширенное издание – М., 2003).

⁹³ Г. Я. Эдельман работал в редакции журнала «Советская музыка», в связи с чем и возникли переговоры с ним о публикации в журнале воспоминаний.

⁹⁴ Здесь Ел. Ф. Гнесина ошибается в датах. А. А. Ярошевский, друг Гнесиных по консерватории (был соучеником Евгении Фабиановны), преподавал в консерватории, скончался в 1910 году, то есть еще до организации его учениками и последователями Техникума им. А. А. Ярошевского (1919). Там В. В. Листова и преподавала до 1927 года, и только после закрытия этого техникума стала работать в учебных заведениях имени Гнесиных.

⁹⁵ Имеется в виду Э. И. Гроссман.

⁹⁶ Имеется в виду симфонический цикл К. Дебюсси «Ноктюрны» в переложении для двух фортепиано М. Равеля.

рошо!» – я ее похвалила, и после этого мы ее пригласили к себе. Она сейчас же откликнулась и стала у нас заниматься. А перед этим у нас занималось много педагогов. Бекман-Щербина – одна из первых, которая к нам примкнула. Очень талантливый человек, но как преподавательница она была не очень хорошая. Она не очень интересовалась учениками, их исполнением, а сама играла совершенно замечательно. Я ее спросила как-то – она была невнимательна на уроке: «Леночка, ну как ты можешь так спокойно, равнодушно слушать этого ученика, когда у него столько ошибок?» Она ответила мне: «Зачем же мне раздражаться? Я в это время думаю о самых приятных мне вещах!»

У меня еще есть старые записи-книжечки.

П. Л.: Занятий с учениками?

Е. Г.: Как же! Есть у меня ученик, он давно у меня учился. Такой Петя Недошивин – он уже инженер. Так он теперь боится прийти ко мне сознаться, что он давно уже бросил играть Мендельсона.

П. Л.: Вы всегда много проходили его произведений?

Е. Г.: Много проходила. Я ученица Сафонова. Сафонов своих учеников воспитывал на Песнях без слов Мендельсона. Был у него такой Кенеман – его называли «манекен». Он был Фома по имени – его называли Федор Федорович. Я вам говорила, кто мой фотограф, который снимает меня очень хорошо? Я ему задала трудную задачу (это не относится к методике). У меня была групповая фотография очень хорошая, на которой было заснято собрание всех музыкантов, всего мира московского. Это было до революции, к сожалению, не помню в каком году⁹⁷. Был вечер, посвященный Сергею Ивановичу Танееву, и был тогда в Петербурге Квартет имени [герцога] Мекленбургского. Так тот Квартет сыграл все его квартеты, был вечер квартетов Танеева. Его чествовали, был маленький банкет. Собрались буквально все музыканты, сделали группу. Я очень дорожила фотографией, но она у меня висела летом на солнце незащищенная и совершенно выцвела. Теперь, хотите покажу, что делает мой фотограф? Сейчас. Там у меня есть. Где-то мои фотографии? Нет, не то. Нет, этого тут нет. Может быть, в той папке пакет с карточками? Вот пакет, надо достать. Что делает фотограф? Он сейчас делает громадную работу. Я ему сказала, что заплачу, сколько он захочет, только чтобы он восстановил мне эту группу. И вот он восстанавливает (сверху лежит). Показать вам несколько восстановленных? И то, что он делает – замечательно. [*Попутно замечает.*] Хотите видеть меня с Тихоном Хренниковым? Вот посмотрите, что сделал фотограф. Пока он сделал не четвертую – меньше четвертой части той группы. Так вы теперь можете узнать: это Селиванов⁹⁸. Видите, кто это?

П. Л.: Это кто же? Это вот Рахманинов. Ах, это Игумнов!

Е. Г.: Игумнов. Это Эйгес.

⁹⁷ Этот вечер состоялся в 1913 году. Фотография была сделана для газеты.

⁹⁸ На фотографии стоят во втором ряду: А. Б. Гольденвейзер, Селиванов, К. Н. Игумнов, К. Р. Эйгес, Ел. Ф. Гнесина, Ф. Ф. Кенеман, Е. О. Гунст.

П. Л.: Да.

Е. Г.: Это как будто бы я. Это певица Лавровская – знаменитая певица. Это как раз Федор Федорович Кенеман-«манекен». Он написал только дуэт, который пел всегда Шаляпин – «Как пошел король...» – что-то такое⁹⁹.

П. Л.: «...на войну».

Е. Г.: Это его сочинение – единственное, кажется, – пел Шаляпин.

П. Л.: Очень хорошее сочинение.

Е. Г.: Это он для Шаляпина делал.

П. Л.: Да, Шаляпин прекрасно поет.

Е. Г.: Еще два квартетиста, а в середине Танеев. Тут была пианистка Малиновская. А это Гунст, который возглавлял Общество камерной музыки. Оно было замечательно тем, что произведения исполнялись в небольшом зале, и там было такое правило, что не аплодировали никому! И в этом Камерном обществе – недавно я получила подтверждение от Кубацкого, у него оказалась программа 1912 года, где я исполняла¹⁰⁰, – было первое исполнение сонаты Михаила Фабиановича¹⁰¹, Сонаты-баллады, которую недавно играли Аджемов и Власов, которая имела большой успех.

П. Л.: Вот эту самую?

Е. Г.: Да, но сонату никто не играл. Потом играл в Ленинграде (Петербурге) Зилоти с Казальсом¹⁰². Он потом был в Москве, и я имела удовольствие, счастье играть с Казальсом эту самую сонату.

П. Л.: Так.

Е. Г.: Ну, а у этого Гунста я играла не с Казальсом, а с Крейном. Крейн Александр Абрамович – композитор, который был при этом еще виолончелист, но не очень сильный, ну, все-таки он был виолончелистом. Когда (я тебе рассказывала¹⁰³) мы сыграли эту сонату, тут был только что приехавший из-за границы Скрябин. Сидел, слушал. Когда сыграли мы эту сонату, публика зааплодировала, потом вдруг [раздался] шепот: «Здесь не аплодируют, тсс...» Скрябин прекратил, повернулся спиной к публике и сказал: «Я вижу, что здесь у вас одобрение пропорционально...» Одним словом – сочинение лучше того, чем его оценивают. Такой был смысл. Я забыла выражение. Надо вспомнить.

П. Л.: Одобрение, наверное, непропорционально сочинению.

⁹⁹ Песня (не дуэт) Ф. Кенемана называется «Король шел на войну».

¹⁰⁰ В программе этого вечера Открытого исполнительского собрания Общества по распространению камерной музыки, который состоялся 13 января 1913 года (а не в 1912 году, как указывает Ел. Ф. Гнесина), исполнялись следующие произведения: М. Ф. Гнесин. Соната-баллада для фортепиано и виолончели – исп. Е. Ф. Гнесина и А. А. Крейн; Е. О. Гунст. Соната-фантазия для фортепиано – исп. А. Б. Гольденвейзер; А. А. Борхман – Квартет для двух скрипок, альты и виолончели – исп. А. Я. Могилевский, В. И. Пакельман, В. В. Эмме, В. Л. Кубацкий.

¹⁰¹ М. Ф. Гнесина.

¹⁰² Премьера Сонаты-баллады состоялась в Петербурге в 1910 году в исполнении П. Казальса и А. Зилоти. В московском концерте, состоявшемся вскоре после петербургской премьеры, партнером Казальса была Ел. Ф. Гнесина.

¹⁰³ Реплика, очевидно, адресована Л. Б. Булатовой.

Е. Г.: «Сочинению, исполнению», – сказал Скрябин довольно громко. А потом, после этого вышел Гунст играть свою сонату¹⁰⁴ – для фортепиано. И когда он только вышел, ему подносят под аплодисменты большой лавровый венок. Это называется – аплодисменты воспрещены! А после этого был еще и квартет доктора Борхмана, ну очень среднее сочинение. Квартетисты сыграли – Скрябин был очень удивлен этим.

П. Л.: Это в 1912 году было?

Е. Г.: Это в двенадцатом было. У него есть программка. Он мне дал ее – я куда-то спрятала перепечатать. Перепечатать, чтобы показать, что эта соната исполнялась в Москве только один раз¹⁰⁵. Хорошая соната Михаила Фабиановича!

П. Л.: Да.

Е. Г.: Ее забыли, так же как забыли Михаила Фабиановича. Первый – в начале 1918-го года, в начале революции – он первый написал большое симфоническое произведение, которое называлось «Музыкальный монумент»¹⁰⁶. Вы знаете такое сочинение?

П. Л.: Нет.

Е. Г.: Это исполнялось тогда прекрасно! Дирижировал Бихтер – знаменитый музыкант. Ну, Михаила Фабиановича музыку у нас забыли, а в консерватории, к сожалению, не оценили.

П. Л.: Очень интересная фотография.

Е. Г.: Это вот, как он восстанавливает из ничего! Вот он принес показать. Я сказала: «Очень одобряю и прошу продолжить [работу]». Когда фотография будет немножко больше – я постараюсь найти жилплощадь, поместить ее у себя – в кабинете¹⁰⁷. Тут целый ряд педагогов, кроме Рахманинова, Игумнова.

П. Л.: А вот это кто, интересно, выглядывает?

Е. Г.: Это Селиванов, а это Гольденвейзер, про которого фотограф не понял – я начала не с него: «Это как же Вы обидели Гольденвейзера?»

П. Л.: А он вообще там на фотографии есть?

Е. Г.: Есть, есть. Вот он говорит: «Я его сделаю еще». Это мне дорого будет стоить, но знаете, какая это работа? Ведь он каждое лицо отдельно восстанавливает. Очень кропотливая работа! Но он делает эту группу замечательно.

П. Л.: Да, очень хорошо получается.

Е. Г.: У Вас есть моя фотография?

П. Л.: Вы мне ее подарили, Елена Фабиановна.

Е. Г.: Вот хорошо, это хороший портрет.

П. Л.: Хороший.

¹⁰⁴ Ошибка: как следует из приведенной программы, сонату исполнял не автор, а А. Б. Гольденвейзер.

¹⁰⁵ Из самого рассказа Ел. Ф. Гнесиной следует, что соната исполнялась не один раз.

¹⁰⁶ Здесь Елена Фабиановна допускает ошибку в датировке и названии произведения. «Симфонический монумент» М. Ф. Гнесина был написан к 10-летию Октябрьской революции, в 1927 году.

¹⁰⁷ Фотография в виде реставрированной копии была вывешена на стене кабинета Елены Фабиановны, где находится и поныне, являясь экспонатом мемориальной экспозиции Музея-квартиры.

Е. Г.: И я дала его издательству к моим воспоминаниям, которые будут печататься в майской книжке. Так я дала мой хороший портрет, но мне сказали, что «“Советская музыка” имеет своего фотографа – он Вас и снимет». Но то, что он снял, меня не удовлетворяет, конечно. Вот он меня снял вместе с Риттих – это еще ничего.

П. Л.: Это похоже, а почему они тот не могут поместить?

Е. Г.: Потому что вот это гораздо хуже того портрета.

П. Л.: Да.

Е. Г.: Снял он неплохо. Но он пришел вечером в темноте. Я была страшно усталая. Я же не предвидела, что он придет, не была как следует причесана. Но он сказал: «Нет, я снимаю хорошо, только я не умею ретушировать». А как же тогда быть? А он говорит, что ретушировать будет другой. Тогда я отказываюсь от этого.

П. Л.: А этот когда же снимок был сделан?

Е. Г.: Это я была прошлым летом в Рузе.

П. Л.: Ах, прошлым летом.

Е. Г.: Прошлым летом.

П. Л.: Понимаю.

Е. Г.: Тихон устроил мне Рузу¹⁰⁸. Все мне там отказывали. Я была в очень плохом состоянии. Это было после смерти Ольги Фабиановны. У меня была путевка в Архангельское¹⁰⁹, и я отказалась от нее. И думала поехать первый раз в жизни в Рузу. И вдруг такой ответ: «Нет, Вы опоздали, все дачи уже расписаны». Вы бывали в Рузе? Там дачи отдельные.

П. Л.: Я заезжал туда, когда там был Андрей Эшпай. Он там бывает иногда.

Е. Г.: Андрюша – это наш тоже.

П. Л.: Тоже Ваш питомец.

Е. Г.: Да.

П. Л.: Нет, Елена Фабиановна – это ничего фотография. Она, конечно, хуже той, но, по-моему, тоже неплохая.

Е. Г.: Если делается ретушь человеком, который меня не знает, он меня постарается омолодить – будет плохо.

П. Л.: Но Вы, вероятно, посмотрите, когда он сделает?

Е. Г.: Нет, когда я спросила, оказалось, что уже давно отдано в производство.

П. Л.: Вот даже как!

Е. Г.: Без меня. Ну что же делать?

П. Л.: Ну, там есть люди, которые Вас хорошо знают, они уж посмотрят, чтобы было сходство.

¹⁰⁸ Тихон – Хренников Тихон Николаевич. Имеется в виду Дом творчества композиторов «Руза», где Ел. Ф. Гнесина отдыхала летом в 1963–66 годах.

¹⁰⁹ Вместе с Ольгой Фабиановной Елена Фабиановна обычно отдыхала в военном санатории «Архангельское».

Е. Г.: Не знаю, говорят, что хорошо. Раз их собственный фотограф, то они находят, что хорошо. Ничего не сделаешь! Вы видели, какая я вышла ужасная с Гагариным¹¹⁰? Видели?

П. Л.: Нет.

Е. Г.: Я даже не позволила ее вывешивать. Я хотела показать еще кое-что.

П. Л.: Вы хотели что-то рассказать о Сафонове.

Е. Г.: О Сафонове?

П. Л.: Но сейчас мы дошли до Гагарина, так что будет трудно вспомнить.

Е. Г.: Видите в чем дело. Я о Сафонове могла [бы] Вам предложить почитать книжку. Кажется, Равичер издал книжку о Сафонове¹¹¹. Он сам никогда у него не учился, поэтому он должен писать со слов других. А о Сафонове хорошо написано в нашей книжке о тридцатилетии училища¹¹². Вы знаете такую книжку?

П. Л.: Да.

Е. Г.: Там он [Д. С. Шор] целую статью написал. Это было в честь нас, но он писал о Сафонове, об учителе Гнесиных. Он очень хорошо написал о Сафонове. Сафонов был замечательный учитель, он был замечательный пианист. Но он играл только камерно, он так не выступал¹¹³. Он выступал со своим сыном виолончелистом и с сыном скрипачом, а один он не играл. Он был замечательный пианист. И все из его школы – Рахманинов не был его, а Скрябин – его школа, Метнер тоже школы Сафонова. Он замечательный был. Я после Сафонова еще год была у Бузони. У Сафонова я была совсем молоденькой, четырнадцати-пятнадцати лет. Я играла все инвенции [Баха]. Я их не только играла, я их пела. У меня голос был хороший, он удивлял Сафонова – я пела их со всеми фиоритурами, со всеми мордентами. Так что я все переиграла, но когда я пришла к Бузони, я сказала, что играла все инвенции двух- и трехголосные, на что мне Бузони ответил: «Ну, а мы пройдем еще раз. Я люблю сам проходить их». Он играл правой рукой на одном инструменте, а ты там – второй голос левой рукой за другим роялем. Двухголосные инвенции было играть нетрудно, а трехголосные гораздо труднее.

П. Л.: Как же?

Е. Г.: Да, он уж требовал, чтобы средний голос не заглушал темы, чтобы звучали все звуки – то, что делает Гульд. Знаете эти пластинки¹¹⁴?

П. Л.: Да.

¹¹⁰ Фотография Елены Фабиановны с Ю. А. Гагариным была сделана во время его посещения Института им. Гнесиных в январе 1964 года. Эта фотография все же стояла на письменном столе Елены Фабиановны и сейчас находится в мемориальной экспозиции Музея-квартиры. Известно, однако, что Ел. Ф. Гнесина нередко убирала ее, недовольная этим снимком.

¹¹¹ *Равичер Я.* Василий Ильич Сафонов. М., 1959.

¹¹² За тридцать лет 1895–1925 (М., 1925). Эта книга издана к юбилею – 30-летию учебных заведений имени Гнесиных. Там помещен очерк Д. Шора «Учитель Гнесиных» (с. 46–51).

¹¹³ Имеется в виду, что выступал в камерных ансамблях, а не как солист.

¹¹⁴ Пластинка с записью исполнения Г. Гульдом Инвенций Баха как раз в тот период вышла в СССР.

Е. Г.: Гульд замечательно играет.

П. Л.: Бузони что же, заставлял Вас и петь – голоса в инвенциях – или только играть?

Е. Г.: Нет, один играет один голос – второй и третий играет другой, потом ты играй два голоса, тот будет играть третий.

П. Л.: На двух роялях?

Е. Г.: Да, да, да...

П. Л.: А когда Вы пели, Елена Фабиановна, то Вы один голос пели, а другой играли?

Е. Г.: Нет, это я говорю между прочим, что я пела, что у меня голос был, и я все пела. Я ведь могла быть певицей, а не пианисткой.

П. Л.: Да?

Е. Г.: Все преподаватели пения там [в консерватории] были знаменитости: [нрзб.]¹¹⁵, Джиральдони – все предлагали мне учиться. У нас мать пела прекрасно. Вы когда прочитаете нашу маленькую биографию, то там сказано, что мать была замечательной певицей. И мы детьми воспитывались только на итальянской музыке. Она пела арии из всех опер, потому что она училась у Монюшко¹¹⁶. Да, учитель был Монюшко!

Мои воспоминания о Рахманинове¹¹⁷

Ел. Ф. Гнесина на всю жизнь сохранила чувства преданности и восторженного почитания по отношению к Рахманинову. Еще до публикации книги воспоминаний, при первой же возможности – в 1953 году – были опубликованы ее небольшие мемуары в журнале «Огонек» (1953, № 2. С. 27). См. в данной книге также ее ходатайства от 1958 года о мемориальной доске С. В. Рахманинову и о стипендии имени Рахманинова, письмо японскому пианисту В. Н. Такеноучи от 22 ноября 1966 года. Бережно хранились все реликвии, связанные с Рахманиновым. Так, в архиве Елены Фабиановны ценнейшим документом является детская задачка по гармонии, написанная в консерватории (судя по трудности, в самом начале курса) 15-летним Рахманиновым. Это черновик со многими стертыми и исправленными фрагментами и многократной росписью Рахманинова (все написано карандашом; хранится: ММКЕлФГ, IV – 6, л. 1). В связи с детскими годами обучения в консерватории сестры Гнесины вспоминали немало проделок в отношении А. С. Аренского (сохранились стихи 1894 года Елизаветы Гнесиной об одной из таких проделок совместно с М. П. Владимирской-Корниловой). Ел. Ф. Гнесина рассказывала, как Рахманинову неоднократно подсовывали решения задач по гармонии, которые он сдавал Аренскому. Заподозрив это, профессор решил дать задание в классе одному Рахманинову, а сам «сторожил» у дверей. Находчивые товарищи специально нашли красивую студентку-вокалистку, которая сумела завлечь Аренского и увести от дверей, а Рахманинову тут же

¹¹⁵ Возможно, упоминается Е. А. Лавровская – в записи звучит неразборчиво.

¹¹⁶ Мать Гнесиных и ее сестры учились у С. Монюшко в Вильно, где они жили.

¹¹⁷ Печатается по авторской рукописи: ММКЕлФГ, V – 4. 14 л.

Впервые опубликовано: *Гнесина Е. Ф. О Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове*. 2-е изд. М., 1962. Т. 1. С. 220–228. 3-е, 4-е, 5-е переиздания соответственно в 1967, 1974, 1988 годах. При публикации проведена легкая редакторская правка и выпущен небольшой фрагмент о прослушивании «Алеко» в классе вместе с Лизой Кашперовой.

передали решение задачи (об этом рассказывала со слов Елены Фабиановны Н. С. Сванидзе).

До сих пор в кабинете Елены Фабиановны стоит рояль «Bechstein» (ныне музейный экспонат: ММКЕлФГ, М-62), прослуживший ей не менее полувека, рояль, на котором играло множество пианистов разных поколений, включая и великие имена. Этот рояль, как рассказывала Гнесина, был выбран для нее С. В. Рахманиновым. Хотя и не существует никаких документальных подтверждений этого факта, вполне возможно, что именно Рахманинов помог в выборе (и не ошибся!) инструмента в магазине «Diederichs». После отъезда Рахманинова за границу Елена Фабиановна даже взяла и сохранила как реликвию столик-умывальник из его квартиры (ММКЕлФГ, М – 332; о том, что столик принадлежал Рахманинову, свидетельствует Е. Г. Гнесина).

Свою верность глубоко почитаемому ею композитору, безусловно, самому любимому автору из всех ее современников, Елена Фабиановна Гнесина сохраняла и в своей творческой, и в педагогической деятельности. Так, в ее репертуаре (как пианистки, выступающей в концертах) постоянно присутствовали произведения Рахманинова (Баркарола, романсы – в ансамбле с певцами); в программу своего, быть может, самого ответственного в жизни выступления – благотворительного концерта, организованного ею в Малом зале консерватории – она исполняла Виолончельную сонату Рахманинова с М. Букиником (см. Концертный репертуар Ел. Ф. Гнесиной в Приложении). И, разумеется, в репертуаре учеников Гнесиной произведения Рахманинова всегда занимали самое значительное место.

Еще более показательным то, как широко его сочинения были представлены в репертуаре учащихся разных специальностей в возглавляемых Ел. Ф. Гнесиной учебных заведениях. Практически во всех больших концертах учащихся школы и училища присутствовали произведения Рахманинова. Особенно существенно то, что это происходило и почти на всех концертах во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов, когда композитор официально был «опальным». Но и в торжественных юбилейных концертах к 30-летию и 35-летию Техникума им. Гнесиных, и на так называемых «Показательных» концертах 1927–29 годов, и даже на концерте в клубе Реввоенсовета (17 декабря 1926 года – правда, здесь исполняется Вокализ, наиболее идейно «нейтральное» из вокальных произведений) программа включает рахманиновские сочинения – и инструментальные, и вокальные. В одном из концертов, посвященных 35-летию Техникума им. Гнесиных (4 марта 1930 года) программа открывается исполнением Трио Рахманинова ре минор, а студент Тихон Хренников играет «Мелодию».

Такая позиция Гнесиной носила принципиальный характер и была проявлением большой смелости. Ведь именно в 1929 году РАПМ развернула кампанию против Гнесиных, приведшую к снятию Ел. Ф. Гнесиной с поста директора. К 1931 году травля усилилась – как раз в это время и был объявлен «бойкот» музыке Рахманинова. По воспоминаниям К. В. Ознобищева¹¹⁸, тогда учившегося в Техникуме им. Гнесиных, как раз исполнение романсов Рахманинова студентами и послужило одним из оснований для вынужденного ухода в 1931 году Елены Фабиановны и с поста завуча, то есть ее полного отстранения от руководства созданными ею учебными заведениями (см. Письма в инстанции и комментарии к ним). После вынужденного перерыва с 1935 года музыка Рахманинова вновь – и уже постоянно – зазвучала в Гнесинских учебных заведениях.

В 1967 году, наконец, впервые вышла пластинка с записью Всенощной (под управлением А. В. Свешникова). Тираж в магазины не поступал, пластинки распространялись, в том числе среди членов Союза композиторов. Свои 10 экземпляров Ел. Ф. Гнесина полу-

¹¹⁸ Выступление на конференции «Музыкальное образование на рубеже столетий. К 100-летию учебных заведений им. Гнесиных», РАМ им. Гнесиных, 1995; расшифровка записи, Архив ММКЕлФГ.

чила как член Союза и подготовила для подарков. Последняя в жизни сделанная ею дарственная надпись – хирургу, оперировавшему ее в больнице: «Дарю гениальнейшее сочинение Рахманинова» (об этом см.: *Риттик М. Э. О наставнике и друге* // Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. 2 изд. М., 2003; а также Биографические сведения в данной книге).

Когда произносится дорогое имя Сергея Васильевича Рахманинова, первое, что возникает в моей памяти, – это давно прошедшие годы, годы ранней юности, когда мы с Сережей Рахманиновым в течение трех лет сидели за одной партой в общеобразовательных классах Московской консерватории. Было это в 1886–1887 годах.

И поныне отчетливо памятен мне мой серьезный, молчаливый сосед, тогда еще почти мальчик, скромный, длинный и худой Сережа Рахманинов. Мы, товарищи по классу, знали, что Сережа Рахманинов – очень талантливый ученик, яркое пианистическое дарование которого пленяло не только нас, но и всех учащихся консерватории. Когда становилось известно, что на академическом вечере будет играть Рахманинов, все устремлялись в зал слушать его.

Мы любили Сережу, гордились им, хотя сам он ни с кем из нас не сходил близко, всегда был замкнут, малообщителен и в свой мир никого не допускал, что, очевидно, и послужило причиной того, что как композитора мы его узнали значительно позднее. Сережа несколько лет жил у профессора Николая Сергеевича Зверева, совместно с еще тремя очень талантливыми мальчиками, с которыми был дружен (Пресман, Максимов, Черняев), и им он показывал свои сочинения, а мы ничего не знали. Между тем примерно уже к 1889 году его творческое дарование так бурно развилось, что он вскоре начал становиться уже известным композитором. Вот тут только мы, товарищи, и получили возможность познакомиться с его первой прелюдией, *cis-moll'*ной прелюдией, ставшей впоследствии знаменитой, и с его первым фортепианным концертом в его же [собственном] исполнении.

В 1891 году Сергей Рахманинов окончил консерваторию по классу Зилоти, а год спустя сдал теорию композиции и свободного сочинения по классу С. И. Танеева и А. С. Аренского.

Дипломной работой его была одноактная опера «Алеко», написанная на сюжет Пушкина «Цыганы».

В ту пору я дружила с Лизой Кашперовой, очень талантливой и веселой девушкой, моей товаркой по классу В. И. Сафонова. И вот, когда мы узнали, что Сережа Рахманинов будет показывать комиссии свою экзаменационную работу, оперу «Алеко», мы решили обязательно как-нибудь прослушать ее.

Прослушивание состоялось на закрытом заседании в девятом классе (в старом здании консерватории), выходящем на площадку. Помню как мы с Лизой пристроились на полу под дверью и, прильнув головами к щели, внимательно прослушали всю оперу, слышали все похвалы Сереже, а потом дол-

го ходили возбужденные и счастливые. Таким образом мы с Лизой Кашперовой стали первыми слушательницами и восторженными поклонницами Сергея Рахманинова. За эту оперу Рахманинову была присуждена Большая золотая медаль. Помню, что в комиссии были тогда С. И. Танеев, А. С. Аренский, В. И. Сафонов и др., которых я не запомнила.

В 1889 году моя старшая сестра Евгения Фабиановна окончила консерваторию по классу проф. В. И. Сафонова, а я перешла на старшее отделение [также] к Сафонову, который взял меня в свой класс. Одновременно со мной в его же классе учился А. Н. Скрябин.

У нас часто собирались товарищи моей сестры по классу Сафонова, и постепенно организовался маленький музыкальный кружок, в который входили Э. К. Розенов, Курбатов, Гречанинов, Шор, Ярошевский и теоретик, ученик С. И. Танеева Протопопов.

В этом кружке проигрывались все новые сочинения и новых и старых композиторов. Помню, как исполнялась у нас симфония Калининкова, новые песни Гречанинова; приезжал к нам и Сергей Рахманинов, играл отрывки из «Алеко» и показывал первые свои романсы. А мы, младшие сестры, исполняли все хоровые сочинения.

Я окончила консерваторию в 1893 году, на два года позднее Рахманинова. По окончании консерватории наши пути разошлись. Рахманинов всецело погрузился в творческую работу и быстро стал выдающимся пианистом и крупным композитором. А мы, Гнесины, решили посвятить себя педагогической работе и ждали, пока окончит консерваторию наша третья сестра, Мария, чтобы совместно открыть свою музыкальную школу.

В 1895 году начало свое существование наше Музыкальное училище Е. и М. Гнесиных», и мы, сестры, с головой окунулись в педагогическую работу. Наше музыкальное училище довольно скоро стало популярным, и мы через пять-шесть лет нашли возможным показывать публично наших наиболее способных учеников.

Сергей Васильевич Рахманинов не раз посещал наши ученические вечера, и однажды, на одном вечере, кажется, это было в зале Синодального училища, произошел маленький забавный случай. В конце первого отделения выступал детский хор. Одна из маленьких исполнительниц, Сашенька Тюнтюник, была так мала ростом, что привлекла внимание Сергея Васильевича, очень любившего детей. Он подошел к эстраде, позвал девочку и сказал, ласково улыбаясь:

– Позвольте мне пожать вашу руку, – и протянул ей свою большую ладонь, в которой крошечная ручка Сашеньки совершенно утонула. Этот короткий эпизод всех тогда позабавил.

В одном из своих посещений школы Сергей Васильевич слушал моего маленького ученика Леву Оборина (теперь лауреат и профессор) и очень его похвалил. Но это было уже значительно позднее.

Иногда, правда, довольно редко, Сергей Васильевич Рахманинов бывал у нас в доме. Он не любил новых знакомств, сторонился чужих людей и вообще хорошо себя чувствовал только среди своей семьи и близких знакомых.

Помню, как однажды мы с Софьей Александровной (сестрой жены его Натальи Александровны) решили «разыграть» Сергея Васильевича. Я позвонила ему и просила его зайти ко мне, предупредив, что у меня не будет никого из посторонних, а сама в это время позвала к себе Софью Александровну. Рахманинов приехал. Софья Александровна спряталась в углу комнаты за креслом, чтобы не сразу быть замеченной, а я, весело выбежав навстречу Сергею Васильевичу, громко сказала:

– Сергей Васильевич, разрешите мне познакомить вас...

Его лицо, доброе и приветливое, моментально скovalось холодной гримасой, и он хмуро перевел свой взгляд в угол, куда я указала ему рукой. Софья Александровна, улыбаясь, выскочила к нему навстречу.

– Сонька, дорогая! Так это ты! – восторженно закричал он, – как я рад!
– И сразу всем нам стало легко и весело.

Я всегда была поклонницей Рахманинова, любила все его сочинения, многие играла сама и, конечно, старалась не пропустить ни одного его концерта. Посещала не только сольные его концерты, но также и совместные выступления с Зилоти и Шаляпиным.

Однажды со мной произошла довольно смешная история во время посещения одного из концертов Сергея Васильевича. Надо заметить, что не всегда удавалось доставать хорошие билеты, тогда я брала входной билет и проходила в первые ряды, надеясь на случайно свободное место. Мне в этом, обыкновенно, любезно помогал комендант Большого зала [Благородного собрания] – толстый полковник, который, очевидно, за кого-то меня принимал. Вскоре это выяснилось. На одном из концертов Сергея Васильевича полковник, по обыкновению, проводил меня до первого ряда и, усадив в кресло, спросил меня:

– Надеюсь, что Вы наконец-то споете у нас в нашем концерте?

Я слегка растерялась и спросила:

– А когда ваш концерт?

– 13 декабря – последовал ответ.

– О! Тринадцатого!.. Нет, нет, полковник, я никогда не выступаю тринадцатого числа, – засмеялась я и все же спросила его, за кого он меня принимает.

– Как! Разве Вы не Петрова-Званцева? – воскликнул полковник, побагровев.

В антракте я поспешила в артистическую, рассказала Сергею Васильевичу о случившемся и попросила совета, как мне быть с озадаченным и разочарованным полковником. Сергей Васильевич посмеялся и сказал:

– Ну что ж, скажите полковнику, что Вы тринадцатого петь не будете, но с удовольствием сыграете, так как Вы не певица, а пианистка.

Играть мне тоже не пришлось: мой полковник сразу охладел ко мне, больше не подходил и не провожал меня в первый ряд.

Из произведений Рахманинова я особенно восхищалась его «Всенощной» в превосходном исполнении Синодального хора; я не пропускала ни одного вечера. Как-то, придя на концерт, кажется, в седьмой раз, столкнулась с Рахманиновым. Он весело приветствовал меня и, смеясь, сказал:

– А вы, Елена Фабиановна, «перешибли» меня; я ведь был не на всех концертах.

В одном из последних концертов Сергея Васильевича в конце первого отделения, в ожидании серии бисов, я все время так сильно хотела услышать еще раз мою любимую Прелюдию Es-dur op. 23 № 6, что, очевидно, моя мысль передалась ему. Он сел за рояль, задумался и вдруг начал играть именно эту прелюдию. Взволнованная и счастливая, я забежала в антракте в артистическую и сказала Сергею Васильевичу, что эта прелюдия такая светлая и радостная, что он, очевидно, сочинил ее в очень хороший день, на что Сергей Васильевич ответил:

– Да, Вы правы, она вылилась у меня сразу, когда родилась моя первая дочь.

В 1915 году внезапно тяжело заболел Александр Николаевич Скрябин (заражение крови). От хирурга А. В. Мартынова я узнала, что положение угрожающее и что Александр Николаевич безнадежен. Я позвонила Сергею Васильевичу. На другой день утром он поехал навестить Скрябина, но не застал его в живых. Я была в это время у Скрябиных и видела, как тяжело перенес эту смерть Рахманинов¹¹⁹.

Месяца через два Сергей Васильевич дал концерт из произведений Скрябина, которых раньше никогда не играл. Концерт этот был в помещении Политехнического музея, где эстрада очень маленькая и низкая. Я села близко к роялю, почти против Сергея Васильевича. В антракте, как всегда, я зашла к Сергею Васильевичу в артистическую, где он встретил меня мягким упреком:

– Елена Фабиановна! Зачем Вы сели так близко: Вы же знаете, что я, когда играю, люблю посопеть.

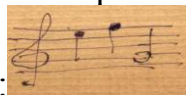
– Ну и сопите себе на здоровье, – ответила я, – все же я не уйду [со своего места].

Я всегда помнила день рождения Сергея Васильевича – 20 марта – и обычно приносила ему цветы или любимые им конфеты (апельсиновые цукаты в шоколаде), а однажды узнав, что он любит творожную пасху, которая у меня всегда отлично получалась, я принесла ее ему в этот день. Сергей Васильевич тут же попробовал мое кулинарное творчество, похвалил и поддразнил Наталью Александровну:

– Наташа! А ведь Елена Фабиановна делает пасху еще лучше, чем ты!

¹¹⁹ См. об этом в письме М. Ф. Гнесину от 25 апреля 1915 года (с.????).

А еще как-то я послала ему в подарок диванную подушку своего рукоделия, на которой вышила гладью три ноты – мои инициалы Е. Ф. Г. вместо

подписи:

Сергей Васильевич в ответ подарил мне свой портрет, на котором написал два такта, сочиненных на мои инициалы.

Портрет этот я храню как дорогую реликвию¹²⁰.

Когда Сергей Васильевич приобрел первую автомашину и научился водить ее, делая в ней большие и частые прогулки, я выразила желание прокатиться, так как никогда не ездила в автомобиле и откровенно созналась, что слегка побаиваюсь.

Наталья Александровна, присутствовавшая при нашем разговоре, сказала мне:

– Вы, Елена Фабиановна, не знаете, какой Сережа замечательный водитель! Он Вас покатает, и вы перестанете бояться.

Вскоре Рахманинов действительно заехал за мной. Помню Сергея Васильевича в жокейском картузике, который ему очень шел, и в меховой дохе. Тогда мы немного покатались по Москве, к моему большому удовольствию.

Однажды я со своим семилетним племянником Шуриком, совершая обычную воскресную утреннюю прогулку, пошла к Сергею Васильевичу Рахманинову. Когда мы поднялись по лестнице и были уже почти под дверью его квартиры (он жил в ту пору на Страстном бульваре, против Б[ольшой]. Дмитровки), я спросила Шурика:

– А ты знаешь, к кому мы идем сейчас? К Рахманинову! Это он сочинил Баркаролу, которую ты так любишь слушать, когда я ее тебе играю.

– А разве он живой? – громко удивился Шурик. – Ведь хорошие композиторы все уже давно умерли.

В этот момент дверь открыл сам Сергей Васильевич и, конечно, услышал эту фразу. Погладив Шурика по голове, он ответил:

– Я еще живой, милый мальчик, – и улыбнулся ему тепло и ласково.

¹²⁰ Ныне – музейный экспонат, ММКЕЛФГ, ИЗО-111.

Вскоре после этого мы потеряли нашего замечательного мальчика. Я была так убита горем, что в течение долгого времени нигде не бывала, почти не выходила из дому и, кроме своих учеников, никого не видела¹²¹.

В это тяжелое для меня время приехал в Москву на гастроли знаменитый пианист профессор Ферруччо Бузони, в классе которого я училась один год, будучи в консерватории.

Бузони очень любил меня (он считал меня лучшей ученицей своего класса).

С тех пор как он уехал в Америку, прошло много лет, более двадцати. Я имела право думать, что он забыл о моем существовании. Меня с трудом уговорили поехать на концерт Ф. Бузони, но когда я увидела его на эстраде, мне так захотелось встретиться с ним поближе. Я подошла к артистической и остановилась против двери, не решаясь войти, тем более что вокруг него столпились все наши музыканты и поклонники. Вдруг вошел Сергей Васильевич, увидел меня и, заметив мою нерешительность, покачал головой:

– Эх Вы, бывшая ученица, а не идете к своему учителю!

И прежде чем я успела что-либо ответить, он решительно втолкнул меня через порог. Все расступились перед Рахманиновым, и Бузони сразу увидел меня.

Он бросился ко мне, широко улыбаясь, и поцеловал меня, а Рахманинов громко сказал:

– Вот так узнают своих учениц большие музыканты!

Слезы текли по моему лицу, и я поторопилась уйти. Но на следующий день Бузони вызвал меня к себе в «Метрополь», где он остановился, и долго и внимательно расспрашивал меня о нашей школе и о моей работе. Он был очень удивлен, что никто из московских музыкантов, бывавших у него в Берлине, не передал мне его сердечного приветов.

Прошли годы. Рахманинов уехал в Америку, и долгое время я не имела о нем никаких сведений, связь с ним прекратилась. Только лишь в 1922 году она вновь возобновилась, и вот каким путем. Это было трудное время разрухи и голода. Сергей Васильевич Рахманинов начал помогать московским музыкантам через американскую организацию «АРА», присылая продуктовые посылки. Некоторые из них приходили в мой адрес для передачи другим лицам, в числе которых был Гречанинов и другие, которых я не запомнила. Но однажды пришла двойная посылка лично для меня. Я была очень обрадована вниманием ко мне Сергея Васильевича и счастлива, что смогу сытно угостить весь коллектив нашего училища. Помню, что пили мы кофе со сгущенным молоком, ели белые пироги и сладкие булочки. Все были довольны и бесконечно благодарны Сергею Васильевичу. Я написала об этом Сергею Васильевичу, но мое большое письмо, очевидно, не дошло до него¹²².

¹²¹ Последующий фрагмент дублирует частично и текст из других воспоминаний: «Из истории нашей семьи – истории наших учреждений» и «Воспоминания о Ферруччо Бузони».

¹²² См. письмо С. В. Рахманинову и комментарии к нему на с. ????. Ел. Ф. Гнесина так и не знала, что оно дошло до адресата.

И это было последнее звено, больше я никогда ничего от него не получила.

Шел 1943 год. До меня дошел слух о болезни Рахманинова, а я как раз задумала к 20 марта устроить концерт из его произведений. Такие концерты я иногда устраивала в день его рождения. 20 марта я позвонила в ВОКС, чтобы справиться о состоянии здоровья Сергея Васильевича, и узнала очень тяжелую весть: получена телеграмма о его смерти.

Очень больно было узнать об этом и пережить тяжесть потери Сергея Васильевича. Сначала я хотела отменить концерт, но потом решила не делать этого. Концерт состоялся. Перед началом я сообщила всем собравшимся в зале печальную весть и попросила всех почтить память великого музыканта¹²³.

Таким образом, этот концерт нашего училища был первым концертом, посвященным памяти великого, гениального Сергея Васильевича Рахманинова.

15 мая 1958 года.

Мои воспоминания о Бузони за один год учебы у него*

Я окончила Московскую консерваторию в 1893 году. Поступила я еще девочкой тринадцати с половиной лет на младшее отделение, как [оно] тогда называлось и уже через два года играла на ученическом вечере концерт Моцарта ре минор. Я понравилась профессору Сафонову, который всегда бывал

¹²³ Нужно уточнить, что данный классный вечер не был целиком составлен из его произведений и состоялся еще до смерти композитора – 26 марта 1943 года. Очевидно, известие о его смерти либо было распространено раньше времени, либо было получено Еленой Фабиановной все же уже после концерта, о чем она впоследствии забыла (в воспоминаниях, к тому же, она указывает дату дня рождения по старому стилю – 20 марта, тогда как по новому стилю это было уже 1 апреля). Но сам по себе факт проведения этого концерта очень волнующий. В концерте среди других учеников участвовал Г. Рождественский; произведения Рахманинова исполняли Л. Судзиловская («Музыкальный момент»), Б. Ионин (Прелюдия, «Полишинель»), Б. Усова («Юмореска», транскрипция «Полет шмеля» Римского-Корсакова). А 20 марта 1944 года Ел. Ф. Гнесина устраивала концерт памяти С. В. Рахманинова, целиком составленный из его произведений (играли ученики ее класса).

* Ел. Ф. Гнесина всю жизнь сохраняла восхищение и преклонение перед своим великим учителем – Ф. Бузони. Помимо красноречивых свидетельств в текстах ее воспоминаний и писем, об этом говорят и хранимые ею реликвии, связанные с Бузони: его четыре фотографии разного времени, всегда висевшие у нее в кабинете, в том числе одна – с трогательной дарственной надписью «Дорогому другу Елене Гнесиной с самыми добрыми чувствами от Ферруччо Бузони. Москва, ноябрь 1912»; программа серии из восьми концертов Бузони в Милане в 1913 году. Кроме того, Бузони подарил ей ноты собственных каденций к Четвертому Концерту Бетховена с надписью «Моей симпатичной ученице в знак искренних чувств. Москва, 1891». Сохранились и ноты «Кампанеллы» Листа (по Паганини) с теми пометками, которые Бузони делал для Ел. Ф. Гнесиной во время занятий с нею.

Здесь публикуется авторский вариант текста: ММКЕЛФГ, V – 2. Рукопись в книжечке-блокноте на 19 л. Опубликовано под названием: Из моих воспоминаний о Ферруччо Бузони // Воспоминания о Московской консерватории. М., 1966. С. 172–174. В публикации – целый ряд купюр и вставок из других воспоминаний Ел. Ф. Гнесиной. Воспоминания (в этом варианте) зачитаны Ел. Ф. Гнесиной в Концертном зале ГМПИ им. Гнесиных 19 мая 1966 года на торжественном вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Ф. Бузони (сделана аудиозапись с пропусками). Это выступление оказалось последним публичным выступлением Елены Фабиановны.

на всех ученических выступлениях, и он взял меня в свой класс, где уже училась у него моя старшая сестра Евгения, окончивая курс. Конечно, я была невероятно счастлива. Сафонов, Василий Ильич, был замечательным учителем, музыкантом и человеком, и я всей душой полюбила его.

Я перешла у него уже на третий курс (училась одновременно со Скрябиным), когда, к своему горю, узнала, что Василий Ильич стал директором Консерватории¹²⁴ и из-за массы новых обязанностей вынужден был сократить до минимума свой фортепианный класс и оставить у себя только четверых оканчивающих Консерваторию. Весь класс был в полном отчаянии – приходилось переходить к другим профессорам.

Василий Ильич пригласил на свое место молодого талантливое музыканта, который играл в Петербурге на Первом Международном конкурсе имени Рубинштейна и получил первую премию¹²⁵. Это был Ферруччио Бузони.

Помню, как все мы, двенадцать молодых девушек, только что поступивших на шестой курс (старшее отделение¹²⁶), в том числе и я, уже «опытная» и «дрессированная» в классе Сафонова, с замиранием сердца ждали первого урока у нового, такого молодого профессора!

Вдруг входит в класс Василий Ильич, ведя с собой очень привлекательного и красивого молодого человека, и говорит нам: «Вот ваш новый профессор – Ферруччио Бузони!» Обо мне он сказал отдельно: «Эта самая младшая и способная в моем классе, которую мне приходится Вам передать», и ушел, оставив озадаченного Бузони.

У всех учениц первое впечатление было: «Ах, какой красивый». Но тут же нам стало ясно, что наш профессор говорит только на иностранных языках, а русского совершенно не знает и ни слова не понимает. Кое-кто из учениц немного понимал его, две немного знали немецкий язык, а я, хотя знала и немецкий, и французский языки, только читала, но не говорила и не решалась заговорить. Все же вскоре все освоились и начали понимать все замечания и указания нашего профессора.

С первых уроков Бузони потребовал знания всех двухголосных инвенций Баха. Это, конечно, не очень понравилось ученицам, но «пришлось подчиниться»: каждую ученицу Бузони заставил играть наизусть каждый голос отдельно, причем, например, левой рукой играть один голос, а другой он сам играл на втором рояле. Затем ученица играла правой рукой верхний голос, а он играл второй голос. Только после этого каждая играла уже всю инвенцию обеими руками. Таким образом по голосам, по два голоса, были выучены и все трехголосные инвенции.

¹²⁴ В. И. Сафонов стал директором консерватории в 1889 году. Ф. Бузони был приглашен в Московскую консерваторию в 1890-м., передача ему ряда учеников из класса Сафонова произошла, соответственно, тогда же.

¹²⁵ Ф. Бузони не получил премии как пианист, что вызвало большое возмущение и недоумение у многих музыкантов. Ему была присуждена премия по композиции – в какой-то мере «утешительная».

¹²⁶ На старшем отделении пианисты обучались, начиная с шестого курса.

Мне все это было очень легко, так как я в классе Сафонова тоже прошла все инвенции. И как это было полезно!

Потом, после такого знакомства с Бахом, Бузони начал давать небольшие и нетрудные сочинения Шуберта, Шумана, Грига, Брамса и др. Так осторожно Бузони воспитывал своих мало подвинутых и технически и музыкально учениц!

Так как я была уже подготовлена двухлетним пребыванием у Сафонова и играла у него более трудные сочинения, – ко мне Бузони относился иначе, он был очень доволен мной.

Помню, с каким удовольствием и увлечением я прошла с ним, и даже играла на вечере, балладу Грига!

За полугодие мы все успели привыкнуть и полюбить нашего нового профессора (некоторые успели даже тщетно влюбиться в него).

Конечно, мы все ходили на его концерты и восхищались им и его прелестным пианизмом.

Бузони приехал в Москву не один, а с молоденькой, очень милой и хорошенькой женой – Гердой, шведкой¹²⁷.

Им дали квартиру вблизи Консерватории, на Нижней Кисловке, в доме Косова, случайно в том же доме, где мы, сестры Гнесины, жили уже несколько лет. Мы – в квартире на четвертом этаже, а Бузони на втором этаже.

Это счастливое обстоятельство послужило возникновению дружбы с профессором и его милой женой, которым очень трудно жилось, не зная ни русского языка, ни Москвы и ее традиций.

Все шло очень хорошо, но к концу учебного года – опять новое, большое огорчение!

Бузони получил из Америки, из Бостона, приглашение занять кафедру профессора в Бостонской консерватории, и он согласился уехать из России, так как еще не освоился с жизнью в Москве и не успел еще полюбить нашу замечательную страну.

Весь класс был в отчаянии: опять переходить к какому-нибудь профессору! Меня Бузони уговаривал уехать вместе с ним в Бостон, так как он верил в мою одаренность и предсказывал мне блестящую пианистическую концертную деятельность.

Заманчивая мысль! – но я решительно отказалась...

Во-первых, я была слишком молода, должна была сначала окончить Консерваторию и не могла бросить сестер! – ведь мы уже лелеяли мечту открыть свою собственную школу!

В этой мечте нас очень поддерживал профессор Консерватории Н. Д. Кашкин, друг Петра Ильича Чайковского. Он говорил, что «кому как не вам нужно открыть хорошую музыкальную школу: три сестры уже кончают Консерваторию, две учатся еще и подрастают младшие талантливые братья!»

¹²⁷ Их свадьба состоялась сразу после прибытия в Москву в сентябре 1890 года.

Мы утвердились в своей мечте: в скором времени нам удалось осуществить эту мечту и предсказание профессора Кашкина – мы открыли Музыкальное училище Гнесиных и начали с энтузиазмом работать. Сначала только сестры, а вскоре стали привлекать в свое училище, по мере его роста, молодых талантливых музыкантов.

Прошло много лет, я не забывала Бузони, но ничего о нем не знала; разучивала его замечательную обработку Чаконы Баха¹²⁸ и очень восхищалась ею.

В это время были объявлены гастрольные концерты знаменитого пианиста Иосифа Гофмана, который с первого концерта покори́л всех москвичей. Конечно, все, и мы тоже, посещали все его концерты. Но почти в это же время, в двенадцатом году, появились афиши, извещающие о шести концертах всемирно известного пианиста Ферруччио Бузони. Мое сердце забилось от радости! Увидеть и услышать Бузони!!¹²⁹

Но... нас в это время неожиданно постигло большое горе. Заболел и в два дня скончался от молниеносного дифтерита наш маленький восьмилетний, любимый всеми, талантливый мальчик Шурик Вивьен, сын нашей сестры Елизаветы, жившей с нами. Это несчастье потрясло всех нас. Мы продолжали усердно работать в училище, но ни о каких концертах не было и речи. Все кругом меня говорили о Бузони, восторгались им, а меня укоряли в том, что забыла такого любимого профессора и должна поехать, хотя [бы] на один концерт.

В конце-концов мне привезли билет на второй концерт, и я все-таки поехала – в такой степени мне хотелось хоть издали посмотреть на Бузони. Я поехала в Большой зал бывшего Благородного собрания¹³⁰, и тут произошло такое, на что я совсем не рассчитывала и [чего] не ожидала!¹³¹

В антракте я решила подойти хоть немного ближе и взглянуть на такого когда-то любимого профессора. Я подошла к маленькому коридорчику против двери в артистическую и стала у стенки. Но уставшему артисту не дали отдохнуть окружившие его наши музыканты! И я не видела лица Бузони, но если бы даже он увидел меня, такую постаревшую и поседевшую за многие годы, – он бы все равно не узнал меня. Так я думала, но в этот момент вошел Сергей Васильевич Рахманинов, увидел меня, прижавшуюся к стенке, и сказал: «Эх Вы, ученица, и не идете к своему профессору». И буквально втолкнул меня в артистическую. Конечно, перед Рахманиновым все расступились, и... Бузони увидел меня.

До сих пор не могу забыть, как радостно Бузони бросился ко мне, горячо обнял и поцеловал меня, говоря при этом: «Я никогда не забывал тебя, всегда интересовался твоей карьерой, расспрашивал о тебе всех приезжав-

¹²⁸ Чакона из Партиты ре минор для скрипки.

¹²⁹ Дальнейшее в воспоминаниях частично совпадает с текстом, содержащимся в «Воспоминаниях о Рахманинове».

¹³⁰ Ныне Колонный зал Дома союзов.

¹³¹ См. также подробное описание встреч с Бузони в публикуемом письме к М. Ф. Гнесину от 6 ноября 1912 года (с. ???).

ших ко мне в Берлин московских музыкантов!» (Никто мне из московских друзей ни слова не говорил об этом.)

Рахманинов, видя такую экспансивную встречу, сказал громко: «Вот так большие люди встречают своих бывших учеников!»

После этого счастливого вечера началась, как говорили мои сестры, неделя «Бузониады». Бузони почти каждое утро поручал звонить мне и приглашать меня приехать к нему в гостиницу «Метрополь», где он остановился. Я приезжала и хотя не свободно, но с трудом, говорила на немецком языке, все рассказала ему о нашем большом уже Училище, и о большой моей работе, и административной, и педагогической, о моих выступлениях в пользу учащейся молодежи, и о том, что я учу его обработке Чаконы Баха, вообще о нашей жизни с сестрами, о наших переживаниях в связи со смертью дорогого нам мальчика. Слушал он меня с большим вниманием и интересом. Он все вспомнил! Как мы жили когда-то в одном доме, и [он] просил меня сшить ему на память такую красную рубашку, «как у того дворника». Конечно, я сшила ему шелковую рубашку-косоворотку, и он, говорили, надевал ее в Берлине.

В один из незабвенных моих утренних визитов я приехала к Бузони и застала его в гневе читающим нашу музыкальную московскую газету. Он буквально закричал мне: «Какое мне дело до Гофмана, какое дело Гофману до Бузони, оставьте нас в покое; пусть каждый играет, как он может и как ему нравится!»

Когда Бузони немного успокоился, я спросила о причине его гнева. Казалось, что т[ак]. к[ак]. оба великих пианиста концертировали почти в одно время, то наши критики и рецензенты проводили все время параллель между двумя совершенно различными пианистами.

Когда он совершенно успокоился, то предложил мне пойти с ним в ресторан «Метрополя» и вместе выпить кофе. Он очень позабавился, когда я сказала ему, что никогда не была в ресторане и мне как-то неловко пойти с ним в ресторан пить кофе.

После последнего концерта Бузони отдал мне поднесенный ему публичной громадный лавровый венок с чудной большой, красной, шелковой лентой.

Я с гордостью повезла его к себе домой, и он долго украшал мою комнату. Это была наша последняя встреча с Бузони.

Дальше я ничего о нем не знала. Я узнала много позднее с грустью, что он очень болел и ничего не зарабатывал, т. к. с учениками занимался только бесплатно, как и его великий учитель Лист¹³², и умер в относительной бедности.

Слышала, что вдова его должна была продать его прекрасную библиотеку, что сын его Рафаэль – художник и живет где-то в Италии.

Вот и все, что я могу сказать о Бузони.

¹³² Подтверждений о непосредственных занятиях Бузони у Листа не найдено.

21 сентября 1964 г.
г. Москва

О ДРУГЕ И СОРАТНИКЕ¹³³

Наша почти шестидесятилетняя дружба с Р. М. Глиэром началась еще до окончания им Московской консерватории, в которой он обучался как композитор и скрипач.

По классу скрипки у профессора Гржимали вместе с Глиэром училась одна из моих младших сестер – Елизавета. Оба они окончили консерваторию в 1901 году и в том же году начали работать в нашем, тогда еще очень молодом, музыкальном училище¹³⁴. Рейнгольд Морицевич вел класс гармонии, а затем и анализа форм. Работал он в училище в течение ряда лет, работал с упорством и любовью. Вот как он сам вспоминал об этом:

«...Постановка в школе была настолько серьезна и строга, что в первое время, вследствие моей молодости, ко мне как к преподавателю относились несколько скептически, зачастую задавая мне “каверзные” вопросы. С течением времени, однако, эти сомнения рассеялись, и наша общая с сестрами Гнесиными педагогическая работа шла дружно и продуктивно в течение ряда лет...»¹³⁵

Очень скоро Глиэр стал другом всей нашей семьи, любимым «Гольди-ком».

«...Я вспоминаю о доме Гнесиных с светлым и радостным чувством, – пишет он в своих воспоминаниях в 1925 году. – ...Вечера, концерты, прогулки и экскурсии учащихся с учащимися – все светится в моих воспоминаниях чистым и ясным светом...»

¹³³ Печатается по авторской машинописи (ММКЕЛФГ, V-58, л. 2-6). Рукопись датирована 27 декабря 1957 года.

Впервые опубликовано: «Сов. музыка». 1961. № 6. С. 106–109. (К 5-летию со дня смерти Р. Глиэра.) При публикации внесены небольшие редакторские изменения и два небольших добавления к тексту.

Под названием «Человек, победивший старость» опубликовано: Р. М. Глиэр. Статьи, воспоминания, материалы. Т. 1. М.; Л., 1965. С. 49–53.

О дружбе с Глиэром – одним из самых близких друзей Ел. Ф. Гнесиной на протяжении полувека – свидетельствуют многочисленные воспоминания, письма, поздравления, фотографии, подарки разных лет, в том числе и письма, публикуемые в данной книге. Жена Р. М. Глиэра, Мария Робертовна Ренквист, была первой выпускницей Ел. Ф. Гнесиной и одновременно обладательницей диплома «номер 1» Училища Е. и М. Гнесиных (ее знакомство с будущим мужем и произошло в училище, где он был преподавателем гармонии у М. Ренквист). Младшая дочь Глиэров Валентина была крестницей Елены Фабиановны.

Памяти Р. М. Глиэра Ел. Ф. Гнесиной написан также некролог в 1956 году. Дважды – к 75-летию и 80-летию – ею были написаны поздравительные приветствия Р. М. Глиэру. (Хранятся: ММКЕЛФГ, V – 41, 52, 58).

¹³⁴ Уточненные по документам данные говорят о том, что работа Р. М. Глиэра в училище началась уже в 1900 году.

¹³⁵ Статья Р. М. Глиэра опубликована: *Глиэр Р. Мои встречи с Гнесиными // За тридцать лет. 1895–1925 /* Издание юбилейного комитета по чествованию сестер Гнесиных, основательниц Государственного музыкального техникума имени Гнесиных. М., 1925.

Работая в училище, Глиэр создал по нашей просьбе ряд небольших пьес для фортепиано, а также и пьесы в 4 и 8 рук, пьесы для скрипки и ансамбли. Все эти пьесы посвящались обычно сестрам Гнесиным¹³⁶.

Когда же в училище образовался детский хор, то тут же появились и песни для него, сочиненные Глиэром. В одном из писем к Евгении Фабиановне он писал: «...Очень рад, что хоры Вам понравились. Мне хочется написать несколько тоже детских без аккомпанемента. Не знаю только, трехгласно или четырехгласно. Фортепианные детские пьесы в 4 руки только намечены...» (Берлин, 1908 год)¹³⁷.

Позднее, когда Рейнгольд Морицевич работал уже директором Киевской консерватории, он по-прежнему поддерживал с нами самую тесную, дружескую связь.

«...Ваше письмо очень обрадовало меня, – писал он Евгении Фабиановне. – Очень бы мне хотелось приехать ко дню юбилея школы, и, если этот день не совпадет с каким-либо выступлением здесь, непременно буду в Москве. Очень печалит меня то, что я на Рождестве не успел написать ансамбли для 2 (15) февраля. Очень извиняюсь перед Вами и перед Елизаветой Фабиановной...» (Киев, 1915 год).

И в следующем письме, в котором он подробно описывает свою работу в Киевской консерватории, а также свои концертные выступления, он снова не забывает о нашей школе.

«...А мне бы очень хотелось знать, что делается у Вас в школе и как идут мои бывшие классы. Пожалуйста. Напишите. Очень соскучился по Москве и московской жизни...» (Киев, 1915 год).

Еще в молодые годы Глиэр поражал нас своей исключительной работоспособностью и необыкновенным трудолюбием.

Я помню появление его прекрасного Первого струнного квартета. Исполняли у нас и его симфонию «Илья Муромец», о которой он нам писал из Берлина: «...На днях исполнялась здесь моя симфония и приготовления к ней отнимали столько времени, что я наделал массу долгов. Совсем не было времени писать. Хотя симфония и давно была закончена, но было много переделок, подчисток, вклеек. Особенно большая возня с партиями. Кажется, моя симфония “оглушила” слушателей. Зал, в котором она исполнялась, сравнительно невелик, а я, когда писал, имел в виду большое помещение. Кроме того, у молодого дирижера Кусевицкого оказалась масса темперамента. Поэтому оркестр не скупился на *ff* и бедные аристократы, сидевшие в первых рядах, вероятно, не скоро забудут то впечатление, которое произвела симфония

¹³⁶ Семье Гнесиных были посвящены следующие произведения Р. М. Глиэра: Сюита для двухголосного женского хора ор. 13 – Ел. Ф. Гнесиной; 6 хоров для детского двухголосного хора ор. 24 – посвящено Т. В. Фигуровской; 24 характерные пьесы для юношества (для фортепиано) ор. 34 – посвящены Евг. Ф. Савиной-Гнесиной; 6 пьес для двух фортепиано в четыре руки ор. 41 – посвящены М. Ф. Гнесиной; 10 пьес для скрипки и фортепиано ор. 45 – посвящены Елиз. Ф. Гнесиной-Витачек; 12 пьес для фортепиано ор. 48 – посвящены Ел. Ф. Гнесиной.

¹³⁷ Все цитируемые здесь письма Р. М. Глиэра к Ел. Ф. Гнесиной хранятся в ММКЕЛФГ.

на их барабанные перепонки. Несмотря на это, мне аплодировали. Есть еще добрые люди на свете...»

[Затем были написаны «Сирены», оперы и балет «Красный мак», принесший ему славу и большую популярность.]¹³⁸

Среди лучших качеств Р. М. Глиэра как человека были его редкая доброта, чуткость и исключительная скромность.

Как-то, говоря о Глиэре, Рахманинов сказал мне: «Как удачно подходит Глиэру его имя: Рейнгольд – ведь он действительно, как человек, чистое золото».

Когда Глиэр начал свои концертные поездки в качестве дирижера и пианиста (он аккомпанировал исполнителям своих вокальных сочинений), то как-то в разговоре со мной он пожаловался на быструю утомляемость рук. Я внимательно проследила за его руками и заметила сильную зажатость в кисти и в локте. Путем различных упражнений, придуманных мной для освобождения рук, мне удалось помочь ему. Должна заметить, что он необыкновенно усердно и вдумчиво работал над своей техникой и очень радовал меня своими успехами. А еще больше радовался этому сам.

Будучи в гастрольной поездке по Кавказу, Глиэр писал мне из Баку: «...Постоянно вспоминаю и помню теплый и милый уход за мной... Много занимаюсь на фортепьяно, т. к. пришлось участвовать в школьных концертах и нужно было исполнять свои пьесы. На прошлой неделе в первый раз исполнял свое скерцо. Ты поймешь, сколько для этого нужно было заниматься. Был в концерте Пресман и сказал, что это хорошо, и это высказать мне не стыдно. Очень хочу еще поработать над своими руками. Сочинял за это время очень много, но осталось сочинить еще больше...» Работать Глиэр мог в различной обстановке и при самых явных бытовых неудобствах. Я помню рассказ моей сестры Ольги Фабиановны о ее посещении Глиэров на даче. Ольга Фабиановна со свойственной ей рассеянностью, конечно, адреса не запомнила и блуждала по улицам дачного поселка, пока не встретила двух прохожих, которые на ее вопрос, не знают ли они, где живет Глиэр, ответили довольно весело: «А вот идите прямо, дача с палисадником без изгороди. Услышите шум, смех... туда и заходите: дача Глиэра у нас самая веселая»

Шел дождь. Из открытых окон дачи слышалась возбужденная, радостная речь, звонкий смех. Самого же Рейнгольда Морицевича Ольга Фабиановна застала в палисаднике. Сидел он под столом, врытым в землю, круглая поверхность которого, как зонт, прикрывала ему голову, ноги же мокли под дождем... На коленях он держал нотные листы... Он сочинял!

Кругом суета, шум, а ему все это как будто и не мешало.

Рейнгольд Морицевич последнее время часто выезжал в творческие командировки. Меня беспокоили его долгие отлучки и непомерно напряженная работа. Как-то я сказала ему об этом, попросив не ездить больше. Он от-

¹³⁸ Добавлено при публикации текста.

ветил: «Ах, Аленушка, я ведь только и отдыхаю по-настоящему в дороге!» Но я знала, что и в дороге он всегда пишет.

Последние годы большая занятость и возраст, конечно, не давали нам возможности встречаться часто, но дружба, все такая же глубокая и теплая, сохранилась до последних дней его жизни.

В день празднования моего восьмидесятилетия в Большом зале консерватории Рейнгольд Морицевич торжественно провел меня под руку под звуки фанфар к моему «юбилейному» креслу и весь вечер ласково и внимательно заботился обо мне: стоя позади моего кресла, он уговаривал меня не утомляться, не вставать на все приветствия. А на следующий год праздновался еще один юбилей – 80-летие самого Глиэра, на котором мы поменялись ролями¹³⁹.

Этот вечер был для нас прощальным, дальше мы уже разговаривали с ним только по телефону.

Совсем незадолго до своей последней болезни он сказал мне, что очень устал. Я заволновалась и строго и решительно приказала ему сейчас же бросить работу и уезжать на отдых. На это он ласково и виновато ответил мне: «...Аленушка, я сейчас не могу, мне надо работать, много работать, надо закончить, а потом, обещаю тебе, что поеду отдыхать в Рузу».

Но отдыхать ему не пришлось. На следующий день он слег и уже не встал. Это был наш последний разговор. [Смерть большого друга и большого человека, столь близкого всей нашей семье, глубоко поразила нас и всколыхнула все прожитое, прочувствованное вместе с ушедшим безвозвратно.

Смерть всегда кажется преждевременной, Тем более, когда думаешь о Глиэре.]¹⁴⁰ Зная, какая творческая энергия жила в Рейнгольде Морицевиче, несмотря на его преклонный возраст, невольно скажешь: «Это был человек, победивший старость!»

¹³⁹ Эти юбилеи (июнь 1954-го и январь 1955-го) засняты на киноплёнку (хранятся в Государственном архиве кино- и фотодокументов и в ММКЕЛФГ).

¹⁴⁰ Добавлено при публикации текста.

Воспоминания о П. А. Хохлове¹⁴¹

Мне очень хочется написать несколько слов из моих воспоминаний о прекрасном, талантливом певце, очень известном как первый Онегин и первый Демон в нашем Большом Театре – о Павле Акинфиевиче Хохлове, любимце всей Москвы вообще и обожаемом всеми женщинами. Павел Акинфиевич окончил Московскую Консерваторию в классе Александровой-Кочетовой и, обладая превосходным голосом и прекрасной внешностью, был принят в Большой Театр. Он явился первым Евгением Онегиным Чайковского и первым Демоном Рубинштейна и покорила всю московскую публику в этих ролях; особенно им восторгались женщины за его прекрасную внешность и очаровательный баритон. У него было множество пылких поклонниц, добивавшихся получить его автограф; каждый день десятками приносили ему его портреты с просьбой сделать на них надпись. Если бы эти поклонницы знали, что эти портреты подписывал не П. [авел]А. [кинфиевич], а Ольга Николаевна!¹⁴²

Так как П. [авел]А. [кинфиевич] одновременно с консерваторией окончил университет, то он стал любимцем и студенчества и участвовал во всех студенческих земляческих концертах, где я часто встречалась с ним. Павел Акинфиевич никогда не говорил приглашавшим его студентам, каким поездом он приедет, т. к. кроме бесплатного участия в концерте всегда сам покупал себе железнодорожный билет. Я тоже по окончании Консерватории начала выступать в этих концертах и сольно и аккомпанируя, и мне не раз пришлось аккомпанировать и П. А. Хохлову и Л. В. Собинову. В это же время Чайковским была написана «Иоланта», которую поставили в Большом Театре, и П. [авел]А. [кинфиевич] получил партию Роберта. Павел Акинфиевич предложил мне провести летние месяцы в его имении, чтобы проработать со мной партию¹⁴³. Я охотно согласилась и приехала гостить к Хохловым, где меня радушно встретила Ольга Николаевна Хохлова, окруженная целой семеркой детей. П. [авел] А. [кинфиевич] очень любил своих ребят и баловал их.

¹⁴¹ ММКЕлФГ, V – 7. Рукопись на 1 л. именного бланка художественного руководителя ГМПИ им. Гнесиных. Не датирована (вероятно, относится к середине 1960-х годов). Неизвестно, предполагала ли Ел. Ф. Гнесина какую-либо публикацию данных воспоминаний. Остались два варианта-наброска рукописи, которые не носят завершённого характера и не отредактированы (публикуется здесь с минимальной редакторской правкой). Вероятно, Ел. Ф. Гнесиной хотелось поделиться своей памятью о человеке, безусловно, оставившем глубокий след в ее жизни. Портрет П. А. Хохлова в роли Евгения Онегина с дарственной надписью Ел. Ф. Гнесиной от 23 апреля 1899 года всегда занимал видное место на стене ее кабинета (ныне ММКЕлФГ, ИЗО – 86). Творческое общение с П. А. Хохловым было постоянным и интенсивным в 1890-е годы (см. концертные программы Ел. Ф. Гнесиной в приложении к книге – это далеко не полный перечень программ; с П. А. Хохловым Гнесина гастролировала в 1895–97 годах по городам России). Из некоторых устных рассказов Ел. Ф. Гнесиной близким ей людям, а также – косвенно – из письма Н. В. Балашовой о пребывании Ел. Ф. Гнесиной в Устье (см.: Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. М., 2003. С. 300) следует и то, что имели место романтические чувства между двумя музыкантами.

¹⁴² Жена П. А. Хохлова.

¹⁴³ «Иоланта» была поставлена в Большом театре в ноябре 1893 года. Ел. Ф. Гнесина приезжала в имение Хохловых (и его родину) Устье (Пензенской губернии) в 1894 году.

**Мои воспоминания о замечательном человеке
Анатолии Васильевиче Луначарском,
с которым мне посчастливилось близко познакомиться
еще до революции¹⁴⁴**

В конце прошлого столетия среди московского студенчества организовывались землячества, целью которых была помощь нуждающимся студентам.

По окончании Московской консерватории (в 1893 г.) и даже еще раньше я часто принимала участие в концертах в пользу этих землячеств как пианистка и аккомпаниатор¹⁴⁵.

Однажды как-то один из моих друзей, студент-калужанин Дмитрий Дмитриевич Гончаров, страстный любитель музыки, пригласил меня принять участие в концерте Калужского землячества в Калуге¹⁴⁶. В подобных землячествах в концертах все выступали бесплатно, и в них не раз принимали участие [такие] известные и талантливые певцы как Собинов и Хохлов, которым я также часто аккомпанировала. Приглашение Д. Д. Гончарова я приняла с удовольствием. Это было весной в начале девятисотых годов¹⁴⁷.

После концерта, который прошел с большим успехом, Дмитрий Дмитриевич от имени всей семьи предложил мне поехать отдохнуть к ним в имение «Полотняный завод».

Прокатиться в коляске на прекрасных лошадях, подышать чистым воздухом и насладиться красотой окрестной природы было для меня большим соблазном, и я охотно приняла это предложение.

Думала ли я, какая яркая, интересная встреча ждет меня впереди? Дмитрий Дмитриевич рассказал мне дорогой, что у них в Полотняном заводе уже около двух лет гостит его товарищ, замечательно интересный человек, высланный в Калугу по политическим делам, который спасается от назойливого надзора московской полиции в его огромном доме, недоступном мелким чинам охраны.

К ужину собралась вся большая семья Гончаровых. И тут-то я познакомилась с Анатолием Васильевичем Луначарским, который действительно оказался необыкновенно привлекательным человеком и интересным собеседником,

¹⁴⁴ Публикуется полностью по авторской машинописи: ММКЕлФГ, V – 96. 7 л.

Впервые опубликовано: Воспоминания об А. В. Луначарском // Сов. музыка. 1967. № 3. С. 70–72. В публикации сделан ряд сокращений, в первую очередь – описания имения Полотняный завод и семьи Гончаровых.

¹⁴⁵ См. список концертных выступлений Ел. Ф. Гнесиной в Приложении.

¹⁴⁶ Ел. Ф. Гнесина принимала участие во многих концертах с участием и Д. Д. Гончарова, и его жены В. К. Гончаровой. Подробнее о встречах в Полотняном заводе с Гончаровыми и Луначарским см.: *Соловьев В. В.* Пушкин. Гончаровы. Гнесины. Встречи в Полотняном заводе // Гнесинский исторический сборник. К 60-летию РАМ им. Гнесиных: Записки Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной. М., 2004. С. 9–16.

В публикуемых воспоминаниях Ел. Ф. Гнесиной «Из истории нашей семьи – истории наших учреждений» также говорится о встречах с Гончаровыми.

¹⁴⁷ Первая поездка Гнесиной в Полотняный завод состоялась в 1901 году. В дальнейшем – до 1907 года – она ездила туда каждое лето (возможно, с одним пропуском).

сумевшим с первой же встречи завладеть моим вниманием и искренней симпатией к себе.

Утром я уехала в Москву на занятия, увозя с собою любезное приглашение радушных хозяев провести ближайшее лето у них в имении.

Это предложение меня весьма устраивало: в прекрасном большом зале с хорошим роялем я имела бы возможность заниматься сама и аккомпанировать Дмитрию Дмитриевичу и его жене, Вере Константиновне, превосходной певице. Сам же Дмитрий Дмитриевич обладал небольшим, но приятным голосом. Кроме того, возможность пожить в доме, издавна принадлежавшем семье Гончаровых, в доме, в котором бывал А. С. Пушкин, казалась столь заманчивым, что я не могла отказаться от этого предложения.

Хозяин имения, Дмитрий Дмитриевич Гончаров, был человеком передовых взглядов. Для рабочих своей фабрики он организовал хорошую библиотеку и театр, в котором устраивались любительские спектакли. Кстати, в одном из них приняла участие молодая О. Л. Книппер. Это было ее первое выступление. Я приехала в Полотняный завод в начале лета.

Это было счастливое лето! Проводя много времени с Анатолием Васильевичем, я очень сдружилась с ним. Человек глубоких и широких взглядов, тонкий ценитель музыки, остроумный и веселый собеседник, отличный декламатор, Анатолий Васильевич не мог не привлекать к себе людей и их симпатии¹⁴⁸.

Все мы работали и приятно проводили время. В хорошую погоду мы много катались на лодке. Анатолий Васильевич любил, стоя в ней, читать нам наизусть целые главы из поэм Пушкина и Лермонтова, а также и свои стихи.

Мы не уставали восхищаться выразительностью его декламации, его поразительной памятью, которой, казалось, не было границ. Читать стихи Анатолий Васильевич мог в течение нескольких часов подряд, и, удивительно, мы никогда не ощущали ни утомления, ни скуки. Вечера наши были посвящены музыке. Чета Гончаровых пела, я им аккомпанировала и играла Шопена, а Анатолий Васильевич становился нашим самым внимательным слушателем.

Так пробежало время, и счастливому лету пришел конец.

Душа общества – Анатолий Васильевич уехал за границу, кажется, в Швейцарию. Несколько раз я еще побывала в «Полотняном заводе», но уже не встречала там Анатолия Васильевича и потеряла с ним связь, казалось бы, уже навсегда.

Шли годы. В 1895 году мы, сестры, открыли свое музыкальное училище и с головой погрузились в педагогическую и административную деятельность. Для пианистических выступлений у меня не осталось времени, и мне пришлось их сильно сократить. Наше училище росло и из года в год приобретало все большую известность и популярность.

¹⁴⁸ О симпатии Ел. Ф. Гнесиной к А. В. Луначарскому говорится в упомянутой статье В. В. Соловьева «Пушкин. Гончаровы. Гнесины. Встречи в Полотняном заводе». Якобы возникший в то лето романтический «треугольник» Луначарский – Гончарова – Гнесина послужил питательной идеей для художественного произведения А. В. Луначарского – его первой пьесы «Искушение».

После Октябрьской революции, в начале 1919 года, мы, Гнесины, передали наше музыкальное училище вместе с накопившимся инвентарем государству. Я была назначена заведующей училищем и школой. Еще в 1918 году, когда Советское правительство переехало в Москву и началась деятельная работа Совнаркома по перестройке всего народного образования, при Наркомпросе был организован отдел музыкального образования. Я и моя старшая сестра Евгения Фабиановна были привлечены к работе в Наркомпросе и в МУЗО¹⁴⁹. В этом же году образовался первый профсоюз «ВСЕРАБИС». Кроме того, педагоги-музыканты объединились в один общий местком, и я долгое время была заместительницей председателя, что давало мне возможность близко сталкиваться с людьми, знакомиться с тяжелым и трудным положением. Много раз я обращалась к заведующему МУЗО¹⁵⁰, человеку довольно равнодушному, как мне казалось, с просьбой улучшить, сколько возможно, бытовые условия хотя бы московских педагогов-музыкантов, но ничего добиться не могла. Тогда я решила поехать в Кремль к Анатолию Васильевичу Луначарскому, в то время уже Наркому просвещения, хотя у меня не было уверенности, что он меня помнит: уже очень много времени прошло с тех пор, как мы виделись.

Я просила секретаря доложить о себе. Каково же было мое изумление и радость когда, открыв дверь кабинета, я увидела Анатолия Васильевича, быстро идущего мне навстречу с протянутыми руками и словами:

«Неужели та самая Елена Фабиановна! Голубушка, что же вы раньше не приходили? Ведь нуждаетесь, наверное?»

«Да, это я, дорогой Анатолий Васильевич, но я пришла к Вам не ради себя», – и рассказала ему о тяжелом положении музыкантов-педагогов и о том, что они лишены рабочих хлебных карточек, хотя другие работники искусств таковые уже получают, и о многих наших других огорчениях и трудностях. Анатолий Васильевич обещал на следующий же день заняться этим вопросом и заверил, что разрешен он будет положительно, а мне предложил, не теряя времени, немедленно отправиться к заведующему МУЗО и вместе с ним заняться технической стороной дела. На всякий случай он дал мне записку в МУЗО, которая, конечно произвела сильное впечатление. Ровно через два дня все московские педагоги-музыканты получили московские карточки. Во время посещения Анатолия Васильевича я рассказала ему, как выросли за эти годы наши училище и школа, как много способных и талантливых детей учатся в их стенах и как большинство из них сильно нуждается. Анатолий Васильевич обещал немного помочь, учитывая тяжелое время, и просил меня извещать его о наших музыкальных вечерах, особенно, когда будут играть наиболее способные детки. И, действительно, Анатолий Васильевич сдержал свое обещание и довольно часто посещал нас, искренно интересовался нашей школой и всемерно оказывал ей помощь, причем все это делал как-то просто,

¹⁴⁹ МУЗО – музыкальный отдел при Народном комиссариате просвещения.

¹⁵⁰ Им был впоследствии знаменитый композитор-авангардист А. С. Лурье.

без холодных формальностей¹⁵¹. Вот одна из его коротеньких записок: «Дорогая Елена Фабиановна! Мне удалось достать два академических пайка. Разделите их по своему усмотрению между вашими нуждающимися мальчиками. А. Луначарский»¹⁵².

О том, с каким интересом и уважением относился А. В. Луначарский к нашему училищу и школе можно судить по его служебной записке в Главтоп по поводу моей просьбы относительно снабжения нашей школы дровами.

«Дорогой товарищ! Очень прошу оказать мне поддержку в небольшом деле, которое изложено в прилагаемой при сем записке [заведующей] 2-й Московской Государственной показательной музыкальной школы Е. Гнесиной. Со своей стороны обращаю свое внимание на то, что это совершенно исключительная музыкальная школа. Я знаю лишь очень немного учебных заведений, которые доставляли бы мне столько радости своей деятельностью и добросовестностью и необычайно плодотворной работой. Музыкальный отдел и Наркомпрос гордятся этой своей музыкальной школой и им было бы очень больно, если вследствие холода пришлось бы закрыть эту школу. Как видите, я не настаиваю на каких-нибудь широких ассигнованиях топлива для всех музыкальных школ или школ каких-либо других категорий, но я прошу вас уважить вне всякой очереди, в виде исключения, просьбу этой исключительной школы. – Нарком Просвещения А. Луначарский, 29 августа 1921 г.

6059, Москва, Остоженка, 53».

Вот так быстро, легко и душевно откликается Анатолий Васильевич на нужды музыкантов, особенно когда вопрос шел о детях, которых он очень любил. Каждая встреча с таким человеком, каждое, даже незначительное соприкосновение с ним, глубоко запечатлевалось в душе, одаривало какой-то светлой радостью.

Таково было огромное обаяние этого большого Человека с большой буквы.

На стене в моем кабинете висит его фотография с дарственной надписью: «Елене Фабиановне Гнесиной в знак нашей долголетней дружбы – А. Луначарский».

Этот дорогой дар я бережно храню как лучшее воспоминание о ярком человеке, с которым мне посчастливилось соприкоснуться в моей большой долгой жизни.

Москва.

Октябрь, 1966 г.

¹⁵¹ А. В. Луначарский, начиная с 1918 года, постоянно издавал распоряжения и писал ходатайства в поддержку учебных заведений Гнесиных. Сохранилось не менее 13 документов в архиве Ел. Ф. Гнесиной, подписанных А. В. Луначарским. Помимо помощи училищу-школе в различных нуждах, Луначарский неоднократно просил о приеме в школу в качестве учеников детей, которым он покровительствовал.

¹⁵² ММКЕлФГ, IX – 43.

**Старые воспоминания о давно минувшем.
Воспоминания [о] 1905 годе (моя единственная поездка
за границу)¹⁵³**

Мне хочется поделиться своими воспоминаниями о единственной поездке за границу, в Италию, о чем я с юных лет очень мечтала. Наш старый друг – Давид Соломонович Шор, уезжая со своей семьей в каникулярное время на морские купания в Геную, предложил мне присоединиться к ним. Я приняла это предложение с большой радостью, и вот мы выехали 19 мая 1905 года. Едем в Италию! Какая радость! Буду подробно описывать свои впечатления.

19 мая

Выехали за границу! В Италию! Едем великолепно, со всеми удобствами, погода чудесная, все время проходит в еде, но пока ничего особенного нет.

20 мая

Подъезжаем к Минску: на станциях встречаются преимущественно евреи, долгополые, с пейсами и т. п. украшениями. Артельщики, жандармы и другие, прикосновенные к железной дороге, возмутительно обращаются с нищими евреями и еврейками продавщицами, бьют их на глазах у проезжающих и грубо сгоняют их с платформы. На станции около Брест-Литовска мы с Раисой Михайловной Шор устроили целый скандал из-за несчастной еврейки, которая продавала хлеб и которую артельщик стал гнать кулаками в шею. Мы демонстративно купили хлеб именно у нее, который не был, конечно, нужен нам, выругали изрядно артельщика и собрали публику, которая высыпала из вагонов и тоже протестовала против столь грубого обращения.

Подъезжаем к Варшаве. Сейчас едем на передаточном поезде через весь город к другому вокзалу. Жаль, что в Варшаву приехали поздно вечером: говорят, что она очень красива, а сейчас видим только бесконечные ряды прямых улиц и массу электрических фонарей.

21 мая

Подъезжаем к границе, которая называется (станция) Граница. Отношение к евреям все то же, что и до границы, а после нее все сразу как-то меняется. Как это ни курьезно, в сущности, но как только переедешь пограничную черту, сейчас же все становится другим: другие люди, другие костюмы

¹⁵³ Печатается по рукописи – записной книжке 1905 года, дополненной в 1948 году (хранится: ММКЕЛФГ, V – 1, на 29 стр.). На этой книжечке, обернутой в бумагу, надпись рукой Ел. Ф. Гнесиной: «Ценная книжечка. Воспоминания о 1905 годе (моя единственная поездка за границу)». На внутренней стороне обложки заголовок: «19 мая 1905 года. Воспоминания о моей единственной поездке за границу вместе с семьей Д. С. Шор и о встрече с братом Мишей и Владимиром [м Михайло]вичем Волькенштейном в совместной поездке в Рим и Неаполь в наши молодые годы все в том же 1905 году». Рукопись карандашом (с несколькими вставками чернилами). До вставки 1948 года старая орфография, дальше – новая. Очевидно, в 1948 году, пометив дневниковые записи как «Старые воспоминания о давно минувшем», Ел. Ф. Гнесина перепечатала их на машинке (с минимальным редактированием), видимо, желая сохранить их. Деление на абзацы встречается только в машинописном варианте, откуда и взято.

(более нарядные), другая речь и даже другая природа. На границе у нас весьма тщательно осмотрели наши чемоданы и наши паспорта. Эта процедура противна, даже отвратительна! Мы думали, что это уже все, что мы должны претерпеть неприятного, но мы сильно ошиблись. Через какой-нибудь час в Щакове (Szczakowa), на австрийской границе, австрийцы, хотя уже более любезно, но все же опять проверили наши паспорта, разрыли все до единой вещи и выказали большую любознательность. Как это унижительно и противно! Неужели нельзя иначе устроить! Тут же у нас была пересадка и к 4 часам мы должны были быть уже в Вене. Один немец сообщил нам: только что распространился слух о самоубийстве царя (нашего, конечно). Много разговоров было в вагоне на эту тему. Все очевидно ждали, что после несчастья с эскадрой Рожественского¹⁵⁴ Нико-Милуша [царь] и не может поступить иначе.

Я все время стою в вагоне у окна; виды меняются. Мелькают поля, тщательно обработанные, и благоустроенные поселки. Нет больше наших избушек с соломенной крышей, все домики опрятные, покрытые черепицей, постоянно встречаются фабрики, заводы, прекрасные школы, около каждого дома сад с клумбами. Все прилично одеты. Кондукторы австрийские очень вежливы и любезны, все хорошо одеты и все в лайковых перчатках. Местность, по которой проезжаем, становится все более красивой и интересной. На больших остановках, когда еще только подъезжаешь, уже издали видишь на платформе массу расставленных столиков и буфет. К каждому окну подлетают мальчики с кружками пива и выкрикивают: «Bier, Bier»!¹⁵⁵ Мы, конечно, тоже пьем Bier.

Вена, 21 мая

Мы уже в Вене. Мы остановились в отеле против вокзала и поехали в рекомендованный ресторан обедать. Ресторан этот оказался на противоположном конце от нашего отеля, пришлось проехать на трамвае почти весь город. Какое страшное оживление! Какая масса народу на всех улицах! Все на улице обедают, пьют кофе, пиво, одним словом, все живут на улице! Какая масса трамваев, омнибусов, автомобилей, моторов, велосипедистов! Какие чудесные мостовые, как все привлекательно и красиво! Все дома имеют вид как бы общественных учреждений, а не жилых домов. Все крыши покрыты черепицей.

Вена 22 мая

Сегодня прежде всего узнали, что слух о самоубийстве царя оказался ложным. Поехали смотреть все достопримечательности в Вене и о них расскажу дальше отдельно, а пока ограничусь общими наблюдениями. В городе поразительная чистота, которая, конечно, объясняется прекрасными мосто-

¹⁵⁴ Гибель эскадры под командованием З. П. Рожественского во время сражения в Цусимском проливе 14–15 мая 1905 года была поворотным событием в русско-японской войне, предрешив ее трагический для России исход.

¹⁵⁵ Пиво (нем.).

выми (гранитные квадратики), масса зелени, на каждом шагу красивые памятники. Городовые и кондукторы в высшей степени вежливы и предупредительны; все указывают нам очень любезно и все объясняют. Военных у них почти не видно, и вид у них очень скромный. Совсем нет на улицах нищих, пьяных тоже нет. Все бедняки одеты прилично и чисто и, очевидно, чувствуют себя такими же гражданами, как и все другие. Очень мил костюм бедных мальчиков: голые руки, шея, а на ногах только туфли; фуфаячка, панталончики, помочи – больше ничего.

Вот приблизительный вид:

(рисовать не умею). Масса детей на улицах, несмотря на громадное движение, дети веселятся и резвятся около каждого памятника, каждого дерева. Нянек почти совсем не видно; матери сами возят детей в колясочках, часто по двое в одной. На каждом шагу видишь коляску с младенцем. Прислуга не носит на голове ни шляп, ни платков. Одеты очень прилично. На всех улицах продают цветы, они очень дешевы, и поэтому у всех цветы или в петлице, или в руках, или на голове. Почти у каждого велосипедиста привязан букетик роз, на лошадях цветы. Упряжь не такая, как у нас: дуг совсем нет, и упряжь более удобная для лошадей. Лошади все откормленные и крепкие, тяжелую кладь возят на паре лошадей, и более удобным способом, чем у нас. Извозчицьи экипажи (их немного, т. к. по всему городу ходят трамваи) замечательно хорошие, на паре чудных лошадей, извозчики прекрасно одеты, в котелках и перчатках, но удовольствие ездить в таком экипаже стоит довольно дорого, а потому все пользуются трамваями, omnibusами, что очень дешево. Сегодня воскресенье, и потому все закрыто, все отдыхают, гуляют, и у всех праздничный и очень нарядный вид. С 7–8 часов утра мы уже видим массу народа, отправляющихся целыми семьями в Prater-park на весь день. Очевидно, очень много парочек проехало мимо нас верхом на прелестных лошадах. Мы видели несколько праздничных процессий, – одна из них особенно привлекла наше внимание: шла большая толпа маленьких девочек в белых платьицах с распущенными волосами и цветами на головках и в руках. В середине этой толпы шло несколько взрослых мужчин в расшитых золотом мундирах, и один из них нес громадное знамя, красное и тоже расшитое золотом. Мы долго любовались этой процессией, хотя и не поняли, в чем, собственно дело.

Около 9 часов вечера мы увидели, как возвращалась публика из парка по Prater-strasse. Картина была удивительная – тысячи экипажей, автомобилей проезжали в несколько рядов, так что перейти улицу не было никакой возможности в течение по крайней мере 3–4 час[ов]. Масса народа, к которой

присоединились и мы, стояла и любовалась экипажами, лошадьми и нарядными дамами; гул стоял невообразимый от окриков кучеров и от всего вместе.

22 [мая] / 4 [июня]

Мы пробыли в Вене трое суток, причем жили так: ночевали в отеле, уходили пить утренний кофе в ближайшее кафе, затем два раза в день ели наскоро в ресторане и все время ходили что-нибудь смотреть. Видели мы для трех дней очень много – прежде всего, мы были в Kunst-istorischen музей¹⁵⁶. Это настоящий храм искусства. Здание само по себе так изумительно красиво внутри, так величественно, изящно, благородно и роскошно, что нельзя себе представить ничего лучше этого. Здание все целиком из мрамора. В нем масса картин всех школ, начиная с самых древних, много картин кисти самых великих художников, и как они содержатся – просто не верится, что многим из них по 400–500 лет. Есть хорошие статуи, хотя скульптуры мало, т. е. гораздо меньше. Конечно, для того, чтобы осталось в памяти все виданное в этом музее, надо было бы посвятить ему целую неделю, чего мы не могли сделать. Мы не один раз внимательно обошли его весь, а затем, перед отъездом, не могли не забежать последний раз, полюбоваться им и пробежать его. Были в музее герцога Лихтенбергского. В нем, главным образом, картины лучших художников старой итальянской школы, много гобеленов, затем много интересных мозаичных работ. После этого музея отправились в знаменитый собор Stefenkirche¹⁵⁷, который начал строиться в 1360 году и окончен в 1500 году. Очень хорош этот храм, прелестны громадные окна из цветных стекол, сквозь которые падает фантастический свет. Внутри храма масса колонн, на которых статуи святых, очень хорошей работы. Храм весь мраморный.

23 мая / 5 июня

Ездили на кладбище, где похоронен Бетховен. Долго искали, на котором кладбище могила Бетховена. Встретившихся у ворот кладбища нескольких венцев, молодых, спросили, где похоронен Бетховен. Они не могли сказать, т. к. знают имена только Ланнера и Штрауса, композиторов знаменитых вальсов. Мы все-таки нашли могилы Глюка, Шуберта, Бетховена и Брамса. Приятно было посидеть около могильных памятников великих людей. Около каждой могилы масса зелени, чудных деревьев, клумб с цветами, прелестные дорожки, усыпанные морскими камешками. Вообще это центральное кладбище замечательно содержится, памятники вообще, а в особенности великих людей, охраняются, и город дорожит ими, не то, что у нас. Мы взяли с могил дорогих нам людей на память зелени и цветов¹⁵⁸, кроме того, накупили много снимков Post-karten¹⁵⁹ с памятников Бетховена, Глюка и Шуберта, находя-

¹⁵⁶ Музей истории искусства.

¹⁵⁷ Святого Стефана (нем.).

¹⁵⁸ В конце публикуемого дневника в записной книжке остались страницы, где хранились засушенные цветы и листочки с могил Бетховена, Глюка, Шуберта, Брамса, Моцарта (что следует из надписей на страницах книжечки).

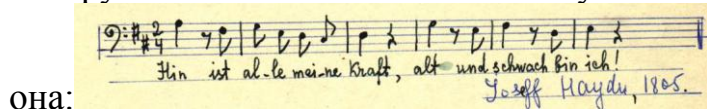
¹⁵⁹ Почтовые открытки (нем.).

щихся почти рядом. Тут же около Бетховена стоит памятник Моцарту, но могилы нет, так как он похоронен в Зальцбурге¹⁶⁰. После кладбища поехали в Музыкальный музей. Здесь мы видели массу рукописей и автографов Глюка, Генделя, Моцарта, Гайдна, Бетховена и последующих композиторов; много портретов, хорошо сохранившихся, но в очень плохом виде инструмент Гайдна, на котором я попробовала поиграть, но не смогла, т. к. не было ни одной верной ноты. Я нашла на стене одну программу 1798 года, на которой в числе исполнителей и исполняемых вещей стояли следующие два номера:

1. Eine Ouverture aus Climenzo di Tito von Herrn Kappelmeister W. Mozart.

2. Eine Sonate aus dem Fortepiano mit Begleitung komponiert und gesprecht von Herrn Ludwig van Beethoven¹⁶¹.

Есть там Моцарт – прелестная симфония g-moll в его рукописи, афиша первого представления Волшебной флейты и многих других интересных вещей. Еще я нашла и списала там автограф Гайдна (его визитная карточка, которую он послал кому-то из своих друзей). Вот

она:

(Куда девалась вся моя сила? Стар и плох я стал!..)

Тут же, на стекле под стеклянным колпаком стоит череп Гайдна, что нас сильно удивило. Тогда библиотекарь, который показывал нам все, пояснил. Гайдн был так необычайно плодотворен, что один знаменитый профессор захотел изучить его череп, а потом уже череп остался в музее. Из вещей, оставшихся после Бетховена, кроме его рукописей, в музее хранится его суповая ложка, которой он ел всю жизнь. Рядом с этой ложкой лежит золотой ключ от его могилы. Вот и все, что мы видели в этом музее.

Вена 24 [мая] / 6 июня

Сегодня мы ездили в дворцовый парк, в который всегда пускают всех желающих – в Schonbrunn. Парк сам по себе прелестный, но особенно интересен тем, что он же является замечательным зоологическим и ботаническим садом. Наш Московский зоологический сад лишь жалкое подобие того, что я здесь увидела. Здесь собраны все вероятные звери, какие только существуют, и какой у них всех сытый и здоровый вид! В ботаническом отделении есть замечательные пальмы, таких, вероятно, нигде нет. Для самых больших нескольких пальм пришлось недавно выстроить новое стеклянное здание, и это грандиозное сооружение обошлось в 1 миллион крон, т. е. около 400 тысяч [рублей]. Король содержит все это на собственный счет и при этом очень

¹⁶⁰ Очевидное заблуждение, вероятно, вызванное какими-то объяснениями на месте: о том, что могила Моцарта не сохранилась (а он был похоронен именно на этом же венском кладбище в общей могиле), было хорошо известно, тем более не могла об этом не знать и Ел. Ф. Гнесина, и ее спутники.

¹⁶¹ Увертюра к опере «Милосердие Тита» капельмейстера Моцарта и Соната для фортепиано в сопровождении (очевидно, скрипки), сочиненная и исполняемая Бетховеном.

любезно пускает всех, кто хочет, хоть на весь день. Очень это мило. Шоры нашли здесь своего знакомого, доктора, который повезет нас вечером в Prater, место всяких увеселений для народа.

25 [мая] / 7 [июня]

Вчера вечером мы в сопровождении доктора были на Пратере. Прежде всего, мы поднялись на гигантской карусели и с очень большой высоты любовались видом на Вену и ее окрестности. Затем пошли смотреть кинематограф и попали очень удачно: показывали во всех подробностях сначала заговор и бросание жребия, а затем убийство Сергея в Кремле¹⁶². Удивительно ловко сделано, иллюзия получается полная. После кинематографа посмотрели еще всякие чудеса, и после всего милый доктор повел нас здесь же ужинать в ресторан.

Сегодня ничего особенного не смотрели, зашли еще раз в Stefenkirche, прошлись по самым красивым улицам и решили пойти в отель отдохнуть немного и улечься, т. к. завтра утром едем дальше.

26 [мая] / 8 июня¹⁶³

Сейчас выехали из Вены; виды все время очень красивые, но мы с нетерпением ждем Земмеринга, о котором столько слышали. Местность становится все более гористой, горы сплошь покрыты зеленью, из-за которой уютно выглядывают домики, разбросанные то выше, то ниже на порядочном расстоянии один от другого. У подошвы горы вьется прелестная быстрая речка, которую мы все время видим то с правой, то с левой стороны поезда. Вся это местность сильно напоминает горный Крым, который я видела, проезжая как-то от Бахчисарая к Ай-Петри и Ялте. Вот и прославленный Земмеринг! Удивительно красивое место, сказочно красивое! Проехали еще несколько станций – Грац, Брух и другие, – мы все также очарованы красотой природы! Виды сменяются, как в бесконечной панораме, – один другого лучше.

Мы подъезжаем к Виллаху, где переночуем в отеле, чтобы опять ехать дальше утренним поездом и наслаждаться дивными видами.

27 [мая] / 8¹⁶⁴ июня

Сейчас выехали из Виллаха. Отсюда собственно начинается Тироль. Все те же горы, та же речка. Природа такая же богатая; часто стали попадаться средневековые замки, иногда полуразрушенные. Большинство из них стоят на скалах, у большого обрыва и кажутся совершенно неприступными. Снеговые горы совсем близко. Вообще мы заметно поднялись, проехали несколько тоннелей, и впереди ожидаются еще.

Весь путь вплоть до Ривы, где мы делаем остановку, поразительно красив, невероятно, сказочно красив. Описать все величие и красоту природы

¹⁶² Убийство Великого князя Сергея Александровича в Москве, которое произошло 4 февраля 1905 года.

¹⁶³ Далее даты чаще проставлены и по старому, и по новому стилю, так как за границей был принят новый стиль.

¹⁶⁴ Ошибка: на самом деле 9 июня.

невозможно, – я, по крайней мере, не умею сделать этого и могу только каждому едущему за границу посоветовать сделать этот путь, и самому, своими глазами увидеть все чудеса природы.

28 [мая] / [10] июня¹⁶⁵

Вот мы в Риве, на берегу дивного Lago di Garda. Вода в озере ярко-голубая, бирюзовая, восхитительная! Кругом со всех сторон громадные горы и скалы, которые подавляют своим величием и фантастичностью. С большим удовольствием останемся в Риве на сутки. Здесь так хорошо, что хочется все сидеть на балконе и без конца смотреть на голубое озеро и на горы.

29[мая] / [11] июня. Сейчас сядем на пароход и проедем все прелестное Lago di Garda, до Дезенцано, где пересядем на железную дорогу и поедем в Милан. Рива еще принадлежит Австрии, но озеро уже итальянское, и потому раньше нужно еще иметь дело с итальянской таможней на берегу озера, что немного отравляет удовольствие. Озеро не совсем спокойное, но большой качки, конечно, не будет.

Через три дня¹⁶⁶ подъедем к Дезенцано. Пароход очень хорошенький, хотя совсем небольшой. Качки совсем нет, даже можно писать. Какое чудное озеро и прелестные берега! Сейчас потянулись без конца лимонные деревья с лимонами на них, которые издали, с парохода кажутся желтыми черешнями. В середине озера виден большой остров с чудесной растительностью, среди которой сверкает замечательное мраморное здание. Спросили мы, что это такое, и нам сказали, что это вилла герцога Феррарского. Дом построен в готическом стиле, и кажется, будто он выточен из слоновой кости. Дом, т. е. дворец, окружен громадными пальмами, массой зелени, что очень красиво на фоне голубого озера. Вот и Дезенцано. Сейчас подъезжаем к пристани. Сели в поезд, очень хороший на наше счастье. Итальянские вагоны вообще славятся своими неудобствами и грязью, но иногда попадаются, как и теперь, вполне приличные. Через пять часов будем в Милане, в настоящей Италии.

Милан, 30 [мая] / [12] июня

Вчера вечером мы приехали в Милан. На вокзале нас встретила чета Дациаро, с которыми мы будем продолжать путь по Италии. Поместили нас в очень хорошем Отеле, в самом центре города, против театра La Scala и около чудесного собора Диомо¹⁶⁷. Сегодня мы прежде всего пошли в собор. Уже внешний вид производит сильное впечатление; основан собор в [1360] году неизвестно по чьему плану. Стиль готический, кружевной, сплошь мраморный, масса статуй святых на каждой башенке, на каждом выступе. Говорят, что в этом храме внутри и снаружи помещено в общем [числе] 6 тысяч ста-

¹⁶⁵ Здесь и далее описка: называя даты по старому стилю, Ел. Ф. Гнесина ошибочно пишет «июня» вместо «мая».

¹⁶⁶ Описка: часа.

¹⁶⁷ Правильная транскрипция итальянского Duomo – Дуомо.

туй. Внутри Диомо такое величие, изящество и при этом красота какая! Очаровательны грандиозные окна, стекла которых сплошь разрисованы самыми знаменитыми художниками разных веков. Храм до сих пор все еще достраивается. Внутри храм поддерживается двойным рядом грандиозных колонн, мраморных. Много больших статуй очень хорошей работы, роскошные гробницы великих людей. Между прочим, здесь находится знаменитая статуя неизвестного автора, за которую, говорят, англичане давали столько золота, сколько она весит. Поднимались мы на самый высокий пункт храма, на последнюю башенку. Вид оттуда изумительный, но немного страшно стоять там. Сверху зато видишь статуи на каждой башенке, которые трудно рассмотреть стоя внизу. В Диомо мы попали во время службы; очень хороший орган там и прекрасный хор, который находится на хорах с двух сторон. Одеты хористы наподобие ангелов, белые платья. По окончании службы кардинал говорил бесконечную проповедь, из которой мы поняли только отдельные слова, но говорил он удивительно гладко, без запинок и с большим воодушевлением, около часа. Мы были еще раза два в Диомо, и каждый раз я с восхищением рассматривала его и любовалась дивным освещением. В куполе над алтарем вделаны цветные стекла светло-светло зеленого цвета, благодаря чему вся эта часть храма чудно освещена в солнечный день. Кроме того, в куполе имеются два небольшие отверстия, через которые накрест проходят солнечные лучи, что очень эффектно. Большое количество света проникает в храм через раскрашенные стекла громадных боковых окон. Собор так велик, что, как говорят, вмещает в себя 40 тысяч человек. С удовольствием думаю о том, что на обратном пути буду еще раз в Диомо.

После собора мы отправились в лучшую картинную галерею La Brega. Здесь только картины школ 1400–1600 годов. Рафаэля ничего нет, кроме одной из его знаменитых картин «Обручение Св. Девы»¹⁶⁸. Это замечательная картина, и как хорошо она сохранилась! Вообще все картины в удивительно хорошем виде, даже не верится, что большинству из них по несколько сот лет. Как обидно, что новая итальянская школа не выдерживает никакой критики в сравнении со старой, что в Италии искусство так пало, так ничтожно теперь. Очень обидно, что нам, за недостатком времени, так бегло приходится смотреть все, что почти не остается в памяти. Но с этим приходится мириться.

31 [мая] / 13 июня

Сейчас мы все сидели в галерее, пили кофе и наблюдали публику. Прежде чем говорить о публике, нужно сказать несколько слов о галерее. Это здание – вроде наших торговых рядов, но красивее. Имеет она форму креста с громадным стеклянным куполом в центре и четырьмя выходами на 4 площади, одна в Диомо. Внутри галереи масса магазинов, несколько ресторанов и кафе, а так как галерея находится в самом центре города, то через нее проходит масса народа. Все столики около ресторанов и кафе всегда заняты,

¹⁶⁸ Более традиционное название – «Обручение Марии».

много народа прогуливается просто так, без всякой цели. Сейчас мы видим очень много девочек больших и совсем маленьких, все в белых платьях, с вуалями и цветами на голове. Оказалось, что все они шли к причастию в Диомо. Детей в Милане, особенно девочек, одевают слишком нарядно, они гораздо больше походят на кукол, чем на живых детей. Что ни девочка, то хорошенькая куколка. Публика вообще, особенно дамы, очень нарядная, ничего не делающая, оживленная, но не деловым оживлением, как в Вене, а праздным. Милан в общем не итальянский город, а совершенно европейский, но уже в нем сильно заметна итальянская лень. Все живут на улице, даже спят на улице. Здания везде очень высокие, многоэтажные, все крыши покрыты черепицей. Мостовые чудесные, везде чудные площади, и на каждой памятник какому-нибудь итальянскому герою или ученому. Очень хорошие памятники Гарибальди, Леонардо да Винчи, Виктору Эммануилу, Кавуру и множество других. Улицы все очень узенькие, и, несмотря на это, везде проходят трамваи, снуют моторы, велосипедисты, автомобили, экипажи. Экипажи прекрасные и очень хорошие лошади. Кучера в цилиндрах, черных сюртуках и перчатках. Проезд не дорог – лира за конец. Очень часто видишь экипажи с осликами вместо лошадей, много пони на ходу.

Сегодня были в музее Poldi Pezzoli. Это богатейшая коллекция всевозможных редкостей, хрусталя, бронзы, мозаики, разных вещей из дерева, скульптуры старой школы и кое-что более современное – все это принадлежало Poldi Pezzoli, а теперь перешло к городу. Затем мы отправились на знаменитое Миланское кладбище. К сожалению, погода нам не очень благоприятствует – все время идет дождь, и для Италии довольно свежо. Впрочем, это обстоятельство не очень мешает нам бродить по Милану. На кладбище мы попали при довольно сильном дожде, поэтому сначала долго осматривали крытую галерею, в которой хранятся урны и есть некоторые гробницы, очень красивые. Затем мы спустились вниз. Кладбище имеет замечательно красивый, живописный вид, чудные мраморные статуи выглядывают из-за деревьев, масса цветов и клумб около каждой могилы. Есть прелестные мраморные и бронзовые группы очень хороших скульпторов. Что ни памятник, то произведение искусства. Невозможно было пересмотреть все памятники, а потому мы пошли смотреть крематорий. Нам показали, как производится сжигание трупов, во сколько времени и что остается после сжигания. Трупы бедняков всегда теперь сжигаются. Хорошая вещь крематорий, жаль, что у нас не дошло еще до этого¹⁶⁹.

1/14 июня

Сегодня ездили смотреть замок Castello Франческо Сфорца, хорошо сохранившийся до их пор. Замок занимает очень большую площадь, имеет несколько круглых башен, высокие зубчатые стены. Кругом него глубокий и широкий ров, в котором прежде была вода, весь заросший теперь густой тра-

¹⁶⁹ В Милане был открыт (в 1876 году) первый в современной истории крематорий. В России в описываемое время крематориев еще не было (первый появился в 1921 году).

вой. Внутри здания теперь находится музей всяких древностей, в который я, к большому своему сожалению, не попала. В наружной галерее, которая идет по всем четырем сторонам громадного квадратного двора, стоят грандиозные статуи некоторых Олимпийских богов, остатки памятников, древние надписи, остатки ваз и т. п. Теперь все, что находится при раскопках в Милане и около него, свозится в Castello. Наружный вид замка очень интересен, особенно хороши великолепно сохранившиеся средневековые окна. Быть может, мне удастся на обратном пути познакомиться с внутренним видом замка, хотя внутри он, конечно, реставрирован. Из Castello мы прошли в городской парк, старинный и очень тенистый. В нем содержатся для удовольствия публики, преимущественно детей, некоторые животные и птицы, которых публика подкармливает. В Милане чудные магазины и столько привлекательных вещей в витринах, что очень трудно удержаться от желания купить что-нибудь. Мои деньги находятся у Давида Соломоновича¹⁷⁰, который очень скупно выдает их мне; вернее, совсем не дает, о чем я сама просила в начале поездки. Это очень хорошо, иначе их бы уже мало осталось! В Милане трудно покупать, так как иностранцев принято надувать и обсчитывать. Но нас все время сопровождают супруги Дациаро, которые за нас говорят, за нас торгуются и все делают. Мы должны были завтра распрощаться с Миланом, но из-за Дациаро, который должен здесь остаться по делам, мы остались еще на день-два.

3/16 июня

Последние два дня мы ничего особенного не видели в Милане, больше гуляли по городу, благо погода стояла хорошая. Через два дня уезжаем в Pegli. В Милане мне не удалось отыскать тетю Цецилию, чего я не ожидала, ввиду того, что тетя живет в Италии безвыездно уже 30 лет¹⁷¹. Обязательно и непременно отыщу и повидать ее на обратном пути. Из Милана я два раза писала брату Мише наугад во Флоренцию и Рим, но не знаю, получили ли они мои письма.

Вот мы уже в Pegli, после четырехчасового и мало интересного переезда. В Генуе мы почти тот час же пересели в другой поезд и поехали дальше. В Генуе мы моря не видели, но как только выехали, сейчас же к великому удовольствию увидели море, так как железная дорога идет берегом. От Генуи до Pegli всего полчаса езды. Завтра утром осмотрюсь и узнаю, что из себя представляет Pegli.

Pegli, 4/17 июня

Наш отель находится почти у моря, а из окон наших комнат чудный вид в противоположную сторону на горы, сплошь покрытые зеленью. Сейчас нам принесли массу писем, из которых почти все адресованы мне. Вот приятный сюрприз. Письма от всех, кто только мог написать мне. Как я рада!

¹⁷⁰ Д. С. Шора.

¹⁷¹ Цецилия Каведани (в России – Каждан), сестра матери Ел. Ф. Гнесиной, была певицей, солисткой театра Ла Скала в Милане. Безусловно, Ел. Ф. Гнесина собиралась с ней встретиться, но так и неизвестно, сумела ли она это осуществить.

Ура! Письмо от Миши¹⁷², и он очень зовет меня поехать в Рим, предполагая, что находясь только около Генуи, я не увижу ни Рима, ни Неаполя. Сейчас спросила Шоров, поедут ли они в Рим, и так как Давид Соломонович категорически заявил, что ни в Рим, ни в Неаполь он не поедет, я решила ехать одна и присоединиться к Мише. Сначала побежала посоветоваться с нашим соседом Дациаро, итальянцем, и он очень одобрил мое желание и стал помогать мне путеводителями и книжонками с необходимыми фразами на итальянском языке, а кроме того, я записала под диктовку Дациаро по-итальянски все, что мне может понадобиться дорогой. Буду зубрить эти фразы. По совету Дациаро послала Мише две телеграммы и 3 открытки о приезде, и сегодня вечером выезжаю. Каково, завтра утром буду уже в Риме, о котором я так мечтала. Сiju уже на вокзале в Генуе и жду пересадки в Рим. К сожалению, в Regli мне не дали билета до Рима, и мне пришлось взять его здесь, что я очень храбро сделала, затем я отправилась в буфет и очень храбро спросила: могу ли я что-нибудь поесть? На мой итальянский вопрос получила французский ответ, что очень обрадовало меня. Вероятно, буфетчик сразу определил мое итальянское произношение и выручил меня. Теперь сiju и заучиваю фразы, с которыми мне придется общаться с кондуктором, например, где вагон без пересадки в Рим, и т. д. Как дороги проезды по железной дороге в Италии: например, билет от Генуи до Рима – расстояние, т. е. езды 10 часов, в третьем классе (отвратительном) стоит 29 лир или франков, а ведь для итальянцев лира имеет значение нашего рубля! Мне придется ехать вечером, всю ночь спать, конечно, нельзя будет, но зато хорошо приехать в Рим утром, в 8 часов утра. А вдруг Миша не получит моих телеграмм и не встретит меня? Еще не представляю себе, что мне тогда нужно сделать. Впрочем, для этого еще будет время, а сейчас нужно взять свои пожитки и идти искать вагон – «per Roma senza cambiare¹⁷³».

5/18, 6 часов утра

Через два часа буду в Риме. Какой курьез случился (произошел) вчера, когда я садилась в вагон, – мне и сейчас еще очень смешно! Иду со своим чемоданчиком, смотрю на вагоны и не вижу такого, какой нужен мне: Genova – Roma. Тогда я обращаюсь к двум сеньорам, которые стоят у ближайшего вагона 3 класса, и по-итальянски спрашиваю у них: можно ли в этом вагоне доехать без пересадки в Рим; один из них по-итальянски же ответил утвердительно. Я втокнула свой чемодан и затем уселась сама. Прежде всего, я критическим оком осмотрела вагон, убедилась, что он донельзя грязен и неудобен, но потом с удовольствием увидела надпись «vietato fumare», т. е. для некурящих, и примирилась. Сiju я, стало быть, и от нечего делать смотрю в свои путеводители, причем на своих соседей внимания не обращаю. Наконец, мой ближайший сосед, к которому я обратилась по-

¹⁷² От брата – М. Ф. Гнесина.

¹⁷³ До Рима без пересадки (*ит.*).

итальянски, громко расхохотался и говорит мне: «Ну, будет комедию ломать, ведь мы сразу увидели, что Вы русская, мы тоже оба русские, как же это Вы не заметили этого: пожалуй, еще продолжали бы разговаривать с нами по-итальянски!» Я очень обрадовалась, уверила их, что больше того, что сказала по-итальянски, не знаю ни одного слова, да и теперь не нужно больше. Мы разговорились, и оказалось, к нашему общему удовольствию, что мы все москвичи и что едем в Рим. Моими спутниками оказались певец-тенор Борисенко, а другой – пианист Плотников, аккомпаниатор и муж певицы Шор-Плотниковой. В вагон набилось 10 человек, сидеть стало очень тесно, причем итальянцы громко ругались, плевались, курили толстые сигары, несмотря на надпись, на которую я им указала, вообще вели себя так, что я пришла бы в ужас и полное отчаяние, не окажись в вагоне Плотникова [и] Борисенко. С ними мне не было страшно, да и Рим перестал пугать меня, – в случае, если Миша не встретит меня, они помогли бы мне ориентироваться в Риме и найти Мишу. Дорога от Генуи до Рима довольно скучная, благодаря бесконечным туннелям и несмотря на то, что все время едем берегом; моря почти не видно, только увидишь море и обрадуешься ему – как опять большой туннель. Мои спутники все время бранили этот путь, про который им сказали, что он очень красив. Красоты, может быть, и много, но она скрыта туннелями. Теперь уже очень скоро Рим, и я жду с нетерпением. Мы уже уклонились в сторону от моря, стало быть, скоро Рим. Я не представляла себе, что около Рима могут быть большие поля, а вот сейчас едем полем, на котором попадаются изредка деревья.

Рим 6/19¹⁷⁴ [5\18] июня

К великой моей радости, Миша встретил меня с букетом роз. Он повез меня к себе в меблированные комнаты, где нашлась маленькая комната для меня. Я умылась, привела себя в приличный вид, и мы сейчас же отправились смотреть Рим, так как мне не хотелось терять ни одной минуты. Прежде всего, Миша повел меня поблизости на виллу Боргезе, куда должен был прийти Владимир Михайлович Волькенштейн, товарищ Миши, который с ним приехал и который еще спал, когда я приехала. Не успели мы пройти по саду одной аллеи, как меня постигла первая неприятность: у меня исчезла из рук моя сумочка, в которой было много ценных для меня вещей. Мы ходили, искали ее, заявили солдатам-сторожам, но ничего не вышло из всех наших стараний. Сумка была потеряна вместе с серебряным кошельком, в котором было 5 лир, [к] счастьем, не больше, с новым носовым платком, а главное – с записной книжкой, в которой были нужные мне и интересные заметки, и некоторые мелочи. Но тут же явилось утешением то, что я могла потерять все деньги, если бы не отдала их Мише перед тем, как уйти. В это время пришел и Владимир Михайлович. Мы немного побродили по саду, но в музей Боргезе опоздали и потому отравились в Капитолий. Мы очень долго и внимательно

¹⁷⁴ Описка в дате.

осматривали остатки старого Рима. Страшно обидно становится, когда смотришь жалкие развалины и слушаешь при этом бесконечный рассказ гида, что вот это дворец Тиверия, а это дворец Веспасиана. Здесь был дворец Септима Севера, а тут Каракаллы и т. д. Теперь только можно понять, что все было грандиозно, величественно, страшно прочно и что надо было очень стараться, чтобы так разрушить и обратить в развалины все эти дворцы и храмы. Ведь стоят же в Риме некоторые уцелевшие античные памятники, фонтаны, колонны, стоят тысячелетиями и простоят еще столько же. Колизей сохранился много лучше; две трети стены почти целы, а одна сторона почти разрушена. Внизу у арены почти сохранилась тюрьма, и даже решетка на окошечках. Неприятное впечатление производит странная почва земли в Колизее: она красная и имеет вид запекшейся крови. Гид объяснил нам, что, по преданию, это до сих пор выходит наружу кровь замученных христиан, так как слишком много было пролито крови в Колизее и вся земля пропиталась ею. Правда, земля такая странная, что невольно веришь этому рассказу в этот момент.

Рим 6/19 июня

Сегодня были в храме Петра. Когда я была в Диомо в Милане, мне казалось, что храма лучше Диомо не может быть, а теперь вижу, что St. Pietro в Риме еще лучше. Прежде всего, меня поразила площадь и колоннада перед храмом; в середине площади громадный обелиск и два прелестных фонтана, выбрасывающих высокие струи воды. В храме меня охватило чувство благоговения к красоте и величию его и, главным образом, к людям, создавшим такую красоту, – Боже, до чего хорош этот храм! Какая бездна вкуса, таланта, знания вложено в него. Гробницы пап одна другой лучше, – все папы вместе недостойны одной гробницы из тех, которые воздвигнуты им. Храм страшно велик, и его нужно очень долго рассматривать. Постараюсь прийти в St. Pietro еще несколько раз. Затем мы пошли в Ватиканский музей. В нем преимущественно античная скульптура и столько замечательных произведений искусства, что и не запомнишь сразу. Самое сильное впечатление производит Аполлон Бельведерский (поразительно хорош), Лаокоон и колоссальная фигура «Нил». Были в Сикстинской капелле, видели знаменитую живопись Микеланджело.

7/20 июня

Сейчас были в Пантеоне – что это за прелесть! В этом интересном здании сохранился даже мозаичный пол. Пантеон, собственно, состоит из одной грандиозной залы, совершенно круглой. Освещение падает сверху, окон нет. Самый центральный купол ничем не заделан, и видно синее небо, что очень красиво. В Пантеоне похоронены некоторые великие люди и итальянские короли. Меня пленила гробница Рафаэля, которая тоже находится в Пантеоне. На его могиле стоит прекрасная мраморная Мадонна с младенцем, не знаю, чьей работы, и масса живых цветов в больших вазах, вазочках маленьких, наконец, просто лежат букетики. Это трога-

тельно и красиво. Сегодня мы преимущественно ходили по городу. Рим страшно интересен. На каждом шагу видишь здание современное, но приклеенное на античные стены, на каждой площади очаровательные фонтаны, по несколько на каждой, большей частью в центре громадная фигура Нептуна с нимфами вокруг, и отовсюду бьют струйки, и вверх и вниз. Вот таких фонтанов в Риме вероятно масса, по крайней мере, мы видели их очень много, а ведь мы не обошли и половины Рима. Днем в Риме, благодаря жаре, не очень шумно, а к вечеру все выходят на улицу и везде сплошная толпа.

Сегодня вечером мы решили пойти в театр, послушать настоящую итальянскую оперу. В одном театре ставили «Севильского цирюльника», а в другом – «Травиату», – решили пойти на «Севильского цирюльника», не зная, конечно, какой сюрприз нас ждет. Как только был поднят занавес, мы поняли, что попали на детскую оперу, т. е. опера шла в настоящем виде, без изменений и без купюр, но в исполнении детей. Исполнительницам партий Розины и графа Альмавивы могло быть лет по 15, все остальные были много моложе; очарователен был Фигаро, мальчик лет 12–13, а дон Базилио лет 9–10, не больше. Какие все они музыкальные, ритмичные и какие при этом актеры – просто прелесть! Конечно, ни в какой другой стране, кроме Италии, невозможно организовать детскую труппу и ставить полностью несколько опер в исполнении малышей, да еще в таком хорошем исполнении. Мы трое остались очень довольны этим вечером, и с удовольствием будем вспоминать «Севильского цирюльника» в исполнении итальянских младенцев. Завтра еще походим по Риму, полюбуемся им в последний раз и вечером уедем в Неаполь. Для того, чтобы хорошо познакомиться с Римом, в нем нужно пробыть не меньше месяца, но мы, к сожалению, не имеем возможности пробыть в нем даже неделю, по финансовым соображениям и из-за знаменитой римской жары и духоты. Хорошо еще, что на наше счастье был пасмурный день, шел дождь, и только два дня было очень жарких, но и то мы порядком испеклись. Даже многочисленные фонтаны не освежают воздуха – он какой-то раскаленный, знойный. Как обидно, что мы не имеем возможности поехать в Италию зимой или весной, не торопясь осмотреть все, что есть интересного, а в Италии все интересно, кроме самих итальянцев, которые не стоят чудной природы и того наследства, которое они получили и которым они, в сущности, живут до сих пор: Италия существует только для иностранцев и иностранцами, которых страшно эксплуатируют. Итальянцы ценят все, оставшееся им от античного мира, все произведения великих мастеров настолько, поскольку они могут брать за это деньги. За каждый шаг, за каждый вид, за все нужно платить. Все музеи открыты только до часу, для того, конечно, чтобы иностранцы не могли много видеть в один день и оставались дольше в каждом городе. Если спросишь у кого-нибудь, даже приличного на вид человека, как нужно пройти куда-нибудь, он с полной готовностью укажет, но сейчас же попросит за услуги денег.

8/21 июня¹⁷⁵

Сейчас нахожусь на пароходе, с которым возвращаюсь из Неаполя в Pegli. Неделя, проведенная в Неаполе и на Капри, была безумная и утомительная, и записывать было трудно. Теперь расскажу все постепенно. Последний день в Риме мы были в музее Кирхнера, очень интересном, но немного специальном, и мы пошли еще раз в St. Pietro, ходили просто по улицам Рима и наткнулись на чудесную широкую мраморную лестницу, на площадке которой наверху находится клетка с живой волчицей и волчатами. Оказывается, что в Риме с незапамятных времен не переводится волчица в клетке, в память волчицы, по преданию, вскормившей Ромула и Рема. Да, кстати, мы видели в музее несколько картин на эту тему. Затем мы поехали домой, уложились и вечером поехали на вокзал. Дорогой в вагоне с нами случилось трагикомическое происшествие, окончившееся для нас довольно благополучно. Вместе с нами в вагоне ехали два итальянца, очень прилично одетые, на которых мы не обращали никакого внимания; мы сидели и мирно делились впечатлениями, как вдруг с верхней полки падает наш рюкзак прямо на колени одному из итальянцев, и, о ужас! прорывает ему пряжкой брюки, надо сознаться – почти новые. Мы все трое начали извиняться, но он совершенно не удовлетворился извинением, вынул листок бумаги и карандаш и начал писать ряд цифр. Мы, конечно, поняли, что он вычисляет стоимость брюк и собирается требовать с нас убытки. Так оно и было: он потребовал с нас 20 франков, мы предложили ему 5, от которых он с негодованием отказался, после чего мы ему заявили, что ничего ровно не дадим. Тогда он решил, предварительно выругавши нас, составить протокол на следующей большой станции, где он, кстати, должен был сойти, и когда мы подъехали к этой станции, он обратился к начальнику станции с жалобой на нас. К нашей великой радости, начальник, хотя тоже итальянец, принял нашу сторону и сказал нашему врагу, что из-за таких пустяков не стоит устраивать скандал с иностранцами. В этот момент, очень кстати, поезд двинулся дальше, итальянец с поднятым кулаком и угрожающим видом остался на платформе, а мы в самом веселом настроении поехали дальше. Тем временем уже стемнело, и скоро мы увидели зрелище, которое заставило нас забыть итальянца с его брюками и приковало нас к окну. Мы увидели Везувий с огненной полосой лавы, которая безостановочно текла куда-то вниз. Через каждые несколько минут это чудовище извергало из себя пламя, которое фонтаном поднималось вверх и затем потухало. Иногда благодаря поворотам, которые делал поезд, мы теряли из вида Везувий, но потом вдруг вырисовывалась на темном небе огненная полоса лавы, и мы опять смотрели на нее во все глаза. Приехали мы в Неаполь в половине первого ночи, отправились по указанному нам адресу в совершенно противоположную вокзалу часть города, находим квартиру и, о ужас! – нас не пускают, ибо уже слишком поздний час.

¹⁷⁵ Дата относится только к началу описания. Далее идет единое описание последующих дней, причем дневник прерывается и дополнен уже в 1948 году.

Таким образом, пришлось нам во втором часу ночи искать прибежища в незнакомом городе, да еще в отдаленной от центра и отелей части. После долгих и тщетных поисков нашли отель, в котором весьма заспанный швейцар открыл дверь и пустил нас переночевать, т. е. провести несколько часов, а утром мы снова отправились на квартиру, где нас не пустили ночью, и устроились в ней. Мне досталась комната с чудным видом на море и Везувий, а Мише и Владимиру – маленькая комната рядом со мной. Едва устроившись, мы пошли обозревать Неаполь. Прежде всего, мы отправились в знаменитый аквариум, который очаровал нас. Мы увидели огромные стеклянные ящики, наполненные морской водой, и в них плавали всевозможные морские рыбы, маленькие и большие, очень красивые, с чудесной окраской. Больше всего нас поразило отделение, где были сосредоточены самые разнообразные раковины, большие, перламутровые, и маленькие ракушки, которые плавали, быстро передвигались; как-то странно и непривычно было видеть живых ракушек. В одной из [них] находился небольшой спрут, в другой – небольшой крокодил. Из аквариума мы отправились в Национальный музей, где собраны самые замечательные картины, скульптуры, мозаика¹⁷⁶ и уцелевшие Помпейские мозаичные картины. С тех пор, как я писала об этом путешествии, прошло долгих 43 года! Так как я отлично помню все, что тогда происходило, мне захотелось продолжить эти записки, но... я запуталась в старой орфографии и буду поэтому писать по-современному – в июле 1948 года, находясь в санатории «Барвиха».

Итак, продолжаю. Мы вышли из «Национального музея» совершенно очарованными, что не помешало нам подкрепиться в первом попавшемся уличном ресторанчике. Затем продолжали знакомиться с Неаполем и его достопримечательностями. Съездили на лодке на Капри, видели знаменитый «Голубой грот», а вернувшись вечером в Неаполь, опять зашли в уличный ресторанчик поужинать. Там к нам пристали мальчуганы, итальянские маленькие нищие, вроде наших беспризорников, и стали просить денег. Брат мой, Миша, дал им денег, и они с радостным визгом убежали. Я забыла сказать, что с первого моего приезда в Рим я отдала всю сумму денег, ассигнованных на эту поездку, Мише как распорядителю финансовых дел, причем я сама заколола тремя английскими булавками карман, в котором находился бумажник с деньгами брата и моими (я не знала, что кошелек для мелких денег у Миши нет). Я просила моих спутников пойти утром еще раз в аквариум, и вот по дороге брат решил сначала зайти в банк разменять деньги, т. к. накануне вечером он отдал мальчишкам всю мелочь. Перед входом в банк я освободила карман брата от булавок, он вынул бумажник, взглянул на него и голосом совершенно, необыкновенно спокойным сказал нам: «У меня нет ни мелких, ни крупных денег». Очевидно было, что вынимая мальчишкам из бумажника мелочь, он нечаянно обронил все бумажные деньги, – мальчишки подобрали их и оттого убежали так бурно радостно. Таким образом, мы оста-

¹⁷⁶ С этого места рукопись 1905 года дополнена в 1948 году.

лись в чужом городе совершенно без денег, тем более что товарищ брата – Владимир Михайлович, ожидая от отца из Ленинграда¹⁷⁷ денежной повестки, еще ничего не получил. Прежде всего, мы отправились втроем к русскому консулу, но его не оказалось в Неаполе. Затем начали, голодные, чуть не каждые полчаса ходить на почту и справляться о повестке от отца Владимира Михайловича, но, ничего не добившись, Владимир Михайлович сказал мне: «Елена Фабиановна! Вы ведь мечтали видеть Помпею. У меня в кармане еще есть 7 лир, – этого хватит на извозчика, едем в Помпею! – не все ли равно, где умирать от голода – в Неаполе или в Помпее!» Предложение нам понравилось – решили ехать в Помпею. Извозчик нам попался словоохотливый, все время объяснял нам, что мы проезжаем, хоть мы и не все понимали, что он говорил. В Помпее нас ждала неожиданная радость! Мы сразу натолкнулись на московского певца Оленина П. С., которому рассказали о нашей потере и о бедственном положении. Петра Сергеевича Оленина это несколько не удивило, он сказал: «В Италии всех обкрадывают». Походили мы немного по Помпее, посмотрели все интересное, а затем П. С. Оленин увез нас в Неаполь к себе в отель и угостил прекрасным ужином, а главное, снабдил нас деньгами на обратный проезд. Нам ничего не осталось, как уехать из Неаполя, хотя мы очень мало познакомились с ним. Мы отправились на пристань и узнали, что через три часа один пароход уходит в Геную, а другой, грузовой, уходит в Одессу. Денег у нас было очень мало, только чтобы взять мне билет 2-го класса до Генуи, а моим товарищам по несчастью – два билета 3-го класса до Одессы¹⁷⁸.

В Regli меня ждала телеграмма от старшей сестры Евгении, которая вместе со своим мужем, профессором Александром Николаевичем Савиным, отдыхала в Швейцарии, в высокогорном санатории в Эволене, и которые приглашали меня повидать Швейцарию и пожить с ними в Эволене. Я решила поехать к ним. Проехала через громадный Сен-Готтарский туннель, нашла своих в Эволене и через три дня уехала домой, в Москву, т. к. мне не очень понравилось жить на такой высокой горе.

30 августа

В Москве съехались все путешественники. Были у меня мои товарищи по путешествию Миша и Владимир Михайлович, которые рассказали мне, как они оба доехали до Одессы и как трудна была их поездка на грузовом пароходе, ибо денег у них не было совершенно, и им пришлось продавать на больших остановках золотые запонки и различные мелочи. Мы очень весело вспоминали нашу двухдневную голодовку в Неаполе, когда мы остались без денег и когда решились на последние гроши поехать умирать от голода в Помпею.

¹⁷⁷ Ошибка в тексте, написанном уже в 1948 году, – конечно, правильно – Петербурга.

¹⁷⁸ Далее следующий текст отредактирован Ел. Ф. Гнесиной при его перепечатке и несколько расходится с рукописным вариантом в записной книжке.

ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ

К 80-летию со дня рождения И. Г. Званского¹⁷⁹

Когда я думаю о прошлом советской музыкальной культуры, невольно вспоминаю великую ленинскую мысль, высказанную в разговоре с Кларой Цеткин, о том, что пролетариату должно принадлежать все самое прекрасное из созданного человечеством. Это было сказано в то время, когда нигилисты «Пролеткульта» пытались убедить, что классика чужда пролетариату, что буржуазную культуру нужно стереть с лица земли, а формалисты выдавали свои уродливые создания за новый пролетарский стиль <...>

Так ленинское отношение к искусству определило путь развития советской музыкальной культуры. Мы помним имена борцов за социалистическое искусство, таких, как А. В. Луначарский, о котором хранят светлую память работники советской культуры.

Но часто вспоминается мне имя, о котором помнят старые работники искусства, но о котором ничего не знает молодежь. Это академик Иосиф Григорьевич Званский – яркий и пламенный борец за высокую культуру советской музыкальной критики, проживший короткую, но замечательную жизнь.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции он явился организатором в деле упорядочения музыкального образования и привлечения русских артистов к работе в советских учреждениях искусства, будучи председателем Всероссийской Художественно-Квалификационной Комиссии при ЦК Рабис, председателем Месткома музыкальных школ Москвы, членом президиума ЦК Рабис, действительным членом Академии Художественных наук, которую он создавал совместно с литературным критиком П. С. Коган[ом], а совместно с композитором Ю. С. Сахновским создал Академическую хоровую капеллу, из которой впоследствии выросли ансамбли Свешникова и Александрова.

Кипучая музыкально-общественная деятельность сочеталась с трудом над созданием работ по истории и теории музыки. Это были оригинальные труды, не повторяющие дореволюционную искусствоведческую литературу, и являлись предшественниками современной музыкально-исторической науки.

¹⁷⁹ ММКЕлФГ, V – 5. Машинопись, на 2 л. Нписано в 1966 году. Публикуется в сокращении.

80 лет со дня рождения И. Г. Званского исполнилось 8 ноября 1966 года. Ел. Ф. Гнесина принимала живое участие в том, что касалось памяти И. Г. Званского. Возможно, она и оказала какое-то содействие его реабилитации в 1957 году. В 1963-м Секретариат Верховного Совета СССР прислал ей копию справки о реабилитации Званского.

Ел. Ф. Гнесина тесно сотрудничала с И. Г. Званским (см. об этом в ее воспоминаниях «Из истории нашей семьи – истории наших учреждений»). Званский руководил подготовкой к 30-летию учебных заведений имени Гнесиных. В сборнике «За тридцать лет. 1895–1925» (М., 1925), посвященном этому юбилею, помещена его статья «Реформа музыкального образования и Техникум им. Гнесиных» (с. 24–32).

Ел. Ф. Гнесина поддерживала отношения с семьей И. Г. Званского: в 1963 году получила от сына его фотографию, а также фотографии его сына и внучки.

Ученый и общественный деятель не прекращал и педагогической работы в музыкальных училищах столицы. Своими лекциями он зажигал в сердцах учеников огонь любви к истинной красоте в музыке, раскрывая душу и жизнь великих композиторов.

В первые годы советской власти в республике еще не было социалистической музыкальной науки, не было советских ученых, а старые не все были революционны. Поэтому не было надлежащего научного контроля, который не допустил бы к руководящим работам в искусстве невежественных авантюристов, желавших погреть руки на административных постах, используя безграмотность, в которой самодержавие держало народ. Такие проникли и в ЦК Рабис, покровительствовали безграмотным педагогам и администраторам, халтурщикам, от которых воинственно ограждал советское искусство И. Г. Званский.

В памяти моей остался человек великолепной эрудиции, большой простоты и скромности, добродушного юмора, широкого кругозора и большой честности в отношении к искусству и к людям. В 1938 году трагически погиб вследствие произвола периода культа личности и посмертно реабилитирован после XX съезда КПСС. <...>

Директор музыкально-педагогического института
Заслуженный деятель искусств Е. Ф. ГНЕСИНА

СТАТЬИ

Ел. Ф. Гнесина при жизни подготовила к публикации не так уж много статей (см. список публикаций в Приложении). В основном это были воспоминания, а также некоторые методические работы, заказные газетные статьи для детей (о Шопене для «Пионерской правды» – в связи с открытием юбилейного Конкурса им. Шопена, в музыкальный календарь школьника – об истории учебных заведений имени Гнесиных). Приходилось ей писать и отклики в газету по поводу запусков космических спутников и кораблей; было несколько обращений и по злободневным поводам. Так, актуальными вопросами музыкального воспитания вызвано ее письмо в журнал «Советская женщина», приведенное здесь (этот журнал неоднократно публиковал фотографии Ел. Ф. Гнесиной, учебных заведений им. Гнесиных, краткие очерки об этих учебных заведениях).

Однако собственно методика преподавания – то, чем она занималась всю жизнь, – нашла главное отражение в музыкальных произведениях Ел. Ф. Гнесиной, которые и были предназначены для решения многих проблем фортепианного обучения. Между тем тексты, посвященные методическим вопросам, остались достаточно фрагментарными. Среди них важное значение имеет предисловие к новому изданию ее «Фортепианной азбуки», где были сформулированы многие методические принципы Гнесиной в работе с начинающими. Помимо этого предисловия Ел. Ф. Гнесиной сделаны несколько кратких набросков, где формулируются некоторые постулаты ее педагогической работы. Один из них – «Мои принципы» – публикуется здесь. Другой является вступлением к большой методической работе ее ученика А. А. Николаева, написанной по ее инициативе и под ее руководством для того, чтобы представить эту работу... на поступлении в консерваторию¹⁸⁰. (Всемирно известная его хрестоматия «Школа игры на фортепиано» также составлена под руководством Ел. Ф. Гнесиной.)

Одной из первых вводя в Техникуме им. Гнесиных в конце 1920-х годов курс методики обучения на фортепиано, Гнесина написала конспект для занятий с учащимися по теме «Работа с начинающими».

Особый интерес представляет записанный на пластинку урок-беседа Ел. Ф. Гнесиной о Песнях без слов Мендельсона. Запись была осуществлена в рамках серии учебных пособий, сделанных в ГМПИ им. Гнесиных и включающих уроки ведущих профессоров (пластинка была выпущена уже после кончины Ел. Ф. Гнесиной).

Предисловие к «Фортепианной азбуке»¹⁸¹

Елена Гнесина

Фортепианная азбука

Новая редакция

Методическая записка

¹⁸⁰ Ел. Ф. Гнесиной полностью написан начальный раздел этой работы – сохранилась рукопись в ее архиве: ММКЕлФГ, V – 69 (хотя эта рукопись и датирована более поздним временем, но ее текст совпадает с начальной частью машинописного текста методической работы Николаева). Об истории ее появлении см.: *Николаев А.* Вся ее жизнь – трудовой подвиг // Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. М., 2003. С. 140–148; а также воспоминания М. В. Мильмана, записанные на пленку 4 июня 1982 года (архив ММКЕлФГ).

¹⁸¹ ММКЕлФГ, V – 77. Рукопись, на 3 л. Предисловие к новому изданию «Фортепианной азбуки» (вышло в свет в 1956 году) в основном повторяло текст, опубликованный впервые в издании 1943 года. В последующих изданиях перепечатывалось без изменений.

Маленькие этюды и пьески, составляющие сборник «Фортепианная азбука», представляют учебный материал, который следует использовать только после предварительных занятий с начинающим учеником.

1. Прежде всего, необходимо ознакомить ученика с инструментом, его строением и звучанием, научить ученика повторять голосом чисто отдельные звуки, петь песенки, короткие мелодии, петь их под аккомпанемент фортепиано, подбирать на клавиатуре маленькие мелодии от разных звуков и пр. Одновременно первые две-три недели педагог должен посвятить развитию слуховых и ритмических представлений ученика, ознакомить его с нотоносцем и записью звуков и пауз на нотной бумаге и хорошо выучить с ним ноты.

2. Попутно с этим педагог должен приучить ученика к правильной посадке за инструментом. При правильной посадке локти должны находиться на уровне клавиатуры, не должны «висеть», а должны быть слегка закруглены и слегка отделены от корпуса, посадить ученика нужно посередине стула, дальше от спинки и ближе к краю.

Для освобождения от встречающейся иногда скованности движений, особенно в локте, целесообразно заняться с учеником гимнастикой, например, проделать ряд вращательных движений руки от плечевого сустава в сторону и вверх.

Важную роль играет также положение корпуса играющего ученика. Сгорбленная спина, свисающие и напряженные локти и кисть руки (маленьким необходимо подставлять под ноги скамеечку) крайне вредно отражаются на развитии двигательных навыков игры на инструменте.

3. Игру по нотам можно начать только тогда, когда ученик свободно ориентируется на клавиатуре; когда он уже поет по нотам; когда он уже освоился с первоначальными упражнениями и может играть смотря в ноты, а не на свои руки.

4. Не отводя места в данной краткой методической записке полемике по вопросам начального обучения игре на фортепиано и обоснованию своих взглядов, автор сборника рекомендует прежде всего стремиться к выработке у ученика чувства свободы плечевого сустава, предплечья и кисти и ощущения некоторого веса руки, как бы сосредоточенного в кончиках пальцев.

5. Для развития правильных ощущений и элементарных двигательных навыков – следует первые упражнения на клавиатуре давать ученику в виде отдельных звуков – non legato по белым и черным клавишам, извлекаемых путем плавного, свободного поднятия и опускания всей руки (с немного отведенным от корпуса локтем и свободной кистью) и свободного мягкого падения руки (избегая резкости звучания) на определенную клавишу. Ученик должен научиться свободно и мягко опускать руку на клавиатуру и легко и плавно поднимать ее после того, как он извлек нужный звук (сначала только третьими пальцами на первоначальных упражнениях, а затем и другими пальцами), звук должен быть полным и певучим. Целесообразно давать эти упражнения, перенося руку дугообразным движением на октаву и дальше

(левой рукой также), сначала только третьим пальцем, а затем 1-м и 5-м, давая опору то на первый, то на пятый палец.

6. До перехода к упражнениям на legato педагогу необходимо обратить самое серьезное внимание на постановку первого пальца, на его положение по отношению к другим пальцам. Первый палец должен быть слегка отведен в сторону, слегка закруглен и должен легко и свободно опускаться на клавишу закругленным кончиком, без толчка и веса на него всей руки. Нельзя допускать прогибания внутрь второго сустава большого пальца, что встречается довольно часто и впоследствии сильно тормозит игру, в особенности в октавах. Очень полезны следующие упражнения: легко взять квинту или сексту первым и пятым пальцами, внимательно следя за правильным положением первого пальца. Как только первый палец начнет правильно подниматься и опускаться на клавишу, нужно обратить внимание на пятый палец. Взявши квинту или сексту нужно опереться на первый палец, а пятый поднимать открывая ладонь; затем наоборот опереться на пятый палец и свободно открывать ладонь к первому пальцу, легко его поднимая и опуская. То же делать и левой рукой.

7. С первого же урока ученика надо приучать держать руки ближе к черным клавишам, чтобы первый и пятый пальцы находились над клавиатурой, а не вне ее, чтобы запястье не было выгнуто, а пальцы не прогибались бы.

8. При упражнениях в legato надо внимательно следить за положением руки (свободное состояние руки, слегка закругленной в локте) и пальцев (слегка закругленных, но не крючковатых и расположенных близко к черным клавишам (особенно третий палец). Пальцы ложатся на клавишу не на ноготь, а на мягкую часть, на подушечку. Упражнения на legato нужно начинать на полутонах – ми-фа, си-до, до-до# вторым и третьим пальцами. Следует прежде всего научить ученика вслушиваться в переход одного звука в другой, как бы вливать один звук в другой. Вторым пальцем нужно поднять в тот момент, когда третий палец уже опустил на клавишу, затем легко и плавно поднять третий палец вместе со свободной рукой и перейти на следующую клавишу. После того как ученик сумеет уже играть legato по два, три и более звуков, следует чередовать упражнения на legato и non legato, а затем перейти на упражнения на подкладывание первого пальца под третий. Эти упражнения [должны] проходить таким образом: отвести слегка кисть руки в сторону движения (при совершенно свободном локте) и свободно подвести первый палец под ладонь к следующей клавише, а затем отвести его обратно в исходное положение, причем все время следить за тем, чтобы не было толчков на первом пальце.

После хорошей проработки упражнений на подкладывание первого пальца, можно перейти только на подготовительные упражнения к гаммам, а гаммы рекомендую играть как можно позже, через год, – даже через 2 года.

Подбор этюдов и пьесок в «Фортепианной азбуке» соответствует взглядам автора сборника на последовательность развития навыков начи-

нающего ученика и на достижение самостоятельности каждой руки, что ведет к быстрому овладению инструментом.

Таким образом ученик, усвоивший первоначальные навыки игры, хорошо выучивший ноты, научившийся петь по нотам, будет достаточно подготовлен к разучиванию тех маленьких этюдов и пьесок, которые включены в сборник «Фортепианная азбука». При прохождении с учеником этих первых в его фортепианной практике этюдов и маленьких пьес, педагог должен добиваться максимальной точности выполнения нотного текста, а также хорошего звучания.

Всякая небрежность и неряшливость исполнения (недосчитывание пауз, неправильная аппликатура, неумение дослушивать пьеску до конца, неточность ритма и т. п.), допускаемая иногда некоторыми педагогами, порождает дурные привычки, от которых чрезвычайно трудно отучить ученика в дальнейшем процессе обучения. Примеры из сборника следует использовать и как материал для упражнения в транспозиции, что также недооценивается некоторыми педагогами. Между тем умение транспонировать способствует развитию памяти и практическому усвоению различных тональностей¹⁸².

Автор горячо рекомендует молодым педагогам не торопить ученика в первые месяцы учебы, закладывать прочный фундамент. Проходить последовательно значительное большинство номеров «Азбуки», чтобы научить ученика читать свободно ноты. Параллельно с «Азбукой» можно проходить легкие пьесы и этюды из других сборников.

Ел. Гнесина
март 1954 г.

Мои принципы¹⁸³

Я не люблю лишних движений ни руками, ни ногами.
«Словечка в простоте не скажет – все с ужимкой» (Крылов).
Я не люблю вычурности в игре и в движениях и добиваюсь простоты исполнения, стараюсь вырабатывать у своих учеников чувство меры; часто говорю о порочности торопливости и суетливости в игре. Говорю о том, что каждый длинный звук должен звучать до конца и каждое пиано и пианиссимо тоже должно звучать. Еле слышное пиано никому не нужно, также чрезмерное фортиссимо тоже только неприятно.
Очень мало говорю об «образе», никому не навязываю его, т. к. у меня нет полной уверенности в том, что композитор именно так думал, когда сочинял пьесу.

¹⁸² Следует отметить, что Евг. Ф. Савина-Гнесина широко разрабатывала в своей методике и педагогической практике занятия по транспозиции. Упражнения в транспозиции применялись в практике и Ел. Ф. Гнесиной.

¹⁸³ ММКЕлФГ, V – 76. Рукопись карандашом, на 2 л. Опубликовано: Семейное предприятие – Гнесинская школа // Альманах «Журнал наблюдений». М., 2005. С. 161. (Вместе с Беседой Ел. Ф. Гнесиной с П. В. Лобановым.)

Очень придирчиво отношусь к небрежностям в тексте и особенно к неряшливой педализации, – к плохой привычке постоянно нажимать педаль, не понимая, что все время пользоваться педалью нельзя, что нельзя все красить одной краской.

Я не требую игры наизусть на первом уроке, чтобы легче было проверять точность текста, а точность текста считаю чрезвычайно важной вещью.

Затем стараюсь внушить своим ученикам, что когда стоит обозначение «крещендо», то это значит, что начинать его нужно из пиано. Точно так же не сразу начинать диминуэндо, а к концу его доводить до пиано.

Бах и вся западная классика

Считаю, что обязательно нужно начинать с западной классики и воспитывать главным образом на Бахе. Попутно можно давать сочинения русской классики и лучшие образцы советских пьес.

Вырабатывать хорошую кантилену и хорошую педализацию рекомендую на «Песнях без слов» Мендельсона, и только после хорошо сыгранных нескольких «Песен без слов» Мендельсона можно перейти к Шопену.

КОНСПЕКТ ЗАНЯТИЙ ЕЛ. ФАБ. ГНЕСИНОЙ ПО МЕТОДИКЕ РАБОТЫ С НАЧИНАЮЩИМИ¹⁸⁴

I

Старые и новые методы ф[ортепиан]н[ой] игры.

Игра пальцевая, весовая, комбинированная. Анализ движений.

Мышечные ощущения и движения. Свободное плечо, предплечье, локоть, кисть.

Гимнастика для достижения свободы движений.

Гимнастика пальцевая.

Посадка и определение высоты посадки. Точки опоры: корпус, руки, ноги, (для маленьких – скамеечка под ноги).

II

РАБОТА С НАЧИНАЮЩИМИ

1. Ознакомление преподавателя с природными данными ученика для овладения фортепианной игрой.

а) ознакомление с физическими данными, т[о] е[сть] со строением его рук, пальцев, локтей и пр.;

б) ознакомление с музыкальными данными: испытание его слуха, памяти, ритма, музыкального инстинкта.

2. Ознакомление ученика с инструментом, клавиатурой и высотой звука.

¹⁸⁴ ММКЕлФГ, V – 59. Машинопись, на 3 л.

Данный конспект был составлен Ел. Ф. Гнесиной, вероятно, в конце 1920-х годов, когда она вела факультативные занятия по методике преподавания фортепиано для «кружка» старшекурсников Техникума им. Гнесиных. См. об этом: *Мемешкина Н.* Из воспоминаний о занятиях с Еленой Фабиановной Гнесиной // Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. М., 2003. С. 114–116.

III

ВЕДЕНИЕ ЗАНЯТИЙ С УЧЕНИКОМ С 1-го ЖЕ УРОКА ОДНОВРЕМЕННО В ТРЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ:

- а) развитие слуха; пение отдельных звуков; ритмические навыки, легчайшие элементы ритмической гимнастики.
- б) Постановка рук на основе свободных движений /поднимать легко и свободно от локтя руку, при свободно висящей кисти, и переносить ее с одного звука на другой (это упражнение можно прорабатывать предварительно на крышке инструмента)/. Необходимо достигнуть правильных движений сначала каждой рукой отдельно, затем по очереди: левая рука берет звук, а правая в это время поднимается от локтя с висящей кистью и легко падает на клавиши в тот момент, когда левая таким же образом поднимается. Этими упражнениями достигается самостоятельность рук с самого начала обучения. Упражнения пальцевые.
- в) Ознакомление ученика с теоретическими понятиями. Изучение звуков в первой октаве, затем во всех остальных. Изучение записи звуков и их длительности на нотной бумаге. Пение по нотам звуков в 1-й октаве.
- г) Игра по нотам начинается только с того времени, когда будет достигнута постановка рук в простейших примерах, и когда хорошо выучены в пределах первой октавы ноты и их длительность.

IV

- 1) Развитие самостоятельности каждой руки как основа быстрее овладения инструментом. Упражнения пальцевые на легато. Ритмические упражнения. Staccato.
Маленькие упражнения и этюды в виде секвенций и имитаций в 2, 4 и 8 тактов. Маленькие упражнения на 2-х точках опоры. (ГНЕСИНА. Фортепианная азбука. Маленькие этюды для начинающих.)
- 2) Воспитание внимания. Средства укрепления музыкальной памяти. Аппликатура и важность приучения к правильной аппликатуре и всем обозначениям с самого начала обучения.
- 3) Систематическая читка нот с листа в классе. Проработка преподавателя с учеником элементарных упражнений для всех ф[ортепиан]н[ых] примеров. Упражнения для укрепления 1-го и 5-го пальцев. Ознакомление ученика с характером звука.
- 4) Разнообразная сила звука и как она извлекается. Развитие ровной звучности всеми пальцами.

V

Основы элементарной фразировки. Подготовительные упражнения к гаммам и ознакомление с различными тональностями.
Маленькие аккорды и подготовительные упражнения к арпеджиям. Подготовительные упражнения к хроматической гамме.
На протяжении первых двух лет обучения гаммы во всех мажорн[ых] тональн[остях] проходятся только в виде подготовительных к ним упражнений.

VI

Знакомство с педагогическим репертуаром. Проработка каждого этюда и пьески.

Выбор вещей в строгом соответствии с подвинутой ученика и с его индивидуальностью.

Выбор в педагогической литературе только лучших образцов классических и современных сочинений для музыкально-художественного воспитания молодежи.

В редакцию журнала «Советская женщина»¹⁸⁵

В связи с тем, что за последнее время в печати часто появляются статьи и письма, касающиеся воспитания детей, мне, как старому музыканту-педагогу, отдавшему вопросам музыкального просвещения и образования детей свыше 65 лет своей жизни, захотелось поделиться своими мыслями по поводу музыкального образования детей.

Музыка играет огромную роль в жизни человека, она вдохновляет людей на трудовые подвиги и облагораживает человека. Вот поэтому, желая вырастить своих детей культурными людьми, дать им хорошее воспитание, родители в настоящее время стремятся дать им музыкальное образование. Кстати, многие родители знают, что среди детей, обучающихся музыке и увлекающихся ею, гораздо меньше случаев нарушения дисциплины, грубости и непослушания.

Считаю, что раньше чем начинать обучение ребенка, следует его приучить немного к дисциплине и к домашнему труду. Если у ребенка появляется склонность к музыке или рисованию, или к совершенно другой специальности, было бы ошибкой вовремя проглядеть эти способности и не развивать их из-за желания родителей обучать их непременно только музыке. Ребенка, не проявляющего никакого интереса к музыке, не следует учить насильно – это приводит только к потерянным времени. Если же у ребенка в 6–7 лет пробуждается тяга к музыке, его нужно повести в музыкальную школу-семилетку, где он получит музыкальную культуру и общее музыкальное образование. Детей с яркими музыкальными способностями нужно отдавать в специальную профессиональную музыкальную школу-десятилетку, где для таких детей существует особый учебный план, включающий специальное музыкальное и общее среднее образование. К сожалению, не все родители понимают разницу между профессиональным музыкальным образованием и общим развитием культуры. Даже при ярком музыкальном даровании нельзя раньше чем через два-три года определить профессиональное будущее, так как продвижение и развитие ребенка различно. Некоторые родители ошибочно думают, что труд музыканта легок.

¹⁸⁵ ММКЕлФГ, V – 60. Рукопись, на 2 л. (сохранился также еще один черновик текста). Написано в 1958 году. О публикации этого письма нам неизвестно.

Специальные музыкальные занятия музыкой требуют упорного труда и большого внимания, и дети, даже очень способные, но не приученные к дисциплине и труду, не становятся профессиональными музыкантами. Иные родители, особенно матери, преувеличивая способности своих детей, начинают их захваливать и внушать им, что у них «талант», «они в будущем знаменитости»; они делают своего ребенка диктатором, кумиром в семье, освобождают их от домашнего труда и пр.

При таком порочном воспитании дети становятся зазнайками, эгоистами, плохими товарищами, лентяями, выезжающими только на своих способностях. В конце концов из таких детей ничего путного не выходит и их приходится исключать из школы после целого ряда выговоров и предупреждений. Но бывают и такие случаи, когда ребенок, в раннем возрасте проявивший себя очень ярко, в последующие годы недостаточно развивается, и тогда выясняется, что этого ребенка следует перевести в школу-семилетку, чтобы избавить его от лишней нагрузки. Но тут выступают родители и требуют его оставления в десятилетке, не понимая, что этим самым они губят своего ребенка, напрасно расходуя его время и энергию. К счастью, таких примеров не так уж много.

Следует обратить внимание на то, что многие директора общеобразовательных школ относятся к детям, учащимся параллельно в музыкальных школах, не только не сочувственно, но подчас даже враждебно, считая эти занятия вредными и отвлекающими их от занятий в общеобразовательной школе.

Пора уже возложить на руководство школ обязанность больше интересоваться эстетическим развитием¹⁸⁶ учащихся.

Проф. Ел. Гнесина

14 октября 58 г.

Урок профессора Е. Ф. Гнесиной Мендельсон. Песни без слов

Запись П. В. Лобанова. 18. 04. 1964¹⁸⁷.

Участствуют: Ел. Ф. Гнесина, Л. Б. Булатова (исполняет Песни без слов Мендельсона), П. В. Лобанов

(Звучит Песня без слов Мендельсона № 20 Es-dur целиком.)

Ел. Ф. Гнесина: Я помню слова знаменитого пианиста Иосифа Гофмана: «Для каждого музыканта Песни без слов Мендельсона и Прелюдии и фуги

¹⁸⁶ Вариант, написанный в скобках: обликом.

¹⁸⁷ Расшифровка сделана с пластинки: Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных. О «Песнях без слов» Ф. Мендельсона – урок-беседа с проф. Е. Ф. Гнесиной. На пластинке также записаны произведения Е. Ф. Гнесиной. «Мелодия», Д 029815-16 (1971). Расшифровка текста Н. С. Сванидзе. В подготовке к печати участвовала О. Рунова.

Баха есть основа фундамента, без которого невозможно стать пианистом». Это слова Гофмана. Эти слова также слышала Елена Александровна Бекман-Щербина. Сам Иосиф Гофман давал ряд концертов исключительно из Песен без слов и играл их прекрасно, незабываемо. Москва помнила исполнение Гофмана.

П. В. Лобанов: Он часто их играл?

Е. Г.: Он играл целый концерт; нет, не часто, но он давал один концерт [из произведений] Мендельсона, другой концерт – Шопена. Он замечательный был пианист!

Л. Б. Булатова: Елена Фабиановна, а какую пользу, по Вашему мнению, приносит ученику работа над Песнями без слов?

Е. Г.: Я придаю большое значение Песням без слов Мендельсона. На них можно научить хорошо фразировать, играть красивым звуком, правильно педализировать и многим другим еще очень важным вещам. Только после прохождения целого ряда Песен без слов можно давать ученикам легкие произведения Шопена, Шумана, Грига. Знакомство ученика с Песнями без слов Мендельсона начиналось у меня с ми-мажорной, девятой, как одной из более легких пьес.

(Песня без слов № 9 E-dur исполняется целиком.)

Вначале я предлагала просто спеть верхний голос, а затем сыграть на рояле. При исполнении всего текста обращала внимание на все выдержанные звуки в других голосах, на продолжительное их звучание.

П. Л.: Елена Фабиановна, а какие приемы помогают ученику добиваться певучести на фортепиано?

Е. Г.: Чрезвычайно важно с самого начала воспитывать в ученике правильное представление о своих задачах в исполнении мелодии. Цель не в том, чтобы просто ставить, а иногда, что еще хуже, просто толкать пальцами клавиши. Надо заставить звук быть продолжительным, певучим. Каждый палец должен держать одну клавишу, причем все остальные пальцы, локоть должны быть свободные, держаться на кончике пальца. Для этого нужно извлекать звук мягкой частью пальца, подушечкой, не прогибая при этом сустава пальца и кисть руки. Необходимо обратить внимание ученика на естественность дыхания в музыкальной фразе, заставить приподнимать свободную кисть в цезурах между фразами.

П. Л.: Елена Фабиановна, мы знаем, что Вы считаете «Песни без слов» своего рода школой педали, но в начале обучения пользоваться педалью, вероятно, надо с большой осторожностью.

Е. Г.: Конечно, легче всего, может быть, брать педаль только в безопасных местах, то есть там, где довольно долго звучит одна гармония, нет проходящих звуков и т. д. Но я считаю, что необходимо учить педализировать часто и в то же время чисто, с юношеского и даже с детского возраста – учить тонкой педализации, тончайшему слуховому контролю и хорошей, правильной координации движения. Как только учащийся может, сидя за инструментом, доставать педаль ногами, следует начинать его учить элемен-

тарной педализации. Прежде всего, хороший контакт ноги с педальной лапкой, бесшумно и нажимать, и отпускать педаль, не расставаясь при этом с педалью, не снимая ногу с лапки. Так надо учить на упражнениях ногами. Затем можно приступить к упражнениям на запаздывающую педаль. Принцип запаздывающей педали подробно рассмотреть можно в моих упражнениях.

Л. Б.: Вы имеете в виду Ваши «Подготовительные упражнения к различным видам фортепианной техники»? А как Вы относитесь к увлечению некоторых учеников левой педалью?

Е. Г.: К сожалению, среди учащихся распространена манера пользоваться левой педалью для уменьшения количества звука, тогда как назначение левой педали – изменять тембр звучания. Пиано следует учить играть без левой педали. Одним из моих педагогических правил было научить ученика работать самостоятельно. Поэтому Песню ля мажор № 16, однотипную с ми мажор № 9, я предлагала ученику приготовить самостоятельно. Это являлось проверкой закрепления полученных навыков.

Следующий этап работы над Песнями я начинала с Es-dur № 13.

(Исполняется отрывок – Песня № 13, первые 9 тактов).

Кроме задач, стоявших перед учеником ранее, здесь возникали две новые трудности: сочетания в одной руке мелодии с элементами сопровождения и ровности звучания самого сопровождения, рассыпанного здесь в партиях обеих рук. Сначала работаем над мелодией в сочетании с басовой линией, на которую здесь мелодия все время опирается.

(Исполняются крайние голоса – первые 4 такта.)

Затем добивались ритмической и звуковой ровности в сопровождении при передаче его из одной руки в другую. Для этого нужно играть бас с сопровождением следующим образом: бас легато; сопровождение – вторая и третья восьмые – снимать руку, но обязательно снимать третью восьмую перед тем, как каждый басовый звук переходит в следующий.

(Исполняется пример – снова первые 4 такта пьесы.)

И наконец, соединив все элементы музыкальной ткани воедино, продолжать тщательно следить за тем, чтобы последняя восьмая в сопровождении не задерживалась правой рукой, чтобы она никогда не соединялась со следующим за ним звуком мелодии, не оставался первый палец летать, необходимо, чтобы аккомпанемент не вмешивался. Эта же задача получает свое развитие в Песне As-dur № 18 «Дуэт», где ученик уже должен слышать два солирующих голоса с различной тембровой окраской, помимо сопровождения басовой линии.

(Исполнение – Песня № 18 «Дуэт», первые 17 тактов.)

Чрезвычайно полезно пройти с учениками пьесы типа 10-й си минор.

(Исполняются первые 34 такта – до знака репризы.)

20-й ми-бемоль мажор, 22-й фа мажор. При всех различиях в них есть одна общая трудность – аккордовая фактура в аккомпанементе, которую нужно исполнять легко; необходимо, чтобы в аккорде были слышны все звуки, при этом исполнялись одновременно и легко. Вот эти все самые лучшие песни играли у меня уж обязательно все. 25-я, прелестная, и 40-я. 25-я *(напекает)* – прелестная там мелодия!

(Исполняется Песня № 25 – первые такты.)

И вот тут соединение нужно хорошее левой руки с правой – в аккомпанементе легкое [соединение].

(Исполняется левая рука в тех же тактах, что и в предыдущем примере.)

И вот – 40-ю, очень хорошую.

(Исполнение – Песня № 40, первые 10 тактов.)

Слияние, смешение разных планов, в частности, мелодии и сопровождения, – одна из самых распространенных ошибок ученического слуха. Песни без слов – замечательный музыкальный материал для правильного воспитания слуха и приобретения пианистических навыков, необходимых для овладения многоплановой палитрой исполнения.

(Исполняется Песня № 18 «Дуэт» целиком.)

Некрологи¹⁸⁸

1. [Ноябрь 1942]¹⁸⁹

Памяти Владимира Леонардовича Книппер-Нардова

Ушел из жизни, ушел из нашего Училища Владимир Леонардович, горячо любивший Музучилище им. Гнесиных и всегда высоко державший его знамя.

Владимир Леонардович начал работать у нас свыше 10 лет тому назад, и за эти годы он дал нам целый ряд отличных студенческих оперных постановок, из которых я с особой благодарностью и любовью вспоминаю блестящую постановку оперы Моцарта «Свадьба Фигаро», затем постановку оперы Делиба «Так сказал король», Мусоргского «Сорочинская ярмарка» и труднейшую для постановки оперу «Гюльнар» Юлии Вейсберг¹⁹⁰.

Владимир Леонардович вносил в свою работу, кроме горячей любви к делу, большую культуру, громадную эрудицию и юношеский энтузиазм. Перенесенная им в последнем году [жизни] тяжелая болезнь – крупозное воспаление легких – подорвала силы Владимира Леонардовича, он уже не смог оправиться, и вот 11 ноября его не стало.

Мир праху его.

2.¹⁹¹

Москва 5 апреля 1948 г.

¹⁸⁸ Ел. Ф. Гнесиной написан целый ряд некрологов памяти своих друзей и коллег. Здесь публикуются некоторые из них.

¹⁸⁹ ММКЕЛФГ, V – 56. Рукопись, 1 л.

¹⁹⁰ См. статью В. Л. Нардова о его работе в техникуме-Училище им. Гнесиных: Заслуж. артист Республики Вл. Нардов. О Гнесиных // Сорок лет Московского государственного музыкального техникума им. Гнесиных. М., 1935. С. 63–65.

¹⁹¹ ММКЕЛФГ, V – 55. На именном бланке директора ГМПИ им. Гнесиных. Рукопись, 1 л.

**Светлой памяти
профессора Валентина Эдуардовича Фермана**

Преждевременно ушел из жизни дорогой Валентин Эдуардович, наш всеми любимый учитель и старый друг.

Валентин Эдуардович начал у нас работать в 1923 году. Первые годы он вел классы гармонии, затем истории музыки и был горячо любим всеми своими учениками. Такой же любовью и большим авторитетом Валентин Эдуардович пользовался и среди наших педагогов.

Человек прекрасной души, огромной преданности к делу и к нашему, близкому ему учебному заведению, дорогой Валентин Эдуардович никогда не будет забыт нами.

Ел. Гнесина

3.¹⁹²

Москва 6 октября 1951 г.

**Светлой памяти
Елены Александровны Бекман–Щербины**

С Еленой Александровной нас связывала старая дружба. Все мы, Гнесины, всегда восхищались не только ее изумительным, изящным пианизмом, но и глубиной ее музыкальности, и блестящей памятью, и необычайной легкостью овладения труднейшими произведениями.

Елена Александровна всегда была прекрасным товарищем, всегда была жизнерадостно-оптимистически настроена; ей никогда не изменяло чувство юмора.

Нельзя забыть ее всегда приветливого облика, как и ее выдающегося обаятельного таланта.

Елена Александровна Бекман-Щербина не будет забыта всеми горячо ее любившими друзьями и товарищами.

Гнесины

4. [1952]¹⁹³

**Памяти дорогого друга
Владимира Романовича Шора**

¹⁹² ММКЕлФГ, V – 54. На именном бланке директора ГМПИ им. Гнесиных. Рукопись, 1 л.

¹⁹³ ММКЕлФГ, V – 57/2. Машинопись, 1 л. (имеется и рукописный вариант).

В лице Владимира Романовича, работавшего в Училище и в Институте 28 лет, мы потеряли одного из честнейших, преданнейших делу педагогов, прекрасного музыканта, любимого всеми товарищами и учащимися.

Владимир Романович еще год назад, несмотря на начавшееся уже тяжелое заболевание, дал у нас концерт, поразивший и поразивший всех присутствующих на концерте прекрасным звучанием инструмента и высоким мастерством.

Владимир Романович любил жизнь, горячо любил наше учебное заведение и всегда живо реагировал на все события и все вопросы, касающиеся жизни Института.

Владимир Романович, уже тяжело больной, продолжал все с таким же интересом и любовью заниматься со своими учениками.

За свою артистическую и педагогическую деятельность, в связи с 50-летием нашего училища, Владимир Романович был награжден орденом «Знак почета».

Пусть же прекрасная, полная энтузиазма и любви к труду жизнь Владимира Романовича, отданная делу создания советских молодых музыкантов-патриотов, послужит примером для всех наших студентов – будущих педагогов.

Е. Ф. Гнесина

3/Х 52

ПИСЬМА

Ел. Ф. Гнесина всегда вела обширную переписку. Особенно интенсивной она стала в последние годы ее жизни – это связано и с известностью Елены Фабиановны, и с большим кругом ее контактов, и с ее постоянным «заступничеством», что умножало количество различных просьб. Если говорить только о частной переписке, то корреспонденты Ел. Ф. Гнесиной представляют собой весьма широкий круг: это и многочисленные ученики и коллеги по Гнесинским учебным заведениям, и родные, друзья и знакомые, и ряд известных деятелей искусств, и случайные, даже неизвестные корреспонденты, писавшие ей по каким-то своим, иногда даже нелепым поводам.

В архиве Ел. Ф. Гнесиной имеется множество писем от разных лиц. Трудно судить об объеме ее переписки в ранние годы – письма сохранялись ею, вероятно, лишь выборочно, в основном – от родных и друзей. В 1950-е и особенно в 1964–67 годы объем корреспонденции резко возрастает, да и сохраняются почти все письма, а также и телеграммы, большая часть которых поздравительные.

Среди корреспондентов Гнесиной – много выдающихся деятелей искусства. Наиболее активно переписка велась с М. В. Юдиной, Р. М. Глиэром, С. Т. Рихтером, И. П. Яунземом, А. А. Яблочкиной, М. О. Штейнбергом, Е. А. Бекман-Щербиной, Л. Н. Обориным, А. Т. Гречаниновым, Л. К. Книппер, К. Б. Птицей, А. Я. Эспаем, Н. Л. Дорлиак. Неоднократно писали: Г. Г. Нейгауз, О. Л. Книппер-Чехова, А. Б. Гольденвейзер, С. Е. Фейнберг и многие другие.

Ответных (или первоначально написанных Ел. Ф. Гнесиной) писем в архиве относительно немного. Вероятно, в более поздние годы, в особенности для ответов на просьбы и поздравления, она чаще всего использовала телефон. Естественно, ее письма оказались в разных личных архивах, многие из которых недоступны или даже утеряны. Из переписки с членами семьи Гнесиных преобладают письма к брату, Михаилу Фабиановичу, а также к Е. Т. Кудряшовой, приемной дочери О. Ф. Александровой-Гнесиной (последние – бытовые по характеру). Из иногородних друзей наиболее часто Ел. Ф. Гнесина писала, по всей видимости, М. О. Штейнбергу, и переписка эта довольно обширна. Большой интерес, конечно, представляют письма к ряду выдающихся музыкантов и музыкальных деятелей (наиболее длительной была ее переписка с Р. М. Глиэром). Некоторые из этих писем и публикуются здесь. Отдельные письма позднего периода показательны для характера жизни и работы Ел. Ф. Гнесиной; это касается и писем к коллегам, и к наиболее частому ее адресату в последние годы жизни – японскому пианисту В. Н. Такеноучи. Для поздних писем характерна постоянная – материнская – забота Елены Фабиановны о здоровье и успехах тех, к кому она обращается.

В целом, письма Ел. Ф. Гнесиной дают наиболее полное и непосредственное представление о ее характере и богатую информацию о событиях ее жизни.

Р. М. Глиэру*

1

Февраля 28 1908 г.¹⁹⁴

Дорогой Рейнгольд Морицевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой, которая, надеюсь, не стеснит Вас. Дело вот в чем. Кажется Евг. [ения] Фаб. [абиановна] писала Вам о том, что мне очень хотелось передать Годовскому мою лучшую и талантливую ученицу, Ольгу Корзлинскую? Так вот, я наконец дождалась приезда Годовского, который концертировал здесь недели две назад, познакомилась с ним и просила его послушать его. Годовский очень любезно отнесся ко мне; очень внимательно слушал все, что Корзлинская сыграла; затем сказал, что и он находит ее талантливой и охотно будет заниматься с ней, если она приедет к нему. Между прочим, и по моему адресу сказал комплимент, что я хорошо учила ее, – посоветовал мне продолжать заниматься с ней до осени, а в сентябре чтобы она приехала к нему в Берлин или Вену, в зависимости от того, где он будет жить. Дал он мне свой адрес и просил списаться с ним в марте относительно его будущего местожительства. Он высказал мне свое предположение, что, может быть, ему предложат место директора в Meisterschule в Вене¹⁹⁵, и он примет его охотно. Теперь я должна скоро написать ему, но мне очень хотелось бы сначала проверить свое впечатление – так ли я поняла Годовского, не была ли с его стороны простая любезность. Или же он вполне искренно говорил мне все по поводу моей ученицы. Видите ли, я после визита к нему была в таком радужном настроении, что у меня явилась грешная мысль самой на один год бросить школу и поехать поработать под его руководством. Ведь если он будет в Meisterschule в Вене и будет иметь свой класс, то для меня было бы очень полезно присутствовать на его занятиях с другими, в чем он вряд ли отказал мне. Кроме того, я сама бы работала и очень шагнула бы вперед за год. Школа, т. е. сестры, ничего не имеют против моего отъезда, и с этой стороны все было бы хорошо, но теперь у меня явилось сомнение, и хочется сначала узнать у Вас, так как Вы знакомы с Годовским, такой ли он симпатичный человек, каким показался мне, и можно ли вполне верить тому, что он говорил. Вероятно, Вы увидите его где-нибудь и, может быть, найдете

* Р. М. Глиэр состоял в переписке с Ел. Ф. Гнесиной с 1908-го по 1955-й год. Сохранилось 13 ее писем и 8 писем Р. М. Глиэра.

¹⁹⁴ РГАЛИ, ф. 2085, оп. 2, д. 110, л. 1–3. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных. Из Москвы в Берлин. Р. М. Глиэр находился в Берлине с 1905 года по лето 1908-го.

Желание Ел. Ф. Гнесиной заниматься с Л. Годовским – сам по себе очень интересный факт ее биографии. Из данного письма видно, как она заинтересованно отнеслась к этой возможности и как серьезно ее обсуждала. Однако этот замысел не был осуществлен. В письме к Р. М. Глиэру, написанному месяц спустя (27 марта 1908 года), она сообщает, что Годовский так и не ответил на ее письмо и просит узнать о его местонахождении. Что касается Ольги Корзлинской, закончившей у Ел. Ф. Гнесиной училище в 1907 году (ей было тогда 16 лет), то она стала учиться у Годовского в Вене, и, по-видимому, успешно. В 1912-м она уже была замужем (носила фамилию мужа – Пляттен, по воспоминаниям Ел. Ф. Гнесиной, ее муж был немецким коммунистом) и, вероятно, в том же году умерла от родов.

¹⁹⁵ Meisterschule – Школа мастерства (нем.) в Венской консерватории, директором которой Л. Годовский действительно состоял в 1909–1914 годах.

удобным спросить его, была ли я у него со своей ученицей и какого он мнения о ней. Заинтересуйте его немного школой и мной, а затем, пожалуйста, сообщите мне все о разговоре с ним, так как для меня это очень важно, тем более что дело касается не только моей ученицы, но и меня самой. Буду Вам очень, очень благодарна, если исполните эту мою просьбу. Через неделю у нас состоится большой ученический вечер в зале Синодального училища. В программе есть несколько ваших вещей, которые так хорошо исполняются малышами, что остается пожалеть, что Вас здесь нет и Вы не услышите. Впрочем, когда Вы вернетесь, а я слышала, что Вы к весне предполагаете приехать, мы Вам устроим маленький экстренный вечерок. А пока, может быть, Мария Николаевна¹⁹⁶ придет послушать, я отвезу ей билеты на наш вечер.

Как поживает Мария Робертовна¹⁹⁷ и ребята? Ваши девочки, вероятно, так выросли, что их и не узнаешь. Ведь их я видела совсем крошками. А Ваше последнее произведение – Вашего сына – мы совсем не знаем, и интересно будет с ним познакомиться¹⁹⁸. Верно ли, что Вы вернетесь к апрелю? Пожалуйста, попадете еще на экзамен по гармонии в школе? Вот хорошо бы!

Пожалуйста, передайте мой привет и поцелуй Марии Робертовне и деткам. Крепко жму Вам руку.

Ел. Гнесина

Сестры просят кланяться Вам и Марии Робертовне. Буду с нетерпением ждать ответа от Вас.

Еще одна просьба: если не найдете неловким, узнайте, пожалуйста, что берет Годовский за урок, чтобы знать заранее, в какой степени часто или редко можно пользоваться его уроками. Если найдете неудобным – не спрашивайте об этом.

2

31 декабря 1913 г. в ночь¹⁹⁹

<...> Вам, вероятно, очень интересно знать, как идут без Вас классы гармонии? Юра Померанцев²⁰⁰ очень старается, взял сразу, в противовес Вам, очень строгий тон, и первая гармония²⁰¹ подчинилась этому и ничего не выражает; но ученицы 2-й гармонии, бывшие у Вас, стонут и при каждом удобном случае говорят: «Юрий Николаевич так строг с нами, так суров! Совсем не то, что Рейнгольд Морицевич, который всегда был так мягок, так мил!» Но все дело в том, что прошлогодний класс, теперь 2-я гармония, был вообще очень плохой, за лето еще все перезабыли, а потому пришли все осенью,

¹⁹⁶ Мария Николаевна – мать жены (теща) Р. М. Глиэра.

¹⁹⁷ Мария Робертовна – жена Р. М. Глиэра, бывшая ученица Ел. Ф. Гнесиной.

¹⁹⁸ Дочери Р. М. и М. Р. Глиэров, Лия и Нина (двойняшки), родились в 1905 году, сын Роман – в 1907-м.

¹⁹⁹ РГАЛИ, ф. 2085, оп. 1, ед. хр. 607. Из Москвы в Берлин. Публикуется в сокращении.

²⁰⁰ Ю. Н. Померанцев вел гармонию в Музыкальном училище Е. и М. Гнесиных в 1913–14 годах.

²⁰¹ «Первая» и «вторая» гармония – имеются в виду курсы гармонии, которые по программе училища изучались два года: соответственно, первый и второй годы обучения предмету.

ничего ровно не зная. Ну, понятно, Юре пришлось много с ними возиться, и неудовольствие было одинаковое с обеих сторон. Теперь все наладилось, и отношения сгладились, но о Вас неизменно говорят с умилением и с любовью. С осени открыли класс виолончели, но пока поступило только трое²⁰². Ведет класс Абрам Ильич Могилевский. Евгения Фаб. [иановна] горюет, что все уже перепето с детьми в детском хоровом классе, а я еще больше грущу, так как для женского хора еще меньше написано, чем для детей. Александр Тихонович²⁰³ внял, кажется, мольбам Евг. Фаб. и собирается написать детский хор, а Вы, милый Рейнгольд Морицевич, не напишите ли для моих взрослых хористок?²⁰⁴ Наш большой вечер будет, как всегда, в самом начале марта, и как хорошо было бы исполнить что-то новое! Вы, если помните, даже обещали мне в прошлом году что-то сочинить для меня, но я до сих пор терпеливо ждала и не решалась сделать такой «тонкий намек». Впрочем, Вам, может быть, не пишется сейчас в хоровом смысле, а потому я несколько не настаиваю, как Вам заблагорассудится. Ходила я все это полугодие во все почти концерты, хотя не могу сказать, что во все эти концерты стоило ходить, но были и очень интересные. <...> С Александром Тихоновичем у нас чуть было не испортились совсем отношения. Он заявил нам решительно, что может придти к нам только с Марией Григорьевной²⁰⁵, не иначе, и придет вообще к нам только в том случае, если мы придем к ним; а мы не очень-то стремились знакомиться с ней. Но, с другой стороны, раззнакомиться совсем с Александром Тихоновичем еще меньше хотели, а потому, в конце концов, пришлось принять их приглашение и позвать их к себе. <...>

М. Ф. Гнесину

Больше всего писем от Ел. Ф. Гнесиной, сохранившихся в архивах, адресованы ее брату, Михаилу Фабиановичу. В его архивном фонде в РГАЛИ их хранится около двухсот. Эта переписка охватывает 1907–1952 годы, преимущественно периоды до 1923 года и 1935–44-е (особенно много – в военный период), когда М. Ф. Гнесин жил не в Москве. Эти многочисленные письма адресованы одному из самых близких людей, и нигде так много Ел. Ф. Гнесина не рассказывает о себе. В предлагаемых здесь читателям двадцати письмах предстают интересные зарисовки и из жизни семьи Гнесиных, и драматичных эпизодов работы Елены Фабиановны, ярких исторических событий и их восприятия Гнесиной. Ел. Ф. Гнесина очень любила своего младшего брата и, конечно, постоянно пеклась о его здоровье и благополучии, а его творческие успехи, исполнение и пропаганда его сочинений были в числе главных жизненных устремлений Елены Фабиановны.

1

²⁰² Первая попытка открыть класс виолончели в Музыкальном училище Е. и М. Гнесиных состоялась в 1905 году – тогда в течение года занятия вел М. Е. Букиник, но затем они прекратились.

²⁰³ А. Т. Гречанинов.

²⁰⁴ О сочинениях А. Т. Гречанинова и Р. М. Глиэра, написанных для детского хора училища, см. в примечаниях к Воспоминаниям Ел. Ф. Гнесиной «Из истории нашего училища и нашей семьи». Для женского хора Р. М. Глиэр написал четырехголосный хор «В мирах чудес».

²⁰⁵ Мария Григорьевна Срединна – вторая жена А. Т. Гречанинова. В связи с тем, что Гречанинов расстался со своей первой женой, возникли те сложности во взаимоотношениях, о которых упоминается в письме.

Октябрь 10 1909 г.²⁰⁶

Дорогой, милый Миша! Мне очень стыдно, что я не отослала тебе давно уже написанного письма; а написала я тебе 25 сентября, под впечатлением исполнения «Золотого петушка», на первом представлении которого были мы все²⁰⁷. Старое письмо уничтожаю и пишу тебе свежее. Спасибо за корректуры – все три уже получены и проиграны мной. «Туманы вечера» нравятся мне в такой же степени, как «Птичка» и «Недотыкомка»²⁰⁸, а может быть, еще больше. На «Золотом петушке» видели Юргенсона, и он мне сказал, что твои вещи выйдут в самом непродолжительном времени, но пока что-то нет их еще.

Мы все были очарованы «Золотым петушком». Хотя мы и познакомились предварительно с клавираусцугом, но, конечно, в настоящем исполнении все несравненно лучше. Я была и на первом и на втором представлении, и второй раз получила еще большее удовольствие, т. к. больше слушала оркестр. Идет опера на частной сцене настолько хорошо, что даже можно предположить, что в Большом театре не будет лучше, скорее хуже – скучней во всяком случае. Интересно, какое впечатление осталось от присутствовавшей на спектакле семьи Римского-Корсакова. Довольны ли они? Вероятно, ты видел кого-нибудь и знаешь об этом. Да, кстати, ты писал, что теперь можно получить в Петербурге хороший портрет Николая Андреевича²⁰⁹ за 10–15 рублей, – так, пожалуйста, выбери наиболее удачный и поручи фотографии или магазину, не знаю [где он будет приобретен], выслать его нам наложенным платежом. Вероятно, там делают, а если нужно непременно уплатить при заказе, то напиши, и мы сейчас же вышлем деньги. Думаю, что вышлют наложенным платежом. Я просила Маню написать тебе о Грише, т. к. Гриша пишет только Мане²¹⁰. Вероятно, она сейчас напишет и принесет мне письмо. На этих днях Женя²¹¹ ездила с мамашей в частную оперу на возобновленную «Норму»²¹². Думали доставить мамаше этим удовольствие, но цели не достигли, т. к. она нашла, что пели плохо и сама Норма была плохая. А Женя с трудом слушала скучную итальянщину. Мамаша все требует, чтобы ее взяли на Золотого петушка, причем ее интересуется в самом буквальном смысле са-

²⁰⁶ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 420, л. 18–19. Из Москвы в Петербург. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных.

²⁰⁷ Премьера оперы Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» состоялась в Московской Частной опере С. И. Зимина 24 сентября 1909 года.

²⁰⁸ Сочинения М. Ф. Гнесина, входящие в его цикл «Из современной поэзии» оп. 5: «Туманы вечера» на слова В. Волькенштейна, «Воздушная птичка» на слова К. Бальмонта и «Недотыкомка» на слова Ф. Сологуба. Были впервые опубликованы издательством П. Юргенсон в 1909–1910 годах.

²⁰⁹ Римского-Корсакова.

²¹⁰ Гриша – Григорий Фабианович Гнесин (находился в это время в Италии), Маня – Мария Фабиановна Гнесина.

²¹¹ Евгения Фабиановна Савина-Гнесина.

²¹² Имеется в виду представление оперы В. Беллини «Норма» в Частной опере С. И. Зимина. Мать Гнесиных очень любила итальянские оперы, а у сестер Гнесиных – Евгении и Елены – судя по тексту письма, было достаточно пренебрежительное отношение к «итальянщине» в духе представлений «Новой русской школы» XIX века.

мый петушок, золотой ли он и как он поет. Витт Николаевич²¹³ решительно протестует относительно выходов мамыши, и приходится сокращать [их]. Мамаша заканчивает свою работу – одеяло для Фабочки²¹⁴ и по окончании пошлет ее в Петербург. Видела Булычева, он очень извиняется и кается в том, что не прочитал летом Бильрота²¹⁵, обещает сделать это теперь.

2

Марта 15 1910²¹⁶

Дорогой Миша! Наконец сегодня могу засесть за письмо. Вчера состоялся наш ученический вечер в зале синодального училища, к этому вечеру мы готовились усердно, и очень были все время заняты. Вечер прошел прекрасно, кроме обычных музыкантов, бывающих на наших вечерах, вчера был Рахманинов, который очень внимательно и одобрительно всех слушал и был восхищен детьми. Затем, представь себе, был Максимилиан Осеевич Штейнберг. Он вчера днем заехал к нам, и мы просили его приехать на наш вечер. Он был только на 1-м отделении, прослушал всех детей и уехал, т. к. обещал быть у Сука. Сегодня вечером он хотел быть у нас, и мы для него пригласили Глиэра. Кажется, Макс. Осеевичу все у нас понравилось. Когда ты с ним увидишься, он, вероятно, расскажет тебе, если не забудет, о нашем вечере. Кажется, ему очень нравится Москва и все в Москве.

Выставка Дейша-Сионицкой²¹⁷ все без конца откладывается по разным причинам; теперь она предполагается в конце марта, но точное число еще не выяснено. Фортепианную партию исполнит Елена Александр[овна] Бекман²¹⁸, которая согласилась меня выручить. Дело в том, что как только я начала заниматься, у меня заболел, как и в прошлом году, палец на левой руке, и мне пришлось целый месяц лечить его массажем. Сейчас я уже могу играть, но все же лучше, чтобы Елена Александровна играла вместо меня, т. к. я не уверена в том, что палец совсем в порядке. Воздушную птичку²¹⁹ будет петь не Петренко, а Вера Константиновна Гончарова, которая хорошо выучила ее и которой страшно хочется петь ее на выставке. Сама Дейша еще не репетировала, но думаю, что она хорошо сплет «Туманы вечера». Лебедев, вероятно, тоже хорошо исполнит «Недотыкомку»²²⁰, но голос у него не красивый. Как только станет известно, когда состоится выставка, мы начнем репетировать и усердно готовить твои произведения. <...>

²¹³ В. Н. Саввин, врач.

²¹⁴ Фабочка – Фабий Михайлович Гнесин, сын М. Ф. Гнесина.

²¹⁵ Имеется в виду книга Т. Бильрота «Кто музыкален?», которая вышла в русском переводе Н. Т. Гнесиной – жены М. Ф. Гнесина.

²¹⁶ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 420, л. 23–24. Из Москвы в Петербург. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных.

²¹⁷ Имеется в виду «Музыкальная выставка» из серии ежегодных циклов концертов современной музыки под этим названием, устраиваемых известной певицей М. А. Дейша-Сионицкой. На «Музыкальных выставках» неоднократно исполнялись произведения М. Ф. Гнесина.

²¹⁸ Е. А. Бекман-Щербина. Речь идет о предполагаемом исполнении вокальных произведений М. Ф. Гнесина.

²¹⁹ «Воздушная птичка» ор. 5 № 1 на слова К. Бальмонта.

²²⁰ «Недотыкомка» ор. 5 № 5 на слова Ф. Сологуба.

3

Марта 17 1911г²²¹

Дорогой Миша!

В воскресенье 13-го состоялось наше, на этот раз ученическое, утро в малом зале консерватории. Очень много было у нас неприятных хлопот с разрешением и самого утра, и, особенно, программы²²², но все окончилось вполне благополучно, все играли отлично, и публика была первого сорта. Оказалось, что днем пришло больше музыкантов, чем обычно вечером, и все выражали большое удовольствие, т. к. никто не устал, хотя программа была как всегда большая. Те, которые попали к нам в первый раз (наприм[ер] фон Мекк), были сильно удивлены и обилием музыкантов вообще, и особенно поразились, когда увидели Рахманинова с дочкой, Кусевицкого, Кашкина, Боровского, Игумнова, Сибора, Пресса, Могилевского, Юргенсонов, Райского и множество других музыкантов-педагогов. Не только все они почтили своим присутствием наше ученическое исполнение, но и выразили свое восхищение. Твоего хорика²²³ я не решилась исполнить в этом сезоне, т. к. мне хотелось, понятно, исполнить его безукоризненно, но так не выходило, хотя я усердно учила его со своими девицами. Я сказала Борису Петровичу²²⁴, что если осенью будет устроен концерт из твоих сочинений, то мой хор может тогда исполнить «Плачьте дочери земли».

Миша, я буду очень рада, если ты будешь предоставлять мне последнюю корректуру, и рукописи твои буду свято беречь. Если я у тебя до сих пор ничего не просила, то это только из скромности, и мне теперь очень досадно и жаль, что ты раздавал зря свои рукописи.

Скажи мне, пожалуйста, думаешь ли ты о лете или еще пока некогда думать? Наши все пристраиваются, а я еще ничего не знаю, где я буду. Дело в том, что мне, по всей вероятности, необходимо будет провести хоть часть лета где-нибудь на Юге, т. к. нужно погреться на солнце. У меня что-то неприятное делается с руками, и прошлым летом, в холодные дни, я себя плохо чувствовала. Если бы я знала, что ты поедешь в Алушту, я тоже старалась бы там как-нибудь устроиться. Дело в том, что в Крыму этим летом будет очень трудно и дорого жить, все там, говорят, разобрано и расписано на все лето. Если есть дачки около Ростова, где солнца вполне достаточно, то, может быть, мы могли бы вместе устроиться? Очень была бы благодарна, если бы ты мне сообщил о своих предположениях на лето. Как обстоит дело с диваном? все еще нет его? Крепко целую тебя, Надежду Товиевну и Фабочку²²⁵, будьте все здоровы.

Леня

²²¹ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 421, л. 11–12. Из Москвы в Берлин. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных.

²²² Имеется в виду получение разрешения цензурного комитета.

²²³ Хор М. Ф. Гнесина «Плачьте, дочери земли» ор. 21 № 1 на слова Ф. Сологуба.

²²⁴ Б. П. Юргенсону.

²²⁵ Надежда Товиевна – жена, Фабочка – сын М. Ф. Гнесина.

6 ноября [1912]²²⁶

Дорогой Миша! Наконец я могу присесть и ответить тебе на оба твоих письма. Последние три недели я была всецело поглощена Бузони. Вчера состоялась последний концерт²²⁷, Бузониада кончилась, он уехал, и теперь все снова войдет в колею, из которой меня выбил Бузони настолько, что я почти потеряла голову. Представь себе, Миша, что я училась у него всего 1 год, т. е. один учебный сезон, который он пробыл в Москве, и было это всего только 21 год назад. Ведь мог он меня забыть и даже должен был забыть о моем существовании, как он забыл всех других учениц. Какая масса лиц прошла перед ним за этот долгий срок! Притом надо помнить, какой это теперь великий, прославленный музыкант и пианист. Теперь пойми, как я была растрогана, когда он сам спросил обо мне и когда я подошла к нему, не уверенная в том, что он сразу узнает меня, он порывисто бросился ко мне со словами: «Mein liebes Kind, meine Gnessina, warum hast du mir nie geschrieben?»²²⁸ Я чуть не расплакалась при всех в артистической от волнения и от радости. Он расцеловал меня и тепло расспрашивал о школе, о сестрах. Я говорила ему и о тебе, и он выразил интерес к твоим сочинениям, но к оркестровым главным образом, и я пошлю ему Врубеля²²⁹, когда он выйдет из печати. С тех пор, т. е. после первого концерта, все дни, которые Бузони проводил в Москве (он ездил в Петербург и другие города для концертов), я была почти все время с ним. Одно только меня страшно огорчало, это то, конечно, что я очень плохо владею немецким языком и далеко не все могла ему сказать, что хотелось. Теперь уже я настолько мечтаю еще раз повидаться с Бузони, что воспользуюсь его приглашением приехать к нему весной в Берлин, а пока начну усердно заниматься немецким языком. Я только теперь почувствовала острую зависть к людям, свободно владеющим языками и думаю, что тебе надо заняться немецким или французским языком, какой тебе легче; подучишь немецк[ий] и поедем, может быть, вместе в Берлин.

Относительно лекций Пашкевича²³⁰, я думаю, тебе беспокоиться не стоит – вряд ли этот доклад будет иметь много общего с твоим. На всякий случай я Энгелю сказала об этом. Я обещала играть твою сонату-балладу в камерном обществе²³¹, но просила отложить это исполнение до начала января, во-первых, потому, что не занималась все это время, а во вторых, в надежде на то, что в январе ты будешь в Москве и будешь присутствовать на исполне-

²²⁶ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 421, л. 43–45. Из Москвы в Екатеринодар.

²²⁷ Гастроли Ф. Бузони в России проходили с 12 октября по 5 ноября 1912 года.

²²⁸ «Мое дорогое дитя, моя Гнесина, отчего же Вы мне не писали?» (нем.)

²²⁹ Симфонический дифирамб «Врубель» ор. 8. для голоса с оркестром – сочинение М. Ф. Гнесина,

²³⁰ М. Ф. Гнесин беспокоился о том, что на упомянутой лекции могут быть высказаны открытые им принципы «музыкального чтения в драме», разрабатываемые им в студии Вс. Мейерхольда, так как сходные идеи могли использоваться без указания авторства Гнесина, не публиковавшего своих находок.

²³¹ Речь идет о концерте, состоявшемся 10 января 1913 года – см. о нем в Беседе Ел. Ф. Гнесиной с П. В. Лобановым (с.).

нии, что желательно. Дифирамб «Врубель» не выходит из печати только по той причине, что не сделан перевод стихотворения на французский язык. Жаль, что из-за этого затягивается выход в свет вещи. Окончил ли ты фортепианную вещь и нельзя ли будет мне получить корректуру ее? Как подвигается фортепианный квинтет?²³² Вчера в концерте Бузони видела Скрябиных; оба были очень милы, звали меня к себе и обещали быть у нас в ближайшем будущем. Скрябины поселились около нас, в Николо-Песковском переулке. На этих же днях пойду к ним. На этих же [днях] получу приглашение Рахманинова, который звал меня к себе в гости, но не выяснил еще дня. Вообще я стала часто бывать в обществе больших людей. Например, вчера обедала днем в Метрополе с Бузони, Гофманом и Рахманиновым, а третьего с Бузони, Никишем, Кусевицким и каким-то Розовским, который знает тебя. Затем я хорошо познакомилась, опять таки благодаря Бузони, с Андреем Андреевич[ем] Дидерихс²³³, женатым на Ростовской Адлер. Они очень звали меня к себе в Петербург. Ну, надо однако кончать. Будь здоров, крепко целую тебя. Что пишет тебе Над[ежда] Товиевна, здоров ли Фабочка? Гриша²³⁴ пишет, что усердно лечится и что чувствует себя гораздо лучше. Еще раз целую. Леня. На лекцию Пашкевича пойду и напишу тебе о ней.

5

6 декабря [1912]²³⁵

Дорогой Миша!

Опять не выбралась сразу тебе написать – прости! До 21-го ноября у меня было много хлопот с Гречаниновским концертом. Ты, вероятно, узнал из газет, что 21-го было устроено детское утро из сочинений Гречанинова (написан[ых] для детей) при его участии, т. е. он всем аккомпанировал, а все хоровые вещи исполнял мой женский хор²³⁶. Утро это прошло с громадным успехом и будет повторено 27 января. Я получила за свой хор массу комплиментов и похвал. 21-го же вечером были у нас, в первый раз, А[лександр] Н[иколаевич] и Т[атьяна] Ф[едоровна] Скрябины. Я присоединила к ним и Юргенсонов – Бориса Петровича с женой, Лизу с Генрихом²³⁷, и мы провели вечер очень хорошо. Алекс[андр] Ник[олаевич] Скрябин был чрезвычайно мил и просто очаровал всех наших. Татьяна Федоровна тоже очень мила. Сейчас у них все время хворали дети, но сегодня можно уже будет зайти к ним, вероятно, буду у них сегодня. О тебе каждый раз спрашивают и очень просят тебе кланяться. На прошлой неделе была у Рахманинова, который

²³² Имеется в виду «Реквием» ор. 11.

²³³ Глава фирмы по производству и продаже роялей.

²³⁴ Григорий Фабианович Гнесин.

²³⁵ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 421, л. 47–48. Из Москвы в Екатеринодар.

²³⁶ Концерт был устроен в Новой Большой аудитории Политехнического музея Народной консерваторией. В концерте, кроме женского хора Музыкального училища Е. и М. Гнесиных под управлением Ел. Ф. Гнесиной, участвовали певцы В. К. Новицкая-Гончарова, Е. Д. Денисова, В. И. Садовников, В. В. Ходский.

²³⁷ Елизавета Фабиановна Гнесина-Витачек и ее муж Генрих (Евгений) Францевич Витачек.

очень хорошо относится ко мне. Вчера провожала его на вокзале. Он, бедный, совсем болен, и вид у него ужасный. Он уехал с семьей на несколько месяцев в Швейцарию подлечиться и поправиться²³⁸. Третьего дня была на концерте в Камерном обществе, где исполняли очень недурное трио Юры Померанцева. Мы с Гунстом (председатель Камерн[ого] Общ[ества]) решили, что твоя соната пойдет вместе с квинтетом С. И. Танеева 10-го января. Надеюсь, что ты будешь в Москве в это время. Квинтет твой, конечно, будет тоже исполнен в Камерном Обществе, хорошо бы его поскорей увидеть.

Относительно твоего плана провести второе полугодие в Ростове я не совсем понимаю следующее: ты, стало быть, из Екатеринодара совсем уедешь?²³⁹ Конечно, теперь тебе ничего не стоит устроиться в Ростовском Отделении, если ты захочешь <...>

б

1 апреля 1915 г.²⁴⁰

<...> В субботу были у нас Скрябины и Юргенсоны. Борис Петрович²⁴¹ попенял на тебя за то, что ты очень задерживаешь корректуры и сам тормозишь печатание. На этих днях встретила в театре с Кусевицким, и он сообщил мне, что в ближайшем будущем он будет подробно рассматривать твои сочинения. Я спросила, почему это он вдруг так заинтересовался тобой и кто натолкнул его на это? Оказалось, что Оссовский взял слово с Кусевицкого, что он познакомится с твоими произведениями. Ну что ж, очень хорошо, пусть знакомится – может быть, поставит Врубеля в одном из своих концертов. Глиэр, к сожалению, не был в Москве, так что я не могла говорить с ним о тебе. Может быть, я съезжу в мае в Киев – Глиэры зовут меня погостить к ним, а уж тогда я предложу тебя как композитора. Вчера были мы все на генеральной репетиции новой кантаты Сергея Ивановича Танеева²⁴², которая сегодня исполняется, а в Петербурге уже прошла с громадным успехом. Это очень большая, даже грандиозная вещь в стиле ораторий Генделя; все время очень красиво, чудесные фуги для двойного хора. Отзывы критиков через несколько дней прочтешь в газетах. Вероятно, завтра будут уже рецензии. О «Всенощной» Рахманинова ты уже, вероятно, прочитал отзывы. Завтра «Всенощная» идет в 4-й раз, и, вероятно, зал будет так же переполнен, как первые

²³⁸ С. В. Рахманинов отдыхал в Швейцарии, в Арозе. Оттуда его жена, Н. А. Рахманинова писала Ел. Ф. Гнесиной: «Милая Елена Фабиановна, Поздравляю Вас с Праздниками и наступающим Новым годом и желаю всего лучшего. Посылаю Вам вид нашего отеля. Там, где поставлены крестики, наш балкон и окна. Ароза нам всем оч[ень] нравится. Климат тут чудесный. Все время светит яркое, теплое солнце, и мой муж как будто немного уже поправился. Всего хорошего. Н. Рахманинова. 10 января». (Открытка датирована 10 января 1913 года по новому стилю, в России же Новый год – по старому стилю – еще не наступил. Хранится: ММКЕЛФГ, оп. VII, д. 49.)

²³⁹ М. Ф. Гнесин переехал в Ростов, где преподавал в Музыкальном училище Ростовского отделения ИРМО.

²⁴⁰ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 422, л. 32–33. Из Москвы в Ростов. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных. Публикуется в сокращении.

²⁴¹ Б. П. Юргенсон – глава издательской фирмы, где печатались все произведения М. Ф. Гнесина.

²⁴² Кантата «По прочтении псалма».

три раза. Музыка «Всенощной» прелестна, и необычайно хорошо исполняет ее синодальный хор. <...>

7

25 апреля 1915 г.²⁴³ (на бланке училища)

Дорогой Миша! Вчера получила твое письмо. Я все время думала о тебе, знала, что тебя поразит известие о смерти Скрябина и знала, что из газет ты узнаешь раньше, чем получишь мое письмо. Я не могла известить тебя раньше, так как только в субботу вечером, за трое суток до смерти, узнала, что он так болен. Весь ужас в том, что вначале не придавали такого значения болезни, и когда я спросила по телефону Татьяну Федоровну²⁴⁴, что с Александром Николаевичем (дети сказали, придя к нам на урок²⁴⁵, что «папа немножко нездоров, у него на усах прыщик, и он лег в постель»), она ответила, что у него, вероятно, инфлуэнция, так как температура довольно высокая, а кроме того его немного беспокоит маленький прыщик около губы. Я спросила, был ли доктор, Т[атьяна] Ф[едоровна] ответила, что да, был. К своему великому горю, я не собралась навестить Алекс[андра] Никол[аевича] в первые дни болезни, а потом все пошло так плохо, что я только бегала по несколько раз в день узнавать с черного хода, как все обстоит. С воскресенья я уже себе места не находила, оповестила по телефону всех музыкантов (никто не знал) о тяжелой болезни Алекс. Никол. И потом все целые дни звонили мне и узнавали о здоровье. В понедельник в 9 час. утра я забежала к Скрябиным и узнала от Татьяны Федор., что появилось некоторое улучшение, т[о есть] ч[то] опухоль вдруг опала и что, стало быть, есть надежда на выздоровление. Я, обрадованная, побежала домой, известила всех об этом по телефону, но когда я через два часа побежала снова, картина уже изменилась. То, что казалось улучшением, оказалось ухудшением. Среди дня стало еще хуже, а в 8 час. вечера уже было известно, что никакой надежды на спасение нет. Алекс. Никол. был еще в полном сознании, всех узнавал, но с 11 час. начался бред, и после полуночи он потерял сознание и в 8 час. утра скончался.

Меня сильно потрясла смерть Скрябина, т[ак] к[ак] я в этом году довольно часто бывала у них и успела привязаться и попасть под обаяние Скрябина как человека. В субботу на Пасхе Скрябин был у нас весь вечер, был очень оживлен и мил; рассказывал, что только что получил письмо из Нью-Йорка от Альтшулера, который написал, что исполнил там «Прометея» со световыми эффектами. Скрябин так радовался этому известию, хотя сказал при этом, что был бы еще больше рад, если бы первое подобное исполнение было в России, а не в Америке. Энгель с моих слов поместил это сообщение в своей заметке о смерти Скрябина. Последние часы жизни Скрябина – при нем все

²⁴³ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 422, л. 36–40. Из Москвы в Ростов. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных. Публикуется в сокращении.

²⁴⁴ Жена А. Н. Скрябина.

²⁴⁵ Дети Скрябина – Ариадна и Юлиан – учились в Училище Е. и М. Гнесиных в классе М. Ф. Гнесиной.

время были Вячеслав Иванович²⁴⁶ и Балтрушайтис, оба друга его. Вячеслав Иванович сильно потрясен смертью Алекс. Никол. Что касается Татьяны Федор. и детей – о них особенно беспокоиться не приходится, т. к. они будут хорошо обеспечены. В самый день смерти было назначено заседание у Гольденвейзера, где собрались Танеев, Рахманинов, Метнер и все близкие к Скрябину люди. Была выбрана комиссия из 10 лиц, и сразу же начали подписку для фонда. В первые три дня уже было собрано около 20 тысяч рублей, и поэтому, можно думать, что фонд будет очень большой. Рахманинов очень удручен и потрясен смертью Скрябина и принимает сейчас во всем такое горячее участие, что все те, что постоянно бранят Рахманинова за его гордость и надменность, должны теперь устыдиться. Я всегда любила Рахманинова, а теперь он стал мне еще дороже, тем более что его здоровье очень плохо и он недолговечен. Кстати, Рахманинову очень нравится твоя песня пажа Алискана²⁴⁷, и он сказал мне, что будет душевно рад, если ты напишешь еще что-нибудь[удь] в подобном стиле, сказал еще, что посоветует Кусевицкому исполнить в будущем сезоне песню пажа в одном из его концертов. Ты, вероятно, уже прочитал о том, что Кусевицкий объявил осенью целый цикл концертов из сочинений Скрябина – 2 концерта оркестровых сочинений и 3 фортепианных; весь сбор с концертов поступит для фонда обеспечения детей Скрябина. Как видишь, с этой стороны все обстоит хорошо. Я каждый день захожу к Татьяне Федоровне. Она необыкновенно спокойна, холодна, говорит о Скрябине совершенно объективно. Мне такое чертовское самообладание непонятно. Или она необыкновенная женщина, с громадной волей, или, что много хуже, – она не любила Скрябина как человека, между тем его можно было любить не только как композитора-Скрябина. Он так любил ласку и внимание, так трогательно благодарил за каждое проявление внимания к нему, что к нему, мне кажется, можно было очень сильно привязаться за 11 лет их общей жизни с ним. Но Татьяна Федор. прямо сфинкс, ничего не поймешь. Я заходила к ней вместе с Штейнбергом, который приезжал на похороны, и он был озадачен и сильно удивлен спокойствием Т[атьяны] Фед. Все эти сообщения относительно Т. Ф. говорю только тебе, не рассказывай об этом другим. Хорошо, если ты напишешь Т. Ф. несколько трогательных излияний – ей это нравится. Она каждый день, когда я захожу, рассказывает мне, от кого получила письма и телеграммы. Очень Т. Ф. понравилась подпись на венке от Зилоти. <...>

8

1 декабря 1915²⁴⁸

²⁴⁶ Вяч. Иванов.

²⁴⁷ Песня пажа Алискана из музыки к драме А. Блока «Роза и крест» ор. 14. Это было единственное произведение М. Ф. Гнесина, которое нравилось С. В. Рахманинову.

²⁴⁸ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 422, л. 46–48. Из Москвы в Ростов. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных. Публикуется фрагмент письма.

<...> Все это время с осени я отдаю свое свободное время, два раза в неделю, на посещение больного Модеста Ильича Чайковского. Ему с каждым днем все хуже, и его дни уже сочтены. Я очень привязалась к этому милому старику, да и он ждет меня каждый раз. Сегодня поеду к нему, хоть боюсь, что совсем уже плохо. Он с осени живет в Москве, очень далеко от нас, в Замоскворечье, так что я трачу много времени на эти поездки. В субботу я возила к нему старушку Софию Григорьевну Рубинштейн²⁴⁹, с которой ему очень хотелось познакомиться, и я очень рада, что мне удалось устроить это свидание. Оба были рады, возбуждены воспоминаниями о братьях Антоне и Николае Рубинштейнах и о Петре Ильиче. Мне было очень интересно слушать все это, но после, на другой день, я узнала, что Модесту Ильичу стало намного хуже, т. к. он очень утомился накануне, но что он страшно рад, что все-таки успел познакомиться с Софьей Григорьевной. <...>

9

4 февраля 1917 г.²⁵⁰

Дорогой Миша! Наконец сажусь писать тебе отчет о концерте 2 февраля²⁵¹. Успех концерта превзошел все ожидания! Настоящий большой, шумный успех! Но по справедливости надо сказать, что на первом плане успех относился к исполнителям. Бихтер и Алчевский, оба они, как два бога, поднялись действительно на недостижимую высоту в исполнении твоих сочинений. Кажется, трудно было себе представить исполнение лучше, чем это было 4 января в Петрограде, а между тем, представь себе, было еще лучше, еще больше подъема, еще вдохновеннее. До чего они оба дойдут! Дай им Бог здоровья, обоим! Миша, ты право, должен себя считать счастливым, потому что ни одному композитору, так мне кажется, не удалось слышать свои создания в совершенной, идеальной передаче. Я, по крайней мере, от первого до последнего звука наслаждалась все время, и была бы совершенно счастлива, только мне было жаль, что тебя нет. Было бы еще больше шума и оваций, если бы автор был при этом. Хорики прошли не блестяще, мои девицы немного

²⁴⁹ С. Г. Рубинштейн жила на Собачьей площадке по соседству с Гнесиными.

²⁵⁰ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 423, л. 19–24. Из Москвы в Ростов. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных.

²⁵¹ Программа этого концерта из произведений М. Ф. Гнесина, проходившего в цикле «Пяти вечеров современной музыки» (1-й концерт цикла), устроенных журналом «Музыкальный современник» в зале Синодального училища: I отделение. «Все мне грезится море» ор. 1; «Чайка», «Снежинки» ор. 2; «Балаган» ор. 6; «Воздушная птичка», «Туманы вечера», «Недотыкомка», «Небесная роса» ор. 5; «Песня Гаэтана» ор. 14 – исполнители И. А. Алчевский и М. А. Бихтер. II отделение. «Паутинки», «Помертвела белая поляна» ор. 10; «Жемчужина» ор. 22; «Девушка пела в церковном хоре» ор. 16; «В дикой пляске» ор. 22 – исполнители И. А. Алчевский и М. А. Бихтер. Соната-баллада, ор. 7, для виолончели и фортепиано – исполнители Е. В. Вольф-Израэль и М. А. Бихтер. «Песня паж Алискана» ор. 14; «Rosarium» ор. 15 (первая и вторая серии) – исполнители И. А. Алчевский и М. А. Бихтер. См. об этом концерте также в письме к М. А. Бихтеру, публикуемому в данной книге. Как из данного письма к М. Ф. Гнесину, так и из письма к М. А. Бихтеру следует, что в концерте исполнялись также и хоры М. Ф. Гнесина (видимо, «Плачьте, дочери земли» и «С майским деревом» из музыки к драме «Роза и крест») Женским хором Училища Е. и М. Гнесиных под управлением Ел. Ф. Гнесиной.

струсили. А на репетиции Михаил Алексеевич²⁵² похвалил их, нашел, что совсем хорошо. Но это, в общем, не отразилось нисколько на успехе концерта. Но вот что тебе интересно и что меня поразило – это виолончельная соната! Это было что-то совсем новое для меня, так хорошо знающей эту сонату, и было необыкновенно хорошо! Первый раз это была баллада, то, что, собственно, ты и задумал. Михаил Алексеевич играет ее так своеобразно, «по-Бихтеровски», так интересно, что я не проронила ни одного звука и была очарована. Вольф-Израэль, насколько мог, очень хорошо сделал все продиктованное ему Михаилом Алексеевичем, но тут сказалась разница в даровании, не может Вольф-Израэль угнаться за Бихтером, ибо он, Вольф-Израэль, земной человек и остается на земле, а Бихтер уносится куда-то ввысь. А все-таки было необыкновенно хорошо, интересно и балладно. А публика, по крайней мере $\frac{9}{10}$ ее, проскучала за сонатой, но все же очень хорошо аплодировала, дважды заставила выйти раскланяться игравших. Все-таки хорошо было бы немного сократить эту сонату, она выиграла бы от купюры. Михаил Алексеевич хочет придумать купюру и представить ее на твое благоусмотрение или осуждение. Да, дальше о концерте. Иван Алексеевич приехал только 2-го, дорогой немного простудился (так он думал), сказал нам, что у него начинается ангина, ну и, конечно, заставил всех нас поволноваться, сам очень волновался, а потом после всего этого пел божественно. После первого отделения он, по шумному требованию, повторил «Недотыкомку». После второго отделения, уже по бурному требованию, повторил «Гаэтана», а по окончании, тоже по требованию публики, – «Балаган». Я не сомневаюсь, что эти три вещи и Алискан за эти два дня распроданы у Юргенсона²⁵³. В день концерта оставалось непроданных только 30 билетов, и все было продано при входе. Зала была переполнена. Не знаю, будет ли столько народу на следующих концертах. Все-таки надо сказать, что было очень много из нашей школы, все наши многочисленные знакомые, были все ростовцы, об этом просила тебе передать Юлия Ивановна Самуэльсон. Затем, что очень важно и приятно, – были налицо все московские музыканты, бывающие на хороших концертах и даже не бывающие, как, например, Василенко. Все критики были: Энгель, Прокофьев, Сабанеев и другие, мелкие. Энгеля должно быть Тоня²⁵⁴ держала за рукава, ибо он оставался до самого конца, до последнего биса, до расхождения публики. Рецензии Энгеля сегодня еще нет – значит, он завтра выпустит большую, настоящую. Очень много народу, из знакомых, подходило с самыми восторженными отзывами, а главное, говорили все о сильном впечатлении, произведенном большинством сочинений. Наряду с этим очень курьезно было слышать мнение нашего брата Саши, который сказал, что он с трудом дотерпел до конца, и удивлялся, что, собственно, может нравиться в такой ужасной музыке и для чего ты ее написал! Я думаю, что Саша с удо-

²⁵² Об исполнении хоров см. предыдущую сноску. Михаил Алексеевич – М. А. Бихтер.

²⁵³ Имеется в виду «Песня пажа Алискана», так же, как и другие произведения М. Ф. Гнесина, издававшиеся издательством Юргенсона.

²⁵⁴ Тоня – Антонина Константиновна Энгель, жена Ю. Д. Энгеля, консерваторская подруга Ел. Ф. Гнесиной.

вольствием расписался бы на том письме «слушательницы из задних рядов»²⁵⁵ и даже прибавил бы, что остальные опусы, не только «№ 7», так же плохи и непонятны. Володя²⁵⁶, который приехал для этого случая в Москву и был разочарован, что тебя нет, был не так строг, как Саша, он нашел, что есть несколько вещей хороших, которые в таком прекрасном исполнении можно слушать, но что сонату ты написал зря, ни к чему; а кроме того, не стоит сочинять музыку на совершенно непонятные никому слова; нельзя брать тексты такие унылые, замогильные, и писать монотонную музыку к ним. Вот тебе два родственных отзыва!! Но все же Володя, видимо, был очень доволен успехом концерта. После концерта мы пригласили к себе участвующих (Бихтера, Алчевского и Вольфа-Израэля) и Сувчинского и, конечно, всех своих. Немного покормили их и напоили чаем. Михаил Алексеевич вообще остановился, к нашему удовольствию, у нас, а Вольфа-Израэля пришлось тоже приютить у нас, так как он, бедный, не нашел себе пристанища ни в одной гостинице, и это его так взволновало, что он чуть не захворал. Володя заставил выпить его рюмку водки, проглотить 2 таблетки кефаледола, я надела на него меховую ротонду и уложили мы его в гостиной на большом диване. Утром он проснулся здоровым и бодрым. Вчера же он нашел себе комнату в Национальной гостинице, хотя мы предложили остаться у нас вместо уехавшего в Петроград Михаила Алексеевича. Я проводила вчера вечером до вокзала Бихтера и вручила ему коробку с цветами. Ивану Алексеевичу утром после концерта тоже занесла на квартиру цветы. Григорий Алексеевич, к сожалению, не был в концерте, так как болен бронхитом, а потому и Мария Николаевна не поехала к нам чай пить²⁵⁷. Скажи Любочке Львовне²⁵⁸, что ее сердце может начать трепетать от ревности, ибо я очень ухаживала за Михаилом Алексеевичем эти дни и буду продолжать ухаживать. Но очень уж она опасаться не должна, так как в моем сердце поместился еще и Алчевский; кроме того, я стара и седа, а потому я-то никого уже пленить, увы! не могу.

Сегодня вечером все мы и Володя идем к брату Саше праздновать их серебряную свадьбу. Программа еще не выяснена. Потом напишу тебе, как было. Возьму с собой Поликарпова²⁵⁹ и прочту, как он отпраздновал «25-летие своей серебряной свадьбы». К сожалению, Маруся²⁶⁰ больна плевритом, лежит в постели, но уже начинает поправляться. Володя назначен, наконец, команди-

²⁵⁵ Речь идет о присланном М. Ф. Гнесину анонимном критическом отзыве на его сочинения, подписанном «Слушатель с задних рядов». В отношении Сонаты-баллады для виолончели и фортепиано там сказано, в частности, следующее: «Что собственно хотели Вы изобразить в Вашей сонате – она даже с точки зрения музыканта представляет набор аккордов в разных тонах – и... только! Ни единой мысли, ни единой мелодии, даже без намека на них! И это в продолжение целого получаса! Меня удивило и возмутило: как Вы, серьезный музыкант, посмели (да, именно посмели) выставить Вашу сонату на суд публики».

²⁵⁶ Владимир Фабианович Гнесин.

²⁵⁷ Г. А. Алчевский и его жена.

²⁵⁸ Л. Л. Штрейхер – в то время жена М. А. Бихтера.

²⁵⁹ «Поликарпов» – популярный юмористический сборник «Стихотворения купца-самоучки М. А. Поликарпова» (СПб, 190). Очевидно, пользовался успехом в семье Гнесиных, так как сохранились переписанные фрагменты этого сборника.

²⁶⁰ Маруся – средняя дочь А. Ф. Гнесина.

ром отдельной туркестанской роты в Ташкент и будет жить со своей семьей. Он теперь в чине штабскапитана. Но вот, кажется, обо всем тебе написала. А ты не исполнил обещания и не написал сейчас же по приезде, а я все время беспокоилась, да и теперь не знаю, как вы доехали, не заболел ли Фабик²⁶¹ дорогой. Очень жду письма от тебя и крепко, крепко целую тебя, Надю и Фабу.

Леня

10

10 апреля [1917]²⁶²

Дорогой Миша!

Я опять ждала, ждала от тебя или Нади хоть открытого письмеца, да так и не дождалась. С тех пор, как мы виделись на Рождество, прошло, как будто, целое столетие! Все мы пережили столько событий, начали новую эру, а не обменялись ни одним письмом. Думаю, что теперь ты еще больше занят общественными делами, да и Надя, пожалуй, занялась пропагандой? Мне и то хочется что-нибудь делать, и я жду окончания экзаменов в школе, чтобы приступить за какую-нибудь общественную работу. Впрочем, может быть, съезжу куда-нибудь сначала отдохнуть недели на 3, а потом предполагаю все время быть в Москве. Ну а ты ведь теперь свободно можешь жить на даче в профессорском уголке в Алуште?²⁶³ Поедете ли туда или еще не обсуждался летний вопрос? В газетах появилось недели две назад печальное сообщение о психической болезни Ивана Алексеевича Алчевского. Мне не хочется верить этому, хотя это вполне возможно, но и тревожить Григория Алексеевича²⁶⁴, такого нервного, расспросами тоже не хочется. Может быть, это еще не так страшно и преувеличено²⁶⁵. Будем надеяться, что Иван Алексеевич еще не раз будет исполнять твои сочинения, а потому дай ему Бог здоровья. Наконец у нас появилось «Общество взаимопомощи музыкантов-педагогов». Оно появилось в январе, а теперь, в марте, появился и Союз музыкальных деятелей Москвы. Мы примкнули, конечно, и к тому, и к другому. Общество взаимопомощи так давно уже было необходимо. Если хочешь, могу прислать тебе устав, может быть, и в Ростове можно будет устроить что-нибудь подобное. Что теперь печатается из твоих сочинений? Я не получала никаких корректур за все это время. Не собираешься ли ты написать что-нибудь вроде гимна? Мне кажется, что сделал бы это хорошо. Я представляю себе гимн в виде молитвы, но светлой, радостной. Ты и слова мог бы сам сочинить. Все, что вышло здесь из печати в мартовские дни и что носит громкое наименование гимна, «песни свободной России», – все это страшная дрянь, пошлость. Гимн

²⁶¹ Фабик – сын М. Ф. Гнесина.

²⁶² РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 423, л. 26–28. Из Москвы в Ростов.

²⁶³ В этой – «профессорской» – части Алушты находилась дача семьи Н. Т. Моргулиной – жены М. Ф. Гнесина.

²⁶⁴ Брат И. А. Алчевского.

²⁶⁵ Увы, И. А. Алчевский погиб 26 апреля 1917 года. См. публикуемое в книге письмо Ел. Ф. Гнесиной к М. А. Бихтеру от 31 марта 1927 года.

Гречанинова очень незначителен, мелок, но только для «детей младшего возраста», чему сильно способствовал детскими словами Бальмонт²⁶⁶. Попробуй, Миша, право, свои силы, вдруг выйдет настоящий гимн, какой нужен свободной России и какой все смогут петь! Ужасно мне хочется, чтобы именно ты написал русский гимн. А как себя чувствует гражданин Фабий Гнесин? Какое настроение в Ростове? Знаешь, я берегу для тебя московские газеты за две мартовские недели. Александр Николаевич говорит, что эти газеты лет через 20 будут страшно дорого цениться. Я не знаю, есть ли у тебя московские газеты за первые дни марта? думаю, что нет, так как здесь их рвали друг у друга из рук. Я две недели подряд выходила на Арбат раньше 8 часов утра и тратила не меньше рубля ежедневно, чтобы принести домой несколько газет. <...>

11

3 мая [1920]²⁶⁷

<...> Весь этот год мы прожили относительно благополучно: особенно сильно никто, кроме Татьяны Васильевны²⁶⁸, не хворал, а она чуть не умерла. Был у нее удар, после которого она, хоть и оправилась через несколько месяцев, но уже осталась вместо прежней Т[атьяны] В[асильевны] дряхлая старушка, с трудом ходящая и говорящая. Очень трудно было ухаживать за ней первые два месяца, и весь этот труд упал на Женю²⁶⁹. Болезнь Т. В. сильно отразилась на нашем хозяйстве, тем более что теперь нет у нас прежней прислуги; новый штат очень неудачный, и приходится многое делать самим. Школьная наша жизнь протекала совершенно нормально, почти ничто не изменилось, несмотря на то, что наша школа называется «2-я государственная музыкаль[ная] школа». Ведь мы все остались при школе, и отношение к делу осталось у нас прежнее, а потому неудивительно, что наша школа, единственная в Москве, которая все время функционировала, работа у нас кипела, были как всегда ученические вечера и утра, был ученический концерт 2 февраля, в день 25-летия школы, а теперь начались экзамены, которые закончатся, вероятно, в начале июня. Отношение к нам и к нашей школе очень хорошее, и если можно на что-то пожаловаться, то только на то, что денег мало, что месячного оклада жалованья едва хватает на неделю, а потом нужно еще подработать. Теперь есть надежда на паек, и если мы его действительно начнем получать, тогда жить будет много легче. Пока получает академический паек только Александр Николаевич²⁷⁰. Все-таки мы этот сезон прожили лучше, т. е. лучше питались, несмотря на безумные цены. Женя тебе писала, без сомнения, о том, что она служит в Музо, т. е. Музыкального Отдела Нар[одного] Комиссар[иата] Просвещ[ения] в качестве Заведующей всеми

²⁶⁶ «Гимн свободной России» был написан А. Т. Гречаниновым на слова К. Д. Бальмонта.

²⁶⁷ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 423, л. 39–48. Из Москвы в Ростов. Публикуются фрагменты письма.

²⁶⁸ Т. В. Фигуровской.

²⁶⁹ Евг. Ф. Савину-Гнесину.

²⁷⁰ А. Н. Савин.

Музыкальными Школами I ступ[ени]²⁷¹. А я считаюсь заведующей нашей школой и состою членом Художественн[ой] комиссии при культурно-просветительск[ой] комиссии в Музо. Кроме своей школы, веду еще хоровые классы в двух других школах²⁷². А по вечерам аккомпанирую иногда в концертах, к сожалению, не так часто, как хотелось бы. Дело в том, что все пианисты давно уже пристроились в качестве аккомпаниаторов и теперь образовалась такая монополия, что никуда не пристроишься, везде свои пьянисты, иногда очень плохие, но крепко сидящие. Может быть летом удастся где-нибудь[удь] получить интересную более или менее работу. <...> Мне кажется, если ты приедешь, то сможешь получить за свои сочинения крупную сумму. Все московские композиторы получили за свои печатающиеся сейчас сочинения очень крупное вознаграждение. Прошлым летом я принимала участие в педагогическо-издательской комиссии при Музо и решила отдать на суд этой комиссии свои маленькие этюды для детей, конечно, анонимно, без подписи. Мне было немного, даже много, страшно, т. к. при мне игрались и разбирались эти этюдики, но так как их сразу начали похваливать, то я успокоилась в душе. Вся комиссия одобрила их и признала нужным напечатать их и отдельно, и в будущем педагогическом сборнике²⁷³. Когда Гречанинов открыл, что этюды мои, меня очень приветствовали. А все-таки очень боюсь, что когда будут уже напечатаны мои первые опыты, мне будет за них немного стыдно. Ведь в них нет ни малейшего намека на оригинальность, чего, впрочем, и не нужно для начинающих с азбуки детей. С моей легкой руки и Оля написала несколько маленьких пьесок, и их тоже приняли²⁷⁴. Может быть, летом решусь отдать сборник музыкальных диктантов, который я давно уже составила. Если ты получил письма от Жени и Гриши²⁷⁵, то знаешь уже, что Гриша женился. Жена его, по карточке судя, очень миленькая и симпатичная, а по словам Гриши, очень подходит ко всем нам. Мы все очень за Гришу рады, т. к. он со времени женитьбы очень заметно изменился к лучшему. Может быть, ты ее помнишь, она была где-то твоей слушательницей и даже поклонницей. Зовут ее Мария Владимировна Руднева. <...> Женя, вероятно, писала тебе и о нашем Фабике²⁷⁶. Он поразительно талантлив и двигается в музыке совершенно необычайно. Был бы он только жив и здоров! Из него может выйти очень большой музыкант-композитор. До сих пор он прелестно, интересно импровизировал, но не хотел никогда два раза повторять одно и то же и не хотел записывать. А теперь ему самому захотелось начать записывать, и он сам написал пьеску для ф-п. и скрипки, проре-

²⁷¹ Евг. Ф. Савина-Гнесина занималась разработкой программы для всех детских музыкальных школ, которая и была принята в качестве государственной.

²⁷² Ел. Ф. Гнесина преподавала также в Кремлевской школе ВЦИК и в летних колониях под руководством А. А. Луначарской. В культурно-просветительской комиссии МУЗО Ел. Ф. Гнесина являлась ответственной за хозяйственные вопросы.

²⁷³ Маленькие этюды для начинающих в четырех тетрадах – первые изданные сочинения Ел. Ф. Гнесиной (полностью опубликованы в 1921 году).

²⁷⁴ Шесть маленьких пьесок О. Ф. Гнесиной были изданы в 1921 году.

²⁷⁵ Евгении Фабиановны и Григория Фабиановича Гнесиных.

²⁷⁶ Фабий Евгеньевич Витачек.

петировал ее со своим товарищем по школе и сыграл с ним уже в готовом виде для нас всех. Два месяца назад он попросил Лизу²⁷⁷ начать учить его на скрипке, что Лиза с удовольствием сделала, а теперь, через два ровно месяца, он, играя 1/4 часа в день на скрипке, перегнал всех, начавших осенью, способных детей.

У нас, т. е. в Москве, образовался чудесный квартет и, стало быть, чудные камерные концерты. При конторе Государственных театров устроен Музей инструментов, в котором собраны все реквизируемые из частных коллекций инструменты Страдивариуса, Гварнери и др. Таким образом подобрался весь квартет Страдивариуса, и инструменты отданы лучшим силам: Могилевскому (1 скр[ипка]), Бакалейникову (альт), Пакельману (2 скр[ипка]) и Кубацкому (виолончель). Все они великолепно сыгрались, и мы имеем наконец удовольствие слушать в редком исполнении камерную музыку. Сегодня последний квартетный вечер, а затем квартет имени Страдивариуса едет в концертное турне, предполагают быть и в Ростове-на-Дону, так что и вы будете иметь это удовольствие. Так как Генрих²⁷⁸ состоит хранителем этого музея, то Фабик бывал на всех этих концертах и стал настоящим поклонником камерной музыки и исполнителей. Ну, а как твой Фабий в музыкальном отношении? ведь у него были, у маленького, задатки талантливости. Стал ли он более уравновешенным? Стала ли теперь поправляться Надя?²⁷⁹ Ведь после тифа все хорошо поправляются, хоть и не сразу, а постепенно. Слава Богу, что у нее обошлось без осложнений. У нас здесь эпидемия сыпная не уменьшается, и мы потеряли уже многих знакомых, которые умерли или от тифа, или от испанки. Умерла Раиса Михайловна Шор (жена Дав[ида] Солом[омоновича]), Осип Соломонович Шор, доктор, умер Григорий Алексеевич Алчевский. Бедный Григорий Алексеевич все время прихварывал после смерти Ивана Алексеевича²⁸⁰, не мог оправиться, а умер от воспаления легкого. Вообще погибло за это время столько, что даже и не перечислишь, лучше и не говорить на эту тему. <...>

12

6 ноября [1922]²⁸¹

<...> Осень эта была для нас необыкновенно суетливой и тяжелой. И раньше у нас всегда осенние месяцы были самые трудные, а теперь много хуже. Кроме обычной возни с приемными экзаменами, затем еще с составлением расписания, теперь еще пришлось возиться со всевозможными анкетами, переписью и пр. Надоело все это ужасно, и устали мы очень. Работаем мы с каждым годом все больше, работа более ответственная, а сил становится меньше, здоровье становится хуже. Я, более крепкая чем другие сестры, дер-

²⁷⁷ Елиз. Ф. Гнесина-Витачек, мать Фабия Витачека.

²⁷⁸ Генрих (Евгений) Францевич Витачек.

²⁷⁹ Жена М. Ф. Гнесина.

²⁸⁰ И. А. Алчевский.

²⁸¹ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 423, л. 54–62. Из Москвы в Берлин. Публикуется в сокращении.

жусь и стараюсь быть бодрой, а вот с Олей дело обстоит хуже – ее здоровье совсем неважно; ей по-настоящему нужно если не совсем бросить школу, то бросить, по крайней мере, половину работы, а она и слышать не хочет об этом. Женя тоже стала очень сильно уставать, но, тем не менее, ей пришлось взять, вернее, Г. Э. Конюс уговорил ее взять в консерватории одну «показательную» группу по элементарной теории. Конюс нашел, будучи у нас весной на экзамене элемент. теории, что у нас ученики знают курс эл. теории настолько лучше, чем в консерватории, что и сравнить нельзя. А потому Конюс настоял на том, чтобы Женю пригласили читать этот курс. Жене очень не хотелось отдавать свои последние свободные часы консерватории, где теперь хозяйничает всю Яворский²⁸² и где теперь неприятно, неуютно и не хочется работать. Мы запряглись в работу с половины сент[ября], и вчера у нас уже было 1-е ученич[еское] музыкальное утро. А в консерватории начали заниматься с 1-го ноября, а до тех пор все происходила перерегистрация учащихся и возня с анкетами, и ученья не было. Яворский всецело занят консерваторией и до нас ему пока, слава Богу, нет дела. Впрочем, он и о нас позаботился: когда обсуждался вопрос о субсидии нашей школе, то нам – III Госуд. Музыкальному Показательному Техникуму, как мы теперь именуемся, – даны на 34 сотрудника 15 штатных мест, а I Музык[альному] Техникуму, возглавляемому Яворским и его учеником Протопоповым, дано 17 шт[атных] преподав[ательских] мест, в то время как у них там и 10 преподавателей нет, и учащихся пока очень мало. Верх справедливости. Любопытно то, что Ан[атолий] В[асильевич] Луначарский при каждом нашем свидании говорил, что он не даст нас в обиду и что мы будем совершенно обеспечены. Но Яворский нашел, что нам достаточно смехотворной субсидии в 250 миллионов в месяц, и Ан. Вас.²⁸³ ничего не мог сделать. Сейчас немного стали налаживаться взносы учащихся, а то было очень плохо: ни Государство ничего не давало, ни ученики. У каждой из нас есть по 2–3 частных урока, а потому как-ниб. просуществуем. Через неделю предполагаем сделать ученический вечер и позовем Ан. Вас. Луначарского. В школе у нас снова преподает Глиэр, т. к. Конюс перегружен работой и не мог уделить нам времени²⁸⁴. Затем по классу пения мы пригласили Веру Федоровну Туровскую, которая выразила желание преподавать у нас²⁸⁵. Глиэр взялся преподавать у нас до твоего приезда. Очень надеемся и мечтаем, что ты, Миша, приедешь наконец весной в Москву и поможешь нам немного. На этой неделе, в четверг, у нас будет играть для наших старших учащихся пианист Евгений Луцкий. Он был у нас и выразил желание познакомиться с нами и поиграть. Мы и пригласили его, хотя совершенно не знаем, как он играет. А в субботу Анатолий Никол[аевич] Дроздов повторил у нас свою лекцию-концерт Бах и Скрябин. Хотя его лекция-концерт не дала в зале Консерватории ничего, кроме убытка, а

²⁸² Б. Л. Яворский занимал пост заведующего МУЗО Наркомпроса.

²⁸³ Луначарский.

²⁸⁴ Г. Э. Конюс вел в Техникуме Гнесиных курс гармонии.

²⁸⁵ Вокальный отдел в Техникуме Гнесиных был открыт в 1919 году.

у нас, при отсутствии расходов, Ан[атолий] Ник[олаевич] немного подрабатывает. Ты, вероятно, знаешь, что Ан. Ник. был болен сыпным тифом и теперь поправился. Его верная Евдокия Петровна выходила его.

Наш Фабик тоже в конце лета заболел брюшным тифом и очень всех нас напугал. Сейчас он уже здоров, но очень худ и бледен. Так обидно, что вся его летняя маленькая поправка сошла на нет, ничего не осталось. Представь себе, Миша, Фабик во время болезни сочинил 2-й квартет и, когда встал с постели, записал его. Скоро к тебе в Берлин приедет мой ученик Лев Константинович Книппер, племянник О. Л. Книппер-Чеховой, внук Анны Ивановны Книппер. Он очень талантливый, милый и едет в Берлин лечиться. Как только он проделает курс лечения, он хочет продолжить занятия по гармонии у тебя, и весной он вернется в школу. Он этим летом с азов начал учиться музыке у меня как частный ученик; летом же начал заниматься, совсем ничего не зная, гармонией (у нас был летний семестр – маленькая группа I гармонии), а теперь он уже почти кончил II гармонию. Я уверена, что Лев Конст[антинович] тебя заинтересует. Он умница, талантливый, жаждет научиться всему, но, бедный, очень болен: предполагается, что у него туберкулез позвоночника. Мы все и вся школа очень его любим, и он очень привязался уже к школе. Он расскажет обо всем и о нас всех.

Как, Миша, твои композиторские дела? опера твоя начала печататься?²⁸⁶ сколько ты сочинил, кроме пролога? Удобно ли теперь тебе работать? Правда ли, что ты приглашен профессором в Берлинскую Русскую Консерваторию? Как ты нашел Надю и Фабия? <...> На прошлой неделе у нас здесь чествовали Глазунова. Ан. Вас. Луначарский сказал блестящую речь, в ответ на которую Глазунов сказал, что он, конечно, очень благодарен за честь называться народным артистом и благодарен за все высказанные теплые слова, но он просит помочь консерватории, которая гибнет, что для него помощь консерватории важнее и дороже всего чествования. Это было очень трогательно. Хочется еще много написать, но если я сейчас не брошу, то письмо снова проваливается.

Крепко целую всех вас, будьте здоровы.

Все наши шлют привет и целуют.

Леня

13

25/X – [19]40²⁸⁷

Дорогой Миша! Спасибо за большое хорошее письмо. Я намеренно задержалась с ответом, т. к. хотелось узнать что-ниб. определенное о судьбе Гриши, а мне был обещан прием у начальника в НКВД. Вчера я была у него и узнала

²⁸⁶ Имеется в виду опера «Юность Авраама», оставшаяся неоконченной.

²⁸⁷ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 424, л. 26–29. Из Москвы в Ленинград. Публикуется в сокращении.

печальную весть: Гриша умер в лагере на Дальнем Востоке²⁸⁸. Миша! У меня не было никаких иллюзий относительно Гриши, и я была уверена в том, что он уже не существует. Только самые сильные и выносливые люди могут все претерпеть. А ведь Гриша был очень слабый физически (уж не говорю о его нервах), мог простудиться и умереть от воспаления легких или еще от чего-нибудь. Перед моим отъездом в Кисловодск я была у этого начальника, и он обещал мне навести справки через Радио, для ускорения ответа, и вот получился короткий ответ: «умер в лагере».

Миша! Нужно теперь нам условиться, что говорить тем, которые будут спрашивать о Грише. Тем, которые знают о его аресте и высылке, тем людям нужно сказать то, что есть; а тем людям, которые не знают ничего, но спросят о нем, – нужно, мне кажется, говорить, что он ездил на Дальн. Восток и там заболел и скончался. Если ты думаешь иначе, напиши мне²⁸⁹. Я просила этого начальника изменить скорее судьбу Марии Владимировны, и он обещал мне быстро пересмотреть ее дело и вернуть ее, как я просила его, в Ленинград²⁹⁰. Я уже известила ее обо всем. <...> Здание наше, хоть медленно, но подвигается²⁹¹. Кирпичная кладка учебного корпуса закончена, начинают делать крышу, а потом начнутся внутренние работы. Но очень трудно добывать строительный материал: цемент, известку, алебастр, а также транспорт. Как ни трудно, все время пытаюсь добиться всего, что требуется. Как только вернулась из Кисловодска, на другой же день мне пришлось начать хлопотать по строительным делам и уничтожить все замышлявшиеся дурные предложения. Какой-то новый работник Управления искусств решил выслужиться на нашем строительстве и надумал «для сокращения госуд[арственных] средств, отпущенных на строительство», испортить будущий концертный зал, уменьшив его значительно в объеме. К счастью, я вернулась вовремя; узнала, когда в Совнаркоме будет обсуждаться этот вопрос, попала на это совещание и отстояла наш зал так, что председатель Совнаркома РСФСР²⁹² прибавил еще один миллион на строительство. Думаю, что мне удастся и дальше двигать строительство, если не случится ничего катастрофического. Конечно, если начнется война, во что не хочется верить, все остановится и законсервируется. Но пока я продолжаю ссориться и воевать с Комитетом, главным образом, выступать против Храпченко²⁹³. Думаю, что он уже не очень прочно сидит в Комитете. В Кисловодском доме отдыха было в одно время со мной много работников Совнаркома, и я им рассказала многое из своих столкновений с Комитетом. Ко мне все относились очень хорошо, с

²⁸⁸ Григорий Фабианович Гнесин на самом деле был расстрелян, скорее всего, в феврале 1938 года. Согласно практике того времени, в случае приговора к расстрелу родственникам объявляли приговор «десять лет без права переписки», а при дальнейших запросах сообщали вымышленную дату смерти в лагере.

²⁸⁹ О Г. Ф. Гнесине практически не упоминалось даже в семье Гнесиных вплоть до его реабилитации.

²⁹⁰ Жена Г. Ф. Гнесина – Мария Владимировна – была выслана в Башкирию после его ареста. В Ленинград она вернулась в январе 1941 года.

²⁹¹ Новое здание Училища (в дальнейшем – Института) им. Гнесиных активно возводилось начиная с 1937 года.

²⁹² А. Н. Косыгин.

²⁹³ То есть Председателя Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко.

доверием и уважением, и выражают желание продолжать со мной знакомство. Между прочим, я в Кисловодске прочитала в газете о происхождении рака и привезла специально для тебя вырезку из газеты, которую и посылаю тебе. Тебя, конечно, очень трудно и бесполезно убедить во вреде курения трубки, которую вряд ли ты часто промываешь спиртом, или 2% раствором карболовой кислоты, но все же прочитай хотя бы то, что я отметила. <...>

25/I [1942]²⁹⁴

Дорогие мои! Я уже несколько дней в Москве и очень счастлива. Уехала из Казани с большим трудом, в смысле получения мягкого места, но ехала хорошо до Москвы, т. е. до вокзала, и дальше стало хуже, не оказалось ни одного носильщика и никаких способов доехать с вещами домой. К счастью, подвернулся какой-то юноша, который предложил мне отвезти вещи на маленьких детских саночках, а мне осталось только совершить героический поступок и пойти с Казанского вокзала пешком (с моими-то больными ногами!) в 35 град[усный] мороз. И вот я дошла, и даже не обморозилась, но на другое утро ноги не слушались. Зато с утра узнали о моем неожиданном приезде, и начались бурные выражения радости со стороны старых педагогов и молодежи. Вчера я была у Храпченко и выяснила возможности вызова в Москву педагогов и учащихся, которые засыпают нас письмами с просьбами о вызове. <...>

<...> Мои хлопоты увенчались успехом – педагоги всех музыкальных училищ получают с 1-го июля рабочие карточки²⁹⁵. <...>

15

14/XII [1942]²⁹⁶

Дорогой Миша!

Всей душой разделяю и понимаю твою горе и твои переживания, все же хочу сказать тебе: встряхнись, возьми себя крепко в руки и скорей начни усиленную творческую работу. Ты еще можешь и должен возродиться как крупный композитор, можешь еще создать много прекрасных сочинений! Вспомни, Миша, сколько было у нас, сестер, тяжелых потерь, одна за другой, и нас всегда спасала наша работа, которую мы не только не прекращали ни на день, наоборот, мы все больше и больше загружали себя, и работа всегда давала нам успокоение и смягчала горе потери дорогого, близкого человека. Все мы, увы! в таком уже возрасте, что скоро начнем хоронить друг друга, но необходимо отдалить этот тяжелый момент и беречь себя и друг друга, т. е. [так как] мы все еще можем быть полезны нашей родине, каждый в своей роли. <...>

16

²⁹⁴ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 425, л. 1–2. Из Москвы в Йошкар-Олу. Публикуется в сокращении.

²⁹⁵ Об этом см. письмо к Елиз. Ф. Гнесиной-Витачек и Ф. Е. Витачеку на с. .

²⁹⁶ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 425, л. 17. Из Москвы в Ташкент. Публикуется в сокращении

22/Л – [19]43²⁹⁷

24/Л

<...> «Врут все календари»²⁹⁸. Сегодня навела справки более точные, и оказалось, что Шостакович находится не в Москве, а в Куйбышеве, и заболел не тифом, а авитаминозом. Ему уже посланы в Куйбышев всевозможные витамины. Вчера исполнялась здесь новая, седьмая Соната Прокофьева. Говорят все, что это сочинение замечательное, не ниже 7-й симфонии Шостаковича, но еще более мрачное. В Москве невероятно холодно и поэтому неуютно. Дома не отапливаются, люди коченеют в своих квартирах. В этом отношении в нашей школе – оазис. Такое счастье, что я добыла дрова и торф на весь сезон. Все приходят к нам греться, и все, конечно, завидуют нам. В консерватории тоже страшно холодно, еле-еле отапливается только 1-й этаж. <...> Зато с фронта каждый вечер приходят хорошие вести. Я слушаю сообщения по Радио в 11 ч. вечера, в 6 ч. утра, затем в 7 и 8 часов веч. Все мои знакомые партийцы, все «замы» говорят, что к лету война окончится, и все мы вернемся к прежней жизни. Хорошо, если бы так в действительности было. Здесь пробыл несколько дней Максим Григорьевич Рамм – он приезжал получать награду – звание Заслуженного врача Республики. Это его очень окрылило, и он собирается к весне вернуться, конечно, вместе с Валентиной Иосифовной в Москву. Расстались мы с ним очень дружески. Вчера я была у Храпченко, непосредственно после визита к Зам. Наркомфин.²⁹⁹ т. Голеву, у которого выхлопотала повышение зарплаты педагогам групповых занятий. Голев спросил меня: «Почему же этим делом не занимается Храпченко?» Я ответила: «По привычке не интересоваться педагогами». Голев тут же позвонил Храпченко и предложил ему в двухдневный срок представить проект новой оплаты. Вот после этого я решила поехать к Храпченко, и даже просила его, из кабинета Голева, прислать за мной – его машину в Наркомфин, что Храпченко сейчас же выполнил. До чего я обнаглела, правда?! Храпченко я сказала, что, желая ускорить дело, я сочла необходимым снова действовать через его голову. Храпченко, смеясь, ответил, что он уже привык к тому, что я всегда прыгаю через его голову и что он на меня не обижается. Просила я Храпченко вызвать из Ташкента Арама Татуляна, который очень бедствует, не имея концертной работы. Очень мне Арамчика жаль. Он талантливей других наших прославленных лауреатов, которые без конца играют в Москве и играют только старый репертуар. Храпченко почти обещал мне вызвать его, а вы, если увидите его, обнадежьте его и скажите ему, что я об нем не забываю. Хорошо бы помочь Арамчику в смысле выступления в концерте – он ведь чудесно играет, и вообще, когда у вас уже будет своя комната, как-нибудь пригласите его к себе и приласкайте его – он чудесный, честнейший малый и очень любим всеми нами.

²⁹⁷ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 425, л. 20–22. Из Москвы в Ташкент. Публикуется в сокращении

²⁹⁸ В предыдущем письме к М. Ф. Гнесину Ел. Ф. Гнесина писала о том, что якобы Д. Д. Шостакович заболел тифом.

²⁹⁹ Народный комиссариат финансов.

Не знаю, успею ли я написать, сегодня или завтра, Максимилиану Осеевичу³⁰⁰, перед которым очень виновата, т. к. давно ему не писала. Когда же я получу от вас известие о комнате³⁰¹? Скорей бы. Крепко обнимаю и целую вас. Ваша Леня. <...>

17

20 февраля [19]43г.³⁰²

Дорогие Миша и Галина!

Чувствую себя виноватой перед вами обоими, т. к. давно уже должна была вам написать. Задержка вышла, главным образом, оттого, что я все жду извещения о том, что вы живете уже в своей комнате, в культурных и приемлемых для работы условиях. Но этого извещения все еще нет, и, кроме того, Михоэлс, с которым я говорила по телефону и с которым должна послать письмо вам, оттягивает свой отъезд еще на несколько дней. 15-го³⁰³ были получены приветственные телеграммы от вас и Максимилиана Осеевича³⁰⁴ и были зачитаны вслух, к удовольствию собравшихся. А народу набралось много, свыше ста человек. Приехал даже наш, очень дружелюбно к нам относящийся, «Гнесинец», как он себя называет, директор консерватории Шебалин³⁰⁵, который зачитал очень теплое приветствие от консерватории. Приехал и Кухарков, который, представь себе, привез приветствие от Храпченко с 48-летием училища и моей деятельности. Уж я всячески допытывалась у Кухаркова – он ли надоумил Храпченко к такому любезному и «храброму» выступлению, но Кухарков уверял меня, что это – инициатива, будто бы, самого Храпченко. Кстати, Кухарков отлично знает, что я Храпченко не люблю и не уважаю, а Храпченко тоже меня не любит, но уважает и, как говорят злые языки, даже побаивается. Между прочим, Шебалин сказал во всеуслышание, что на последнем художественном Совете Консерватории была обсуждена выдвинутая им моя кандидатура на звание профессора, и она прошла единогласно, а на собрании фортепианного факультета вуза не только единогласно, но с аплодисментами. Вот что значит отсутствие нашего «друга» – Гольденвейзера, который не допустил бы этого или сильно препятствовал бы³⁰⁶. Теперь это дело передано в Комитет по делам Высшей Школы, в экспертную комиссию, председателем которой будет Шебалин, а ученым секретарем – Николаев, Шура Николаев – мой ученик. Похоже, что Шерман,

³⁰⁰ М. О. Штейнбергу.

³⁰¹ Комнату М. Ф. Гнесину и его жене не предоставляли очень долго – все это время они жили в вестибюле Ташкентской консерватории.

³⁰² РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 425, л. 23–26. Из Москвы в Ташкент.

³⁰³ 15 февраля отмечался традиционный праздник гнесинцев – годовщина основания Училища.

³⁰⁴ Штейнберга.

³⁰⁵ В. Я. Шебалин с 1935 года (после переезда М. Ф. Гнесина в Ленинград) и до войны преподавал в Училище им. Гнесиных.

³⁰⁶ Большая ссора Ел. Ф. Гнесиной и А. Б. Гольденвейзера возникла в связи с тем, что последний был противником создания вуза – Института им. Гнесиных. См. письмо к С. В. Кафтанову, а также письмо А. Б. Гольденвейзера к Ел. Ф. Гнесиной, написанное в 1944 году, в книге: Гнесинский исторический сборник. М., 2004. С. 157–159.

к счастью, не вернется больше в К[омитет по делам] В[ысшей]Ш[колы]. Сама я ни в кой мере не набивалась и не напрашивалась на это высокое звание. Знаю, что два года назад моя кандидатура была выдвинута и обсуждалась в КВШ, но была провалена Гольденвейзером, Шерманом и Гр. М. Коганом. Стало быть, мне повезло, что их нет здесь, все другие тоже рады, что их нет. 15-е февраля прошло у нас очень приятно и мило. Мне удалось выхлопотать в МосГорторготделе чай, сахар и пирожки «в 48-ю годовщину Училища». И мы все это получили в довольно большом количестве, все пили сладкий чай и ели пирожки досыта, и все были очень довольны. Конечно, в настоящее тяжелое время и это скромное угощение было очень хорошо; а если доживем до 50-летия – тогда уже будем проводить его торжественно, с шампанским. Арам Хачатурян, который, как и Тихон Хренников, тоже был, прибавил, что «не только с шампанским, но и с коньяком». О пятидесятилетии говорить преждевременно. Нужно сначала победно закончить войну, затем достроить наше здание, – много еще забот впереди, – а главное – сохранить жизнь и здоровье всем нам. Очень большая была у нас радость – приезд Оли и Дмитрия Константиновича³⁰⁷. Ехали они очень долго – 7 дней, и мы беспокоились и волновались, но они все-таки не опоздали и приехали 15-го в 12 час. дня. У Оли очень плохой вид, и очень хочется задержать ее у нас подольше и дать ей полный отдых, но Дмитрий Константинович, уже получивший вчера орден из рук Мих. Ив. Калинина, торопится вернуться, и Оле придется уехать вместе с ним, т. к. теперь очень трудно ехать вообще, а одной ей будет еще трудней. Приходится, к нашему огорчению, отпустить ее. <...>

18

20 марта 1943г³⁰⁸

<...> Я здесь совершила еще одно большое дело, причем пришлось мне много повоевать с Храпченко. Я узнала, что преподаватели немузыкальных училищ получают вдвое больше за час работы, чем наши педагоги, и решила возбудить вопрос в Наркомфине³⁰⁹ об уравнивании зарплаты. Наркомфин, т. е. Замнарком, у которого я была, отнесся к моему ходатайству очень хорошо; удивился тому, что не Храпченко и не Гууз³¹⁰ возбудили это ходатайство, а я, и обещал всемерно меня поддержать. Но подпись Храпченко требовалась для утверждения этой бумаги, и вот я начала напоминать Храпченко о том, что ему надо подписать бумагу, – напоминала ему и утром, и ночью, не давала ему покоя на протяжении почти двух месяцев и, наконец, штурмом добыла его подпись. Такое безобразие! Через пару дней Наркомфин утвердит это постановление, но пока только для нашего и консерваторского училища, а потом уже можно будет легко добиться новой оплаты, вдвое больше, и для других педагогов. Мне предстоит еще борьба с Храпченко по другому поводу.

³⁰⁷ О. Ф. Александровой-Гнесиной и ее мужа, Д. К. Александрова, находившихся в эвакуации в Свердловске. Д. К. Александров был командирован в Москву для получения ордена Красной Звезды.

³⁰⁸ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 425, л. 29–30. Из Москвы в Ташкент. На именном бланке директора Государственного музыкального училища им. Гнесиных. Публикуется в сокращении.

³⁰⁹ Наркомат финансов.

³¹⁰ Главное управление учебных заведений при Комитете по делам искусств.

Музгиз предложил мне переиздать мою «Фортепианную азбуку», что нужно было сделать уже давно. Я ее переработала, прибавила свежие номера, сделала хорошее предисловие (немного мне помог в нем Шура Николаев³¹¹) и сообщила новому директору Музгиза – Виктору Алексеевичу Розанову, что «Азбука» уже готова к печати. Розанов очень меня огорчил сообщением о том, что Храпченко при утверждении плана на 2-й квартал вычеркнул совсем, начисто, мою «Азбуку» и что трудно будет убедить Храпченко в том, что «Азбуку» необходимо печатать. Вчера я была у Храпченко специально для спасения «Азбуки» и сказала ему, что все советские дети учатся по моей «ф[орте]п[иа]нной азбуке» и что если он не даст распоряжения о том, чтобы ее печатать, – ему придется дать другое распоряжение – о закрытии I класса всех детских музыкальных школ, т. к. учиться будет не на чем. Кажется, это подействовало, и он обещал «подумать». Лиза Витачек³¹² написала этюды для начинающих скрипачей, в стиле моей «Азбуки», и очень жаль, если их не станут печатать в настоящее время, – в будущем, наверное, они будут изданы. <...>

19

9/VIII [1943]³¹³

<...> Вчера получила письмо от Максимилиана Осеевича³¹⁴. Я собиралась как-то недавно написать ему и Любове Львовне³¹⁵ и, к своему стыду, не написала. Очень мне стало трудно заниматься перепиской. У меня целый день народ – непрерывной струей приходят ко мне со всякими просьбами. По мере сил и возможности стараюсь помочь людям, чем очень недовольны мои сестры и все близкие, т. к. хотят меня «оградить» и «сохранить» мою «драгоценную» жизнь. А я очень недовольна опекой, поэтому иногда огрызаюсь! Не могу же я для удовольствия всех меня окружающих сделаться бюрократкой и заставлять людей ждать меня в приемной или приходить по несколько раз! Мне так ненавистны все наши начальники и директора, председатели и их замы (имею в виду не самых крупных работников, которые бюрократы в гораздо меньшей степени), а самые противные и ненавистные – это секретари – размалеванные, с локонами, девчонки, которые разговаривают свысока, отвечают обыкновенно односложно: «не принимает», «занят», «у него заседание», «уже уехал» и т. п. Я собираю материалы и, кажется, скоро помещу в газете статейку о бюрократизме вообще и секретаршах.

Максимилиану Осеевичу напишу непременно очень скоро. Вас обоих обнимаю и крепко целую. <...>

20

³¹¹ Предисловие публикуется в данной книге.

³¹² Елиз. Ф. Гнесина-Витачек. Ее сборник «18 маленьких этюдов для начинающих скрипачей» был издан в 1945 году.

³¹³ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 425, л. 45–46. Из Москвы в Ташкент. Публикуется фрагмент письма.

³¹⁴ Штейнберга.

³¹⁵ Л. Л. Штрейхер.

31/Х – [19]43³¹⁶

<...> Сегодня по телефону говорила с Арамом Хачатуряном о возможности вызова в Москву вас обоих³¹⁷. Он отнесся к этому очень сочувственно и обещал оказать в этом деле полную помощь моим начинаниям. Мне кажется, что если ты, Миша, не собираешься вернуться в Ленинград, то можешь порвать с Ленинградской консерваторией³¹⁸, отколоться от нее и уехать в Москву. В нашей консерватории вряд ли сейчас найдется для тебя работа, но это не важно – ведь Глиэр только числится профессором, не занимаясь, стало быть, и ты будешь числиться. Арам сказал, что сейчас же получишь заказ и полное питание в Союзе Композиторов. У нас тоже, если захочешь, получишь двух очень способных учениц. И Галина³¹⁹ сейчас же найдет работу.

Очень мне захотелось скорей бы вызвать вас обоих. Миша! Ты ведь остался у нас один единственный из братьев³²⁰, и нам нужно быть вместе, т. к. все мы уже недолговечны. Приближается пятидесятилетие нашего Училища, уже пора начать думать об этом, но до него нужно обязательно дожить. Вчера у меня было экстренное волнение. Позвонили из Комитета и предложили мне «спасать» наше недостроенное здание, т. к. его собирается у нас отнять Наркомат судостроительства³²¹. Конечно, я сразу нажала на все педали, и, думаю, никто больше не посягнет на наше строительство; но необходимо опять-таки нажимать на все педали для того, чтобы к юбилею был достроен хотя бы учебный корпус, который почти выстроен, а это очень трудно – ни материалов, ни рабочих рук нет. Все же Предс[едатель] Совнаркома РСФСР, у которого я недавно была, обещал мне, что с весны 44-го года строительство возобновится и что о нашем 50-летию С. Н. К. не забудет³²². Валентин Эдуардович Ферман собирается писать очерк о нашем Училище³²³. Вчера Фабий³²⁴ в присутствии Фермана играл нам свою, только что оконченную, симфонию. Ферман нашел, что эта симфония по глубине, по содержанию и по красочности – явление выдающееся. 10-го Фабий будет показывать ее в Союзе Композиторов. Фабий только начал снова играть, т. к. месяц назад сломал себе руку, к счастью, перелом был без смещения кости, поэтому через три недели уже сняли гипс. У нас освещаются вечером только главные улицы, а в переулках тьма невероятная, поэтому люди ломают себе руки, ноги, головы. Неделю назад и Оля наша упала и сильно расшиблась, но сейчас все уже благополучно. <...>

³¹⁶ РГАЛИ, ф. 2953, оп. 1, ед. хр. 425, л. 48–50. Из Москвы в Ташкент. Публикуется в сокращении.

³¹⁷ То есть М. Ф. Гнесина и Г. М. Ванькович-Гнесиной.

³¹⁸ М. Ф. Гнесин оставался профессором Ленинградской консерватории в период ее эвакуации в Ташкент.

³¹⁹ Г. М. Ванькович.

³²⁰ Имеется в виду, что из четырех братьев Гнесиных, с кем сестры могли поддерживать связь: Григорий погиб в 1938 году, Александр умер в декабре 1942-го, Владимир находился в США и о его судьбе до 1946 года сестрам, скорее всего, ничего не было известно.

³²¹ Точнее – судостроения.

³²² Письма по этому поводу к Председателю Совнаркома РСФСР А. Н. Косыгину публикуются в данной книге.

³²³ Опубликовано: *Ферман В. Гнесинская школа // Пятьдесят лет Государственного музыкального училища имени Гнесиных. М.; Л., 1945. С. 5–12.*

³²⁴ Ф. Е. Витачек.

С. И. Танееву

18 апреля 1913 г.³²⁵

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Не могу сегодня притти к Вам. Тетради с сочинениями Шурика были у меня все это время спрятаны, и сейчас, когда я взяла их в руки, чтобы отнести к Вам, убедилась, что не могу еще спокойно видеть их³²⁶. Если позволите, покажу Вам все как-нибудь осенью, к тому времени, надеюсь, буду уже вполне владеть собой.

Будьте здоровы.

Елена Гнесина

М. И. Чайковскому

1

6 августа 1913³²⁷

Глубокоуважаемый Модест Ильич!

Мне очень грустно, что я не могу быть сегодня у Вас и высказывать Вам то, что приходится писать, но я не знаю, когда я теперь увижу Вас и удастся ли поговорить с Вами; между тем мне очень тяжело оставаться с этим камнем на душе – и без того уже я почти не спала две последние ночи. А все это из-за того, что натворила ряд оплошностей, благодаря которым Вы, без сомнения, считаете меня нетактичной навязчивой особой. Меня угнетает мысль, что я не подумала своевременно о том, какое странное впечатление должно произвести на Вас мое вторжение в Ваш дом и то, что я не прекратила своих ежедневных посещений при вашем приезде. Мне было бы много легче на словах объяснить Вам, как случилось, что Ваш дом стал для меня так дорог и мил, что мне так трудно с ним расставаться, трудно себя заставить не ходить больше в дом Чайковского. Но уж если я не могу видеть Вас, то должна писать Вам и сказать все, иначе Вы можете совершенно ложно истолковать мое, кажущееся Вам странным и, возможно неприятным, вниманием к Вам. Я так доверяю Вам, так много слышала о вашей безграничной доб-

³²⁵ РГАЛИ, ф. 880, оп. 1, ед. хр. 194. Из Москвы в Москву. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных.

Это письмо, как и следующее публикуемое письмо к М. И. Чайковскому, с особой пронзительностью показывает, какие душевные муки испытывала Ел. Ф. Гнесина после смерти Шурика Вивьена.

³²⁶ Шурик Вивьен умер в октябре 1911 года – то есть за полтора года до появления этого письма. Музыкальные произведения Шурика Вивьена, которые Ел. Ф. Гнесина хотела показать С. И. Танееву, сохранились (ММКЕЛФГ, IV – 3, 10 сочинений на 22 листах).

³²⁷ ГДМЧ, Б 10 – № 1250. Из Клина в Клин. Опубликовано с пропусками: Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. С. 303–304.

В 1913–17 одах Гнесины каждое лето жили в имении Демьяново под Клином, где снимали дачу у владельца имения – В. И. Танеева. Там они близко общались с М. И. Чайковским, жившим в Клину и создавшим Дом-музей П. И. Чайковского. Сохранились даже фотографии сестер Гнесиных в Клину, которые делал М. И. Чайковский.

роте, что убеждена, что Вы поймете меня и, быть может, и ко мне отнесётесь с обычной для Вас добротой и мягкостью. Кроме того, у Вас было достаточно много своего горя, чтобы понимать чужое.

Полтора года назад на нас обрушилось страшное горе, под впечатлением которого я нахожусь до сих пор. В одном и том же месяце у нас умерли мать и маленький восьмилетний сынок сестры Елизаветы [Фаб. Ивановны]. Этому Шурика мы все обожали, он был единственной нашей радостью, утешением нашей трудной жизни. Для меня же в этом мальчике было все: жила только для него, ради него. С его смертью у меня нет ни цели, ни смысла своего существования. Все эти полтора года не жили, а только мучились, причем все время без перерыва продолжали свою работу, так как нашей школе и ученикам нет ведь дела до наших переживаний, мы не должны были никому ничего показывать. За три месяца этого года: январь, февраль, март – судьба снова послала нам столько горя и всяческих волнений, что если бы я подробно и последовательно рассказала бы Вам обо всем, то Вы, пожалуй, подумали бы, что я фантазирую. Если Вы интересуетесь чужой жизнью и горестями, то я обо всем расскажу Вам (о Шурике, тем более что он был не только очаровательным ребенком, а он был уже в свои 8 лет композитором, который сам записывал свои сочинения). Да так вот видите, с какими нервами я приехала сюда. Мое горе еще усугубляется тем, что я совершенно не могла с той поры играть, стала равнодушна и апатична даже к своему любимому искусству, к музыке. Первые дни здесь, на даче, я подходила несколько раз к инструменту, пробовала играть, но чувствовала, что не могу, ничего не выйдет, и с болью душевной уходила куда-нибудь подальше. Когда я первый раз со всеми своими пришла в Ваш дом, на меня кабинет Петра Ильича произвел сильнейшее впечатление, и я про себя подумала: какое счастье было бы в такой обстановке попробовать поиграть, все так располагает к серьезным занятиям. Когда я во второй раз пришла и Вы были так любезны и добры, что предложили мне приходить в этот кабинет заниматься. Я с большой радостью и волнением и с радостью приняла ваше предложение. Но я все еще себе не доверяла и, если помните, оттого просила Вас перед [Вашим отъездом] сделать доброе дело и взять с меня слово, что я буду каждый день приходить работать. После Вашего отъезда я с горячностью и воодушевлением начала заниматься; теперь я уже снова втянулась в прерванные на столько лет занятия, и теперь уже не брошу больше, и в этом мое спасение – ведь мне легче теперь жить! Я снова живу музыкой, могу играть для себя самой целый вечер, а этого так давно не было! И все это сделали Вы! Видите, как иногда маленькое доброе дело может вызвать большие последствия. Теперь Вам понятно, почему я считаю себя бесконечно благодарной Вам? И почему мне так хочется чем-нибудь, хотя бы своими рукоделиями доставить Вам маленькое удовольствие? Итак, если Вы хоть немного в претензии на меня, то простите и переложите гнев на милость, а кроме того, позвольте мне завтра принести Вам еще одну рукодельную работу, которую я с любовью сделала для Вас.

Благодарная и преданная Вам Елена Гнесина.

2

[Февраль 1915]³²⁸

Глубокоуважаемый и дорогой Модест Ильич!

Мы все были очень тронуты тем, что Вы, несмотря на свое семейное горе, вспомнили о нас³²⁹. Большое спасибо Вам! Страшно рады были бы мы, если бы Вы могли приехать на наш вечер. Будем надеяться и поджидать Вас.

С 15-м февраля нам не повезло: в этот день концерт Синодального хора с Неждановой, и многие музыканты пойдут, вероятно, на этот концерт. Кроме того: Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов назначил на это же число ученический вечер в Большом зале³³⁰, хотя обещал мне ничего в этот вечер не устраивать – ни ученического, ни заседания, обещал быть на нашем вечере и этим, так сказать, почтить наше 20-летие. Видите, как можно ему верить! Нас все это огорчает и волнует. Тем более будем мы рады, если Вы приедете на наш вечер.

Я уже полторы недели не могу отделаться от простуды и от сильнейшего насморка, который измучил меня. Хоть бы к воскресенью поправиться!

Будьте здоровы, дорогой Модест Ильич, и надеюсь до скорого свидания.

Шлю привет всему Вашему дому.

Все сестры шлют Вам горячий привет и пожелания здоровья и возможности приехать к воскресенью.

Елена Гнесина

М. А. Бихтеру

Переписка Ел. Ф. Гнесиной с выдающимся петербургским дирижером и пианистом М. А. Бихтером в основном происходила в 1917 году (сохранились 10 писем и открыток Ел. Ф. Гнесиной к М. А. Бихтеру, которые находятся в РИИИ, еще 1 письмо – в РГАЛИ, 3 открытки и 1 письмо М. А. Бихтера к Ел. Ф. Гнесиной, хранящиеся в ММКЕЛФГ). Ел. Ф. Гнесина высоко ценила искусство Бихтера. В переписке с М. Ф. Гнесиным (в том числе в письмах, публикуемых здесь) и в письмах к самому Бихтеру отражены вопросы, связанные с его исполнением сочинений М. Ф. Гнесина в московских концертах. Гнесина была чрезвычайно признательна М. А. Бихтеру за его любовь к музыке ее брата, считала непревзойденными его интерпретации этой музыки; сестры Гнесины выступили инициаторами создания ансамбля певицы В. Духовской с Бихтером, который сложился именно благодаря исполнению песен М. Ф. Гнесина. В дальнейшем и в Техникуме им. Гнесиных проходили выступления этого ансамбля. М. А. Бихтер также советуется с Ел. Ф. Гнесиной по поводу своего назначения директором Консерватории Филармонического общества в Харькове в 1917 году и ведет переписку по поводу работы в Харькове. Дружеские отношения Гнесиной с Бихтером и его семьей сохранились вплоть до его кончины в 1946 году.

³²⁸ ГДМЧ, Б 10 – № 1251. Датировано по содержанию. Из Москвы в Москву. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных.

³²⁹ М. И. Чайковский прислал поздравительную телеграмму к 20-летию Училища Гнесиных (юбилей отмечался 15 февраля 1915 года). О каком семейном горе здесь идет речь – не выяснено.

³³⁰ То есть ученический концерт Московской консерватории, директором которой был М. М. Ипполитов-Иванов.

После смерти Бихтера Институт им. Гнесиных приобрел его богатую музыкальную библиотеку.

1

15 января 1917 г.³³¹

Дорогой милый Михаил Алексеевич!

Я не совсем уверена в том, что Вы были в состоянии участвовать в концерте 11-го, но надеюсь, что теперь Вы уже совсем здоровы.

От Музыкального Современника пришла афиша с вычеркнутыми хорами, и здесь поэтому в афише не поместили хориков, которые я разучиваю со своим женским хором³³². Ведь я сказала Сувчинскому, что беру на себя выучить два хорика, – что же он забыл об этом или не поверил мне? Конечно, хорика можно будет поместить в программе, но для этого нужно соблаговоление из Петрограда.

Дорогой Михаил Алексеевич, Вы только милый и прелестный исполнитель, а не устроитель этих концертов, но всё же, если Вам не неловко и не неудобно, будьте добры передать кому следует всё, что я сообщу, или то, что найдёте нужным.

Во-первых: афиши здесь напечатаны очень маленькими буквами, очень слепо, ни одной фамилии не видно, и никто вообще этих афиш не рассматривает. Это оттого, что напечатано сразу в афишах программы всех пяти концертов. Я спросила, не будут ли отдельные афиши на каждый концерт, и мне ответили, что такого распоряжения из Петрограда не дано. Это очень огорчительно.

Во-вторых: билеты решено здесь продавать только абонементные на все концерты, и я уже знаю многих, которые из-за этого не пойдут ни на один концерт. Сегодня, например, мне много раз по телефону говорили следующее: «Мы хотели пойти слушать сочинение Гнесина в исполнении Алчевского, а нам навязывают Прокофьева и Шимановского, которых мы не хотим слушать». Мне пришлось уверять всех, что я никакого отношения к устроителям не имею и ничем не могу помочь. Поэтому не лучше ли, чтобы были и разовые билеты, но значительно дороже абонементных.

В-третьих: что хорика «Плачьте, дочери Земли» и «Май, светлый май» могут быть исполнены и чтобы об этом сообщили из Петрограда. Я не затрудняла бы Вас всем этим, если бы не была так уверена в том, что Вы не меньше меня заинтересованы в успехе концерта. А прощения я попрошу у Вас здесь при скором свидании. Кажется, Вы приедете 19-го? Если бы я была в этом совершенно уверена, я собрала бы своих хористок 19-го, а не 20-го. Во

³³¹ КР РИИИ, ф. 96, оп. 1, № 36, л. 1–2. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных. Из Москвы в Петроград.

³³² Речь идет о концерте из произведений М. Ф. Гнесина в цикле «Вечера современной музыки», организованном журналом «Музыкальный современник», который состоялся 2 февраля 1917 года. Подробнее об этом концерте – в публикуемых здесь письмах к М. Ф. Гнесину. Ел. Ф. Гнесина готовила для этого концерта с женским хором Училища Е. и М. Гнесиных два хора («Плачьте, дочери земли» и «С майским деревом», который в письме назван по первым словам – «Май, светлый май»).

всяком случае, я буду Вас поджидать 19-го, ибо Вы, конечно, придёте прямо к нам! Билет для Вас на 20-е уже находится у Любови Фёдоровны Рыбниковой.

Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Елизавете Львовне³³³.
Будьте здоровы, жду Вас и очень люблю.

Ваша Елена Гнесина

2

20 января 1917 г.³³⁴

Дорогой Михаил Алексеевич!

Я безмерно огорчена тем, что концерт Мозжухина не состоялся, и Вы не приехали. Что мне теперь делать с хором? Конечно, я постараюсь всё выучить возможно лучше, чтобы Вам меньше было работы. Но ведь главные указания должны быть Ваши, а когда это будет теперь?! Умоляю Вас всем для Вас святым – приезжайте 1-го февраля, иначе, право, ничего хорошего не выйдет.

В среду 18-го во время хорового класса Миша³³⁵ зашёл и один раз послушал оба хорика. Он нашёл, что очень недурно, а с Вашей помощью может быть и совсем хорошо.

Видите, милый Михаил Алексеевич, мне Ваша помощь необходима! Устройте, пожалуйста, заранее все свои дела (я знаю, как это трудно для Вас), но приезжайте 1-го февр.

На сегодня я назначила хоровую спевку, ожидая Вас, а теперь мои девицы, вероятно, придут в половинном количестве, так как были очень разочарованы, узнав, что Вы не приедете. Если 1-го февраля Вы поработаете с хором, то всё будет отлично. Я уже убедила сестёр, что Вам нужно дирижировать хором, а стало быть, я должна проаккомпанировать.

Представьте себе, несмотря на совершенно незаметные афиши и отсутствие рекламы, билеты продаются очень хорошо. Слава Богу, очень я этому радуюсь.

Итак, до 1-го буду с нетерпением ждать Вас. Передайте, пожалуйста, мой привет Елизавете Львовне и хоть одним словом отзовитесь на мои излияния.

Всей душой Ваша Елена Гнесина

3

26 января 1917 г.³³⁶

Дорогой Михаил Алексеевич!

³³³ Вероятно – мать М. А. Бихтера.

³³⁴ КР РИИИ, ф. 96, оп. 1, № 36, л. 4–5. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных. Из Москвы в Петроград.

³³⁵ М. Ф. Гнесин.

³³⁶ КР РИИИ, ф. 96, оп. 1, № 36, л. 6–7. На бланке Музыкального училища Е. и М. Гнесиных. Из Москвы в Петроград.

Умоляю Вас приехать 1-го, это совершенно необходимо! В среду 1-го, в 5 часов соберутся мои хористки; Вы их послушаете, и, если найдёте нужным, они придут ещё раз в четверг 2-го утром. Но без Вас они не придут лишний раз, притом я их уверила, что в среду 1-го Вы непременно будете на репетиции и сделаете все указания, да и петь будет им легче под Вашим управлением, с «Направником»³³⁷. 5-го Вы опять участвуете в концерте, 7-го Бутомова-Названова. Не остаться ли Вам в Москве, у нас, на всю неделю? Зачем Вам так трепаться³³⁸! Или Вы даже на несколько часов необходимы в Петрограде? Попробуйте устроить свои дела так, чтобы не уезжать из Москвы до 8-го, право!

Хорошо, что я не дописала ещё и не отправила этого письма, ибо получила сию минуту Ваше. Дорогой, милый, голубчик, приезжайте 1-го! Мои хористки перестанут верить мне, да и вряд ли захотят придти в день концерта на репетицию. Ведь некоторые страшно далеко живут от школы. Если Вы в среду 1-го найдёте, что необходимо им придти ещё раз, и если Вы их об этом попросите, то, может быть, они и соберутся в четверг 2-го, но я не смогу собрать их без Вас. Это факт. Ради всего святого для Вас приезжайте 1-го. Иван Алексеевич³³⁹ тоже, вероятно, придет 1-го. Заранее предвкушаю удовольствие от сонаты³⁴⁰, знаю, что будет чудесно. Вот только не нравится мне, что у Вас голова часто болит. 1-го февраля я уложу Вас пораньше спать, чтобы Вы хорошенько выспались и отдохнули. И лампочку у моих рыбок потушу, чтобы она не беспокоила Вас. И так всё-таки до 1-го, иначе я и хоры, и всё погибнет!

До скорого свидания, милый, дорогой друг.

Ваша Ел. Гнесина.

Привет Елизавете Львовне.

4

25 апреля [1917]³⁴¹

Дорогой Михаил Алексеевич!

Очень грустно, что Вам не пришлось ещё побывать в Москве, я так ждала Вас, так хотелось повидать Вас и поговорить о многом. Зиминская опера, вероятно, окончила своё существование. Ведь вы, надеюсь, узнали из газет, что сгорели все декорации оперы Зимина? Страшно жаль, ведь теперь их невозможно восстановить. К моему великому удовольствию, все слухи о болезни Ивана Алексеевича Алчевского оказались вздорными³⁴². Совершенно не

³³⁷ Намек на то, что М. А. Бихтер в Петербурге заслужил славу преемника выдающегося дирижера Э. Ф. Направника.

³³⁸ Так в тексте. Имеется в виду – утомлять себя поездками.

³³⁹ И. А. Алчевский.

³⁴⁰ М. А. Бихтер исполнял в концерте Сонату-балладу для виолончели и фортепиано (см. отзыв об этом в письме к М. Ф. Гнесину от 4 февраля 1917 года).

³⁴¹ КР РИИИ, ф. 96, оп. 1, № 36, л. 9. Открытое письмо.

³⁴² К сожалению, на следующий день после написания этого письма, 26 апреля, И. А. Алчевский трагически погиб (см. об этом следующее публикуемое письмо и примечание к нему). А слухи о его психическом забо-

знаю, что делается в Ростове, так как Миша не ответил мне ни на одно письмо³⁴³. Меня это сильно беспокоит. Есть ли у Вас какое-нибудь предположение относительно летнего отдыха и пребывания? Сообщите об этом, мне хочется знать, где Вы будете летом. Сейчас у нас экзамены в школе в самом разгаре, и все мы сильно заняты и утомлены. А как Ваше здоровье? Вам необходимо скорей начать летний отдых. Будьте здоровы, милый, и напишите о себе.

Ваша Ел. Гнесина
Привет Елизавете Львовне.

5

[31 марта 1927 г.]³⁴⁴

Дорогой Михаил Алексеевич!

Напоминаю Вам о том, что 26-го апреля десятилетие со дня смерти незабвенного для нас с Вами Ивана Алексеевича Алчевского³⁴⁵. Неужели Вы не отметите этой годовщины? Может быть, в этот день сделаете концерт из любимых Алчевским сочинений Гнесина? Я не знаю, что именно, но чувствую, что надо что-то сделать. Напишите пару слов, мне хочется знать, что Вы думаете по этому поводу. Приветствую Вас.

Ваша Елена Гнесина

С. В. Рахманинову³⁴⁶

Москва. 4–17 декабря 1921

С праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом! Дорогой, любимейший, обожаемый Сергей Васильевич и дорогая Наталья Александровна!³⁴⁷ Вы себе представить не можете, какую громадную радость доставила мне и всему нашему дому Ваша посылка и, главное, память о нас, скромных труженицах! Ведь никто из наших многочисленных знакомых и друзей, находящихся теперь за границей, ни разу не вспомнили о нас, ведущих такую безрадостную, полную труда и тревог жизнь. За последнее время были на мое имя две посылки, но во всех случаях я оказывалась, увы! только переда-

левании (о чем говорится и в публикуемом здесь письме к М. Ф. Гнесину от 10 апреля 1917 года) роковым образом предшествовали внезапному уходу из жизни.

³⁴³ М. Ф. Гнесин жил и работал в Ростове.

³⁴⁴ КР РИИИ, ф. 96, оп. 1, № 36, л. 14. Письмо датировано по штемпелю на конверте. Из Москвы в Ленинград.

³⁴⁵ 2 мая 1917 года, сразу после смерти И. А. Алчевского, М. А. Бихтер писал Ел. Ф. Гнесиной: «Дорогая Елена Фабиановна, я думаю, что никто так не может чувствовать потерю художника Алчевского, как мы: ведь никто так его не знает близко, как мы. Больше любви, героизма в борьбе с пошлым, благородства задач – мы не встретим, также не встретим мы и таких возможностей...» (ММКЕЛФГ, VII – 2, л. 14).

³⁴⁶ Письмо хранится в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. Печатается по копии, сделанной В. М. Троппом в 1989 году (ММКЕЛФГ, научно-вспомогательный фонд, опись Б, №12, ед. хр. 3). Опубликовано: Неопубликованные материалы из архива З. А. Апетян // Новое о Рахманинове. М., 2006. С. 38–42 (по копии, сделанной С. А. Сатиной и присланной З. А. Апетян).

³⁴⁷ Н. А. Рахманинова.

точным пунктом. И на этот раз, получив повестку на посылку из американской миссии, я отправилась получать ее в полной уверенности, что она не для меня, а потому даже спросила: для кого она предназначена³⁴⁸. Когда мне ответили, что для меня лично, я удивилась и страшно обрадовалась приятной неожиданности. Но когда я спросила, кто же этот благодетель, посылающий мне такой чудесный подарок к праздникам, и мне показали Ваше бесконечно дорогое мне имя – я затрепетала и заплакала от счастья... Дай Вам Бог здоровья, здоровья и здоровья! Ведь я так жадно ловила эти годы каждый доходящий сюда изредка слух о Вас, радовалась каждой вести о Вас, о всем вашем семействе. Теперь я, как старуха в сказке «О рыбаке и рыбке», буду мечтать о большем, о письмеце из нескольких слов от Вас. Ваши девочки, вероятно, стали уже совсем большими девицами, и Ириночка, пожалуй, того и гляди выйдет замуж за какого-нибудь американского Креза! А Танечка? Какая теперь стала? Как хочется повидать всех вас! Доживу ли я до счастья снова увидеть и услышать Вас, бесконечно любимый, дорогой Сергей Васильевич? Боюсь, что нет... Даже мое крепкое здоровье пошатнулось за эти тяжелые годы, и нервы истрепаны до последней степени.

Много было горя за это время: мы похоронили сестру Марью Фаб.[иановну], нашу крестную мать и воспитательницу Татьяну Васильевну³⁴⁹. Погиб наш племянник, единственный сын старшего брата³⁵⁰, пропал без вести брат (второй по старшинству) Владимир. Был какой-то слух, что он в Америке, но это вряд ли возможно, он известил бы нас о себе. Вернее, что он погиб³⁵¹. Школа наша все время процветает, конечно, обратно пропорционально нам, сестрам. С 1 июля 1919 года наша школа стала называться Государственной, и очень скоро было прибавлено наименование «Показательная». Так как отношение к Школе было самое лучшее, уважительное, даже бережное, и т.к. я осталась заведующей, то, конечно, в жизни школы ничего ровно не изменилось, кроме наименования. Наша школа – единственное в Москве учреждение, в котором ничего не разрушено, к работе которого все время относились с полным уважением. Школа переполнена – сейчас у нас 387 учащихся! Как только школа стала Государственной и, стало быть, бесплатной для учащихся, вся Москва захотела учить своих детей только в нашей школе. Пришлось устроить конкурсные экзамены для вновь поступающих. Таким образом, уровень учащихся у нас теперь несравненно выше, чем прежде, большинство очень способных, есть и талантливые ученики, и работать было бы много легче и прият-

³⁴⁸ В посылке, отправленной С. В. Рахманиновым, как обычно, через Отдел складов Американской администрации помощи – русский отдел, содержался стандартный набор продуктов на сумму 10 долларов: 49 фунтов муки, 23 фунта риса, 10 фунтов сахара, 3 фунта чаю, 20 банок сгущенного молока. К расписке о получении посылки от 14 декабря 1921 года имеется приписка Ел. Ф. Гнесиной: «Дорогой, любимый Сергей Васильевич, от всего сердца благодарю Вас и Наталью Александровну и целую вас всех» (хранится в Библиотеке Конгресса США, приводится по копии: ММКЕЛФГ, научно-вспомогательный фонд, опись Ц-2, № 5).

³⁴⁹ Т. В. Фигуровскую.

³⁵⁰ Николай Александрович Гнесин.

³⁵¹ Владимир Фабианович Гнесин не погиб, но лишь в 1922 году сестры узнали о том, что он из Константинополя выехал в Америку, где благополучно прожил еще много лет (прямых связей с сестрами он больше не поддерживал).

нее, если бы с материальной стороны все обстояло бы также хорошо. Но, увы! Это самое больное наше место. Мы работаем с утра и до позднего вечера и работаем даром, т. к. по несколько месяцев не получаем от Государства нашего и без того маленького жалования и, стало быть, находимся в состоянии полнейшего безденежья. Сейчас, например, мы еще не получили жалования за сентябрь и получим ли его к Празднику³⁵² – неизвестно, как я ни добиваюсь этого. Я в полном отчаянии по этой причине. Ведь у нас 36 преподавателей, все без копейки в кармане и каждый день терзают меня вопросом: когда же наконец мы получим жалование хотя бы за сентябрь? Если бы только нам, сестрам, было плохо, я молчала бы, но видеть каждый день вокруг себя голодных людей и не быть в состоянии помочь им – это свыше моих сил. У меня масса педагогической работы, административной, канцелярской, и беготни по учреждениям. Кроме того, мы работаем весь день в холоде, т. к. не обеспечены дровами, приходится вымалывать каждую сажень дров, а купить дрова не на что (сейчас сажень дров у нас стоит миллион руб. советскими деньгами!). Из всего выше сказанного Вы видите, что жизнь наша далеко не легкая, а потому поймите, какую искреннюю, живую радость доставила нам Ваша посылка и то, что Вы о нас вспомнили. Я не могла скрыть своей радости и счастья от школы и в результате должна всех угостить. 27 декабря я созываю всех своих преподавателей на экстренное педагогическое собрание-вечеринку, на которой угощу всех пирогом с рисом, куличем и чаем с молоком. Будем есть за Ваше здоровье и прославлять Вашу доброту. Музыкальная жизнь у нас начинает замирать, т. к. все наиболее видные артисты-музыканты нас покинули. На прошлой неделе [от] нас уехал за границу последний наш пианист Николай Орлов вместе с Глазуновым, и теперь остались только наши профессора Игумнов да Гольденвейзер, да еще Елена Александровна Бекман-Щербина. И певцы лучшие поразъехались, а потому в области искусства тоже ничего отрадного нет. Одна у нас единственная радость – это наш Фабик³⁵³, дай Бог ему здоровья! Он хоть и маленький еще, но уже очень большой музыкант-композитор. Это настоящий громадный талант. Интересуется он только оркестром, который прямо обожает. Он знает все сочинения Римского-Корсакова, все его оперы играет от начала до конца, не смотря на свои маленькие ручонки; читает свободно оркестровые партитуры и сам сочиняет для оркестра и пишет сразу партитуру, хотя мы все сильно восстали против этого. Но в другом отношении Фабик еще совершенный ребенок, прыгает, шалит, всегда, как он сам говорит: «Немного голоден, и сладкое люблю почти так же, как музыку». В прежние времена Фабик не сказал бы этого, т. к. не было бы недостатка в сладком, а теперь бедный мальчик редко получает его и потому «любит его почти, как музыку». Недавно Фабик сделал мне, своей крестной, сюрприз: сам выстоял очередь и купил два билета для меня и для себя в Б.[ольшой] Т.[еатр] на Евгения Онегина, которого не видел и не знал еще. Для меня было большое удовольствие пойти с ним, и,

³⁵² То есть к Рождеству (или к Новому году).

³⁵³ Ф. Е. Витачек.

кроме того, он развеселил меня своей критикой. Сначала он, когда мы возвращались домой, совершенно правильно раскритиковал дирижера Голованова за то, что слишком громко вел оркестр и заглушал певцов, затем за то, что слишком скоро вел все танцы, и вальс и полонез шли в [Presto(?)] Все это было совершенно верно, и то же самое сказал бы взрослый музыкант. Но дальше говорил уже маленький мальчик, и я позволю себе привести все его слова: «Знаешь, тетя, мне Ленского очень жаль, а Онегина нет, он сам виноват – Татьяна любила его, и он сам, помнишь, сказал ей, что любит ее как брат. Почему же он не вышел замуж за Татьяну?» Видите, какой еще младенец наш большой музыкант. Если Софья Александровна³⁵⁴ еще у Вас, она скажет Вам, какой вообще прелестный и занятный мальчик Фабик. Если Софья Александровна действительно собирается, как я слышала, ехать обратно в Москву³⁵⁵, я очень прошу ее привезти для Фабика плитку шоколада – большая будет для него радость. Существует ли еще Альтшуллер? Передайте ему от нас привет – мы все еще помним его. Брат наш Михаил выехал недавно за границу. Его мечта – попасть в Палестину. Он пишет в настоящее время оперу на библейский сюжет и потому так стремится писать свою оперу в Палестине, в экзотической обстановке³⁵⁶. Последние сочинения брата Вам понравились бы, т. к. они гораздо проще, чем прежние опусы. Вообще брат нашел свою дорогу, свой стиль, и те отрывки из своей будущей оперы, которые он нам показывал, прелестны.

Однако, нужно кончать. Я пишу это письмо уже несколько ночей, т. к. днем минуты нет свободной, и сейчас уже поздно, вернее, очень рано, около 4 час. ночи или утра.

Будьте здоровы, мои дорогие, такие близкие и далекие! Позвольте мне хоть издали крепко обнять и поцеловать Вас, дорогой Сергей Васильевич, и Вас, милая Наталья Александровна. Девочек Ваших, если они помнят меня, крепко целую и Софью Александровну, если она с Вами. Дойдет ли до Вас мое послание? Как я была бы счастлива получить в ответ хоть маленькое письмецо. Мои сестры просят присоединить их горячую благодарность и сердечный привет. До свидания.

Всей душой преданная Вам и любящая
Елена Гнесина

15–28 декабря

Очень грустное обстоятельство помешало мне отправить своевременно письмо. У нас в квартире был пожар, и все мы каким-то чудом остались целы, да и все в квартире мало пострадало: сгорел письменный стол со всем, что в нем находилось, и сгорело несколько ковров, при помощи которых тушили огонь, т. к., по несчастному стечению обстоятельств, в этот день был

³⁵⁴ С. А. Сатина.

³⁵⁵ Возвращения С. А. Сатиной в Москву не состоялось.

³⁵⁶ М. Ф. Гнесин действительно вскоре отправился в Палестину. В этот период он работал над оперой «Юность Авраама» (не завершена).

испорчен водопровод, и вода была заперта. А чудо заключалось вот в чем: от сгоревшего стола загорелась стена, обгорели электрические провода, и погасло электрическое освещение, а то время, как, напротив, должен был возникнуть пожар во всем доме от горевших проводов. Так предположил и брат наш, электротехник и монтер³⁵⁷, который все исправлял на следующий день. Все говорят, что нас спасло чудо. Очень мы все изволновались.

Но есть и хорошая сторона в том, что я еще не отправила письма. Я узнала на днях от нескольких музыкантов о том, что есть уже новый 4-й Ваш концерт и новая симфония³⁵⁸! Когда же мы, бедные, услышим новые Ваши сочинения и когда увидим ноты, если концерт уже напечатан. Ведь здесь ничего теперь нельзя достать. Если Софья Александровна еще не уехала и если концерт напечатан – пожалуйста, пришлите ноты! И еще я узнала, что Вы послали посылки, т. е., что получены посылки от Вас в Консерватории и Филармонии³⁵⁹! Нет предела Вашей доброте, дорогие Сергей Васильевич и Наталья Александровна! Дай Вам Бог здоровья и всего светлого и радостного.

Осчастливьте меня маленьким письмецом!³⁶⁰

Всей душой Ваша

Ел. Гнесина

М. О. Штейнбергу

Максимилиан Осеевич Штейнберг – один из самых близких друзей Ел. Ф. Гнесиной и ее семьи: еще со времени учебы в Петербургской консерватории он стал ближайшим другом Михаила Фабиановича Гнесина; через Штейнберга последний вошел в дом Римского-Корсакова. М. О. Штейнберг (как и его жена – Н. Н. Штейнберг, урожденная Римская-Корсакова) – петербуржцы, с которыми Ел. Ф. Гнесина общалась наиболее часто. М. О. Штейнберг регулярно останавливался у Гнесиных во время своих приездов в Москву.

Переписка Ел. Ф. Гнесиной с М. О. Штейнбергом охватывает период 1911–1946 годов. Особенно интенсивной она была в период Великой Отечественной войны, когда Штейнберг и его семья находились в эвакуации в Ташкенте (там же оказался и М. Ф. Гнесин – отсюда многие переключки с письмами Михаилу Фабиановичу этого же времени). Сохранилось 36 писем и открыток, а также 2 телеграммы от Штейнберга Гнесиной (последнее письмо написано незадолго до его смерти, после этого Гнесиной продолжала писать его жена – Надежда Николаевна, с которой переписка и ранее была регулярной). Они хранятся в ММКЕлФГ. Несколько писем военного времени от М. О. Штейнберга опубликованы (Елена Гнесина: Я чувствую себя обязанной // Муз. академия. 1998. №3–4, кн. 1, с. 133–134; Гнесинский дом: военные годы. М., 2005. С. 57–72). В Кабинете рукописей РИИ хранится 29 писем и открыток и одна телеграмма от Ел. Ф. Гнесиной к М. О. Штейнбергу.

Дополняющим штрихом к отношениям Ел. Ф. Гнесиной и М. О. Штейнберга служит шуточное стихотворение, публикуемое в книге.

³⁵⁷ А. Ф. Гнесин.

³⁵⁸ Новой симфонии Рахманинов в то время еще не написал.

³⁵⁹ См. об этом подробнее: Новое о Рахманинове. М., 2006.

³⁶⁰ Ответного письма от С. В. Рахманинова Гнесина не получала (см. ее Воспоминания о Рахманинове в данной книге).

1

5 мая 1930 г.³⁶¹

Глубокоуважаемый, дорогой Максимилиан Осеевич.

Сейчас узнала, что Вы очень скоро приедете к нам, и очень этому рада. К Вашим услугам два дивана – в моем классе и в комнате Мих.[аила] Фаб.[иановича]. Простите меня за то, что не ответила на Ваше последнее письмо. Нашего Зава откомандировали на Камчатку, где ему больше подходит быть³⁶². Он на этих днях уезжает. Когда увидимся, много расскажу Вам. Сердечный привет Вашей семье. Ждем Вас!

5/V Ел. Гнесина

2

10 февраля 1938 г.³⁶³

Дорогой, милый Максимилиан Осеевич! Это я должна была, обязана была, первая написать Вам и Надежде Николаевне и поблагодарить за Ваш «санаторий», в котором я провела целых десять дней³⁶⁴. Ведь я с утра 28-го засела на 12 дней на съезде ЦК Рабис'а³⁶⁵, в результате чего стала членом ЦК Рабис'а.

Вчера была первый раз у Назарова³⁶⁶. Очень был любезен и мил. Конечно, я спросила его о Вашей консерватории и постановлении Правительства, которое не получилось своевременным³⁶⁷. Он согласился со мной в том, что вышло все довольно неприлично. Говорит Назаров, что это Постановление скоро будет объявлено. Крепко целую всех вас, дорогие мои друзья.

10/II 38. Ваша Ел. Гнесина

3.

1 сентября 1941 г.³⁶⁸

1/IX

Милый, дорогой друг!

³⁶¹ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508 /3. Из Москвы в Ленинград. Почтовая карточка (1 л.).

³⁶² Речь идет о заведующем техникумом им. Гнесиных Крыжановском (см. о его деятельности и о драматических событиях в учебных заведениях в публикуемых в данной книге деловых письмах Ел. Ф. Гнесиной 1930–31 годов. Ел. Ф. Гнесина в это время занимала должность заведующей учебной частью техникума.

³⁶³ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/6. Из Москвы в Ленинград. На именном бланке директора Московского государственного музыкального училища им. Гнесиных. 1 л.

³⁶⁴ Речь идет о пребывании Ел. Ф. Гнесиной в Ленинграде в гостях у Штейнбергов во время празднования 75-летия Ленинградской консерватории, проходившего в январе 1938 года (на которое она была приглашена в качестве участника официальных торжеств).

³⁶⁵ Центрального комитета профсоюза работников искусств: точнее – съезд Рабис'а, а не его Центрального комитета, который и был избран на съезде.

³⁶⁶ Назаров – Председатель Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР. С ним Ел. Ф. Гнесина постоянно вела переговоры по поводу строительства нового здания для училища.

³⁶⁷ Речь идет о постановлении к юбилею Ленинградской консерватории (и, очевидно, соответствующих награждениях).

³⁶⁸ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/11. Из Елаьтмы Рязанской области в Ташкент. Почтовая карточка (1 л.).

Получила Ваше письмо из Шуи от 26 авг.³⁶⁹ и в этот же день, 26-го, послала Вам открытку в Ленинград с теми же приблизительно вопросами. Да, страшно растерять родных и близких друзей. Наша большая и дружная семья впервые так разъединилась. Ольга Фаб.[иановна] с мужем находится в Свердловске, Мих.[аил] Фаб. в Йошкар-Ола, Елиз.[авета] Фаб. и Фабик³⁷⁰ пока со мной в Елатьме³⁷¹, но тоже собираются ехать куда-ниб. [удь] подальше, в более культурное место. Если им удастся уехать, то я уеду в Москву, т. к. и мне уже стало трудно жить без самых элементарных жилищных удобств. О нашем Училище никто не позаботился – ни Храпченко, ни Беспалов (РСФСР). Учащиеся разбрелись, и педагоги (не все) тоже разъехались само-теком кто куда мог³⁷². Я не считаю себя вправе бросить все, на что отдана вся наша жизнь, поэтому вернусь спасать, если это будет возможно, наше Училище и школу. Я тоже не теряю бодрости духа и хочу надеяться на то, что все мы еще соберемся и увидимся. Крепко, дорогие, обнимаю и целую всех вас.

4

9 октября 1941 г.³⁷³

9/Х

Дорогой, милый Максимилиан Осеевич, и я, в свою очередь, была сильно обрадована, получив несколько минут назад Ваше письмецо. Я вернулась в Москву из Елатьмы несколько дней назад. Училище наше работает, хотя к работе приступило 50% студентов, а преподаватели все здесь, за несколькими исключениями. Встретили меня все так радостно, восторженно, что даже ради этого стоило претерпеть все испытания, какие выпадут на нашу долю. У меня настроение бодрое, боевое, и все повеселели благодаря мне. На днях буду, вероятно, в Комитете и спрошу, почему задержали зарплату всем вам. Я писала Вам, что О. льга] Ф.[абиановна] в Свердловске с мужем, Елиз.[авета] Ф.[абиановна] и Фабий в Казани, Мих.[аил] Фаб.[ианович] в Йошкар-Ола и не пишет мне, вероятно, оттого, что ничего хорошего не может мне сообщить. Его адрес: Йошкар-Ола, Советская 37. Всех вас крепко целую.

5

28 ноября 1941 г.³⁷⁴

³⁶⁹ М. О. Штейнберг находился на пути в Ташкент, в эвакуацию. Не зная об этом, Ел. Ф. Гнесина написала ему открытку 24 августа 1941 года в Ленинград.

³⁷⁰ Ф. Е. Витачек.

³⁷¹ В Елатьме был открыт летний лагерь для школьников. Ел. Ф. Гнесина добилась того, чтобы в этот лагерь отправили и школьников из Школы им. Гнесиных, и сама находилась там вместе с некоторыми педагогами. Осенью дети были эвакуированы в другие города, некоторые педагоги вернулись в Москву. Елиз. Ф. Гнесина-Витачек и Ф. Е. Витачек уехали в Казань.

³⁷² Педагогам и учащимся Училища и Школы им. Гнесиных не было предложено эвакуироваться, как это было во многих других учреждениях (в том числе в учебных заведениях).

³⁷³ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/12. Из Москвы в Ташкент. Почтовая карточка (1 л.).

28/XI

Дорогой, милый Максимилиан Осеевич!

Вот уже почти две недели как я нахожусь в Казани, где присоединилась к Елиз.[авете] Фаб.[иановне] и Фабику.

Мне очень не хотелось уезжать из Москвы и не хотелось оставлять коллектив своих преподавателей, из которых почти все никуда не уехали и не могли уехать, т. к. ни наш Комитет, ни Управление искусств – никто не предложил нашему Училищу ни эвакуации, ни помощи, даже самого элементарного внимания ни мне лично, ни Училищу не было оказано. Уехала же я по настоянию Моссовета как депутат и увезла с собой Генриха Франц. [евича] Витачека, которому, как и мне, советовали уехать. От Моссовета, не в пример Комитету, мне было оказано внимание – были присланы ЗИС и грузовик, и были устроены места в мягком вагоне – таким образом, против желания, но пришлось уехать, о чем я не перестаю жалеть. Мне очень трудно жить в Казани, трудно по многим причинам. Во-первых, я не привыкла быть бездеятельной и безработной, а здесь, несмотря на то, что могу работать в Музшколе и иметь несколько учеников из нашей московской школы, я не могу начать работать по той причине, что наша комната, в которой мы живем тоже в количестве 6 человек, находится далеко от Музшколы, – никакого транспорта нет, все ходят пешком посреди улицы по скользкой, гористой дороге, а у меня, к несчастью, болят ноги – не хотят ходить. В комнате очень тесно, взять напрокат инструмент невозможно – как и у Вас, некуда его ставить. В Казани, как, вероятно, и в Ташкенте, канализации почти нет, водопровода тоже в квартире нет, стало быть, нет самых элементарных, примитивных условий жизни, и это все сильно удручает меня. Но, конечно, все эти личные неудобства отходят на последний план, и о них лучше бы и не говорить. Жизнь в Казани очень дорога и день ото дня становится дороже. Музыкальной жизни тоже нет. Фабий получил маленький заказ на оркестровку татарского балета Яруллина, без надежды когда-нибудь услышать его³⁷⁵. Михаил Фаб. был здесь недавно и даже сделал доклад в Музшколе; собирается приехать в начале декабря еще раз, несмотря на большие трудности поездки из Йошкар-Ола. Живется ему очень трудно, и мне его бесконечно жаль. Ну, дорогой друг, крепко целую Вас, дорогую Надежду Николаевну и Надюшу. Если Сережа³⁷⁶ с семьей в Казани – нельзя мне встретиться с ними?

Если увидите Лахути, передайте ему и его семье³⁷⁷ мой горячий привет. В Ташкенте наша Нина Александр.[овна] Вербова, отличная певица.

Все наши шлют горячий привет (Фабий Гнесин³⁷⁸ тоже – он здесь).

³⁷⁴ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/13. Из Казани в Ташкент. На 1 л.

³⁷⁵ Балет Ф. Яруллина «Шурале» в оркестровке Ф. Витачека был поставлен, однако, совсем скоро, еще в 1941 году в Театре оперы и балета в Казани, а в 1955-м с успехом прошла его премьера в Большом театре в Москве.

³⁷⁶ Надюша, Сережа – дети М. О. Штейнберга.

³⁷⁷ С семьей А. А. Лахути Ел. Ф. Гнесину связывала большая дружба, его дети учились в Школе и Училище им. Гнесиных.

³⁷⁸ То есть сын М. Ф. Гнесина.

6

18 января 1942 г.³⁷⁹

Дорогой, милый Максимилиан Осеевич! Получила Ваше письмо одновременно с письмом от Н. А. Вербовой. Мне казалось, что я сообщила Вам подробно о составе нашей семьи, но, судя по Вашему письму, Вы не знаете, что вместе со мной приехал Генрих Францевич Витачек со второй женой и 4-летней дочкой. Въехали мы все в комнату Елизаветы Фабиановны, надеясь получить вторую комнату где-ниб.[удь] поблизости, но ничего не получили и остались все шестеро, считая и девочку, в одной комнате, имея за перегородкой (далеко до потолка) хозяйку со взрослой дочерью-скрипачкой! А теперь явился еще с фронта муж этой хозяйки, и нас оказалось уже 9 человек в одной комнате. Поэтому Вы легко поймете, что я решила уехать из этой обстановки и на ближайших днях уезжаю в Москву! Получила уже пропуск из НКВД на въезд в Москву, а вызова не хочу ждать, т. к. Комитет может его и не прислать, а в Училище нашем, которое работает все время почти безостановочно, меня все ждут с нетерпением. Я с радостью покидаю неуютную Казань и всей душой стремлюсь в родную Москву, к своему делу, но мне в то же время тяжело оставлять в такой обстановке Елизав. Фаб. и Фабия. Генрих Франц.[евич] сидит без работы, и почти без надежды на работу, и очень этим тяготится. А Фабику³⁸⁰ подвезло! Татарские композиторы не умеют сами оркестровать своих произведений и обратились к Фабику, который их обслуживает. Он об этом сам напишет Вам. Что касается Фабия Гнесина³⁸¹, то в настоящий момент мы не знаем, где он находится. Он пожелал уехать в Омск, и остановить его не было никакой возможности. С громадными трудностями достали ему билет и снарядили его в дальний путь, причем бедный Михаил Фаб. совершенно измотался и простудился, а мы тоже сильно устали. Уехал он уже три недели назад и не прислал до сих пор телеграммы о приезде, стало быть, новые мучения для Михаила Фаб. Когда я последний раз видела Мих. Фаб., спросила его, писал ли он Вам. Он ответил, что ему тяжело писать, т. к. он ничего хорошего написать не может. Живется ему в Йошкар-Ола плохо, т. к. он почти ничего не зарабатывает и люди, с которыми ему приходится соприкасаться, плохие, хамоватые. Мне невыносимо больно за Мих. Фабианов., и, может быть, было бы лучше, если бы он уехал вместе с другими в Ташкент. Теперь уже мерещится какая-то надежда на то, что не так уж долго осталось всем нам ожидать возвращения нормальной жизни. Так хочется скорей дожить до этого момента, так хочется увидеть скорей всех друзей, близких, любимых, в числе которых Вы и Ваша семья занимаете самое первое место. Когда приеду в Москву, постараюсь узнать, где находится Ирма Яунзем, о которой Вы спрашиваете, и сообщу Вам о ней.

³⁷⁹ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/14. Из Казани в Ташкент. На 2 л. (именные бланки директора Музыкального училища им. Гнесиных).

³⁸⁰ Ф. Е. Витачек.

³⁸¹ Сын М. Ф. Гнесина.

Если и не успею сама зайти к жене Сережи³⁸², то непременно зайдут к ней Елизавета Фаб. с Фабием. А у Храпченко тоже спрошу, почему до Ташкента не доходит зарплата профессорам. Елизавета Тимофеевна³⁸³ претерпела много бедствий, но теперь приехала, наконец, в Свердловск к Ольге Фабиановне, а затем устроится где-ниб. поблизости Свердловска. По приезде в Москву напишу Вам обо всех новостях. Пока крепко обнимаю и целую Вас и всех Ваших, будьте все здоровы и благополучны. Если видите с Лахути, передайте ему и его семье мой привет.

Ваша Ел. Гнесина

7

24 февраля 1942 г.³⁸⁴

Москва 24/II 42

Дорогой Максимилиан Осеевич!

Давно уже собиралась написать Вам, еще до получения Вашей телеграммы, но прохворала неделю и, стало быть, на неделю выбыла из строя. С большим трудом выехала я из Казани, причем главная трудность заключалась в получении возможности как-ниб.[удь] сесть в вагон, т. к. нет прямого поезда из Казани в Москву, а есть только Свердловский, который приходит в Казань переполненным. Я просидела на своих вещах с 5 час. вечера до 8 час. утра у двери начальника станции и таким только путем добилась билета до Москвы. В Москве меня ждало новое испытание: на вокзале не оказалось ни одного носильщика и никаких надежд ни на такси, ни на какой-либо другой способ передвижения. Случайно подвернулся мальчишка, который согласился на салазках отвезти мои вещи, а мне ничего больше не осталось, как идти за ним пешком, с больными ногами и в 35⁰ мороз. Шла я около 2¹/₂ часов с Казанского вокзала до Собачьей площадки. Никто не знал о моем прибытии, а когда утром узнали, то началось бурное выражение радости, – все прибежали ко мне с объятиями и поцелуями – педагоги, студенты, сотрудники. Я была очень растрогана таким отношением ко мне. Училище наше работает, жизнь в нем кипит, и мы – единственное музык.[альное] учебное заведение, в котором идет работа и которое обслуживает концертами все госпитали и воен.[ные] заводы. Мы даже по Радио дали свой концерт. 15-го февраля более чем скромно была отмечена 47 годовщина нашего Училища. Был проведен митинг с трогательными приветственными выступлениями, и был выпущен специальный бюллетень с портретами всех Гнесиных. Весь наш коллектив старался скрасить мне мое одиночество – отсутствие сестер. После митинга все разошлись, т. к. не было никакой возможности не только чем-нибудь угостить, но даже дать по чашке чая всем собравшимся. Продовольственный вопрос у нас очень тяжелый. По карточкам кроме хлеба почти ничего не получаем, а на рынке если и есть что-нибудь, то по необычайно вздутым ценам, –

³⁸² Сына М. О. Штейнберга (его семья жила в Казани).

³⁸³ Е. Т. Кудряшова.

³⁸⁴ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/15. Из Москвы в Ташкент. На 2 л.

стало быть, рынок недоступен для педагогов. Колхозники наши страшно обнаглели – они ничего не хотят продавать за деньги, требуют ткани: коверкот, сукно, «кремдишин» за 2–3 кило картошки! Хочется надеяться на то, что у вас с продовольствием обстоит лучше, но все же, кажется, и в Ташкенте, как и почти везде, жизнь стала очень дорога. Я узнала, что очень сильно нуждаются наша бедная Н. А. Вербова и Мария Александровна Гурвич, зав. ф.[орте]-п.[ианным] отделом нашего Училища. Обе превосходные преподавательницы – и не нашли работу в Ташкенте. Дорогой Максимилиан Осеевич! Может быть, можно еще сделать для них что-нибудь? Хоть по несколько учеников дать бы им! Обе они очень упали духом, умоляют вызвать их в Москву, но я ничего не могу сделать! Ни Комитет, ни Моссовет не разрешают никого вызывать и никого здесь не прописывают. У меня болит душа за Михаила Фаб. Он очень плохо живет в Йошкар-Ола, и очень, очень жаль, что Вы не вызвали его в Ташкент. А теперь нельзя уже сделать это? В Казани наши живут также плохо в отношении помещения, но с питанием устроились неплохо, лучше, чем я здесь. Я никак не могу еще пристроиться к какой-нибудь хорошей столовой, но это как-нибудь устроится, утрясется. Я нигде не бываю, поэтому никаких новостей не могу Вам пока сообщить. Надеюсь, что Ваши все здоровы? Крепко всех обнимаю и целую. Ваша Ел. Гнесина.

Адрес Марии Александровны Гурвич: Ул. Фрунзе, 41. Нины Александровны Вербовой: Коммунальн. сквер 6, кв. 4. Если можно, помогите им получить в Училище работу.

8

28 марта 1942 г.³⁸⁵

28/III 42

Дорогой, родной Максимилиан Осеевич!

Ваше письмо от 10 марта только вчера получено – невозможно долго идут письма! Неужели до сих пор Вы не получили моего первого из Москвы письма³⁸⁶, в котором я подробно написала о своем путешествии, или оно совсем не дошло до Вас? Мой «героический» пешеходный «кросс» был бы уже давно мною забыт, если бы не заболела у меня нога в месте бывшего перелома, от непривычной для меня 2¹/₂ часовой ходьбы. Но это не важно, я хожу теперь, как породистая лошадь, с забинтованной ногой, хотя путешествовать мне в Комитет и др. места чрезвычайно трудно, не имея машины, которая давно уже мобилизована. Две недели назад мне, наконец, удалось прикрепиться к столовой в ЦДРИ.³⁸⁷ и теперь я хорошо питаюсь. За обедом встречаюсь каждый день с нашими лауреатами, профессорами, в частности с Райским, который постоянно имеет при себе новый анекдот. Последняя его новинка касается композитора Лепина: «Не знаете, что это за композитор Лепин?» Ответ: «А это такой же Блантер, как Покрасс». А наших лауреатов, ко-

³⁸⁵ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/16. Из Москвы в Ташкент. На 2 л.

³⁸⁶ Имеется в виду предыдущее публикуемое письмо.

³⁸⁷ ЦДРИ – Центральный дом работников искусств.

торые только что появились в Москве и снова уезжают, кто-то прозвал лауреатами, и они, особенно Гилельс, сильно обиделись. Московская Консерватория, в сущности, почти развалилась, т. к. кое-как собрали только 4 и 5 курсы, а первые три курса не работают, хотя студентов в Москве довольно много, и все они в отчаянии от своего вынужденного безделья. Как профессора, так и студенчество ругательски ругают Столярова, который хозяйничает в Саратове³⁸⁸. О Гольденвейзере никто и не вспоминает, и он сидит в Тбилиси, ест мандарины и играет в теннис и шахматы³⁸⁹. У нас, в Москве, как будто бы и концертов много и театры действуют, а живется всем плохо из-за жилищно-бытовых тяжелых условий (дома не отапливались, лопнули везде трубы, выключено электричество, нет керосина и дров) и из-за продовольственного кризиса. Поэтому мне приходится всем, жаждущим вызова и возвращения в Москву, писать обо всем этом и советовать оставаться на местах до осени. Так хочется надеяться на то, что к осени окончится эта кошмарная война, что мы прогоним всех врагов и начнем нормальную жизнь. Мне очень грустно жить без сестер, с которыми прожила вместе всю жизнь. Я постоянно тревожусь за них, за Мих. Фаб., а тут еще все педагоги и студенты на моем плече выплакивают слезы по поводу всех своих жизненных тягот. Я уже писала Вам, что замучена многочисленными письмами и мольбами о вызове, – приходится всем отвечать о полной безнадежности скорого возвращения в Москву. Особенно много писем и телеграмм от Марии Александровны Гурвич. Неужели ни она, ни Нина Александровна Вербова так и не нашли работы в Ташкентском Музучилище? Обе они превосходные преподавательницы, и очень их жаль. Бесконечно жаль Мих. Фаб., но вызвать в Москву и его нельзя, т. к. один он не захочет уехать, а семью вызвать не разрешат. Сама я всячески стараюсь, насколько возможно, не терять ни мужества, ни бодрости духа, тем более, что мне необходимо поддерживать такое настроение у нашего коллектива. Надеюсь, что до Ташкента уже дошло Постановление Наркомторга от 9/III о том, что все заслуженные деятели и профессора получают во 1-х рабочую карточку, во 2-х должны быть прикреплены к закрытому распределителю и хорошей столовой. Надежде Николаевне³⁹⁰ станет легче с хозяйством.

Мне кажется, что при Ваших трудных квартирных условиях Вы вовсе не мало сочинили и, конечно, сочините еще ряд песен³⁹¹. Выдаете ли Вы Лахути? Передайте всей семье его мой привет.

Крепко обнимаю и целую Вас, Надежду Николаевну, Надюшу.
Ваша Ел. Гнесина.

9

³⁸⁸ Московская консерватория была эвакуирована в Саратов, где ею руководил проректор Г. А. Столяров.

³⁸⁹ А. Б. Гольденвейзер – директор консерватории – был эвакуирован вместе с группой крупных музыкантов в Нальчик, а затем в Тбилиси и, таким образом, отошел от дел в консерватории.

³⁹⁰ Жена М. О. Штейнберга.

³⁹¹ М. О. Штейнберг продолжал работать над серией произведений – свободными обработками народных песен для низкого голоса с оркестром (циклы по шесть песен).

28 апреля 1942 г.³⁹²

<...> Ведь ко мне еще обращаются со всякими просьбами как к депутату Моссовета, и все почему-то думают, что я «всемогуща» и «всесильна». Я всячески стараюсь разочаровать в этом всех обращающихся ко мне, но иногда действительно удается помочь людям. Приходится писать на своем «депутатском» бланке всякие просьбы, а так как у меня своего секретаря нет и имеется обширная переписка со всеми уехавшими и мечтающими о возвращении в Москву, то Вы поймете, что я всем этим так загружена, что своим сестрам и Вам, лучшему из друзей, приходится писать не так часто, как хочется. <...> Все здесь были взволнованы известием о смерти Софроницкого³⁹³, но он поправился, подкормился в Москве и даже выступил уже в своем концерте. <...> А наше Училище, особенно вокальный отдел, работает «на отлично». Мы послали свою лучшую бригаду на фронт и получили замечательный отзыв. Мария Вениаминовна³⁹⁴ уехала с подарками на фронт, на передовые позиции, и я немного за нее беспокоюсь, хотя отпустила ее сама, – нельзя было удержать. <...>

10

28 июля 1942 г.³⁹⁵

<...> Через два дня экзамены заканчиваются, а 31-го мы даем большой концерт наших выпускников. Несмотря на такой во всех отношениях тяжелый год, у нас блестящий выпуск, и стоит показать всех выпускников-отличников³⁹⁶. Даже в детской школе, которая работала нелегально³⁹⁷, – отличный выпуск. <...> Каникул не делаем, будем продолжать работать с теми учащимися, которые не пойдут на трудфронт, и с детьми. Зима предстоит у нас, кажется, еще более тяжелая, чем прошедшая, т. к. совсем нет топлива. Поэтому все более или менее здоровое население будет отправлено на лесозаготовки, и только в этом случае можно будет не погибнуть от холода. <...> Я счастлива, что мне удалось выхлопотать для всех музыкантов-педагогов рабочие карточки и закрытые магазины, где можно кой-что получать. Наши преподаватели балуют меня – у меня в кабинете не переводятся цветы, и сейчас стоят на столе розы! Даже Храпченко стал меня больше уважать, представьте себе, а Кухарков, которому я сегодня позвонила о том, что мне нужно было бы его повидать, да машины нет, – сам приехал ко мне – вот до чего дошло! <...>

11

22 февраля – 3 марта 1943 г.³⁹⁸

³⁹² КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/17. Из Москвы в Ташкент. На 4 л. (Приводится во фрагментах.)

³⁹³ В. В. Софроницкий находился в блокадном Ленинграде, но был вывезен в Москву.

³⁹⁴ М. В. Юдина, работавшая педагогом в Училище им. Гнесиных.

³⁹⁵ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/18. Из Москвы в Ташкент. На 2 л. (Приводится во фрагментах.)

³⁹⁶ В 1942 году Училище им. Гнесиных окончили Б. Чайковский, Г. Сахарова, П. Лобанов, Н. Венедиктова.

³⁹⁷ Разрешение на официальное возобновление работы детской школы (после прекращения в связи с военными событиями в 1941 года) было дано после активных ходатайств Ел. Ф. Гнесиной, в 1943 году.

³⁹⁸ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/24. Из Москвы в Ташкент. (Приводится во фрагментах.)

<...> Нина Дорлиак рассказала мне о тяжелом положении ленинградской профессуры и голодных «одаренных» детях³⁹⁹. Я вчера же вечером, в свою очередь, рассказала обо всем слышанном Мих. Бор. Храпченко и спросила его: знает ли он об этом и что намерен сделать. Он ответил, что уже дано распоряжение о дополнительных пайках. Говорю ему, в любезной форме, большие дерзости, и он терпит это, ибо, как говорят некоторые, очень меня побаивается. Непременно известите меня об улучшении положения профессуры и детей, и, если ничего не изменилось к лучшему, я скажу обо всем этом кому-нибудь повыше Храпченко, т. к. от Храпченко ничего хорошего не добьешься. <...> Дело в том, что ко мне каждый вечер приходит ночевать кто-ниб.[удь] из наших преподавательниц, отчасти чтобы провести ночь в тепле (почти у всех очень холодно), а главным образом – чтобы я не оставалась в одиночестве. Видите, как меня охраняют! <...> С назначением в Консерваторию Шебалина⁴⁰⁰ началась для нас новая эра: дружелюбное, почти-тельное отношение к нашему Училищу, чего не было при Гольденвейзере и что всегда было при директорстве Ипполитова-Иванова. <...>

12

4 ноября 1943 г.⁴⁰¹

<...> Я понимаю, что Вам жаль отпускать такого ученика, как Миша Гибианский⁴⁰², но раз уж здесь вся семья, причем Миша обожает свою мать и маленького братишку, – конечно, ему надо ехать в Москву. Я сказала о нем Шебалину⁴⁰³, и он с радостью снова возьмет Мишу в свой класс. Мне жаль Виссариона Яковлевича – ему очень трудно управлять такой разболтанной консерваторией, какой стала наша Московская Консерватория после ее раздела на Саратовскую и Московскую⁴⁰⁴. Вероятно, Вы знаете обо всем, что случилось в связи с пресловутым письмом Григория Когана и с ним самим. В результате и он, и такой крупный профессор – Литинский, оба вылетели из Консерватории, и кроме них и Пекелис, и еще целый ряд других⁴⁰⁵. Вся эта история создала в Консерватории склочные настроения, группировки, неприятную обстановку, и Шебалина можно только от души пожалеть. У меня с ним очень хорошие, дружеские отношения, и он прислушивается к моим со-

³⁹⁹ Имеются в виду учащиеся Специальной музыкальной школы-десятилетки для одаренных детей при Ленинградской консерватории.

⁴⁰⁰ В. Я. Шебалин был назначен директором Московской консерватории осенью 1942 года.

⁴⁰¹ КР РИИИ, ф. 28, оп. 1, № 508/26. Из Москвы в Ташкент. (Приводится во фрагментах.)

⁴⁰² М. Гибианский был до войны учеником Школы им. Гнесиных (занимался у В. Я. Шебалина), во время эвакуации в Ташкенте занимался у М. О. Штейнберга. Вернувшись в Москву, стал снова учиться в Гнесинских учебных заведениях.

⁴⁰³ Виссарион Яковлевич Шебалин с 1935 года работал в Училище им. Гнесиных.

⁴⁰⁴ С 1942 года Московская консерватория работала одновременно и в Саратове (куда была эвакуирована основная часть преподавателей в 1941 году), и в Москве.

⁴⁰⁵ Письмо Г. М. Когана с обвинениями (в том числе и политическими) в адрес ряда педагогов консерватории вызвало конфликт группы профессоров с ректором В. Я. Шебалиным, а также, возможно (хотя причины этого могли быть и иными), репрессии (увольнения из консерватории) против упомянутых в письме и еще немалого количества преподавателей.

ветам. <...> Наш Фабий⁴⁰⁶ закончил свою первую симфонию, которую будет показывать 10-го в Союзе Композиторов. Симфония отличная – все четыре части прекрасны, но как примут ее в Союзе – посмотрим. 4-го исполнялась у нас 8-я симфония Шостаковича, и она не вызвала никакого энтузиазма. Беспристрастные и храбрые люди нашли симфонию скучной, нудной, и интересной только в части оркестровки – выдумки⁴⁰⁷. А другие, не имеющие своего мнения, конечно, кричали, что эта симфония так же гениальна, как 7-я. Но это вздор. Жаль, что Шостакович начал немного «портиться». <...>

Елиз. Ф. Гнесиной-Витачек и Ф. Е. Витачеку

1

Ф. Е. Витачеку⁴⁰⁸

27/IV [1942].

Дорогой Фабий! Только что получила сразу несколько писем: твое большое письмо от 4/IV, от Максимилиана Осеевича⁴⁰⁹ и открытку от тети Оли⁴¹⁰. Хотела отвечать сначала Штейнбергу, но захотелось писать сегодня тебе, а завтра Штейнбергу. Очень грустно, что вы сидите без света, – это очень трудно. Теперь вы поймете, каково было всем в вашей квартире⁴¹¹ – в неотопливаемом доме (в кухне было -3° , в других комнатах 2–3 гр[адуса] выше 0), без воды, без канализации, без света, без керосина и без дров, да и без продуктов! Ужасно жаль было дядю Сашу⁴¹², который несколько раз плакал горькими слезами, и тетю Анюту⁴¹³, да и других членов семьи. Теперь, наконец, включили свет, и немного начала обогреваться квартира, т[ак] что стало им легче жить, хотя воды все еще нет. Так провело зиму три четверти москвичей. Керосин и у нас совсем исчез с горизонта, а воды и у меня нет – носят ее ведрами; уборные все закрыты, кроме одной, которая, в сущности, моя, – против столовой, и все ею пользуются, причем никто не хочет зали-

⁴⁰⁶ Ф. Е. Витачек.

⁴⁰⁷ Очевидно, что Ел. Ф. Гнесина не оценила такого сложного и новаторского произведения, как 8-я симфония Шостаковича, отдавая должное только оркестровой изобретательности («выдумке»), в то время как 7-я симфония была ею принята и высоко оценена.

Публикуемые здесь три письма Ел. Ф. Гнесиной, адресованные сестре и племяннику, на-

ходившимся в Казани в эвакуации, дополняют картину военной жизни в Москве (отра-

женную в письмах к М. Ф. Гнесину и М. О. Штейнбергу).

⁴⁰⁸ ММКЕлФГ, XXIII – 115. Из Москвы в Казань, в ответ на письмо Ф. Е. Витачека от 14 апреля 1942 года. На 3 л.

⁴⁰⁹ М. О. Штейнберга.

⁴¹⁰ О. Ф. Александровой-Гнесиной.

⁴¹¹ Имеется в виду московская квартира Витачеков на ул. Герцена, 22. В ней также проживали старший брат Гнесиных Александр Фабианович с женой и его дочери Елена и Мария с мужьями.

⁴¹² Александр Фабианович Гнесин.

⁴¹³ Анна Федотовна Гнесина – жена А. Ф. Гнесина.

вать водой, стоящей тут же, в ведре, и никакие мои объявления и взывания к культурности не помогают. Приходится мне, для повышения квалификации, заливать за всеми водой! Безобразия. Кажется, я обо всем этом вам писала. Очень хорошо, что у вас теперь вполне достаточно хлеба с тремя рабочими карточками, а в Распределителе должны выдавать вам и сахар, и какао, и масло, и колбасу. Я получила в своем распределителе копченую грудинку, и мы ее уже съели с большим удовольствием. Сейчас Надя пошла в этот магазин, авось принесет чего-нибудь. Я уже писала о том, что Надя приносит мне обед на дом, т. к. я очень уставала от путешествий в ЦДРИ, и это именно обстоятельство побудило меня взять опять Надю⁴¹⁴. С посылками очень не везет⁴¹⁵: Юра доставил посылку через месяц в весьма неприглядном виде; Андрей Федорович, несомненно, заболел, и я не знаю, у кого мне узнать о его здоровье. Затем еще какая-то посылочка была отправлена с каким-то инженером, который приехал в Москву 6-го апр[еля] и сразу заболел надолго. Письма, которые он привез, были кем-то доставлены, а насчет посылки ничего не известно. Пожалуйста, больше ничего не посылайте. В Музгизе я не была, а Юровского как-то встретила, и он сказал мне, что сейчас печатает только оборонные песни и больше ничего. Т. к. ты начал заниматься с учениками по ф[орте]п[иано]⁴¹⁶, то не попробуешь ли сочинить легкие вариации на мою тему, которую посылаю. Право, попробуй! Я знаю, что тебе «легкие» вещи трудней написать, чем трудные, а ты попробуй, если тема моя тебе нравится. Ведь написал же Шуман интересные вариации на совсем не интересную тему Клары Вик – впрочем, она была его невестой, поэтому и тема ему понравилась. Я присочинила к серии своих пьесок еще заключительный марш, который всем нравится⁴¹⁷. Собираюсь показать свои пьески в детской секции Союза композиторов. Возможно, что буду раскритикована ими, но ничего!

Максимилиан Осеевич написал о том, что он до сих пор жалеет, что дядя Миша не в Ташкенте и что он поднял вопрос о том, чтобы дядю Мишу вызвать в Ташкент⁴¹⁸. Думаю, что дядя Миша не поедет. Штейнберги, особенно Надежда Николаевна, очень тяжело переживают вести из Ленинграда, где у них от истощения уже умерло несколько близких человек – родственников. Вероятно, до вас в Казань дошли слухи о том, что делается в Ленинграде? Я не уверена в том, что живы Мария Владимировна и Женя⁴¹⁹, – от них и об них нет никаких известий, на телеграмму я не получила ответа. В Куйбышеве, к моему огорчению, умер хирург Матвей Маркович Гинзберг,

⁴¹⁴ Надя – домработница Ел. Ф. Гнесиной.

⁴¹⁵ Речь идет о продуктовых посылках, в период эвакуации посылавшихся как в Москву, так и из Москвы.

⁴¹⁶ В Казани Ф. Е. Витачек стал давать уроки фортепиано сыну хозяйки квартиры, которую они снимали.

⁴¹⁷ Имеется в виду цикл «Пьески-картинки».

⁴¹⁸ В Ташкент была эвакуирована Ленинградская консерватория, профессорами которой были и М. О. Штейнберг, и М. Ф. Гнесин. В то время М. Ф. Гнесин находился в Йошкар-Оле. Об этом – см. письма к М. Ф. Гнесину, а также письма к М. О. Штейнбергу в данной книге.

⁴¹⁹ Мария Владимировна Гнесина, урожденная Руднева, – жена Григория Фабиановича Гнесина, и Женя – Евгения Григорьевна Гнесина, их дочь. М. В. Гнесина скончалась еще в январе 1942 года. Е. Г. Гнесина была вывезена на Кавказ, но связь с родными смогла установить только в 1943 году.

который лечил тетю Женю⁴²⁰ и который спас мою ногу. Он был очень хороший человек и очень хороший хирург – очень жаль его.

Ты задал мне целый ряд вопросов, на которые постараюсь ответить.

I Относительно ваших комнат я писала в последнем письме, что Шванские⁴²¹ продолжают еще жить в них, стало быть, все пока благополучно.

II Верочка Шубина, Галя Кашеева и Анфия Аполлоновна⁴²² по очереди ночуют у меня – с ними постоянное общение. Галю я часто поругиваю, но она все терпит и продолжает меня «обожать». Немного надоело это.

III Валерия Александровна⁴²³ похудела до неузнаваемости – живет плохо.

IV Софья Ивановна совершенно утешилась, т. к. получает от Вити из Самарканда письма⁴²⁴.

V Сегодня был у меня Соломон⁴²⁵. Он теперь очень хорошо живет, т. к. работает в своем взводе как музыкант, и приезжал пригласить к ним концертную нашу (студенческую) бригаду на 1-е мая. Он послал тебе письмо с новым адресом.

VI О гребешке. Жаль, если его оставили в ящике буфета. Он светло-желтый, совсем прозрачный, отнюдь не красный. Это гребешок тети Жени, и я поручила его, уезжая, маме. Кажется, вопросы исчерпаны. Крепко целую тебя, маму, папу, Нину и Марушу⁴²⁶.

Тетя Леня

2

Елиз. Ф. Гнесиной-Витачек и Ф. Е. Витачеку⁴²⁷

3 мая [1942]

Дорогие Лиза и Фабий!

Наконец-то сегодня был у меня Андрей Федорович, который только вышел из больницы. У него оказалось крупозное воспаление легких; и выздоровел он только благодаря тому, что в больнице узнали о том, что он сотрудник Наркомздрава, и что, стало быть, надо лучше ухаживать за больным и добиться выздоровления. Большое спасибо за маленький лук – некоторые луковички успели прорасти, и мы с Надей⁴²⁸ посадили их в ящик – будет у меня свой огород. Сегодня Надя собиралась как раз купить лук, но цена на

⁴²⁰ Евгению Фабиановну Савину-Гнесину.

⁴²¹ Шванские – Мария Александровна, дочь Александра Фабиановича Гнесина, и ее муж, Вячеслав Васильевич.

⁴²² Анфия Аполлоновна Иванова.

⁴²³ В. А. Стрельбицкая.

⁴²⁴ Софья Ивановна Апфельбаум переживала за судьбу своего сына, художника Виктора Апфельбаума, призванного в армию.

⁴²⁵ Соломон Исаакович Абрамзон. Он находился и в действующей армии, был тяжело контужен, что лишило его в дальнейшем возможности выступать как исполнителю. См. его письма в книге: Гнесинский Дом. Военные годы. М., 2005.

⁴²⁶ Нина Константиновна Витачек – вторая жена Генриха (Евгения) Францевича Витачека – и их дочь Маруша – Мария Евгеньевна Витачек.

⁴²⁷ ММКЕЛФГ, XXIII – 116. Из Москвы в Казань. На 2 л.

⁴²⁸ Надя – домработница (см. примеч. к предыдущему письму).

лук потрясла Надю – 140 рубл. кило, поэтому она от покупки воздержалась. Была у меня сейчас Маруся⁴²⁹ и сообщила, что за квартиру вашу уплочено по 1-е мая и что все благополучно. Маруся тоже собирается написать вам сегодня, но мое письмо, с оказией, придет, вероятно, раньше. Как я рада за вас всех, что у вас, наконец, и свет есть, – теперь вы хорошо заживете, в особенности, если получите хорошую столовую. Андрей Федорович очень хвалил вашу комнату и садик. Сейчас, вероятно, еще сыро в нем, но скоро и Маруша⁴³⁰, и все вы будете наслаждаться им. Я все думаю, что бы мне послать вам с такой верной оказией, как Миша Анастасьев, но не могу ничего хорошего, и при этом не тяжелого, придумать – тяжелого Миша не берет. Совершенно замечательно! Только написала последнее слово в последней фразе и поставила точку, как пришел навестить меня милейший И. В. Геккер и принес плитку шоколада, которую и посылаю с большим удовольствием. Ребятки Маруше⁴³¹ делаю очень спешно, поэтому они не очень удачные и, пожалуй, ей не понравятся. Получила сегодня письмо от Оли⁴³², в котором она, между прочим, написала о том, что Миша⁴³³ прислал ей очень грустное и печальное письмо. Что с ним? Я очень беспокоюсь за него. Ни одного письма от него я за все время не получила. На мои письма ни он, ни Галина⁴³⁴ не отвечают, – приходится предположить, что письма пропадают. Возможно, что Фабий⁴³⁵ вывел из терпения даже Мишу, а может быть, до Миши дошли очень печальные слухи из Ленинграда. В числе многочисленных умерших от «истощения» (просто от голода) находятся все внуки Римского-Корсакова, даже такой здоровенный, как Воля, а Юлия Лазаревна⁴³⁶ сошла с ума. Может быть, и умерла уже. Квартира Миши, вероятно, не существует, и в ней погибли все рукописи и вся его обширная и ценная библиотека⁴³⁷. Счастье, что Миша уехал и уцелел, но ему, конечно, очень тяжело все это, если он обо всем знает.

На неоднократные вопросы Оли о том, жив ли Васька⁴³⁸, я ответила, что жив, но стал страшным вором, – Оля ответила, что она прощает Ваську на том основании, что теперь и люди воруют. Что правда, то правда, – воров, шкурников и рвачей сейчас, к сожалению, слишком много. В столовых людей кормят плохо не потому, что нет продовольствия, а потому что продукты разворовываются, и воруют – директора. Даже в Союзе композиторов лучше всего питается «оргкомитет», который имеет все продукты!

⁴²⁹ Маруся – М. А. Шванская, проживавшая в квартире Витачеков.

⁴³⁰ Маруша – дочь Г. (Е.)Ф. Витачека.

⁴³¹ Ел. Ф. Гнесина вырезала для маленькой Маруши фигурки из бумаги.

⁴³² О. Ф. Александровой-Гнесиной.

⁴³³ М. Ф. Гнесин.

⁴³⁴ Г. М. Ванькович-Гнесина.

⁴³⁵ Фабий – Ф. М. Гнесин, сын М. Ф. Гнесина.

⁴³⁶ Воля – В. А. Римский-Корсаков и его мать – Ю. Л. Вейсберг. Об их судьбе – также в письме от М. О. Штейнберга к Ел. Ф. Гнесиной от 10 мая 1942 года // Елена Гнесина: Я чувствую себя обязанной // Муз. академия. 1998. №3–4, кн. 1. С. 133–134.

⁴³⁷ Квартира М. Ф. Гнесина в Ленинграде была частично разрушена попавшей в дом бомбой. Часть его библиотеки и рукописей исчезла безвозвратно, большая часть – серьезно повреждена.

⁴³⁸ Васька – любимый кот О. Ф. Александровой-Гнесиной.

Боюсь, что сейчас придут от Миши⁴³⁹ за этим письмом, поэтому кончаю. Крепко всех целую.

Леня

3

Елиз. Ф. Гнесиной-Витачек и Ф. Е. Витачеку⁴⁴⁰
25/VI [1942]

Дорогие Лиза и Фабий! Была в Комитете⁴⁴¹: Храпченко не имеет ни малейшего желания вызывать кого-нибудь⁴⁴². Он отказал в этом и Гольденвейзеру, и Игумнову, и всем другим профессорам. Послезавтра поговорю еще с Моссоветом, хотя Майоров уже сказал мне, что не нужно вызывать никого до конца августа. Генрих торопится в Москву, но ведь Нину с Марушей не пустят⁴⁴³, даже если и удастся выхлопотать пропуск таким путем, каким я его получила. Мне кажется, что если вопрос только в деньгах, то я пришлю деньги, т. к. отдала продать золотые часы Александра Николаевича⁴⁴⁴. Но я буду продолжать хлопотать о вызове всех вас. Меня только пугает для всех вас перспектива предстоящей зимы без дров – их пока совсем нет. Мы уже как-то пережили такую тяжелую зиму, переживем как-нибудь и вторую – авось не будет таких морозов. Но вам будет очень трудно. Что касается продовольственного вопроса, то вы с вашими карточками проживете, а обеды будете брать в Союзе композиторов. Теперь уже я могу сказать, что выхлопотала рабочие карточки для всех педагогов-музыкантов во всесоюзном масштабе. Хлопотала об этом у тов. Шверника, о чем я уже писала, затем в Наркомторге и, наконец, у тов. Микояна. Вопрос с литерными столовыми⁴⁴⁵ для всех педагогов отпал, т. к. и т. Шверник говорил, что это очень будет трудно сделать, но с рабочими карточками вопрос уже разрешен и, надеюсь, в июле педагоги уже получают их⁴⁴⁶. Вообще это предусмотрено для педагогов музучилищ и школ-десятилеток, но я договорилась в Комитете о том, что все педагоги нашей школы, как и училища получают рабочие карточки. С большим трудом я добилась, чтобы вставить два слова: т. е. педагоги специальных и музыкально-теоретических дисциплин. Таким образом я спасла всех теоретиков и историков музыки, т. к. некоторые директора-формалисты сказали

⁴³⁹ Миши – М. Н. Анастасьева.

⁴⁴⁰ ММКЕЛФГ, XXIII – 117. Из Москвы в Казань. На 2 л.

⁴⁴¹ В Комитете по делам искусств.

⁴⁴² Речь идет о вызове для Елиз. Ф. Гнесиной-Витачек и Ф. Е. Витачека, так как в письме от 10 июня 1942 года (опубликовано: Гнесинский Дом. Военные годы. С. 63–64) Ф. Е. Витачек писал Ел. Ф. Гнесиной о решении приехать в Москву до зимы. Вернуться из эвакуации им удалось осенью 1942-го.

⁴⁴³ Нина, Маруша – жена и дочь Генриха (Евгения) Францевича Витачека.

⁴⁴⁴ А. Н. Савина.

⁴⁴⁵ Литерные столовые – ведомственные столовые, действовавшие во время войны, к которым соответственно прикреплялись специальные категории граждан.

⁴⁴⁶ О том, как Ел. Ф. Гнесина добивалась рабочих карточек для педагогов всех музыкальных училищ, включая и педагогов теоретических предметов, свидетельствуют и ее ходатайства, и публикуемое в этой книге письмо к М. Ф. Гнесину от 25 января 1942 года, где она уже сообщает о решении этого вопроса, а также письмо к З. И. Финкельштейну от 25 февраля 1942 года (см.: Гнесинский дом: военные годы. М., 2005. С. 59.).

бы, что о теоретиках не сказано ничего. Вероятно, через неделю Наркомторг разошлет телеграммы во все города. Скажи Рувиму Львовичу⁴⁴⁷, что он по своему усмотрению может выдать раб.[очие] карточки всем лучшим педагогам школы, не только училища. Храпченко сказал мне, что все педагоги будут обязаны только мне лично, моим хлопотам и моей энергии, но я чувствовала, что ему неприятно, что это не его заслуга, и, вероятно, Комитет постарается приписать эту заслугу себе, думаю так. Не помню, послала я вам или нет довольно скверный снимок в Вечерней Москве и тут же очень хороший отзыв о моих пьесках⁴⁴⁸. На всякий случай, посылаю вам снимок, на котором я больше похожа на Бетховена, чем на себя, – не судите обо мне по этой карточке. Вероятно, даже Маруша не узнает меня на ней.

С 1 июля у нас начинаются переходные экзамены, а вступительные откладываем на август – может быть, ты к ним подъедешь, – прием заявлений начнем теперь и объявим об этом по Радио. Принимать новых пока разрешено только из Московской области. У нас весь июнь – очень холодный и дождливый.

Крепко целую вас обоих, Генриха, Нину и Марушу. Очень прошу Генриха не терять мужества и бодрости.

Давно не посылала вам открыток, может быть, их нет у вас.

Ф. Г. Арзаманову⁴⁴⁹

Москва 17 мая 1957 г.

Дорогой Федя! Теперь я уже должна просить Вас извинить меня за то, что я долго не отвечала Вам. Были причины для этого весь апрель, а 5-го мая... нас сразила почти скоростижная смерть дорогого всем нам и всей музыкальной общественности Михаила Фабиановича. Это было ужасно! Мих. Фаб. упал в своей комнате, зацепившись за кресло, и сломал шейку бедра, т. е. то, что случилось со мной 2 года назад. Его отправили в больницу Склифосовского, где ему сделали удачную операцию, и через месяц врачи нашли возможным перевезти его домой. Он начал понемногу передвигаться на костылях и радовался тому, что будет ходить. Но 5-го мая он неожиданно скончался от паралича сердца. Единственное для меня было утешение, что Михаил Фабианович, по-видимому, не успел мучиться и страдать...

На гражданской панихиде было множество народа, наш зал едва вместил половину собравшихся, но в крематорий провожали его почти все...

⁴⁴⁷ Рувим Львович Поляков – директор Музыкальной школы в Казани, где работала Елиз. Ф. Гнесина-Витачек.

⁴⁴⁸ Статья «17 детских фортепианных пьес Е. Ф. Гнесиной» и фотография «В Музыкальном училище им. Гнесиных» были опубликованы в газете «Вечерняя Москва» от 16 июня 1942 года.

⁴⁴⁹ ММКЕЛФГ, VII – 47, л. 6. Из Москвы в Китай, где тогда работал в Шанхайской консерватории Ф. Г. Арзаманов, командированный на работу в Китай (в рамках массивированной помощи советских специалистов) в числе нескольких педагогов Института им. Гнесиных (А. Г. Татулян, Н. Н. и С. Г. Делициевы, С. М. Микитянский). На именном бланке художественного руководителя ГМПИ им. Гнесиных, рукопись, 1 л. Написано в ответ на письмо Ф. Г. Арзаманова от 27 марта 1957 года, где он подробно описывает свою работу в Китае.

Федя, Вы действительно ведете грандиозную и интереснейшую работу. Мне кажется, что такая большая работа очень поможет Вам в будущем получить ученую степень. Очень важно, чтобы Вы всё записали и вернулись к нам с большим трудом. Думаю, что Вы и у нас сможете вести подобные занятия. Только Вы вряд ли найдете таких дисциплинированных и прилежных студентов – наши студенты много хуже ведут себя, чем китайские, – как ни жаль сказать это, но приходится навести критику на наше студенчество.

Я очень виновата перед Делициевыми – не ответила на их милое письмо⁴⁵⁰. Пожалуйста, передайте мои извинения и большой привет. Я рада тому, что и Нелли⁴⁵¹ начала работать. А как Ваш сынишка? Ведь уже теперь большой он стал и меньше доставляет Нелли хлопот с ним? Имеются ли в Шанхае детские сады вроде наших? Федя, ты прости, пожалуйста, мое довольно бестолковое письмо. Я сегодня очень устала и с трудом пишу.

Целую тебя, Нелли и Вашего мальчугана. Что-то я забыла, Федя, совсем спуталась, как я адресовалась к тебе раньше – на ты или на Вы?

Ваша Ел. Гнесина

Н. И. Квитко⁴⁵²

Руза 3 июля [19]63г.

Дорогой милый друг, Николай Исидорович! Вчера получила Ваше письмо, которому была рада. Рада тому, что Вы поправились и начали понемногу работать. Я все-таки не очень спокойна за выводы исследовательской работы⁴⁵³. Начато это дело было из-за двух склочниц, сделавших вздорное, лживое донесение министру, благосклонно выслушавшего клеветы на весь институт и на Юрия Владимировича⁴⁵⁴. Стыдно министру, не вызвавшему Юр.[ия] Вл.[адимировича] и не узнавшего от него, в чем дело, – назначать такую комиссию! Если обследование окончится вполне благополучно, в чем я уверена, то я считаю, что эти две героини должны быть удалены из института. Бедный мой Юрий Владимирович, которого я люблю как сына и который, уверена, держал себя спокойно и вынес на своих плечах клевету и все дрызги с навязанным обследованием. Если Вы знаете Зав. Педпрактикой Татьяну Арефьевну⁴⁵⁵, упросите ее от моего имени рассказать обо всем, что без Вас и без меня происходило в институте.

Вашему намерению уехать в Крым погреться на солнце я не очень сочувствую – боюсь, чтобы Вы не перегрелись, что для Вас опасно. Вам можно быть на берегу, не на солнце, а [только когда] спадет жара. Да и девочки Ваши должны быть осторожны: не слишком греться, и не перекупаться. Два-

⁴⁵⁰ Н. Н. и С. Г. Делициевы, работавшие в Китае, писали Ел. Ф. Гнесиной в мае 1957 года.

⁴⁵¹ Нелли – К. И. Арзаманова, жена Ф. Г. Арзаманова.

⁴⁵² ММКЕЛФГ, VII – 47, л. 4. Из Старой Рузы (Дом творчества композиторов) в Москву. 1 л.

⁴⁵³ Речь идет о работе комиссии из Министерства культуры РСФСР, «исследовавшей» Институт им. Гнесиных в связи с письмом-жалобой, написанной в министерство двумя преподавательницами.

⁴⁵⁴ Ю. В. Муромцев – ректор института.

⁴⁵⁵ Правильно: Татьяну Артемьевну.

три года назад в Крыму от перегрева на солнцепеке умерла наша талантливейшая певица Обухова. Ну, хватит нравоучений.

Мы здесь долго мерзли в июне. Мокли от непрерывных дождей, а сегодня, 3 июля, страшно холодно. Вот Вам и жаркие прогнозы! Мы уезжаем домой 30-го днем, т.[ак] ч.[то] Ваш визит в Рузу запоздает⁴⁵⁶, увидимся в Москве. Вообще здесь, в Рузе, прекрасно. Нам Тихон Хренников дал отличную дачу, отлично кормит нас, но погода все испортила. Целую Вас, дорогую Клавдию Алекс. тоже целую.

Р. Левиной⁴⁵⁷

Москва 26 декабря 1964 г.

Дорогая, милая Розина!

Вы остались в моей памяти как «Розочка Бесси» – тоненькая, талантливая, почти девочка, а меня Вы вряд ли помните, хотя я тоже была ученицей Василия Ильича Сафонова. Но когда он стал директором консерватории, он передал своих учеников, кроме нескольких кончающих, приглашенному молодому Ферруччио Бузони, и я попала в класс Бузони; и Вы в это время уже уехали с драгоценным Иосифом Левиным⁴⁵⁸ – его я тоже отлично помню, но больше Вас не вид[ела].

Дорогая Розина, сердечно благодарю Вас за присланный мне портрет⁴⁵⁹, – свой портрет я тоже посылаю Вам.

Какая Вы счастливая! Иметь такого талантливейшего ученика, как Вен-Клиберн⁴⁶⁰, – это счастье! С первого его выступления на первом конкурсе имени Чайковского я очаровалась его пианистическим талантом и его обаятельной улыбкой. За последние годы у нас выступали очень сильные пианисты, но я осталась верна Вен-Клиберну и люблю его больше всех. Думаю, что он говорил Вам о том, что навестил меня 4 года назад, и я подарила ему портрет Рахманинова с надписью мне. Я узнала, что Вен (у нас его называют «Ваня») очень хотел достать портрет Рахманинова с автографом, и я отдала ему свой⁴⁶¹. Вероятно, Вен об этом помнит. К великому сожалению, я слуша-

⁴⁵⁶ То есть предполагаемый визит Н. И. Квитко в Рузу к Ел. Ф. Гнесиной уже не сможет состояться.

⁴⁵⁷ ММКЕлФГ, VII – 47, л. 1. Сохранился черновой неполный вариант письма (без окончания), который и приводится здесь. Послано из Москвы в Нью-Йорк с оказией через Ю. В. Муромцева. Местонахождение отправленного письма неизвестно.

⁴⁵⁸ Ошибка в последовательности событий: отъезд И. и Р. Левиных за границу произошел в 1907 году, гораздо позже упоминаемых событий (1890).

⁴⁵⁹ Имеется в виду фотография Р. Левиной с ее дарственной надписью: «Глубокоуважаемой Елене Фабиановне Гнесиной с восторженным воспоминанием о том влиянии, которое семья Гнесиных имела на развитие музыкального образования в России. С горячим приветом Розина Левина. 1964 – 20 октября» (ММКЕлФГ, ИЗО – 88).

⁴⁶⁰ Так у Ел. Ф. Гнесиной. В России Вэна Клайберна стало принято называть в транскрипции «Ван Клиберн» и даже изменять его имя на «Ваню», о чем пишет Гнесина ниже. Об этом было известно и Клиберну, и одну из подаренных им Ел. Ф. Гнесиной фотографий он так и подписал: «Ваня» (по-русски).

⁴⁶¹ Сохранился рассказ Ел. Ф. Гнесиной, записанный для радиопередачи (сделанной к ее 90-летию в 1964 году): «...Значит, у меня есть портрет с автографом [Рахманинова, датированный 25. 06. 1912 года]... Это копия уже, а подлинник я подарила – такой же портрет – Клиберну. Когда после Первого конкурса Клиберн посетил меня (доставил мне этим большую радость!), я увидела, как он воззрился на портрет Рахманинова,

ла Вена Клиберна только тогда, когда он играл по телевидению. Я уже 10 лет почти не двигаюсь, нахожусь почти целый день в своем кабинете, в удобном кресле, и все разнообразные дела веду только по телефону, но работаю я все время как художественный руководитель нашего большого комбината. Ректор нашего Института Муромцев, с которым Вы познакомились, – мой бывший ученик, Юрий Николаевич⁴⁶², очень хороший музыкант и прекрасный администратор. Затем у нас большое муз. Училище и две большие музыкальные школы. Видите, дела много! Чтобы Вы увидели меня в деловой деятельности – пришлю Вам 2 портрета.

В. Н. Такеноучи

В мае 1965 года Ел. Ф. Гнесина познакомилась с японским пианистом и педагогом В. Такеноучи, которого в гости к ней привел А. Я. Эшпай. Между ними завязалась очень интенсивная переписка, которая продолжалась вплоть до кончины Елены Фабиановны (больше они не встречались): В. Н. Такеноучи написано 12 писем, 2 открытки и 1 телеграмма к Ел. Ф. Гнесиной (еще одно письмо прислано им уже после смерти Гнесиной). В ответ Еленой Фабиановной были написаны 9 писем. Копии этих писем в апреле 1976 года прислала жена В. Н. Такеноучи для Музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной (по просьбе директора музея М. Э. Ритгих). Они хранятся: ММКЕлФГ, научно-вспомогательный фонд, опись Б, №12, ед. хр. 7, на 20 л. (публикуются по данным фотокопиям). В письмах к Такеноучи Ел. Ф. Гнесина очень живо делится событиями своей жизни и работы, откликается на события, происходящие в Японии и в мире, охотно отвечает на вопросы японского пианиста о русских музыкантах. Несмотря на краткость знакомства, Гнесина пишет своему корреспонденту искренне и дружески, что делает эти письма ценными свидетельствами самого последнего периода жизни Елены Фабиановны.

Москва 2 ноября 1965г.⁴⁶³

Уважаемый и очень любезный

Владимир Николаевич!

С большим удовольствием получила обещанные Вами карточки! Они так удачно все вышли, что мне очень хочется, если это Вас не очень затруднит, получить дубликаты и, если это возможно, увеличить немного их размер. Буду Вам за это очень благодарна. Эти карточки всем, кому я их не показывала, очень понравились, у Вас замечательный аппарат⁴⁶⁴. Вероятно, в конце ноября будут изданы мои последние сочинения – «скрипичные дуэты для двух

который стоял у меня. Оказалось, что он обожал Рахманинова, мечтал иметь его портрет с надписью. Я, конечно, ему сейчас же его подарила, привела его в неистовый восторг этим». Встреча Ел. Ф. Гнесиной и В. Клиберна происходила 30 июня 1960 года. Об этой встрече см.: Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. 2-е изд. М., 2003. С. 311–312. Второй раз Клиберн посетил ее 15 июня 1965-го. А 22 сентября 2004 года он присутствовал и выступал с речью на открытии памятника Ел. Ф. Гнесиной в Москве.

⁴⁶² Описка: Юрий Владимирович.

⁴⁶³ На именном бланке художественного руководителя ГМПИ им. Гнесиных.

⁴⁶⁴ Фотографии, сделанные В. Н. Такеноучи во время его встречи с Ел. Ф. Гнесиной на цветной фотопленке, еще достаточно редкой в СССР, к тому же обладали высоким, сильно отличным от привычного для советских жителей, качеством. Получены Ел. Ф. Гнесиной 27 октября 1965 года. Они хранятся: ММКЕлФГ, Ф – 328, 364.

маленьких скрипачей»⁴⁶⁵ (без сопровождения). Когда они появятся, я Вам пришлю.

Еще раз очень благодарю Вас и желаю Вам доброго здоровья.
Ел. Гнесина.

2

Москва 28 марта 1966г. ⁴⁶⁶

Уважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Сегодня с радостью получила Ваше письмо с прекрасным портретом. Я почему-то все время беспокоилась и думала: не случилось с Вами чего-нибудь нехорошего, т. к. у Вас в Японии были и стихийные бедствия, и гибли самолеты, – все бывает!

К счастью, Вы целы и невредимы! А я все время хвораю, даже сейчас пишу полулежа, с вытянутой ногой. Но это ничего, я терпелива и не теряю своей бодрости и надежды на излечение. С нетерпением ждала выпуска в свет уже напечатанных, но не попавших еще в нотные магазины моих «Дуэтов для маленьких скрипачей». Редакция прислала мне в подарок несколько экземпляров этих дуэтов, и я завтра же пошлю Вам один из них. Я не помню, писала ли я Вам, впервые написала для скрипачей, т. к. за границей нет маленьких детских музыкальных школ, т. е. маленьких не учат скрипичной игре, и поэтому нет такой литературы. Думаю, что эти мои дуэты попадут за рубеж – их перепечатают там. Если захотите, я пришлю Вам еще I экз.

Наш 70-летний юбилей⁴⁶⁷ прошел очень скромно, не было красивых юбилейных билетов, не стоит даже посылать Вам. А вот Ваша прелестная карточка, присланная мне Вами [как] поздравление к Новому Году, красуется на моем письменном столе.

Дорогой Владимир Николаевич! Мне хочется еще что-нибудь написать Вам, но я пишу очень плохо из-за того, что неудобно сижу и очень мне трудно писать, но сегодня немного лучше!

Будьте здоровы и берегите себя, пожалуйста! Напишите мне, как Вы нашли мои детские скрипичные дуэты, жду Вашей критики!

Ваша Ел. Гнесина.

Случайно нашла одно скромное юбилейное приглашение к 70-летию, посылаю его, а завтра пошлю Вам «Дуэты для маленьких скрипачей» и (без сопровождения на ф[орте]п[иано])

Ваша Ел. Гнесина

Я сейчас разговаривала по телефону с Кларой Арнольдвной Хренниковой и когда я упомянула о Вас, оказалось, что Вы с ними хорошо знакомы, и я передаю от Хренниковых живой привет Вам.

⁴⁶⁵ Имеются в виду «Дуэты для маленьких скрипачей» (изданы в 1966 году).

⁴⁶⁶ На именном бланке художественного руководителя ГМПИ им. Гнесиных.

⁴⁶⁷ Имеется в виду 70-летие учебных заведений (Училища и Школы) им. Гнесиных. Юбилей Училища торжественно отмечался 15 декабря 1965 года.

3

Москва 8 мая 1966 г.⁴⁶⁸

Дорогой друг, Владимир Николаевич!

Неужели Вы до сих пор не получили посланных по авиа моих «Дуэтов»? Я беспокоюсь, т. к. мне сказали, что будто бы Вам пришлось уплатить большую пошлину за эту посылку, верно ли это? А я собираюсь просить Вас о маленькой посылочке, скорей не Вас, а Вашу жену прислать 2–3 книжечки с пудрой, Ваша жена поймет, что таких в Москве нигде нет, можно просить кого-нибудь из наших московских артистов, которые, конечно, передадут ее мне. Простите меня за такую дерзкую просьбу, ведь я в 92 года, которые исполнятся мне в конце мая, еще иногда бываю старой кокеткой. (Люблю немного припудрить нос, когда жарко!) Если Вы все-таки получите мои скрипичные «Дуэты», то летом еще выйдут из печати три мои песни для 2-голосного детского хора⁴⁶⁹, и я буду бояться посылать их Вам, – а вдруг действительно Вам придется платить какую-то пошлину? А вот «Дуэты», если они понравятся, – буду рада, если там переиздадут их. Вообще я не имею права передавать кому-нибудь за границей своих сочинений, но все равно без моей просьбы издали в Варшаве мои детские этюды для фортепиано, а в Праге издали мои «Упражнения для разных видов ф[орте]-п. [ианной] техники».

Мое строительство все еще не началось, т. к. медленно переселяют жильцов со строительной площадки. Это меня огорчает, т. к. я заказала себе с половины июня до 15 августа путевку в «Рузу», [в] Дом творчества композиторов, и оттуда я не смогу двигать строительные дела ввиду того, что Руза не связана телефоном с Москвой. Была бы только хорошая погода этим летом! Прошлым летом были сплошные дожди, и вот в прекрасный «мокрый» июль я и сотворила эти «Дуэты», которым не придавала никакого значения, а теперь все их очень хвалят. Если они не дошли до Вас, то известите меня скорей, и я с кем-нибудь пришлю их Вам.

Надеюсь, что Вы совершенно благополучны и здоровы? А я пишу Вам карандашом и очень плохо, т. к. меня снова уложили на несколько дней в постель из-за больной ноги. Но бодрости я не теряю – верю, что мне удастся выстроить здание для Училища!

Будьте здоровы, дорогой друг! Пишите!

Ваша Елена Гнесина.

4

29/V [19]66 г.

Дорогой друг! и очень милый человек!

⁴⁶⁸ На именном бланке художественного руководителя ГМПИ им. Гнесиных.

⁴⁶⁹ «Пионерские песни», включавшие в этом издании «Пионерскую праздничную», «Песню юных космонавтов» (обе на слова А. Чинарьяна) и «Пионерскую песню» («Возьмем винтовки новые») на слова В. Маяковского.

Вчера получила Ваше письмо с карточкой Вашего Алёши⁴⁷⁰, очень милого мальчика, а от Вашей жены, имени и отчества, к сожалению, не знаю – получила тоже приятную посылочку, за которую очень благодарна ей.

Но меня огорчило и обеспокоило состояние Вашего здоровья – высокое давление! Вероятно, Вы переработали и сильно утомились? Нужно хоть неделю вылежать спокойно. Я вчера собиралась послать Вам телеграмму, но меня отговорили. Между прочим, вчера я получила Ваше письмо в тот момент, когда меня снимали, т. е. фотографировали работники кинохроники, и засняли меня читавшей Ваше письмо с большим интересом и держащей в руке Ваш конверт. Если хорошо получится карточка, pošлю ее к Вам.

Очень меня порадовало то, что Вы похвалили мои дуэты. <...> Не послать ли мне пару экземпляров дуэтов для Вашего колледжа? Я уезжаю опять в Рузу отдыхать 15 июня, и если нужно послать пару экземпляров, то я еще успею это сделать. Но как лучше адресовать? Может быть, лучше послать на Ваше имя, а Вы передадите в колледж? Если есть в Вашем колледже хоровое пение, то к осени будут изданы еще мои три песни для детского двухголосного хора – их тоже пришлю Вам. Не подумайте, пожалуйста, что я рекламирую свои сочинения – я очень скромного мнения о себе и считаю себя композитором 3-го сорта, только для детей!

В настоящее время я больше занимаюсь строительными делами, требующими большого внимания. До сих пор еще не приступили к строительству, т. к. все большие работники перегружены большим строительством, которое сейчас идет в Москве. Все же надеюсь, что в 2 года выстроим прекрасное здание для училища, которому негде работать⁴⁷¹.

Дорогой Владимир Николаевич, я тоже очень рада нашему знакомству, верней дружбе, и считаю Вас настоящим другом, с которым мне очень приятно общаться.

Напишите мне имя и отчество Вашей жены, – думаю, что она такая же милая как Вы!

Владимир Николаевич! пожалуйста не переутомляйтесь, делайте большие паузы в работе. Завтра, 31го, мне исполняется 92 года, и я имею дерзость надеяться на то, что проживу до 95 лет. Если это случится, то будем вместе праздновать мое 95-летие! А пока давайте жить и бодрствовать! Будем все здоровы и благополучны! Крепко жму Вашу руку, шлю благодарность Вашей жене и целую Алёшу⁴⁷². Ваша Ел. Гнесина.

5. 14 окт. [ября] [19]66

Дорогой Владимир Николаевич!

Вчера, наконец, получила Ваше письмо, которое меня очень обрадовало, – ведь я серьезно волновалась за Вас, зная о всех токийских случайных сти-

⁴⁷⁰ Сын В. Такеноучи – ему было тогда 11 лет.

⁴⁷¹ Строительство нового здания училища продолжалось восемь лет и завершилось уже после смерти Ел. Ф. Гнесиной.

⁴⁷² Сын В. Такеноучи.

хийных происшествиях. Очень рада, что тайфун не коснулся Вашего дома. Но Вы, дорогой друг, более больны, чем Вы написали мне, у Вас диабет⁴⁷³, и необходимо иметь очень хорошего врача и главное – не раз в месяц, а каждую неделю иметь анализы крови.

А я сама еще нахожусь на положении больной, не схожу с кресла и не хожу еще, но есть надежда, что недели через две мне позволят врачи стать на правую ногу, т. к. болен у меня только один палец, который заставляет меня не двигаться. Моя основная болезнь – узость сосудов, и меня без конца колют, – стараются расширить сосуды, которые не пропускают кровь на правую стопу. Надеюсь, что эти многочисленные уколы помогут!

А Вам нужно каждый день съесть целую вареную свеклу – это очень полезно! Кроме того, вероятно, Вас вместо сахара кормят сахарином, верно? Держите диету! Передайте мой привет Капиталине Николаевне и просите ее очень следить за Вашей диетой и за анализами крови каждую неделю!!

Вы собирались приехать в Москву в августе, а теперь «стихийные» неприятности? или еще что-нибудь? Да, Вы в письме спросили, что такое Руза? Это подмосковный старинный городок, и там находится дом отдыха – «Дом творчества композиторов». Я уже три лета провожу там⁴⁷⁴, но больше не поеду, т. к. там немного сыро в плохое лето, и я плохо поправила там мои больные колени! А вообще там хорошо композиторам.

Пожалуйста меньше пользуйтесь автомобилями. У нас тоже много аварий и много преступников, но мы не так много пишем о них.

Я Вас очень жду и, конечно, послушаю Вашего Алексея⁴⁷⁵, если привезете его.

Сегодня большое торжество в нашей консерватории, празднующей 100-летие. Может быть, будет все показано в телевизоре, я буду смотреть, а может быть, и у Вас будет видно.

Дорогой друг, я плохо пишу, т. к. трудно писать полулежа. Ну, до свидания, может быть скорого. Привет Вашей жене.

Дружески жму Вам руку.

Ел. Гнесина

6

Москва 22 ноября 1966г.⁴⁷⁶

Дорогой друг, Владимир Николаевич!

Получила Ваше письмо с описанием Ваших стихийных бедствий – мне стало страшно за Вас! На этот раз Вы много пережили, но окончилось для Вас благополучно, – я очень рада! Но я постоянно волнуюсь за всех уезжающих в Вашу прекрасную, но такую опасную страну! Будем надеяться, что впереди

⁴⁷³ В дальнейшем В. Такеночу объяснил Ел. Ф. Гнесиной в своем письме, что у него нет диабета. Сама Елена Фабиановна страдала диабетом, поэтому так беспокоилась о нем в связи с этой предполагаемой болезнью.

⁴⁷⁴ В 1966 году Ел. Ф. Гнесина была в Доме творчества композиторов «Руза» уже в четвертый раз.

⁴⁷⁵ Сын В. Такеночу.

⁴⁷⁶ На именном бланке художественного руководителя ГМПИ им. Гнесиных.

все будет без тайфунов! без таких страшных наводнений, как в несчастной Италии. Я рада, что Ваше здоровье поправилось, но все-таки будьте осторожны и поменьше кушайте пирожков и пирожных! Помните, что диабет очень серьезное заболевание! Употребляйте больше фруктов, вероятно, они имеются у Вас. Я очень плохо и некрасиво пишу, так как я все еще не совсем здорова, больше лежу и сижу в кресле. Приходится мне терпеливо ждать, когда заживет мой больной палец на ноге. Я рада, что Вы начали играть и любите Скрябина. И Рахманинов и Скрябин – мои товарищи по консерватории, дети Скрябина учились в нашей школе. После смерти Ал. Ник. Скрябина его жена, Татьяна Федоровна, увезла детей в Киев, и там случилось страшное несчастье: кто-то из друзей взял с собой покатать в лодке Юлианчика, необыкновенно талантливого 11-летнего мальчика, и этот «друг» не заметил, что Юлиан перегнулся на лодке, схватив водоросли, и... не появился – утонул! А С. В. Рахманинов, тоже мой бывший товарищ и друг, сказал как-то: «Слава Богу, что у моих дочерей (маленьких) нет таланта, а то бы и они учились в Вашей школе». Когда Вы приедете в Москву и буд[ете] у меня, я покажу Вам всех моих друзей. Я не узнаю своего почерка, так плохо я пишу. Во-первых, оттого, что плохо сижу, но и оттого, что очень плохое у меня перо. В Японии, наверное, перья лучше, чем у нас, – привезите мне пару перышек и Вашу милую жену Капитолину Александровну⁴⁷⁷ попросите, если не трудно, прислать еще парочку книжечек с пудрой, которые Вы мне раз присылали. Я их очень бережно употребляю!

Я не знаю, о каком польском пианисте Вы писали⁴⁷⁸. А играл ли у Вас мой бывший ученик Лев Оборин? Не знаю, был ли в Японии Оборин.

Мое строительство очень медленно продвигается, несмотря на мои просьбы и требования работать более активно, очень хлопот много, и руководить мне по телефону, конечно, очень трудно. Все-таки хочется надеяться, что через 2–3 года выстроим хороший дом, – придется мне постараться прожить еще 3 года, – ведь уже тогда исполнится 95 лет моей долгой жизни: посмотрим что будет!

А пока я желаю Вам и Вашей семье всего доброго, главное – здоровья!

Ваша Ел. Гнесина

7

[Январь 1967]⁴⁷⁹

Дорогой Владимир Николаевич!

Я получила и Ваше поздравление с Новым годом и вслед за ним закрытое письмо, которое меня очень обрадовало, – значит, Вы благополучны и более или менее здоровы, и не попали ни в автомобильную, ни в стихийную катастрофу, а у вас там всего много, судя по газетным сообщениям. Спасибо за

⁴⁷⁷ Правильно – Капитолину Николаевну.

⁴⁷⁸ В. Н. Такеноччи писал о пианисте Джевицком (правильнее – Джевецком), бывшим председателем жюри на Конкурсе имени Шопена в Варшаве.

⁴⁷⁹ На именном бланке художественного руководителя ГМПИ им. Гнесиных. Датировано по содержанию – в ответ на новогоднее поздравление В. Н. Такеноччи от 30 декабря 1966 года.

обещанные посылки, но как я «отомщу» Вам за них – не знаю! Как хорошо, что играете – становитесь пианистом! А я уже целый год даже не бываю в своем кабинете, около рояля, но все еще надеюсь победить свои слабые ноги, которые разучились ходить. Я рада, что в Токио приедет мой Лев Оборин – только он очень растолстел и подурнел, а отлично играет! Постарайтесь его увидеть и передать ему привет от его старой преподавательницы, у которой он давно не был, а Вы у меня были! Давид Федорович Ойстрах, конечно, отличный скрипач, но сын его Игорь играет хуже отца, поэтому играет больше вдвоем (с отцом) – двойные концерты. Вас интересует мой бывший учитель П. Ю. Шлецер? – Но эти прекрасные 2 этюда – лучшие его сочинения. Из моих учителей, конечно, самый талантливый был В. И. Сафонов, у которого я занималась только 2 года; когда он стал директором Консерватории, то должен был передать свой фортепианный класс⁴⁸⁰, и я перешла в класс молодого профессора Ферруччио Бузони, чрезвычайно талантливого пианиста, который вскоре стал очень знаменитым и любимым; а у Шлецера я училась только 2 года; но его не любила как человека. А этюды его, особенно лябемоль мажорный, превосходны и очень полезны. Сознаюсь Вам, что я не очень люблю самых новых композиторов ни западных, ни наших. Не все люблю у Прокофьева, а еще меньше у Шостаковича. Люблю настоящее творчество в искусстве XIX столетия: музыку, поэзию, живопись, а современные мне не симпатичны, простите за откровенность! Будьте здоровы, оберегайтесь гриппа – в Москве он свирепствует! Может быть, еще нет у Вас гриппа? Будьте здоровы. Ел. Гнесина

⁴⁸⁰ Точнее – передал часть учеников своего класса.

Деловые письма (в различные инстанции)

Еленой Фабиановной Гнесиной было написано бесчисленное множество деловых писем, направленных в различные инстанции. Очень многие из них она предварительно составляла в черновом варианте, который сохраняла в своем архиве. Благодаря этому сохранилось около 400 писем, которые представляют в каком-то смысле захватывающий интерес: они характеризуют удивительные качества Гнесиной-человека, всегда готового добиваться решения поставленных задач, добиваться справедливости. Здесь показательны и искусство обращения к начальству, умение учитывать многие психологические нюансы (и человеческое доверие, и вера в правоту дела, и сочетание деловой настойчивости и бескомпромиссности с доброжелательностью и искренностью). Конечно, впечатляет и часто встречавшееся в ее письмах начальное обращение «Прошу дочитать до конца!»

Большинство обращений касалось насущных потребностей учебных заведений имени Гнесиных. «Искусство служебной переписки» (конечно, на практике подкрепленное непрерывным хождением по инстанциям) Ел. Ф. Гнесина начала осваивать с начала 1920-х годов. С середины 1930-х годов (и до конца жизни!) она постоянно вынуждена обращаться к чиновникам различного уровня по вопросам строительства зданий. По много раз приходилось обращаться с одними и теми же просьбами, добиваясь решения вопроса. Отмечая, что легче действовать «сверху вниз, чем снизу вверх», она нередко обращается к правительственным чиновникам самого высокого уровня, иногда через очень короткий срок, требуя выполнения низшими инстанциями данных свыше распоряжений. Среди адресатов Гнесиной можно найти широко известных политических деятелей: это Молотов, Хрущев, Маленков, Ворошилов, Микоян, Косыгин, Луначарский, Булганин, Шверник, Каганович, Сулов, Фурцева и др.

В целом, в письмах в инстанции предстает настоящая «эпопея» борьбы Гнесиной за воплощение в жизнь всех ее деяний. Конечно, здесь публикуются лишь немногие письма. Помимо вопросов существования, развития и строительства учебных заведений имени Гнесиных Елена Фабиановна постоянно писала по животрепещущим вопросам, затрагивавшим интересы и судьбы всего музыкального образования страны, всех педагогов-музыкантов. И здесь ей удавалось способствовать предотвращению самых опасных решений по работе всех музыкальных учебных заведений и добиться успеха во многих важных начинаниях.

Ел. Ф. Гнесина, однако, далеко не всегда достигала успеха быстро, случалось проходить через многие испытания. Не всегда ей удавалось победить, более того, в ее судьбе порой бывали целые периоды изнурительной и тягостной борьбы. Об этом говорят письма 1930–31 годов, когда «рапмовцы» заняли почти все основные позиции в руководстве музыкальными учреждениями и атаковали Михаила Фабиановича Гнесина. В 1929 году организованная рапмовцами некая комиссия назначает директором техникума никому не известного «партийца», который вскоре доходит до призыва «выселить посторонних жильцов» (то есть Гнесиных) из здания (где им предоставлено пожизненное пользование их комнатами!). В самом техникуме к атакам извне подключается один из видных педагогов – Э. Г. Гельман, в прошлом соученик Гнесиных по классу Сафонова и участник ряда тех же обществ, что и Гнесины. Он также выступает с политическими терминами применительно к дискуссии о современных принципах педагогики. Обращения в инстанции этого времени больно читать: сколько пришлось пережить Елене Фабиановне в ситуации, когда дело ее жизни было поставлено на грань уничтожения и приходилось систематически подвергаться унижительным оскорблениям в учебном заведении, созданном собственными силами.

Тем не менее она ведет себя исключительно мужественно. Вся «история» закончилась в июне 1932 года, после чего Э. Г. Гельман был подвергнут обструкции педагогами техникума и покинул учебное заведение. Все материалы, связанные с «военными дейст-

виями» 1932–33 годов, Ел. Ф. Гнесина хранила в своем архиве под названием «Гельманияда» (не без остроумия!)⁴⁸¹. В 1943 году, когда Э. Г. Гельман обратился к Гнесиной с просьбой принять его вновь на работу в училище (после всех событий!), повинувшись чувству справедливости, она ответила, что «всегда считала его хорошим учителем», но работать вместе они уже больше не смогут.

1
В Москоммуну⁴⁸²

В Москоммуну
8 апреля 1921 2-й Моск. Государств. Музык. Школы
№ 760

Заявление

2-я Моск. Госуд. Муз. Школа в лице своих руководителей несет ответственную и тяжелую работу по просвещению. В то же время почти все руководители испытывают острую нужду и совершенно не обеспечены в материальном отношении. Почти никто не имеет никакого пайка и, занимаясь педагогическим трудом, который требует максимального напряжения всех сил, не имеют возможности без ущерба для дела заняться каким-либо побочным заработком. Неоднократно уже поднимался вопрос об улучшении материального положения руководителей школы, но до сих пор ничего не было сделано.

В настоящий момент, когда к концу учебного года руководители отдают последние свои силы, – 2-я Государств. Муз. Школа поставлена в необходимость обратиться с просьбой выдать своим сотрудникам, не получающим нигде пайка и нижепоименованным, карточки серии «А» взамен карточки серии «Б»⁴⁸³.

Заведующая: Ел. Гнесина

2-я Госуд. Муз. Школа постановлением президиума Музо признана образцовой показательной школой. Ходатайство зав. шк. тов. Е. Ф. Гнесиной Музо поддерживает со своей стороны.

Подпись Заведующего Музык. Отделом

Красина

⁴⁸¹ ММКЕлФГ, IX – 40.

⁴⁸² ММКЕлФГ, IX – 53. Рукопись на бумаге со штампом «Р. С. Ф. С. Р. Музыкальный Отдел Н. К. П. 2-я Московская Государственная Музыкальная школа (Двухступенная). Собачья площадка, 5». На 2 л. Помечено: Копия. Это название Школа (Училище) Гнесиных носила с 1919 года.

Данное обращение относится еще к периоду военного коммунизма, когда все продукты распределялись по карточкам. Распределение пайков и выдача карточек находились в ведении Москоммуны.

⁴⁸³ Очевидно, карточки серии «А» были другого уровня обеспечения. На письме есть отметка о том, что уже 11 апреля карточки были обменены.

(Далее следует список из 18 сотрудников, заверенный Ел. Гнесиной и приписка за подписью Наркома Луначарского: «Всемерно поддерживаю это ходатайство». 9/IV)

2

Заведующей МООНО тов. Любимовой (копия Начальнику Главискусства т. Ф. Я. Кон)⁴⁸⁴

Заявление

Свое заявление я подаю от моего имени – Заведующей Учебной частью Гос. Муз. Техникума им. ГНЕСИНЫХ и от всех ГНЕСИНЫХ – сотрудников в данном Техникуме, названных в официальном обращении Наркома (в день 30-тилетнего юбилея Техникума в 1925 г.) «столь заслуженной семьей».

Чествуя нас, Советская Власть и советская общественность отмечала, что уже в дореволюционный период своего существования основанный нами Техникум завоевал себе исключительно высокую репутацию; многие начинания, утвердившиеся в этом учреждении уже четверть века назад, как бы предваряли современные подходы к задачам музыкальной педагогики: организация первого в стране детского хора, способного исполнять многоголосные, художественные произведения; поднятие на значительную высоту коллективных классов вообще; поощрение композиторов к созданию нового педагогического репертуара и, следовательно, инициативная роль в создании выдающимися музыкантами целой новой области музыкально-педагогической литературы; перенесение принципов наглядного обучения – с элементами игры – в область преподавания музграмоты детям (музыкальные диктанты с помощью воспроизведенных в металле наглядных нотных знаков); привлечение старших учащихся к педагогической работе под руководством их учителей и т. д. С момента огосударствления (1919 г.) Техникум значительно развился во всех отношениях. Деятельность детского хора на младшем отделении (Школа 1-й ступени) выросла до выступления с детскими операми – одна из них написана учеником Техникума. На старшем отделении (собственно Техникум) сформировались новые разделы – вокальный и композиторский, позже – классы духовых инструментов и оркестр. В классах композиции были сделаны первые в СССР и плодотворные попытки приучать и поощрять учащихся к свободной композиции с самых первых шагов обучения, параллельно с прохождением теоретических курсов. Первый из всех Техникумов Москвы – Техникум им. ГНЕСИНЫХ ввел у себя Учком, т. е. организацию учащихся, тотчас же приступившую, совместно с руководителями, к детальной проработке планов организованной концертно-производственной практики для учащихся в подшефных учреждениях и раз-

⁴⁸⁴ ММКЕЛФГ, IX – 31/3. Машинопись, на 2 л. Датирована 28 ноября 1930 года. Опубликовано: Елена Гнесина: Я чувствую себя обязанной... (публикация И. П. Шеховцовой и В. В. Троппа) // Муз. академия. 1998. № 3–4. Кн. первая. С. 130–131.

МООНО – Московский отдел народного образования, в ведении которого находились музыкальные техникумы. Более распространенная аббревиатура – МОНО.

личных рабочих клубах. К моменту 30-летия Техникума деятельность ученических организаций в этом отношении дала свои плоды, и в числе чествовавших Гнесиных были восторженные группы красноармейцев.

Техникум выпустил за годы своего существования многочисленные кадры педагогов, работающих в различных пунктах Союза; обслужил консерваторию ценными представителями нового студенчества на различных ее отделениях и сформировал несколько выдающихся артистов, в том числе знаменитого теперь советского виртуоза **ОБОРИНА**.

Учитывая самоочевидную роль в жизни Техникума ряда представителей семьи Гнесиных, явившихся и основателями этой школы, – Советская власть отметила эту плодотворную роль, постановив присвоить Техникуму наименование «Техникума им. Гнесиных», возведя в звание заслуженных артисток основателей школы Евгению Фабиановну и Елену Фабиановну Гнесиных и предоставив в пожизненное пользование помещение, занимаемое сотрудничающими в Техникуме представителями семьи Гнесиных.

В последующие годы до настоящего момента продолжался неуклонный рост и совершенствование Техникума, откликавшегося на все требования, которые ставит музыкальному искусству и школе вообще советское социалистическое строительство. Однако со стороны лиц, в последний год заведующих Техникумом и распоряжающихся его судьбой, наметилась линия совершенно иного отношения к Техникуму и его художественным руководителям, чем то, которое засвидетельствовано вышеупомянутыми постановлениями. Нисколько не дорожа существованием этого учреждения, эти лица прилагали заботы к его разрушению путем слияния с другим Техникумом и уж, во всяком случае, к уничтожению в нем каких-либо следов художественного влияния Гнесиных. Мало того, подвергая систематическим унижениям всех нас, стараются сделать нашу жизнь при Техникуме невыносимой; последнее время, объявляя в грубой форме «ПОСТОРОННИМИ ЖИЛЬЦАМИ», настаивают уже официально на выселении нас всех из предоставленного нам пожизненно помещения⁴⁸⁵. Здесь нужно добавить, что в виду тесноты помещения Техникума Гнесины всегда предоставляли и предоставляют свои личные комнаты под занятия для разнообразных педагогов.

Первые признаки такого нового к нам и к самому Техникуму отношения наметились года три назад, когда в должности инспектора ОХОБРа⁴⁸⁶ при МОНО состоял один из бывших членов партячейки Консерватории и когда со-

⁴⁸⁵ Подобное заявление направлено в МОНО от имени заведующим техникумом Крыжановского и заведующим хозяйством техникума 21 ноября 1930 года. В нем указывается на необходимость предоставления жилплощади посторонним жильцам, проживающим в доме, в том числе Елене, Евгении, Ольге и Михаилу Гнесиным.

⁴⁸⁶ ОХОБР – Отдел художественного образования (являлся в свою очередь подразделением Профобра – отдела профессионального образования). Ел. Ф. и Евг. Ф. Гнесины принимали деятельное участие в работе МУЗО – Музыкального отдела Наркомата просвещения – и ОХОБРа в первые послереволюционные годы: так, Елена Фабиановна была заведующей хозяйственным отделом культурно-просветительской комиссии при Месткоме МОНО, а Евгения Фабиановна – заведующей секцией музыкальных школ МОНО, разрабатывала новые программы для музыкальных учебных заведений.

трудничающий в Техникуме проф. Консерватории Мих. Фаб. ГНЕСИН повел борьбу за существование при Консерватории Педфака⁴⁸⁷. В этой борьбе проф. М. Ф. Гнесин вынужденным образом стал выступать против групп партийцев, руководивших тогда Консерваторией и неизбежным образом направлявших свое влияние в сторону разрушения лучших ценностей, созданных Революцией в области музыкального просвещения. Эта длительная и трудная борьба, закончившаяся полной победой – сохранением Педфака, реорганизацией Консерватории и очисткой ее партийных организаций от целого ряда недостойных представителей – зато больно отразилась на судьбе Техникума им. Гнесиных. Партячейка Консерватории, в ее прежнем составе (до ее окончательного поражения), посылала в прикрепленную к ней ячейку Техникума одного за другим специальных представителей для создания в Техникуме настроения, враждебного к Гнесиным и к самому Техникуму; в то же самое время и в недрах МОНО работавшие там представители той же консерваторской ячейки сверху старались, как могли, вредить Техникуму. Дело дошло до обследования Техникума. Когда, несмотря на все усилия потопить учреждение, обследование показало лишь, что действия ячейки при Техникуме были признаны неправильными и информации, сообщаемые в МОНО, в Рабис – ложными, – были сделаны попытки утаить от прессы результаты обследования. Эта линия дискредитирования общественной репутации Техникума и художественного руководства Гнесиных продолжается и по сие время. За последний год вопрос о закрытии или слиянии Техникума ставился многократно, и если бы не мои личные каждый раз старания, он, при содействии самой же администрации Техникума и одного из педагогов, преследующего личные интересы, – давно уже был бы разрушен. Отношение же к представителям семьи Гнесиных приняло в последнее время формы совершенно невыносимые и для нас – преданных Советской власти людей многолетнего творческого труда – принципиально не приемлемые.

Коли авторитетные органы Советской власти подтвердят, что уничтожение влияния Гнесиных на музыкальную жизнь Техникума им. Гнесиных необходимо; что уничтожение самого Техникума также представляется делом, полезным для формирования новых кадров пролетарских работников; что почетное для нас признание со стороны Советской власти заслуг Гнесиных – присвоение Техникуму нашего имени, предоставление в пожизненное пользование занимаемого помещения, дарование звания заслуженных деятелей искусства, – если все это было ошибкой, нуждающейся в исправлении, – нам останется лишь смириться и принять неизбежное. Но если авторитетные органы власти продолжают считать, что деятельность Гнесиных является полезной для музыкальной жизни в Советской России и что мы по справедливости признаны заслуженными работниками, то я убедительно прошу дать понять администрации Техникума и ближайшей по соподчинению инстан-

⁴⁸⁷ М. Ф. Гнесин был деканом Педагогического факультета Московской консерватории – «Педфака». См. об этом: Рыжкин И. Я. Мои встречи с Михаилом Фабиановичем Гнесиным // Гнесинский исторический сборник. М., 2004. С. 38–58.

ции, что подвергать систематической травле полезных делу и заслуженных работников, создавая для них обстановку, отравляющую и работу, и самую жизнь, – не входит в задачи и обязанности представителей Советской власти.

Завед. Учебной Частью Техникума

Заслуженн. Арт.[истка]

Ел. Гнесина

28 ноября 1930 г.

г. Москва

3

Народному комиссару по просвещению А. С. Бубнову⁴⁸⁸

Народному Комиссару по Просвещению
тов. Бубнову
[от] Заведующей Учебной Частью
Гос. Муз. Техникума имени Гнесиных
Заслуженной артистки
Елены Фабиановны Гнесиной

Заявление

Я решаюсь беспокоить Вас только лишь потому, что ближайшие в смысле соподчинения органы власти и лица, по-видимому, не могут мне помочь.

После 36 лет напряженной работы в области музыкального образования, после 12 лет работы при Советской власти, работы в целом ряде случаев отмеченной Наркомпросом в качестве особо ценной и полезной, я попала в крайне трудное морально положение, из которого не вижу выхода. Меня как заведующую учебной частью в Муз. Техникуме им. Гнесиных заставляют вести административную работу совместно с человеком, на протяжении нескольких лет явно домогающимся моего смещения и занятия моего места, пользуясь каждой возможностью дискредитировать меня и всю семью музыкантов Гнесиных, основателей Техникума. Преподаватель музыки Э. Г. Гельман, именующий себя «партийцем, хотя и без партбилета», идущий к своим целям путем ложных разоблачений и пышной революционной фразеологии, сумел приобрести полноту доверия в профсоюзных кругах и нашей партячейке. При их поддержке он пытался сначала пройти в Местком Техникума, но, не получив ни одного голоса у 40 собравшихся педагогов (в их числе и молодых аспирантов и студентов В. М. Ш.⁴⁸⁹), он объяснил свою неудачу «агитацией с моей стороны» и не постеснялся публично оклеветать меня перед собранием, безответственно заявляя, что слышал, как я будто бы гово-

⁴⁸⁸ ММКЕлФГ, IX – 31/2. Рукопись, на 2 л. По содержанию датируется началом 1931 года – в этот период кампания против Гнесиных достигает апогея и приводит к уходу Ел. Ф. Гнесиной с поста заведующей учебной частью в мае того же года (см. следующее публикуемое письмо).

⁴⁸⁹ Высшая музыкальная школа – ВМШ (с 1932 года – имени Ф. Кона) – так стала называться Московская консерватория в период правления рапповцев.

рила вслух: «Гнесины уйдут в отставку, если в состав Правления Техникума войдет хоть один коммунист!» Эта вопиющая клевета встречена была возмущением всего собрания, знавшего, как я сама добивалась, чтобы в помощь мне, когда я еще заведовала Техникумом, был назначен партиец. Однако, клевета, пущенная т. Гельманом, по-видимому, произвела свое действие на Заведующего Техникумом тов. Крыжановского и других партийцев, и вскоре же тов. Гельман был назначен Заведующим непрерывной производственной практикой в Техникуме для совместной со мной работы, как бы нарочно, чтобы дело не ладилось или чтобы вынудить мою отставку. Но ведь это еще надо доказать, что деятельность тов. Гельмана является более полезной для Техникума, чем моя. Я заявляла, что работать совместно с т. Гельманом для меня – непосильная задача, но мои заявления не принимались во внимание. Я делала все от меня зависящее, чтобы все же помогать налаживанию производственной практики – в условиях отсутствия личных отношений с Завед. практикой, и работа шла более или менее удовлетворительно, хотя, конечно, такие обстоятельства не могут благоприятствовать делу. Когда, на этих днях, на заседании профкома учащихся заслушивался отчет т. Гельмана о проведенной работе⁴⁹⁰, он воспользовался случаем заявить о помехах в его работе с моей стороны, вновь оклеветав меня заявлением, что мне будто бы «идеологически чужда мысль о непрерывной производственной практике»⁴⁹¹. Протокол собрания с такого рода моей характеристикой постановлено разослать в целый ряд учреждений.

Вопрос стоит сейчас так, что мне действительно как будто бы приходится подавать в отставку. Но как решаться на это, зная, что результатом явится назначение Заведующим на мое место т. Гельмана (только и добивающегося этого), человека неспособного удержать Учреждение на высоте, на которой оно стоит уже столько лет; следующим же шагом, несомненно, явится уничтожение этого ценного Учреждения путем слияния с какой-нибудь другой школой. Помимо того, полностью сочувствуя переводу музыкальной учебы на практические рельсы, я чувствую еще в себе достаточно силы и энергии для работы. Прошу помочь мне в этом случае тем или другим мероприятием или советом. Ел. Гнесина

4

Заведующей Гороно тов. Дубровиной⁴⁹²

Заявление

Работая непрерывно больше 36 лет в созданном мной и моими сестрами учреждении, горячо любя дело и не утратив сил и энергии для дальнейшей ра-

⁴⁹⁰ Во время этого отчета Э. Г. Гельман подвергся серьезной критике.

⁴⁹¹ Левацкие идеи о «непрерывной производственной практике» всячески внедрялись рапповцами в деятельность учебных заведений, и в Московской консерватории был введен «бригадный метод» обучения, разрушавший всю сложившуюся структуру работы консерватории.

⁴⁹² ММКЕЛФГ, IX – 31/5. Рукопись, 1 л. Датирована 4 мая 1931 года. Опубликовано: Елена Гнесина: Я чувствую себя обязанной... // Муз. академия. 1998. № 3–4. Книга первая. С. 131.

Гороно – Городской отдел народного образования.

боты, – прошу освободить меня от заведования учебной частью, т. к. в создавшейся вокруг меня обстановке я работать больше не могу. Свою чисто педагогическую деятельность, не связанную с административной, конечно, буду продолжать.

Заслуженная артистка
Ел. Гнесина

4/V 31

5

Ел. Ф. Гнесина – начальнику Главискусства тов. Ф. Я. Кону (копия: народн[ому] Комиссару по Просвещению тов. А. С. Бубнову)⁴⁹³

Заявление

Я чувствую себя обязанной указать на готовящуюся крупную ошибку на фронте музыкального образования, в будущем на фронте искусства.

Если из боязни молчат другие музыканты-педагоги, вполне со мной солидарные, то буду говорить одна я, т. к. необходимо спасти положение пока не поздно.

Я говорю о решении ликвидировать детскую специальную музыкальную школу⁴⁹⁴. Этот вопрос таким образом разрешается в момент, когда в Москве и области необходимо открыть десятки именно детских музшкол, чтобы удовлетворить всех детей рабочих, в которых пробудилось желание серьезно учиться музыке.

Почему такие важные вопросы решаются помимо музыкальной общественности? Почему инициаторы этой идеи не созвали музыкантов-педагогов, работников специальных музшкол, деятелей искусства и не запросили их мнения? Почему в этом вопросе не смотрят вперед? Разрушить детскую специальную музшколу – значит уничтожить смену, все наше музыкальное будущее, значит к концу второй пятилетки остаться без хороших пианистов, скрипачей и других инструменталистов. Нельзя сделать пианиста или скрипача, если не учить его с детства. В нашей школе очень много одаренных детей, которые учатся параллельно в школе-семилетке и успевают отлично и в той, и другой школе. Эти дети являются в школе-семилетке музыкальным активом, инициаторами музыкальных кружков, аккомпаниаторами хорового пения и исполнителями на школьных вечерах самодеятельности. Но школа-семилетка, куда предполагается перенести кружковые музыкальные занятия, конечно, не даст никакой подготовки музыкально одаренным детям. Все это возможно в будущем, когда занятия в школах-семилетках не будут идти в две и три смены, когда школы будут обеспечены специальными комнатами и инструментами для занятий. Если не будет специальной музшколы, то как будет комплектоваться Техникум? И может ли Техникум с 3-летним курсом

⁴⁹³ ММКЕлФГ, IX – 31/4. Машинопись, на 3 л. Датировано 22 мая 1931 года. Опубликовано: Елена Гнесина: Я чувствую себя обязанной... // Муз. академия. 1998. № 3–4. Книга первая. С. 132.

⁴⁹⁴ Под специальными музыкальными школами подразумеваются именно детские музыкальные школы в современном их значении.

обучения, принимая без технической подготовки пианистов и инструменталистов, выпустить их с законченной средней квалификацией в 3-годовалый же срок. Всем ясно – что в настоящий момент необходимы, главным образом, инструктора, и их должны дать Техникумы, но к концу следующей пятилетки мы должны приготовить не только квалифицированных педагогов, но и массу артистов всех специальностей, и чтобы избежать на этом фронте краха в будущем, мы должны не только не разрушать детские муз. школы, а создавать их в возможно большем количестве.

Месяц назад в стенах Наркомпроса, на конференции по муз. воспитанию один из педагогов сетовал на то, что в том Сокольническом районе, где сосредоточены в школах дети рабочих, – нет ни одной специальной музшколы. В ответ на эти слова я предложила открыть в Сокольническом районе филиал нашей детской школы, если будет предоставлено помещение и инструменты, кстати, для учащихся-педагогов нашего Техникума явилась бы база для производственной педагогической практики. Администрация 7-й школы СОНО⁴⁹⁵ ухватилась за мое предложение и объявила в школе о возможном открытии муз. школы. В результате получено столько заявлений от ребят, желающих учиться музыке, что мы теперь озадачены, каким образом удовлетворить всех музыкальной учебой.

В настоящее время, в декаду музыки пионера и школьника, я провела несколько концертов при исключительном участии детей учащихся в нашей детской музшколе. Ребята, преимущественно дети рабочих, переполнявшие аудитории всех концертов, с энтузиазмом принимали детей-исполнителей, а в антракте и по окончании концертов осаждали меня вопросами: «А нам можно поступить в вашу школу? А мы тоже будем хорошо играть?, а когда прийти на прием?» и т. д.

Повторяю: в момент, когда дети рабочих захотели учиться музыке, не время закрывать для них детские музыкальные школы, а необходимо расширить сеть их. Кроме того, закрытие специальных музшкол неизбежно приведет к кустарничеству и дилетантизму, к массовым частным урокам, которые будут вестись без надлежащего руководства и без проверки.

Укажу еще на одну ошибку. В МУЗГИЗе сейчас идет отборка педагогической детской литературы, причем больше 80% уже изъято. Детская музыкальная литература вообще скудна, в ней есть, конечно, порядочно дребедени, которую действительно пора изъять, но уничтожить 80-85% литературы, не создавши пока почти ничего взамен, значит, к осени, к началу учебного года оставить детей совершенно без нот. И сейчас уже почти ничего нельзя достать в нотных магазинах. Очень прошу и на это обратить внимание.

Я считаю своим долгом педагога-специалиста указать на эксперименты, которые могут в будущем оказаться губительными на фронте музыкальной культуры.

⁴⁹⁵ СОНО – Сокольнический отдел народного образования.

Ел. Гнесина

22/V-31 года

6

В Президиум Верховного Совета РСФСР⁴⁹⁶

20 июля 1943 г.

В Президиум Верховного Совета РСФСР

Ввиду того, что преподаватели начальных и средних учебных заведений, имеющие большой стаж и высокое качество работы, несколько лет назад удостоены звания «Заслуженного Учителя», прошу президиум Верховного Совета об установлении такого же Звания для педагогов Музыкальных Учебных Заведений.

Эти педагоги, незаметные, скромные труженики, хотя и имеющие в подавляющем большинстве высшее спец[иальное] образование, готовящие кадры будущих артистов, лауреатов, композиторов, оркестровых и ансамблевых музыкантов, также имеющие стаж и высокое качество работы, способствующие повышению культурного уровня населения нашей страны, – должны быть приравнены к педагогам общеобразовательных школ и иметь такое же право на получение звания Заслуженного Учителя музыки. Этот вопрос я понимала не раз на пленумах ЦК Работников Искусств и в других инстанциях (в области искусств); мое предложение будто бы принималось, но осталось безрезультатным.

Директор Муз. Училища им. Гнесиных
Заслуженный деятель искусств

Депутат Моссовета

Орденосец Ел. Гнесина

7

А. Н. Косыгину⁴⁹⁷

22 декабря 1943 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Николаевич!

Решаюсь просить Вас о помощи в отношении нашего строительства. Через год исполнится 50 лет нашему Училищу, Школе и моей бессменной

⁴⁹⁶ ММКЕЛФГ, IX – 114. На именном бланке директора Государственного музыкального училища им. Гнесиных. Рукопись, 1 л.

⁴⁹⁷ ММКЕЛФГ, IX – 466. На именном бланке директора Государственного музыкального училища им. Гнесиных. Рукопись, на 1 л.

Эпопея строительства здания ГМПИ им. Гнесиных растянулась на много лет и составила три этапа (строительство первой очереди было закончено в 1946 году, второй – в 1950-м, а Концертный зал был построен в 1958-м). Ел. Ф. Гнесиной пришлось бесконечно, практически ежедневно заниматься вопросами строительства, о чем, в частности, свидетельствуют ее многочисленные обращения к различным руководящим деятелям разного уровня. Так, только к В. М. Молотову она обращалась по этим вопросам не менее семи раз.

деятельности как директора. Новое здание, которое должно было быть достроено к 45-летию нашего учебного заведения, осталось недостроенным и, в связи с войной, законсервированным при 65–70% его готовности. Если бы окончание строительства могло быть передано такой мощной организации, как «Главвоенпромстрой», то наше здание было бы уже готово осенью 1944 и мы могли бы, наконец, начать работать в нормальной для учебы обстановке. Я говорила с начальником «Главвоенпромстроя» тов. Прокофьевым, и он дал понять, что он заинтересуется нашим строительством только в том случае, если С. Н. К. возложит окончание этого здания на «Главвоенстрой».

Убедительно прошу Вас взять шефство над нашим учебным заведением и помочь нам окончить строительство к его пятидесятилетию.

Директор
Заслуженный деятель искусств
Орденосец, профессор
Ел. Гнесина

8

В. М. Молотову⁴⁹⁸

18 ноября 1944 г.

Дорогой Вячеслав Михайлович!

Мне, право, очень тяжело надоедать Вам и снова беспокоить Вас, но я бесконечно тревожусь за своевременную достройку нашего здания. Боюсь не дожить до этого, т. к. тов. Пронин включил его в план строительства 45 года, (не указывая в каком квартале), несмотря на то, что оно было уже в плане 4-го квартала 44 года. Я начала усиленно хлопотать о достройке еще в мае месяце, и я в отчаянии оттого, что полгода потеряно.

Если наше здание не будет готово к лету, для нас это будет крахом, катастрофой, т. к. мы, в обстановке нашей невероятной тесноты⁴⁹⁹, не только не сможем открыть приема на II курс нашего Вуза, но вынуждены будем закрыть прием в Училище и Школу, что крайне тяжело именно в пятидесятилетие Училища.

Вячеслав Михайлович! Ведь наше строительство началось 10 лет назад – в день 40-летнего юбилея нашего Училища Правительство выделило специальные средства для строительства нового здания. С тех пор я непрерывно борюсь за него и затратила массу энергии, сил и здоровья. А теперь, когда осталось только достроить здание, дело не двигается.

Вячеслав Михайлович! Мне уже 70 лет, из них я 50 лет жизни всецело отдала делу выращивания кадров квалифицированных, хорошо образованных музы-

⁴⁹⁸ ММКЕлФГ, IX – 473. На именном бланке директора ГМПИ им. Гнесиных. Рукопись, на 1 л. Впервые опубликовано: Документы по истории учебных заведений имени Гнесиных (публикация с комментариями В. В. Троппа) // Гнесинский исторический сборник. К 60-летию РАМ им. Гнесиных: Записки Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной. М., 2004. С. 160–161.

⁴⁹⁹ Институт имени Гнесиных начал работу в 1944 году в особняке на Собачьей площадке (Дом Хомякова), где размещалось и Училище им. Гнесиных, а также и проживали иногородние студенты. 50-летие Училища и Школы имени Гнесиных отмечалось в феврале 1945 года.

кантов, – дайте же мне возможность еще год-два поработать в новом здании, и дайте тов. Пронину твердое распоряжение о срочной достройке здания к лету.

Помогите мне! Ел. Гнесина

9

А. Н. Косыгину⁵⁰⁰

На письме резолюция А. Н. Косыгина:

Т. Попову⁵⁰¹

Прошу принять меры.

Дайте ответ т. Гнесиной.

Подпись (А. Косыгин). 2. IV

Государственный музыкально-педагогический институт
им. Гнесиных.

Директор

Профессор Е. Ф. Гнесина

28 марта 1945г. Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Николаевич!

Согласно распоряжения СНК от 19 ноября 1944 г. № 21607–р Мосгорисполком обязан был возобновить с 1 марта 1945 г. работы по строительству учебного корпуса Муз. пед. Института и училища имени Гнесиных с тем, чтобы закончить строительство к 1 ноября 1945 года.

Целому ряду наркоматов вменено в обязанность выделять для строительства необходимые материалы и оборудование.

Довожу до Вашего сведения, что распоряжение СНК совершенно не выполняется. Госплан не только не предусмотрел выделение материалов на II квартал, но не выделил ничего ровно и в I кварт.[але], чем срывается весь план строительства. Таким образом наш институт стоит под угрозой остаться снова без своего здания, что равносильно закрытию института, т. к. не будет никакой возможности перевести студентов I курса на II курс, объявить прием на I курс, а также открыть десятилетку. Все это – катастрофа для учебного заведения на 51-м году его существования.

Убедительно прошу вас принять решительные и срочные меры к тому, чтобы распоряжение СНК о достройке нашего здания было выполнено в указанный срок.

Директор проф. Ел. Гнесина.

10

В. П. Зотову⁵⁰²

⁵⁰⁰ ММКЕлФГ, № IX – 476. Печатается по копии, присланной Ел. Ф. Гнесиной с резолюцией А. Н. Косыгина (копия заверена). Машинопись, на 1 л. Впервые опубликовано: Гнесинский исторический сборник. М., 2004. С. 163–164.

⁵⁰¹ Очевидно, резолюция адресована В. Ф. Попову – заместителю наркома Государственного контроля СССР.

⁵⁰² ММКЕлФГ, IX – 156. На именном бланке директора ГМПИ им. Гнесиных. Рукопись, на 1 л.

13 февраля 1947 г.

Зам. Министра Торговли СССР
тов. Зотову В. П

Глубокоуважаемый Василий Петрович!

Очень прошу Вас оказать любезное содействие в выделении по твердой цене печенья и конфет на 300 человек педагогов и сотрудников, которые соберутся у нас 15-го февраля в день ежегодного праздника основания нашей школы и Училища (52-я годовщина!).

Заранее горячо благодарю Вас.

Директор

Проф. Ел. Гнесина

11

В ЦК ВКП(б) тов. Суслову М. А. ⁵⁰³

5 мая [1949] г.

Глубокоуважаемый Михаил Андреевич!

В качестве директора Музыкально-Педагогического Института имени Гнесиных, 54 года стоя во главе этого учреждения и естественно болея душой за его судьбу, я вынуждена в данный момент беспокоить Вас рассмотрением настоящего моего заявления.

Министерство Высшего Образования и Комитет по Делах искусств вынесли решение о закрытии композиторских отделений в некоторых Консерваториях Союза. Намечено к закрытию и композиторское отделение Музыкально-Педагогического Института (и может быть Училища) имени Гнесиных – согласно распоряжения Комитета по делам искусств.

Недавно состоявшийся смотр работ молодых композиторов-студентов 17 Консерваторий должен был как бы обосновать справедливость закрытия композиторских отделений некоторых их них.

В 1923 году композиторское отделение нашего музыкального училища (позже – Института) с самого начала явилось питомником для композиторских кадров Советского Союза. Основанное Заслуженным Деятелем Искусств композитором М. Ф. ГНЕСИНЫМ, одним из немногих оставшихся в живых

⁵⁰³ ММКЕлФГ, IX – 230. Машинопись, на 5 л. – окончательный вариант, датированный 1950 годом. Печатается первый, более развернутый вариант на 7 л., датированный 5 мая 1949 года (в окончательном варианте были изъяты некоторые фрагменты, например, полностью – о заявлении про «космополитизм», о Е. Светланове). Частично опубликовано: Ел. Гнесина: Я чувствую себя обязанной... // Муз. академия. 1998. № 3–4. Кн. первая. С. 138–139.

Действия, направленные против М. Ф. Гнесина, развернулись после событий 1948 года. Были учинены разгромный «разбор» работы класса М. Ф. Гнесина, затем объявление о его неспособности работать по состоянию здоровья и, в конце концов, решение о ликвидации композиторского отделения в ГМПИ им. Гнесиных. Несмотря на старания Ел. Ф. Гнесиной и официальное выступление Т. Н. Хренникова от имени Союза композиторов в защиту М. Ф. Гнесина, все же в 1951 году Михаил Фабианович вынужден был покинуть институт и этой ценой сохранить кафедру композиции. Заметим, что эти действия были частью общей кампании, направленной против Института им. Гнесиных.

учеников Римского-Корсакова, оно всегда характеризовалось неформалистическими установками в занятиях.

Посетивший еще в 1926 году занятия в классе композиции Б. В. Асафьев отметил в своей книге «Вопросы музыки в школе» эти новые особенности в классе композиции нашего училища.

Являясь пропагандистом творчества «Могучей кучки» на протяжении всей своей жизни, М. Ф. Гнесин всегда опирался в своей педагогической работе на русскую классику. Все это может быть подтверждено Союзом Советских Композиторов, как и множеством композиторов, обучавшихся у нас.

Из наших студентов – Хачатурян, Хренников, Аро Степанян, Держинский (начатки своего образования получивший у нас) – выдвинулись в первые ряды советских композиторов. А сколько еще наших бывших питомцев с пользой работает в разных областях композиции: Е. Голубев, Игорь Морозов, Ф. Витачек, Тихомиров, Разоренов, Нариманидзе, Белорусец, Месснер, Красноглядова, Иванников, Волков и др. И в области массовой песни с успехом работают наши ученики: Слонов, С. Кац, Бакалов и др.

Голубев и Месснер являются в настоящее время педагогами Московской Консерватории. Известный музыковед профессор Скребков, акустик С. Корсунский также окончили композиторское отделение в нашем училище. Старейшие педагоги – в Грузии С. Бархударян; в Армении – Тер-Гевондян; композитор и педагог Л. Штрейхер (Москва); Г. Мушель (Ташкент); группа молодых заметных ленинградских композиторов: М. Матвеев, В. Салманов, Б. Ключнер и др.; Б. Смирнов, с честью проработавший 6 лет в Монгольской Народной Республике и сумевший привить там любовь к многоголосной музыке, – все это ученики М. Ф. Гнесина.

Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года послужило новым стимулом к усилению работ над хоровой и вокальной музыкой в композиторском отделе нашего Института и училища и к устройству конкурсов на сочинение массовых песен, хотя работы в этом направлении велись в Институте и ранее.

Институт наш – единственное в Союзе высшее музыкально-педагогическое учебное заведение. Мы готовим педагогов-исполнителей (вокалистов и инструменталистов), хоровиков-дирижеров и педагогов, музыковедов историков и теоретиков, инструкторов педагогов высшей квалификации по игре на народных инструментах и композиторов, являющихся одновременно педагогами, подготовленными к деятельности методическим руководством и педагогической практикой.

Где-нибудь должны же подготавливаться кадры педагогов-композиторов для консерваторий и училищ Союза!

Можно было бы думать, что, учитывая все это, Комитет по делам искусств примет меры, чтобы сохранить учреждение нужное и давно завоевавшее себе уважение. Вместо этого мы наткнулись на старания со стороны Комитета по делам искусств с тем, чтобы выставить достижения наших студентов в возможно дурном свете и помешать исполнению выдвинутых нами сочинений.

В состав комиссии, оценивавшей достижения наших студентов, не было введено ни одного представителя от нашего Института, в то время как от Московской Консерватории их было 4 человека, которые таким образом получили возможность влиять на то или иное решение. Работы наших студентов при этом были даны для предварительного отзыва представителю консерватории, в задачи которой отнюдь не входило содействие нашим студентам.

На предварительном просмотре в Комитете несколько работ, с нашей точки зрения ценных, были отведены совершенно бездоказательно.

В период подготовки к смотру работам наших студентов было уделено минимальное внимание: хор студента Деревлева так и не был разучен, так как, по словам дирижера Григорьева, для него не осталось времени; показ Увертюры для оркестра народных инструментов студента Русина – единственное этого типа произведение на всем смотре, также не была исполнена из-за организационных недоразумений, хотя и была разучена оркестром под управлением тов. Алексеева; на заседании комиссии, утверждавшей программу заключительного концерта, работа студента Шишакова – 2-я часть симфонии (1-ю часть – не успели разучить) – насквозь светлое и яркое произведение (высоко оцененное и дирижером и оркестром) – была отведена при следующих обстоятельствах:

Председатель комиссии тов. Анисимов сразу же заявил, что в этом сочинении он находит черты космополитизма.

Весьма возможно, что упоминание об интонационном космополитизме было лишь обмолвкой председателя комиссии (так как пьеса Шишакова по своему языку всецело принадлежит к типу русской симфонической лирики Лядова и Глазунова); но в острой обстановке момента достаточным оказалось этого слова, чтобы вся комиссия (включая и лиц, восхищавшихся этой пьесой) замолкла, отказавшись что-либо сказать о пьесе не доведенной до показа лишь на основании того, что «молчание есть знак согласия», как и комментировал данный эпизод директор Московской Консерватории, также по существу вопроса о качестве произведения отделившийся молчанием.

Не считая возможным утомлять Вас подробностями обсуждения работ наших студентов, отмечу еще лишь следующее: тем из наших студентов, которые (в противовес огромному количеству представленных на смотре работ) поставили перед собой актуальные темы, – ставилось в вину то, что они «не сумели поднять темы»... но разумно ли требовать от учеников полноценного разрешения задач, которые не удалось разрешить большинству зрелых наших композиторов!

Студента Светланова, чье сочинение и по талантливости, и по качеству проработки (соната для скрипки и ф-но), искренне увлекло работника Комитета по делам искусств (Л. Степанов), в Комитете стали непедагогично захваливать, внушать ему, что его «затирают» в Институте и рекомендовать ему перейти в Консерваторию, где только он и найдет настоящих профессоров! Хотя это произведение Светланова было показано на смотре и имело ог-

ромный успех, воодушевляя и поднимая слушателя, тем не менее в отчете о работе нашего композиторского отделения, доверенного тов. Л. Степанову, он счел нужным и этого автора попрекнуть хотя бы «пессимизмом», будто бы характеризующим его.

Л. Степанов, совершенно не считаясь с тем, что целый ряд работ наших студентов не был услышан комиссией (и не по нашей вине), крайне легко-весно охарактеризовал произведения показанные комиссии, постарался дать наихудшую аттестацию этим произведениям, хотя и не мог не признать высокого уровня этих работ.

Обсуждение музыкальных сочинений велось вообще с крайне узких позиций, совершенно не отражавших той широты подхода к насущным задачам нашей композиторской жизни, которая характеризует памятные нам всем высказывания товарища Жданова и Постановление ЦК ВКП(б) от 10/II 1948 г.

Нам понятно, что после жестокого осуждения педагогики Московской Консерватории в прошлом году существенно было возможно заботливее организовать удачный показ работ студентов консерватории, но все же непонятно, почему устроителям смотра понадобилось так недоброжелательно отнестись к нашему Институту.

Как вывод из вышеизложенного позволю себе высказать следующие соображения:

Заккрытие композиторского отделения при нашем Институте значит:

1. Уничтожить единственное в СССР высшее музыкальное учебное заведение, которое готовит педагогов по композиции, необходимых для Консерваторий и музыкальных училищ всей страны;

2. Это значит – уничтожить очаг непрерывной на протяжении четверти века методической работы в области преподавания композиции и воодушевленной пропаганды творчества «Могучей кучки» и педагогических идей Римского-Корсакова.

3. Незаслуженно и беспричинно вывести из Института имени Гнесиных профессора Михаила Фабиановича ГНЕСИНА, заслуженного деятеля искусств, лауреата Сталинской премии, композитора (дважды получившего премию имени Глинки), педагога с 45-летним стажем, учителя многих десятков советских композиторов, деятеля музыкальной общественности, чьи работы о Русском симфонизме и в настоящее время печатаются в журнале «Советская музыка».

Поэтому я позволяю себе просить Вас заинтересоваться этим вопросом и помешать осуществлению решений, как я полагаю, нецелесообразных и глубоко оскорбительных и для М. Ф. Гнесина, и для меня, и для нашего Института.

Директор
Государственного Музыкально-
Педагогического Института
имени Гнесиных

Заслуженный деятель Искусств
профессор Ел. Гнесина

12

Г. М. Маленкову. 21–22 июля 1954 г.⁵⁰⁴

Москва 21 июля 1954 г.

Глубокоуважаемый, дорогой Георгий Максимилианович!

Прежде всего, разрешите мне в Вашем лице выразить мою горячую благодарность Партии и Правительству за высшую награду, которой я удостоена в связи с моим 80-летием и бессменным руководством на протяжении 60 лет музыкальным учебным заведением имени Гнесиных⁵⁰⁵.

Разрешите мне и Вас лично просить подарить мне немного Вашего драгоценного времени и внимания: прошу Вас, прочитайте лично и до конца это мое письмо.

Раньше чем просить Вас о помощи, считаю необходимым возможно короче изложить Вам длинную историю нашего учебного заведения.

Учрежденное мною, совместно с сестрами, в 1895 году музыкальное училище Гнесиных оставалось частным вплоть до Октябрьской революции. В начале 1919 года наше училище стало государственным, и я была назначена заведующей им. Благодаря исключительному вниманию и огромной помощи Советского правительства училище постепенно превратилось в одно из крупнейших музыкальных заведений нашего Союза.

В 1935 году, в связи с 40-летием музыкального училища имени Гнесиных, Правительством были выделены средства на строительство своего здания (училище с самого его основания помещалось в небольшом старинном особняке на Собачьей площадке).

Строительство началось только в 1938 году, но в 1941 году, в начале Отечественной войны, это здание незаконченное было законсервировано.

В 1944 году, еще в тяжелые годы войны, Правительство учредило на базе музыкального училища имени Гнесиных музыкально-педагогический институт имени Гнесиных. Развернуть большую работу института в стенах старого особняка было невозможно, и я обратилась лично к Вячеславу Михайловичу Молотову с просьбой дать распоряжение о достройке нашего законсервированного здания на улице Воровского. Последовало правительственное распоряжение Моссовету о срочном продолжении строительства для института имени Гнесиных. Так как было необходимо возможно скорей отстроить учебный корпус, то было решено: запланированный и утвержденный проек-

⁵⁰⁴ ММКЕлФГ, IX – 533, рукопись на именном бланке художественного руководителя ГМПИ им. Гнесиных, на 2 л. Имеется и машинописный вариант (помеченный как копия отправленного), IX – 535, на 4 л., датированный 22 июля 1954 года (рукописный вариант, очевидно, писался в течение двух дней). Опубликовано: Гнесинский исторический сборник. М., 2004. С. 164–166.

⁵⁰⁵ В июне 1954 года Ел. Ф. Гнесина была награждена вторым орденом Ленина.

том зал перенести на 2-ю очередь строительства⁵⁰⁶. В 1946 году учебный корпус был готов, и мы перенесли все занятия института, музыкального училища и школы-десятилетки в новое чудесное помещение учебного корпуса. Но здание осталось недостроенным. Несмотря на мои многочисленные ходатайства в адрес прошлого руководства Комитета по делам искусств, ко второй очереди строительства до сих пор не приступлено, и мы остались без зала.

В настоящее время огромный масштаб работы всего нашего комбината совершенно не вмещается в этом учебном корпусе.

В институте 7 основных факультетов, заочное отделение, вечерний вокальный вуз⁵⁰⁷, очень большое количество учащихся в секторе педагогической практики, увеличение контингента учащихся в училище и школе-десятилетке.

Не имея своего зала, чрезвычайно трудно проводить занятия с тремя симфоническими оркестрами, с хором, с оркестром народных инструментов. Невозможно проводить массово-политические мероприятия, студенческие собрания, академические концерты и пр., и пр.

Из всего мною вышеизложенного Вам станет ясно, что большой зал для нашего комбината с общим количеством учащихся около 2. 500 чел. жизненно необходим, и его нужно срочно отстраивать, тем более что, повторяю, имеется и утвержденный проект, и все рабочие чертежи.

Должна сказать Вам, что главным образом препятствовало строительству то, что на строительной площадке находится несколько подлежащих сносу ветхих деревянных домиков, населенных посторонними жильцами. Для начала строительства необходимо снести два небольших дома. Года три назад я просила Михаила Алексеевича Яснова помочь строительству нашего зала и переселить для этого с площадки жильцов, но он ответил мне, что сможет сделать это исключительно по распоряжению Правительства.

Дорогой Георгий Максимилианович! Горячо прошу Вас помочь осуществить мою мечту и надежды всего нашего большого коллектива – дайте указание Моссовету закончить, наконец, наше здание и отстроить зал. Я очень волнуюсь и опасюсь, что Министерство культуры и на 55-й год не внесет в план строительства наш зал.

Мне уже 80 лет, и я должна не только увидеть зал института, но хочу и работать в нем, присутствовать на концертах наших лауреатов – у нас их уже целый ряд.

Я чувствую, что Вы поверите мне и поспособствуете, поэтому заранее горячо Вас благодарю.

От всей души желаю Вам здоровья, здоровья.

Ел. Гнесина

⁵⁰⁶ В данном письме Ел. Ф. Гнесина опускает упоминание о второй очереди строительства учебного корпуса (завершена в 1950 году) института и называет второй очередью постройку Концертного зала.

⁵⁰⁷ Имеются в виду семь отделений на шести факультетах. Вечерняя форма обучения в тот период действовала только на вокальном факультете, что и называется здесь «вечерним вокальным вузом».

22 июля 1954 г.

13

М. А. Яснову⁵⁰⁸

На письме резолюция М. А. Яснова:

т. Промыслову⁵⁰⁹

Просьбу т. Гнесиной надо удовлетворить.

Прошу принять необходимые меры по быстрейшей достройке этого объекта.

Подпись (М. Яснов). 13/IV.

Министерство культуры СССР

Управление учебных заведений

Государственный музыкально-

педагогический институт

им. Гнесиных

Художественный руководитель

Заслуженный деятель искусств,

Профессор Е. Ф. Гнесина

10 апреля 1957 года Прошу Вас, дочитайте до конца!

Глубокоуважаемый, дорогой Михаил Алексеевич!

Много раз я собиралась написать Вам и просить Вашей помощи, но все не решаясь отягощать Вас своими просьбами, все же сейчас решилась напомнить вам о Вашем обещании помочь в ускорении строительства нашего концертного зала.

Вспомните, дорогой Михаил Алексеевич, что Вы сказали, разговаривая со мной по телефону в августе: «Сперва Лужники, потом Стадион⁵¹⁰, потом уже Ваш Зал». Вы блестяще выполнили и перевыполнили Ваше задание, честь Вам и слава! Но теперь помогите мне, пожалуйста!

Первая стадия нашего строительства, т. е. кирпичная кладка уже окончена, а дальше дело не идет, – к крыше нельзя приступить: нет материалов!

Была мечта отстроить Зал к февралю – не вышло! Надеялись встретить новый учебный год – 1 сентября митингом в новом большом Зале, но и этого не обещают строители!

Последняя моя мечта – получить наконец Большой Зал, которого с нетерпением ждет весь наш коллектив педагогический и 2. 500 учащихся ко дню 40-летия Октябрьской Революции и эта мечта без Вашей помощи не осуществится.

Дорогой Михаил Алексеевич!

⁵⁰⁸ ММКЕЛФГ, № IX – 540. Печатается по копии, присланной Ел. Ф. Гнесиной с резолюцией М. А. Яснова. Машинопись, на 1 л. Впервые опубликовано: Гнесинский исторический сборник. М., 2004. С. 166–167.

⁵⁰⁹ Резолюция адресована В. Ф. Промыслову, занимавшему ответственные посты в Мосгорисполкоме и в строительных ведомствах.

⁵¹⁰ Имеется в виду Центральный стадион им. Ленина в Лужниках, который был построен в 1956 году.

Мне в конце мая исполняется 83 года и 63 года непрерывной работы, так вот сделайте мне подарок – возьмите шефство над строительством нашего концертного Зала и дайте распоряжение закончить его своевременно! Очень Вас прошу и заранее горячо благодарю вас⁵¹¹.

Е. Гнесина

14

В Совет Министров СССР⁵¹²

12 марта 1958 г.

В Совет Министров СССР

Считаю своевременным установить на доме, в котором долго жил Сергей Васильевич Рахманинов (б. Страстной бульвар, где теперь находится Радио Комитет) мемориальную доску С. В. Рахманинов⁵¹³.

Ел. Гнесина

15. В Совет Министров СССР⁵¹⁴

12 марта 1958 г.

В Совет Министров СССР

Заслуженного деятеля искусств
профессора
Елены Фабиановны Гнесиной

Ходатайство

Решаюсь обратиться в Совет Министров с нижеследующей просьбой:

В виду того, что единственный в нашей стране и даже за рубежом Музыкально-педагогический Институт имени Гнесиных имеет чрезвычайно мало Сталинских стипендий и совсем не имеет ни одной именной, прошу учредить и установить в нашем Институте одну стипендию имени великого русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова для наиболее талантливого учащегося-пианиста⁵¹⁵.

Мои ученические годы в Московской Консерватории протекали вместе с Рахманиновым. Впоследствии он живо интересовался успехами нашей Школы и часто посещал наши ученические вечера. Я очень чту его память, как и вся музыкальная общественность всей нашей страны.

Профессор Ел. Гнесина

16

⁵¹¹ Концертный зал института был открыт 21 ноября 1958 года.

⁵¹² ММКЕлФГ, VII – 43, л. 64. На именованном бланке художественного руководителя ГМПИ им. Гнесиных. Рукопись.

⁵¹³ Мемориальная доска была установлена только в 1966 году.

⁵¹⁴ ММКЕлФГ, VII-43, л. 63.

⁵¹⁵ Это ходатайство не было удовлетворено. В институте, однако, была вскоре установлена стипендия имени Н. А. Римского-Корсакова.

Н. С. Хрущеву [1959-1960 гг.]⁵¹⁶

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС и ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Дорогой Никита Сергеевич!

Министр высшего образования СССР тов. Елютин В. П. предложил на сессии Верховного Совета СССР считать вечернее образование – основной формой подготовки кадров музыкантов⁵¹⁷. Это предложение является неожиданностью для всей музыкальной общественности. Оно нигде не обсуждалось и представляется нам глубоко ошибочным.

Мы убедительно просим Вас лично рассмотреть этот чрезвычайно важный для развития советского музыкального искусства вопрос и содействовать правильному его решению.

Целиком поддерживая тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии образования в стране», мы особенно горячо приветствуем тот тезис, в котором предлагается всемерное развитие системы вечернего образования, обеспечивающей трудящимся возможность обучаться музыке, живописи или любому другому виду искусства в свободное от работы время. Осуществление этого предложения значительно поднимет уровень музыкальной культуры советского народа и будет способствовать также повышению квалификации многих специалистов-музыкантов, не получивших по каким-либо причинам законченного высшего или среднего специального образования.

Однако дальнейшее успешное развитие советской музыкальной культуры, и, в частности, вечернего музыкального образования, возможно лишь при том неременном условии, если будет обеспечена подготовка высококвалифицированных кадров профессионалов-музыкантов, которые будут преподавать в вечерних школах, руководить хорами, оркестрами, поднимать уровень художественной самодеятельности. А для этого нужно, чтобы ныне существующая и полностью себя оправдавшая система «дневного» музыкального образования укреплялась, улучшалась и расширялась.

Чтобы стать высококвалифицированным музыкантом-профессионалом необходимо ежедневно не менее 4–6 часов играть на инструменте или сочинять музыку и быть при этом в хорошем физическом состоянии. Кроме того, нужно время на изучение музыкально-теоретических, исторических и общест-

⁵¹⁶ ММКЕлФГ, IX-612. Машинопись, на 2 л. Датируется предположительно. Опубликовано: Ел. Гнесина: Я чувствую себя обязанной... // Муз. академия. 1998. № 3–4, кн. первая. С. 140.

⁵¹⁷ Вечерняя форма обучения в музыкальных вузах впервые была введена как раз в Институте им. Гнесиных в 1948 году. Поддерживая это начинание (что подтверждает существование этой формы и поныне), Е. Ф. Гнесина, разумеется, считала абсурдными высказывавшиеся идеи о том, чтобы все искусство в конце концов стало самодеятельностью.

венно-политических дисциплин. Ежедневная учебная нагрузка учащегося должна составить минимально 10–12 часов. Поэтому основой подготовки высококвалифицированных специалистов должно остаться «дневное», стационарное образование.

Если же вечернее образование станет основной формой подготовки кадров музыкантов, контингенты учащихся дневных отделений неизбежно сократятся и основа развития музыкальной культуры будет подорвана. Это вызывает у нас серьезную тревогу за будущее советской музыки.

Мы убедительно просим Вас, дорогой Никита Сергеевич, учесть наши соображения и помочь правильному решению этого жизненно важного вопроса.

17

А. Н. Косыгину⁵¹⁸

Ноября [19]63г.

Художественного руководителя
Музыкально-Педагогического Института
и музыкального Училища
имени Гнесиных
проф. Ел. Ф. Гнесиной

Заявление

Глубокоуважаемый, дорогой
Алексей Николаевич!

Прежде всего, убедительно прошу Вас до конца прочитать мое заявление. Простите мою смелость и решимость обратиться именно к Вам с моей горячей просьбой о

поддержке в Совете Министров СССР возбужденного нами ходатайства о необходимости
строительства нового здания для старейшего Музыкального Училища имени Гнесиных.

Основанное мною в 1895 году Музыкальное Училище помещалось 52 года на б[ывшей] Собачьей Площадке и дало очень много квалифицированных кадров для нашей страны.

Сейчас, в связи со строительством Нового Арбата, этот дом, находящийся на балансе Музыкального Училища, сносится, а Моссовет не предоставил другого помещения Училищу, чем поставил его в чрезвычайно тяжелое положение. Строительство нового здания срочно необходимо, тем более что площадка для строительства предоставляется на улице Воровского, рядом с Институтом им. Гнесиных.

Поддержите наше ходатайство!

Разрешите мне напомнить Вам, что однажды, в 1944 году, Вы оказали активную помощь в сохранении нашего Училища, когда по ошибке председателя комитета по делам

⁵¹⁸ ММКЕлФГ, IX – 545. Рукопись, на 1 л. Помечено: копия (автограф Ел. Ф. Гнесиной). Скорее всего, написано раньше ноября 1963 года (в сентябре-октябре), так как 21 ноября Советом министров РСФСР уже было принято решение о строительстве нового здания Училища.

Искусств я получила бумагу об учреждении Правительством Музыкально-Педагогического Института имени Гнесиных, но не было в бумаге ни слова сказано об оставлении при нем училища и Школы⁵¹⁹. Тогда я поехала лично к Вам и просила Вашей помощи в выяснении этого недоразумения. В моем присутствии Вы дали распоряжение председателю комитета об исправлении ошибки, и таким образом Вы спасли наше Училище и Школу, о чем я до сих пор храню чувство глубокой теплой благодарности к Вам.

Через 2 года Училищу исполнится 70 лет, а мне в мае – 90 лет, но я еще бодра и энергична и по прежнему болею душой за созданное мною учреждение.

Заранее горячо благодарю Вас.

Ел. Гнесина

18

18. А. Н. Косыгину⁵²⁰

[Февраль 1965 г.]

Уважаемый Алексей Николаевич!

Мой более чем 70-летний педагогический опыт и глубокая заинтересованность в развитии нашего музыкального искусства заставляют меня взяться за перо и написать Вам по очень важному вопросу, связанному со сроками обучения в высших музыкальных заведениях.

Несколько лет тому назад, были на полгода сокращены сроки обучения в музыкальных ВУЗ'ах – с 5 лет до 4 ½ лет.

Это решение было принято без широкого обсуждения со специалистами, и поэтому я не могла сообщить свою точку зрения своевременно.

При этом не принимались во внимание ни опыт дореволюционных русских консерваторий, ни наш более чем 40-летний опыт высшего музыкального образования. (Срок обучения в консерваториях всегда был 5 лет⁵²¹.)

Практика многолетнего высшего образования в нашей стране показала, что именно пятилетний срок обеспечивает формирование музыканта с глубокими знаниями и широким кругозором.

Решение о сокращении срока обучения является неприемлемым и потому, что затрудняет трудоустройство оканчивающих консерватории. В подавляющем большинстве консерватории выпускают педагогов, артистов оперных театров и оркестрантов, т. е. специалистов тех профессий, которые начинают свою работу или с начала учебного года, или с начала концертного сезона (обычно в сентябре м-це). А при существующем порядке студенты оканчивают ВУЗы в марте месяце и приступают к работе к концу учебного

⁵¹⁹ Первоначальное распоряжение Совета народных комиссаров СССР – о преобразовании Училища им. Гнесиных в Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных и Детской музыкальной школы – Спецшколу-десятилетку – вышло 13 марта 1944 года. 29 мая было издано распоряжение об изменении первого распоряжения – то есть о создании Института с сохранением Училища и Детской музыкальной школы.

⁵²⁰ ММКЕЛФГ, IX – 419. Машинопись, на 1 л.

⁵²¹ Этот срок все же был установлен уже после революции: до этого сроки обучения (с учетом существования и младших, и старших отделений в консерваториях) были не менее пяти лет.

года или концертного сезона, т. е. тогда, когда они менее всего нужны на работе.

Прошу Вас, уважаемый Алексей Николаевич, рассмотреть этот вопрос и решить его положительно.

Заслуженный деятель искусств РСФСР,
Профессор /Е. Ф. ГНЕСИНА/

19

А. И. Микояну⁵²²

Москва 1965г. Очень прошу дочитать до конца мое письмо!

Дорогой Анастас Иванович!

В 1965 году мне исполнилось 90 лет, а моему детищу – Музыкальному Училищу имени Гнесиных – 70 лет. За эти годы Училище усердно поработало и немало сделало для русской и советской музыкальной культуры, и дает мне основание просить Вас познакомиться с его историей.

В России в 90-х годах прошлого века было очень мало музыкальных учебных заведений, а потребность народа в музыкальном образовании – большая. Мы – пять сестер Гнесиных, Евгения, Мария, Елизавета и Ольга, – окончив Московскую Консерваторию, и брат Михаил, окончив у Н. А. Римского-Корсакова Петербургскую Консерваторию, – объединились и открыли Училище и Школу.

15 февраля 1895 года осуществилась наша мечта. Оберполицмейстер разрешил повесить вывеску «Музыкальное Училище Е. и М. Гнесиных»; написав «повесить оную разрешаю с тем, чтобы к стене крепко была прибита и не мешала проходящим».

Это была единственная «путевка в жизнь». Никто нам материальной помощи не оказывал до Великой Октябрьской Революции, а мы обучали 20% учащихся способных, но неимущих бесплатно и льготно. <...>

В 1944 году, еще в тяжелые годы Отечественной войны, Правительство сочло возможным учредить на базе Училища Высшее учебное заведение – «Музыкально-Педагогический Институт имени Гнесиных», назначив меня его директором.

К этому времени уже было построено новое прекрасное здание на улице Воровского, и туда вселились Институт, Училище и Школа-десятилетка имени Гнесиных, но очень не хватало ни музыкальных инструментов, ни необходимой мебели.

Оборудовать помещение, по моей просьбе, помогли лично Вы, дорогой Анастас Иванович. Я никогда не забываю и храню в своем сердце горячую

⁵²² ММКЕЛФГ, IX – 424. Рукопись, на 4 л., все листы – именные бланки художественного руководителя ГМПИ им. Гнесиных (черновик письма). Публикуется в сокращении. Скорее всего, было написано в связи с предстоящим строительством нового здания Училища им. Гнесиных. Вскоре Ел. Ф. Гнесина написала еще одно письмо «личного характера» А. И. Микояну – поздравление с его 70-летием.

благодарность Вам за то, что Вы так оперативно удовлетворили мою к Вам просьбу и освободили от пошлины в миллион рублей музыкальное оборудование, привезенное из Германии в счет репараций.

Училище и Институт выпустили много тысяч высококвалифицированных педагогов, теоретиков, хоровых дирижеров, музыковедов, народников и певцов. Не знаю, найдется ли город в СССР, где не работали бы наши выпускники-Гнесинцы.

Среди лучших из наших питомцев – Арам Хачатурян, Тихон Хренников, Лев Оборин, Евгений Светланов, Арно Бабаджанян, Зара Долуханова и многие другие выдающиеся артисты и педагоги. Во многих оперных театрах, даже в Большом Театре СССР, имеются наши певцы и очень много оркестрантов.

В составе Института и Училища большие заочные и вечерние отделения, в которых учится почти половина общего контингента учащихся. Есть также Филиал заочного отделения Института в г. Уфе. Наши педагоги постоянно выезжают в другие города для оказания методической помощи местным преподавателям, а также ведут большую систематическую работу среди трудящихся и учащейся молодежи.

Музыкальные учебные заведения имени Гнесиных широко известны не только в СССР, но и в зарубежных странах...

Ходатайства

Елена Фабиановна Гнесина оказывала постоянную, со временем все более частую и ставшую почти что ежечасной, помощь различным людям по самым разным жизненным нуждам. Помимо телефонных переговоров с различными инстанциями, ей приходилось писать массу ходатайств, рекомендаций и т. д. для того, чтобы помочь весьма широкому кругу людей – от своей семьи (что занимало несравненно меньший объем всех ее обращений) до незнакомых людей, обращавшихся к ней как к депутату Моссовета или просто как к известному деятелю искусства (особенно большой объем таких обращений, конечно, пришелся на военное время). Сохранилась лишь небольшая часть ее ходатайств (это около 80 письменных обращений), но они красноречиво свидетельствуют об удивительном отношении Елены Фабиановны к людям. В ряде случаев она писала членам правительства, только лишь прочитав в газете о случае какой-то несправедливости!

Просьбы Ел. Ф. Гнесиной касались разных вопросов: это освобождение от армии (этим ей были обязаны многие музыканты! – среди них В. Салманов, Ю. Муромцев, Б. Ионин), и освобождение от трудовой повинности в военные годы; ходатайства о репрессированных; присвоение почетных и ученых званий; просьбы о квартирах (очень многочисленные: так, среди известных музыкантов, которым она помогала в этом вопросе – С. Рихтер⁵²³, Л. Власенко⁵²⁴) и об установке телефонов; ходатайства об устройстве в больни-

⁵²³ Ел. Ф. Гнесиной было составлено письмо с просьбой о предоставлении квартиры С. Т. Рихтеру, которое подписали три депутата Моссовета: она сама, А. Ф. Гедике и М. Н. Лебедева (профессор, доктор медицинских наук). Это письмо хранится в Центральном государственном архиве экономики (ЦГАЭ, ф. 34, оп. 1, д. 46, л. 1). Опубликовано в статье: *Келле В. Пианист века // Филармоник, 2000. № 1* (с ошибкой в названии

цы и санатории; рекомендации для устройства на работу; вызовы в Москву во время войны и многие другие⁵²⁵.

Публикация хотя бы нескольких подобных писем дает представление об этой важнейшей стороне жизни и деятельности Гнесиной.

1

ХОДАТАЙСТВО ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ АРМИИ КОМПОЗИТОРА БОРИСА ЧАЙКОВСКОГО⁵²⁶

Решаюсь снова беспокоить Вас своей просьбой. Буду Вам бесконечно обязана, если Вы и на этот раз отнесетесь к моей просьбе так же внимательно.

Завтра к 10 часам должен явиться с вещами в Ростокинский военкомат мой ученик, только что окончивший блестяще наше Училище, Борис Чайковский, талантливейший композитор и пианист семнадцати лет. На освидетельствовании Боря Чайковский признан негодным к строевой службе по близорукости и больному сердцу, – тем не менее его призвали.

Считаю своим долгом сохранить ценнейшие кадры для будущего, по окончании войны, расцвета искусства в нашей стране и поэтому убедительно прошу Вас, если это возможно, не отсылать никуда этого одареннейшего мальчика и дать ему возможность продолжить музыкальное образование: фамилию своего предка, Петра Ильича Чайковского⁵²⁷, Борис Чайковский оправдает.

архива). Оно приводится и в книге: *Монсенжон Б. Рихтер. Диалоги. Дневники*. М., 2002. С. 19 – с совершенно неверной информацией о местонахождении источника.

⁵²⁴ По поводу Л. Н. Власенко было написано коллективное письмо семи знаменитых музыкантов, направленное самому Хрущеву!

⁵²⁵ Ряд ходатайств военного времени опубликованы: Гнесинский Дом. *Военные годы*. М., 2005. С. 20–38, 49–53 (раздел «Письма и документы»).

⁵²⁶ ММКЕлФГ, VII – 43, л. 11–12. Рукопись. По содержанию датируется 1942 годом – в этот год Б. А. Чайковский окончил Училище им. Гнесиных.

Очевидно, письмо адресовано в Наркомат обороны (возможно, генерал-полковнику И. В. Смородинову, к которому Ел. Ф. Гнесина обращалась с подобными ходатайствами). Ходатайство увенчалось успехом.

⁵²⁷ На самом деле Б. А. Чайковский не был потомком П. И. Чайковского, но для большей выразительности данного обращения написать о «предке» (в фигуральном смысле) было вполне уместным.

19 сентября 1942 г.

Уважаемый товарищ!

Окончившая Музучилище им. Гнесиных, моя ученица – пианистка Валентина Абрамсон, очень слабая здоровьем, была неправильно послана на трудфронт, что подтвердил мне Куйбышевской Комиссии (в Москве) доктор Абрамов, который обследовал Валу Абрамсон. Я не знаю точно, на какую работу попала эта милая, слабенькая девушка, но хочу надеяться на то, что Вы, уважаемый товарищ, по состоянию ее здоровья освободите ее от тяжелой работы, а может быть, и совсем освободите ее. Я говорила и в Моссовете, и в Наркомлесе с Зам. Наркома, и везде получила ответ, что больные и слабые люди являются балластом на трудфронте, в частности на лесозаготовках, и не нужны там. Разрешите мне надеяться на то, что Вы сделаете все возможное для Вали Абрамсон.

Директор Музучилища

Заслуженный деятель искусств

Депутат Моссовета

Орденосец Ел. Гнесина

Простите, товарищ, я пишу Вам не зная Вашей фамилии.

(На обороте надпись: Тов. Врачу при трудфронте (от Депутата Моссовета Ел. Гнесиной).)

3

Генералу М. С. Малинину⁵²⁹

В штаб 1-го Белорусского фронта

Начальнику штаба фронта генерал-полковнику Малинину.

⁵²⁸ ММКЕлФГ, VII – 43, л. 25. На именном бланке депутата Моссовета с добавлением от руки: «Директор Госмузучилища им. Гнесиных». Рукопись, на 1 л.

Данное письмо оказалось уникальным по своему воздействию: Ел. Ф. Гнесиной, возможно, в силу убежденности ее тона и твердости аргументации, удалось добиться освобождения от непосильных работ (по трудовой повинности) бывшей ученицы Училища (она даже не была непосредственной ученицей Гнесиной, занимавшись у нее лишь на занятиях по методике)! В. Абрамсон была в это время тяжело больна и, если бы не успешное вмешательство Ел. Ф. Гнесиной – освобождения с «трудфронта» (с лесозаготовок!) было добиться очень трудно! – безусловно, не выжила бы (из трудового лагеря ее вывезли уже без сознания). Возможно, за помощью Гнесина обращалась к Ворошилову, и именно его вмешательство сыграло решающую роль. Жизнь В. Абрамсон была сохранена благодаря Ел. Ф. Гнесиной.

По вопросу об освобождении учащихся-музыкантов от работы на лесозаготовках (совершенно непосильной для них, особенно, когда это касалось находящихся еще в школьном возрасте) Ел. Ф. Гнесиной приходилось обращаться много раз. См. в этой книге ее выступление в Моссовете от 7 августа 1942 года.

⁵²⁹ ММКЕлФГ, VII-43. По содержанию датируется до окончания Великой Отечественной войны. Прямая связь этого письма – и с письмом от А. Я. Эшпая от 6 июня 1945 года (написано из Германии). Опубликовано вместе с этим письмом: Гнесинский Дом. Военные годы. М., 2005. С. 49–51. Однако демобилизации А. Я. Эшпая удалось добиться далеко не сразу: вначале Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (где находился в войсках А. Эшпай) ответило предложением обратиться в другие инстанции, отказавшись самостоятельно решить этот вопрос. Лишь дальнейшие шаги Гнесиной привели к успеху.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В частях Вашего фронта сражается младший лейтенант Эшпай Андрей Яковлевич (полевая почта 54375). Он – сын марийского композитора, заслуженного деятеля искусств, персонального пенсионера Эшпая Якова Андреевича, вышедшего из народа мари.

После Великой Отечественной войны молодая марийская культура должна продолжать расти и цвести – кадров работников нет, особенно в области искусств, поэтому необходимо такого талантливого пианиста и композитора, каким является Эшпай Андрей (бывший ученик Музыкального училища, ныне Государственного Института Музыки им. Гнесиных), сохранить, – он является единственным квалифицированным марийским пианистом. Он может быть работником в штабе, как переводчик – обучался в Институте Иностранных языков Красной Армии, хорошо владеет немецким языком.

Параллельно с институтом он занимался по композиции у профессора М. Ф. Гнесина и на курсах у проф. Шехтера. Проявлял при занятиях большие творческие данные, и ему необходимо продолжать заниматься по классу композиции.

Просим вас, генерал-полковник тов. Калинин – если нельзя его освободить для продолжения обучения, то перевести на более безопасное положение, чтобы сохранить талантливого пианиста и композитора для марийского народа.

Директор Музыкально-Педагогического

Института им. Гнесиных

Заслуженный деятель искусств,

член Моссовета,

Орденосец, профессор

Е. Ф. Гнесина.

4

Н. Г. Кузнецову⁵³⁰

Москва 30 августа 1946 г.

Глубокоуважаемый Николай Герасимович!

Вот уже три года прошло с тех пор, как я начала ходатайствовать о демобилизации с Военно-морского факультета при Ленинградской консерватории нашего питомца, талантливейшего пианиста Евгения Либермана, но все

⁵³⁰ ММКЕлФГ, VII – 43, л. 20. На именном бланке директора ГМПИ им. Гнесиных. Рукопись.

История обращений Ел. Ф. Гнесиной по поводу демобилизации Е. Я. Либермана, попавшего на Военно-морской факультет Ленинградской консерватории в Ташкенте, куда он был эвакуирован, весьма велика. Среди сохранившихся документов – ее письмо к Начальнику Военно-морского флота вице-адмиралу Степанову, отказ Управления кадров офицерского состава Военно-морского флота. Из этих документов следует, что она обращалась к наркому и ранее, а также, что по ее просьбе с ходатайством к наркому по этому же поводу обращался один из главных полярников, начальник управления Северного морского пути Э. Т. Кренкель. Все же в 1946 году Е. Либерман был демобилизован и стал студентом ГМПИ им. Гнесиных.

мои хлопоты не увенчались успехом. Приблизительно год назад я писала Вашему заместителю тов. И. С. Исакову и очень просила его освободить Евгения Либермана, но результата не получилось.

Убедительно прошу Вас дать распоряжение о демобилизации Либермана и направлении его в Гос. Муз. Педагогический Институт имени Гнесиных в мое распоряжение.

Заранее горячо благодарю Вас.

5

В жилотдел Москвы⁵³¹

НАЧАЛЬНИКУ ЖИЛИЩНОГО ОТДЕЛА МОСКВЫ
Тов. КОНОНЕНКО А. И.

Дирекция Гос. Муз. Пед. Института им. Гнесиных ходатайствует о срочном, по мере возможности, обмене однокомнатной квартиры (Беговая ул., дом 1а, корпус 5, кв. 4), в которой проживает наш очень ценный педагог, профессор Мария Вениаминовна Юдина.

Всем культурным работникам нашего Союза, всей музыкальной общественности хорошо известно имя М. В. Юдиной, одной из лучших в нашей стране исполнительниц классической и современной советской музыки, а также превосходного педагога.

И вот М. В. Юдина подвергается систематическим преследованиям со стороны лиц, проживающих по соседству, и преследования эти приняли характер, при котором не только творчески работать, но и жить в данном окружении становится для М. В. Юдиной совершенно невозможным. Из изложенного ясно, что радикальным выходом их сложившегося тяжелого положения может служить лишь спешный переезд М. В. Юдиной в другую, равноценную квартиру.

⁵³¹ ММКЕлФГ, VII-43, л. 4. Рукопись. По содержанию относится к 1949 году. С М. В. Юдиной Ел. Ф. Гнесину связывали долгие и достаточно тесные отношения. Письма от М. В. Юдиной к Ел. Ф. Гнесиной очень интересны и богаты по содержанию (в ММКЕлФГ хранится 25 писем и открыток и 13 телеграмм от М. В. Юдиной). Ответных писем от Ел. Ф. Гнесиной, однако, почти не осталось. Ел. Ф. Гнесина неоднократно оказывала поддержку и заступалась за М. В. Юдину, которую высоко ценила. Ею было написано и несколько ходатайств. См.: *Тропп В.* «Вы мне гораздо ближе и дороже, чем это кажется в обыденной жизни». Письма М. В. Юдиной к Ел. Ф. Гнесиной // *Муз. академия.* 1997. № 3. С. 196–204. Перепечатано в кн.: М. В. Юдина. *Лучи Божественной любви.* СПб., 1999. Письма от М. В. Юдиной также публикуются в полном собрании ее писем: Мария Юдина. *Высокий стойкий дух. Переписка 1918–1945 гг.* М., 2006; Мария Юдина. *Обреченная абстракции, символике и бесплотности музыки. Переписка 1946–1955 гг.* М., 2008; Мария Юдина. *Жизнь полна Смысла. Переписка 1956–1959 гг.* М., 2008.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Ел. Ф. Гнесиной приходилось публично выступать по различным поводам. В какой-то степени эти выступления являются хроникой ее публичной деятельности, разумеется, в тех исторических обстоятельствах, в которых она протекала. Как правило, она готовила выступления заранее – записывала главные моменты, на которых должна была остановиться. Благодаря этому почти все тексты выступлений сохранились в ее архиве. Некоторые речи на политические темы (и наиболее ответственные, например произнесенные в Моссовете) были предварительно написаны полностью.

Елене Фабиановне приходилось многократно (со временем – все чаще) присутствовать и выступать на различных собраниях и митингах, посвященных различным событиям – политическим, учебным, праздничным и т. д. Конечно, многие собрания проходили в учебных заведениях имени Гнесиных и носили традиционный характер (начало учебного года и т. п.). Текстов таких выступлений сохранилось более тридцати. Регулярно приходилось выступать и на разного рода официальных мероприятиях – отчетных собраниях, общественных собраниях интеллигенции (нередко такие проходили в ЦДРИ). Неоднократно Гнесину приглашали выступать на радио: это были и передачи, посвященные учебным заведениям имени Гнесиных, и приуроченные к ее собственным юбилеям, и обращения по радио к детям, москвичам. Особое место занимают выступления на радио во время войны.

Речи на пленумах и сессиях Моссовета

Выступления Ел. Ф. Гнесиной в качестве депутата Моссовета (сохранилось семь текстов – ММКЕлФГ, V – 9-14) совершенно необычны. Очевидно, что, являясь депутатом Моссовета в 1940–48 годах (два созыва), она входила в число деятелей искусств, определенных разрядкой. Они должны были работать (формально) в комиссии по культуре и, разумеется, присутствовать и голосовать на сессиях, решения которых, подготавливались вовсе без участия депутатов-«представителей». Однако сама Гнесина определила себе иную роль. Вот что она говорит в своем последнем выступлении в качестве депутата: «По существу я как профессиональный музыкант должна была бы работать в секции культуры, но мне пришлось все эти годы оказывать возможную помощь многочисленным гражданам из всех районов, которые обращались и обращаются ко мне как к депутату с жалобами на совершенно бездушное отношение к ним со стороны заведующих райжилотделами. Люди по много раз обращаются к ним за помощью, указывают на дырявые крыши и обвал потолков, но кроме пустых обещаний и резолюций ничего не получают»⁵³².

Ее смелость, решительность, а главное – абсолютно деловой подход к насущным вопросам жизни людей, лишенный малейшей демагогии или риторики, готовность остро обозначать любые проблемы (хозяйственные, бытовые и т. д.), невзирая на то, что это вовсе не входило в ее компетенцию, просто поражают. Не желая учитывать конъюнктуру, Елена Фабиановна стремится как можно больше сделать для людей – что, собственно, и было главным убеждением в ее жизни.

1

Январь 1941 г.⁵³³

Депутат Моссовета Гнесина Е. Ф.

⁵³² Выступление 13 июня 1947 г. (ММКЕлФГ, V – 14); см. статью: *Тропп В. В.* Елена Фабиановна Гнесина: этика руководителя и педагога // *Этика и культура межличностных отношений в образовательном пространстве ВУЗа* (материалы научно-практической конференции). М., 2003. С. 83.

⁵³³ ММКЕлФГ, V – 9. Машинопись, на 2 л.

ТОВАРИЩИ!

Постановление Партии и Правительства «о мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья» имеет огромное значение.

Оно дает большой стимул для развертывания производства местной промышленности и тем самым для удовлетворения громадного спроса населения на разнообразные товары широкого потребления.

После 18 партсъезда хотя и имеется некоторое улучшение в работе местной промышленности и промкооперации, но все же в «промысловой кооперации» местной промышленности имеется целый ряд вопиющих недостатков.

Чем можно, например, объяснить такой факт, что нигде нет в продаже самой обыкновенной узкой резинки для детского белья. Резинку достать – целая проблема.

Почему нет в продаже иголок, булавок, кнопок, крючков, полотнян.[ых] пуговиц?

Почему невозможно достать керосинку, примус, эмалированную посуду, а ведь все это можно делать из отходов.

А электроприборы? Легко ли достать электрочайник? А веник? Обычный веник.

Достать веник тоже проблема. В магазинах нигде нет, а на рынке простейший веник стоит 7 рублей.

Ну а трикотааж? Если и есть чулки, то в одном магазине только маленький размер, а рядом в магазине только большой. Но и большого размера чулок не наденешь, т. к. верх делается такой узкий, что приходится чулок разрезать.

А трико? Трико можно найти только номер 3 и 4, а что же делать советским нормальным и крупным женщинам, которым нужен номер 5 и 6?

Побольше бы внимания к нуждам и запросам потребителей!

В настоящее время, когда весь мир вовлечен во 2-ю империалистическую войну, только наш Советский Союз, благодаря мудрой политике нашей Партии и Правительства, вне войны. И в то время как все тяжелей становится положение трудящихся капиталистических стран – растет и улучшается благосостояние почти 200 миллионов населения нашей страны.

И для Моссовета в целом, и для нас, депутатов, в отдельности нет более почетной задачи как всемерно способствовать удовлетворению запросов жителей нашей Красной Столицы, а также искоренению еще имеющейся спекуляции.

ДЕПУТАТ МОССОВЕТА

/Ел. Гнесина/

Январь 1941 года

2

[Февраль 1942]⁵³⁴

⁵³⁴ ММКЕлФГ, V – 11. Машинопись, на 2 л.

Пометка: На пленуме Моссовета

В своем приказе к 25-летию Красной Армии Верховный Главнокомандующий тов. СТАЛИН, отмечая победы Красной Армии, указывает, что для окончательного изгнания немецких захватчиков с нашей земли необходимо еще более напряженная и лучшая работа работников тыла.

Этот приказ налагает на Моссовет и Райсоветы исключительно ответственные задачи. Мы должны быть достойны нашей героической Красной Армии. Приближается весна, город должен быть приведен в образцовое санитарное состояние, чтобы весна не застала врасплох, иначе неизбежно вспыхнут всевозможные эпидемии. (Т. Яснов указал на десяток домов.)

Хотя в прошлую сессию я подчеркивала плохой подбор кадров управдомами и хотя этот вопрос по-прежнему остается острым, все же справедливость требует отметить, что даже лучшие из них находятся в исключительно тяжелом положении: тресты очистки пока не работают, никакого транспорта нет и отыскать его нельзя, между тем на управдомами сыплются штрафы за штрафами то за невывоз снега, то за невывоз мусора, особенно в тяжелом положении находятся небольшие ведомственные дома, в которых часто не имеется даже дворовой площади.

В каждом райсовете необходимо иметь если не автотранспорт, то несколько лошадей – гужевого транспорт, который бы систематически объезжал все дворы, включая и ведомственные дома, и забирал бы мусор, чтобы предупредить вспышку эпидемии. Это особенно важно еще и потому, что в текущем году канализация в большинстве домов не работала и дворы исключительно загрязнены.

Уже сейчас необходимо позаботиться о *хлорной извести*, которую тоже невозможно пока достать.

Для предупреждения развития эпидемии необходимо еще одно срочное мероприятие – это снабжение населения мылом, которое в настоящий момент обстоит исключительно скверно: мыла нет, а это также грозит развитием эпидемий, так как нет совершенно возможности ни помыться, ни постирать белье.

Москва в этом отношении отстала от ряда районов и областей периферии, которые наладили у себя производство очень неплохого мыла. Необходимо срочно обязать местную кооперацию и райпромтресты наладить производство мыла и снабжать им население, в том числе служащих и иждивенцев.

В заключение я хочу обратить внимание сессии на необходимость уже сейчас подготовиться к ремонту канализации, водопровода и отопительной сети к будущей зиме, чтобы осенью 43 г.[ода] не оказаться в том тяжелом положении, в котором оказались к началу зимы 1942 г. некоторые районы, в том числе и Киевский район.

(Вызвать всех домоуправов на соцсоревнование своевременной, к осени 43 г[ода]. подготовки к ремонту отопления, водопровода, к подготовке окончания ремонта канализации.)

3.⁵³⁵

НА ПЛЕНУМЕ МОССОВЕТА 7/VIII 42 г.

Дорогие товарищи!

Разрешите мне говорить по вопросу о лесозаготовках⁵³⁶.

Я отлично понимаю всю важность вопроса топлива и лесозаготовок и считаю что, конечно, все трудоспособное население Москвы должно принять в этом участие. Но все же к разрешению вопроса о разверстке следовало бы подходить принципиально и более индивидуально.

Я состою директором старейшего, всесоюзного значения, музучилища им. Гнесиных. В нашем училище имеются очень ценные кадры учащихся, и наши концертные бригады всю зиму обслуживали прифронтовую полосу, западный фронт, подмосковные воинские части и госпитали Москвы, дали фронту свыше 100 концертов и приобрели большую популярность. Несмотря на эту нашу большую работу для фронта, а также, такую же работу муз училища при Консерватории, нам и им дана большая разверстка на работу по лесозаготовкам. В то же самое время три Московских Училища (им. Ипполитова-Иванова, им. Глазунова и имени Октябрьской Революции) совершенно освобождены от лесозаготовок, несмотря на то, что они имеют менее ценные кадры учащихся. По существу было бы правильным освободить совсем от лесозаготовок все музыкальные учебные заведения, т. к. для музыкантов всех специальностей руки являются их орудием производства и профессии, и необходимо сохранить эти ценные кадры, тем более что сейчас, в виду военного времени, их готовится немного, потребность же в них очень велика. Благодаря полученной разверстке, бригады концертные двух ведущих, всесоюзного значения, музык. училищ разрознены, а заявки на концерты от воинских частей продолжают поступать.

Ввиду того что три Моск. муз. Училища освобождены от лесозаготовок – я настоятельно прошу Моссовет об освобождении также музучилища им. Гнесиных и музучилища при Консерватории с тем, чтобы они могли продолжать необходимую для фронта работу по своей специальности и продолжать учебу.

7 / VIII 42г.

Ел. Гнесина

4⁵³⁷

10 декабря 1942 г.

⁵³⁵ ММКЕЛФГ, V – 10. На именном бланке депутата Моссовета, заслуженного деятеля искусств Ел. Ф. Гнесиной. Рукопись, на 1 л.

⁵³⁶ Все взрослое население Москвы было мобилизовано на лесозаготовки. И Ел. Ф. Гнесиной приходилось постоянно бороться за освобождение от трудовой мобилизации учащихся, в том числе совсем юных, в особенности инструменталистов, которым это было противопоказано.

⁵³⁷ ММКЕЛФГ, V – 12. На именном бланке директора ГМУ им. Гнесиных. Рукопись, на 2 л.

Тов. Сталин в своем историческом докладе 7 ноября указал на два направления деятельности в наше время: на военные действия на фронтах, и на организацию тыла.

Укрепление тыла помогает фронту, но чтобы организация тыла была более крепкой, нужно значительно больше прислушиваться и присматриваться к нуждам населения. Партия и Правительство всегда ставили заботу о нуждах трудящихся в центре своего внимания, и теперь, в военное время, эта задача нисколько не снимается с руководящих местных организаций, ибо повседневная забота о нуждах трудящихся является неперенным условием тыла, об организации которого и говорил т. Сталин на своем докладе 7 ноября. Что же делается и как на деле выполняется эта директива Партии и Правительства Исполкомами Райсоветов и даже Исполкомом Моссовета? Начну с жилищного вопроса. На весеннем пленуме, помню, было вынесено очень хорошее постановление о своевременной, к осени, подготовке и ремонту зданий, особенно в вопросе отопления. И что же? До сих пор, а уже зима, в этом отношении сделано очень мало, хотя этим летом условия для подготовки к зиме были вполне благоприятны. Взять хотя бы в Киевском районе громадный 7-этажн.[ый] дом по Арбату № 35, который, благодаря преступной халатности местных руководителей, все больше и больше разрушается. Дом этот совершенно не подготовлен к зиме, и жильцов постигла очень печальная участь, а между тем в этом доме проживает не меньше тысячи человек, и среди них имеются многодетные семейства красноармейцев. То же самое происходит и с громадным домом № 29 по Гоголевскому бульвару. Если на такие дома не обращено было своевременно внимание, то можно себе представить, как ужасно обстоит дело в более мелких домах.

О домоуправлениях и домоуправителях.

В отношении домоуправлений и управляющих домами дело обстоит катастрофически плохо. Кадрами «домоуправителей» никто серьезно не занимается; подбор их совершенно случаен, в эту категорию работников частенько попадают люди, совершенно непроверенные и неблагонадежные – грубые, пьянствующие, взяточники, а зачастую и просто воры, обкрадывающие квартиры эвакуированных. Подбор кадров управляющих домами должен стать неотложной очередной задачей Райисполкомов, тем более что на этих работников возложены такие важные кампании, как, напри[м], мобилизация на лесозаготовки. Как же выполнял эту важную и ответственную кампанию целый ряд домоуправов? Вместо тщательного отбора и внимательного подхода к людям посылались в некоторых случаях, наряду с годными к трудфронту, люди престарелые, хронически больные, беременные женщины и не только 15-летние подростки, но и совсем дети, которые явились балластом на трудфр[онте].

О снабжении дровами. Те редкие дома, где центральное отопление приблизительно в порядке, – эти дома отапливаются еле-еле, лишь бы не замерзла вода. Жильцам этих квартир приходится добывать (и то с большим трудом) железные печки, а топить их нечем. В особенности, казалось бы, нужно да-

вать дрова тем жильцам, у которых не функционирует центральное отопление, да еще, вдобавок, систематически выключается свет. В очень тяжелое положение попали переселенные из разрушенных бомбежкой домов: милиция их почему-то не прописывает, а домоуправление не дает им дров. В исключительно тяжелом положении оказались так называемые надомницы (особенно имеющие малолетних детей), которые оказались и без отопления, и без света, а работать они имеют [возможность] только по вечерам и ночью. По последнему постановлению Моссовета троллейбусы и трамваи ходят до 1 ч. ночи. Последний трамвай или троллейбус выходит с конечного пункта в 11 ч. 30 м., когда народу почти нет, и получается, что (если эти вагоны не идут в парк) на протяжении 1½ часа вожатый катает только кондуктора и наоборот – кондуктор вожатого. А между тем один вагон берет энергии не меньше, чем 125 плиток или 1. 500 лампочек по 40 ватт. Так вот, не лучше ли вместо не очень нужной затраты энергии на ночные поездки пустить большее количество вагонов в рабочее время, чтобы трудящиеся не простаивали часами в очередях в ожидании трамвая или троллейбуса. Из этого вытекает вопрос: работает ли трамвай и троллейбус по графику.

Несколько слов о работе столовых.

Почему так безобразно поставлен надзор за столовыми? Почему, например, столовая на Арбате № 124 может кормить более или менее сносно, а рядом столовая № 135, при тех же продуктах, кормит совершенно несъедобно? Почему в одной столовой можно пообедать в ½ часа, а в других требуется 2 часа потери времени, да еще плохо при этом пообедать. Необходимый контроль и надзор за заведующими столовыми нужно поставить в первую очередь. Нам, москвичам, должно быть стыдно перед ленинградцами, которые сумели в условиях блокады хорошо поставить общественное питание.

На все выдвинутые мною жизненные вопросы прошу обратить внимание.

Товарищи! Т. к. нет крепостей, которые не могут взять большевики, что ярко демонстрируется сейчас нашей доблестной, славной Красной Армией, то Моссовет, хозяин Москвы, обязан взять, к слову сказать, не такие уж большие крепости и должен упорядочить быт трудящихся гор. Москвы.

Депутат Ел. Гнесина

19¹⁰/XII42

5⁵³⁸

К СЕССИИ МОССОВЕТА 25/VI– 1943 года.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ, разрешите мне в своем выступлении коснуться двух наиболее важных вопросов, с которыми ко мне, как депутату, обращаются трудящиеся из всех почти районов Москвы.

⁵³⁸ ММКЕЛФГ, V – 13. Машинопись, на 3 л.

1-й вопрос. Чрезвычайно плохо, бюрократически относятся к нуждам и запросам населения наши жилищные отделы. Этот вопрос очень тяжелый. Наблюдаются случаи очень грубого отношения к населению, даже к инвалидам отечественной войны; царит невероятная волокита, вынуждающая людей отрываться от своей работы и стоять в очередях не только неделями, а иногда и месяцами для того, чтобы получить какую-нибудь справку или даже просто подпись зав. отделом. Нет никакой четкости и ритмичности в работе, о которой говорилось так недавно на прошедшем партактиве. Не наблюдается со стороны некоторых никакого уважения не только вообще к трудящимся, но даже к депутатам. Например: недавно мне как депутату пришлось позвонить и проверить одно заявление в Мосжилотделе, и я получила довольно грубый окрик: «А Вы чего вмешиваетесь». Из этого можно заключить, как относятся к трудящимся подобные «руководители».

2-й вопрос. Касается Мосторготдела. Конечно, этот чрезвычайно тяжелый вопрос требует особого внимания и еще большей четкости в работе. Разрешите мне зачитать несколько строк из статьи «Невский Проспект» помещенный в Правде 14 Июня, характеризующий замечательную работу Ленинградской торговой организации. /ЦИТАТА/⁵³⁹

Что же мы видим у нас. Бесконечные громадные очереди не часами, а сутками, зачастую без малейшей уверенности в получении полагающихся по карточкам продуктов. Я лучше знаю, как печально обстоит дело в так называемых закрытых распределителях, где никак не могут наладить порядок.

Введенный, так называемый, «новый» порядок прикрепления к определенным дням, имеющий, вероятно, целью борьбу с очередями, абсолютно не разрешает эту проблему, а скорей ухудшает положение дела. Прикрепление к определенному дню имело бы смысл, если бы было гарантировано получение продуктов каждому стоящему в очереди, а так как этого нет, то данное мероприятие теряет смысл. Конечно, гораздо хуже обстоит дело в обыкновенных продмагах.

Считаю необходимым использовать в данном вопросе пример Ленинграда.

И еще 3-й и последний вопрос, касающийся вопиющей грубости вагоновожатых и кондукторш. Знаю много фактов, когда грубо сталкивались со ступенек не только просто граждане, но и инвалиды отечественной войны с костылями, в то время как никакой борьбы с висунами⁵⁴⁰ не ведется, и больницы наполняются изувеченными ребятами. За примером идти недалеко: не имея машины, мне, с больной ногой, приходится долго стоять в очереди у остановки троллейбуса, и при попытке войти с передней площадки я была несколько раз грубо столкнута, причем не помогли ни мой возраст, ни орден, ни палка в руках. Часто кондукторша отправляет вагон при наличии свободных мест и не кончившейся посадки, только для того, чтобы формально вы-

⁵³⁹ Цитата, которую собиралась прочесть из газеты Ел. Ф. Гнесина, не выписана в ее тексте.

⁵⁴⁰ «Висуны» – те, кто едут на подножках трамваев или виснут сзади на вагонах.

полнить график движения, а вовсе не думая о своих обязанностях по отношению к обслуживанию населения. Кстати, еще одна характерная вещь: почти, как правило, население не получает сдачи, что является замаскированной формой воровства и наживания. Эти факты наблюдаются везде.

Считаю, что в этом вопросе ведется недостаточная работа с кадрами кондукторов и прочего обслуживающего персонала соответствующих органов.

Все затронутые мною вопросы имеют животрепещущее значение и надеюсь, что они не останутся безрезультатными и бесплодными в работе Мосисполкома.

Депутат Моссовета Ел. Гнесина
25. VI. 43 года

Выступления и юбилейные приветствия

1

*Выступление на радио 14 марта 1945 г.*⁵⁴¹

14 марта 1945 г.

17. 35 – 17. 59

Начинаем передачу для детей.

Слушайте выступление заслуженного деятеля искусств профессора-орденоносца ЕЛЕНЫ ФАБИАНОВНЫ ГНЕСИНОЙ и учащихся детской Музыкальной Школы имени Гнесиных.

Выступление Е. Ф. Гнесиной

Здравствуйте, дети! Мне хочется сказать вам несколько слов о начальном обучении музыке.

До революции детей учили музыке «по старинке». Весьма распространенной была ШКОЛА БЕЙЕРА, и с нее обычно начинали. Трудно себе представить что-либо более антихудожественное, чем эта «школа». Изучение фортепианных приемов начиналось с так называемого УНИССОНА, т. е. буквального повторения в левой руке того, что играет правая. Таким образом, совершенно не развивалась самостоятельность каждой руки в отдельности. Обучение по школе Бейера вырабатывало у детей только сухие технические приемы игры, не способствуя развитию у них художественного вкуса.

Скудная музыкально-педагогическая литература того времени содержала немало облегченных переложений произведений классиков, часто в сильно искаженном виде. Роль этих переложений и огромного большинства пьес для начинающих сводилась к развитию техники игры, и ни одной свежей мысли или смелой гармонии не проникало в эту педагогическую крепость.

⁵⁴¹ ММКЕЛФГ, V – 22. Машинопись: 1 л. представляет собой текст, написанный Ел. Ф. Гнесиной для ее выступления, 1 л. – программу радиопередачи (для диктора).

Поэтому нередко малыши, с большой охотой стремившиеся к обучению музыке, начав учиться – очень быстро охладевали. Задумываясь над этим явлением, я поняла, что если ребенок ХОЧЕТ учиться, дело педагога – поддержать и развить его стремления с самого начала, что нужно не только знакомить с техническими приемами, но и помогать детям понять художественную сущность каждого музыкального произведения, – научить их любить музыку.

Мне хотелось уничтожить этот разрыв между ТЕХНИКОЙ и МУЗЫКОЙ, существовавший в детском педагогическом репертуаре. И вот в 1919 году я впервые сочинила несколько тетрадей маленьких этюдов и пьес для начинающих, а затем сочинила свою ФОРТЕПИАННУЮ АЗБУКУ, по которой теперь учатся все советские дети. Это и положило начало к созданию нового детского педагогического репертуара. Следуя моему примеру, композитор Гречанинов также стал писать для ребят, потом появились детские пьесы Гедике, Глиера, а теперь наши виднейшие советские композиторы уделяют много внимания детской музыкальной литературе.

Сегодня в детском концерте нашей Школы вы услышите мои сочинения, начиная от самых легких пьес для фортепиано и кончая произведениями для струнных инструментов и хора. В каждой из своих пьес я старалась в доступной форме применить тот или иной технический прием, помогающий воспитанию художественного вкуса, чтобы наши дети могли почувствовать себя маленькими художниками-исполнителями.

/см. программу/

1. Гнесина – «Ладушки» и «Марш». Исполняют на фортепиано в 4 руки Илюша Ягодин 6-ти лет и Паша Семенов 7-ми лет.
 2. «С прыгалкой» из сборника «Пьески-картинки». Исполнит Паша Семенов.
 3. Две «Пьески-картинки»: В припрыжку, Проглянуло солнышко. Исполнит на фортепиано Зоя Дорфман, 9 лет.
 4. «Колыбельная». Исполнит на скрипке Инга Батурина, 9 лет, аккомпанирует концертмейстер Семенцова-Огиевская.
 5. «В кузнице». Исполнит на фортепиано Володя Захаров.
 6. «Дождик» и «На лодке» из сб. «Миниатюры». Исполнит на фортепиано Тамара Афанасова.
 7. «Медленный вальс» (обработка Георгиана). Исполнит на виолончели Инна Бегам, аккомпанирует концертмейстер Барсанова.
 8. «Тема с вариациями» (обр. Георгиана). В том же исполнении.
 9. «Юмореска». Исполнит Нэлли Непомнящая.
 10. «Баркарола». Исполнит на фортепиано Олеся Щербакова.
 11. «Перезвон». Исполнят на двух фортепиано Сережа Кочешков и Коля Лапкин.
 12. «Андантино». Исполнит струнный квартет в составе учащихся.
 13. «Спасибо», сл. Добровольского. Исполнит детский хор под управлением Елены Фабиановны Гнесиной, класс Давыдовой.
- Резерв: «Волчок» и «Марш» из «Пьесок-картинок». Исполнит на фортепиано Наташа Фесай.

(Все исполнялось в прямом эфире.) Муз. редактор – С. Сербинова.

Дорогие товарищи москвичи!

Я надеюсь, что могу считать себя весьма старой москвичкой: я живу в Москве 60 лет, на Собачьей площадке 50 лет, директорствую 52 года, а всего мне 73 года. На моей памяти произошло немало интересных событий и множество встреч с талантливыми представителями художественного мира. На моих глазах зародился наш Художественный театр, и вся группа его учредителей и первых энтузиастов актеров во главе с молодым Станиславским, Ольгой Книппер, Лужским и другими была дружна с нашей семьей.

Я лично знала и была дружна с несколькими поколениями крупнейших наших московских композиторов: у одних я училась: Сафонов, Аренский, Танеев. Другие были моими товарищами: Рахманинов, Скрябин, Глиер, Гречанинов, а третьих уже мы воспитывали в нашем училище: Оборин, Хачатурян, Хренников и другие, которые теперь стали Сталинскими Лауреатами и гордостью не только Москвы, но и всей нашей страны.

Время летит так быстро, что дети наших первых воспитанников являются профессорами, лекторами и пр. [вариант: докторами искусствоведческих наук] нашего Института и Консерватории, а в нашей муз. школе теперь обучается третье поколение, таким образом, я чувствую себя не только бабушкой, но и прабабушкой небывало многочисленного семейства.

Еще раз приветствую всех вас и надеюсь, что в следующем столетии все эти внуки и правнуки станут гордостью Москвы и будут так же тепло вспоминать о нас (вар.[иант]: всех здесь присутствующих!).

3⁵⁴³

*Приветствие к 80-летию Московской консерватории. 1946 г.*⁵⁴⁴

В 80-летнюю годовщину существования и творческой жизни Московской Государственной Консерватории Государственный Музыкально-Педагогический институт и училище им. Гнесиных шлет ей свое СЫНОВНЕЕ приветствие.

Вызванная к жизни мощным освободительным движением 60-х годов прошлого века, Московская Консерватория быстро стала одним из главных питомников для бурно растущей музыкальной жизни страны. Роль ее в разви-

⁵⁴² ММКЕЛФГ, V – 23. На именном бланке директора ГМПИ им. Гнесиных. Рукопись на 1 л.

Эта речь, очевидно, произнесена на собрании по случаю празднования 800-летия Москвы (таких собраний в ЦДРИ с участием Ел. Ф. Гнесиной было два в сентябре 1947 года).

⁵⁴³ Сохранились юбилейные приветствия Ел. Ф. Гнесиной многим лицам, а также и организациям: среди них Р. М. Глиэр (неоднократно!), А. А. Яблочкина, Е. А. Бекман-Щербина, С. С. Прокофьев, С. В. Образцов, А. Б. Гольденвейзер (это приветствие записано на радио).

⁵⁴⁴ ММКЕЛФГ, V – 40. Рукопись, на 2 л., с раскрашенной зеленым карандашом цифрой «LXXX» (в виде вкладки в адресную папку).

тии русской и мировой культуры, в подъеме музыкального творчества национальных республик Советского Союза – поистине огромна.

Длинный ряд блестящих ее руководителей, начиная с Николая Рубинштейна, Чайковского, Танеева и Сафонова, и ее питомцев, всемирно прославивших русскую музыкальную школу, у всех на устах и в памяти.

В те годы, когда в Московской Консерватории обучались учредительницы Музыкально-Педагогического института им. Гнесиных, т. е. в конце 80-х и на протяжении 90-х годов прошлого столетия, в составе ее педагогов сверкали имена: Танеева и Аренского, Сафонова и Бузони, Ляроша, Гржимали и Ипполитова-Иванова. Под их влиянием сформировалось открытое нами в 1895 году музыкальное училище, ставившее своей первоначальной задачей – готовить для Консерватории учеников, достойных учиться у тех замечательных профессоров Консерватории, у которых учились мы все и первые наши сотрудники: Р. М. Глиэр, А. Т. Гречанинов, Г. Э. Конюс.

С тех пор прошло более полвека, училище им. Гнесиных в условиях после Октябрьского расцвета искусства в нашей стране – выросло в крупное самостоятельное музыкальное учреждение, однако полностью обязанное своим возникновением и первыми достижениями Московской Консерватории.

Музыкально-Педагогический институт им. Гнесиных, будучи первенцем Московской Консерватории, приносит ей к ее 80-летию свое благодарственное приветствие и горячее пожелание дальнейшей и по-прежнему плодотворной творческой жизни для процветания музыкальной культуры нашей великой родины.

Директор
Ел. Гнесина

4

*Приветствие к 50-летию МХАТ. Октябрь 1948 г.*⁵⁴⁵

Приветствие, которое я приношу в торжественный день Московскому Художественному театру, – это привет от меня лично, от семьи Гнесиных и от Музыкально-Педагогического Института имени Гнесиных.

То, что было сделано за полвека Художественным театром для Русского и мирового театрального искусства, то, что было им сделано для общественной жизни великой нашей страны, слишком известно и общепризнано, чтобы нам, зрителям и почитателям Театра, не являющимся теоретиками театрального творчества, стоило пытаться характеризовать творческие его достижения. Мы лишь пользуемся случаем еще раз и еще раз высказать Театру наше восхищение и бесконечное уважение и пожелать ему дальнейшего процветания в веках.

На протяжении полувека Художественный Театр и наша, на первых порах, скромная Музыкальная Школа, почти одновременно возникнув, системати-

⁵⁴⁵ ММКЕлФГ, V – 48. На именном бланке директора ГМПИ им. Гнесиных. Рукопись, на 4 л. Это приветствие написано Ел. Ф. Гнесиной в двух вариантах. Приводится более развернутая и менее официальная версия текста.

чески дружественно обменивались приветствиями в каждую из дат, отмечавших рост и достижения этих двух учреждений.

Московский Художественный Театр является едва ли не самым замечательным из тех начинаний, которые, как бы побеждая реакционный уклад общественной жизни России девяностых годов прошлого века, возникали в среде демократически направленной интеллигенции – как отражение революционных сил рабочего класса и крестьянства, сил, объединяемых и направляемых деятелями социал-демократической партии. В первоначальном кружке литературы и искусства, в котором около замечательного учителя Федора Федоровича⁵⁴⁶ Комиссаржевского созрел гений Константина Сергеевича Алексеева-Станиславского, начинала свою скромную музыкально-педагогическую деятельность и Евгения Фабиановна Гнесина, одна из создательниц нынешнего нашего Музыкально-Педагогического Института.

Бесконечно дорогая всем собравшимся здесь, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова помнит, вероятно, и наши с ней⁵⁴⁷ первые совместные художественно-артистические выступления того времени в «Рабочем Театре» на «Полотняном Заводе» и в концертах студенческих землячеств вместе с такими общественно отзывчивыми и замечательными певцами, как Павел Акинфиевич Хохлов и юный Леонид Витальевич Собинов.

Мое приветствие и приветствие от нашего Института может быть отличается от ряда других тем, что это приветствие от СОВРЕМЕННОКОВ – Гнесиных, знавших Театр с момента его возникновения в девяностых годах, в Царской России, и счастливых тем, что дожили до его чествования в великой стране Союза Советских Социалистических Республик.

Заслуженный деятель искусств
Проф. Ел. Гнесина

5

Приветствие И. П. Яунзем⁵⁴⁸

Наша милая и глубоко уважаемая Ирма Петровна!

Разрешите мне приветствовать Вас сегодня от моего имени и от имени всей семьи Гнесиных.

Стоит ли говорить о том, что Вы отлично и сами знаете: что мы, как и все Ваши бесчисленные слушатели, обязаны Вам огромным количеством художественных радостей; что Вы своим чудесным исполнением научили нас всех любить творчество самых различных народов мира раньше, чем мы

⁵⁴⁶ Описка: Федора Петровича.

⁵⁴⁷ В первоначальной версии вставка: ... и ее матерью, замечательной певицей Анной Ивановной Книппер. О совместных выступлениях с О. Л. Книппер-Чеховой – см. в Приложении «Концертные выступления Ел. Ф. Гнесиной», а также публикуемые здесь воспоминания Ел. Ф. Гнесиной о Луначарском.

⁵⁴⁸ ММКЕлФГ, V – 45. Машинопись, на 1 л. Без даты. Предположительная дата приветствия – 1952 год, хотя сохранилось еще два приветствия, написанных к И. П. Яунзем от Ел. Ф. Гнесиной, в том числе и датированное октябрём 1952-го. Возможно, однако, что данный текст также относится к этому событию.

С И. П. Яунзем Ел. Ф. Гнесину связывали очень теплые отношения. Елена Фабиановна неизменно называла ее Ирмушей. Начиная с 1955 года и до конца жизни Гнесиной И. П. Яунзем регулярно писала ей (сохранилось много писем и открыток, хранятся в ММКЕлФГ; ответных писем от Ел. Ф. Гнесиной не обнаружено).

смогли ознакомиться с песнями многих из этих народов в исполнении их собственных артистов; что Ваши прекрасные артистические проявления, кажущиеся своеобразной импровизацией на эстраде, на самом деле – плод не только таланта и мастерства, но и плод серьезного изучения и творческого труда; что Вы – подлинный и серьезный художник, играющий и уже сыгравший яркую роль в музыкальной культуре Советского Союза.

Не может быть забыта и Ваша роль артиста, неоднократно стимулировавшего композиторское творчество.

Так, Вам, безусловно, многим обязаны блистательные творческие достижения в оркестровой обработке музыки народов Максимилиана Осеевича Штейнберга⁵⁴⁹. Ваши совместные выступления – прекрасные моменты подлинного творчества. Для нас же всех, друзей и Ваших, и Максимилиана Осеевича, эти выступления были особенно дороги.

Мы все любим Вас еще и за то, что Вы прекрасный, обаятельный человек. И мы желаем Вам от всей души – и для Вас самой,

и для нас, и для всех Ваших слушателей – продолжения еще надолго, долго Вашей яркой творческой Деятельности.

6

*Приветствие к 100-летию Московской консерватории*⁵⁵⁰

15 октября 1966г.

Приветствие Консерватории на
торжественном заседании в день
100-летия

Дорогая Московская Консерватория!

Наша мать и бабушка!

Ваши дети, внуки и правнуки – Музыкально–педагогический институт, Училище, Школ[ы] 10-летка и 7-ка, Филиалы и прочие отростки имени Гнесиных – горячо приветствуют Вас и поздравляют в день Вашего СТОЛЕТИЯ и желают Вам еще большей СЛАВЫ.

Прабабушка всех Гнесинцев –

Елена ГНЕСИНА.

⁵⁴⁹ Именно в расчете на исполнение Ирмы Яунзем М. О. Штейнберг создавал свои циклы народных песен для низкого голоса с оркестром (см. примечание к письмам Ел. Ф. Гнесиной к М. О. Штейнбергу).

⁵⁵⁰ ММКЕлФГ, V – 51. Машинопись, на 1 л.

Шуточные стихотворения

Сочинение юмористических стихов, рассказов, а также игра в стихотворные игры (буриме, шарады) – постоянные занятия в доме Гнесиных и в кругу их друзей.

Сохранились написанные рукой Елены Фабиановны Гнесиной (в том числе сочиненные коллективно) шуточные эпиграммы, шарады, буриме, поздравления. В разные годы она нередко сочиняла стихотворные экспромты по случаю юбилеев. В книге отзывов Дома творчества композиторов «Руза» в 1963–65 годах Гнесина каждое лето оставляла посвященные Рузе стихи⁵⁵¹. Любовь к юмористическим высказываниям, шуткам, пародиям сохранялась у нее на всю жизнь. Постоянно пополняла она и свой «Музей смеха», где собирались как опубликованные, так и рукописные материалы (в том числе и объявления, рекламу, ученические работы и курьезные письма).

1

*Реклама, если бы она нам понадобилась*⁵⁵²

Из далеких воспоминаний⁵⁵³

В начале, кажется, 1904 года мы, сестры, решили после весенних экзаменов в нашем Училище и детской школе провести всем вместе каникулярное время в деревне, для чего сняли небольшую дачку, с хорошей террасой, в усадьбе «Стрелино». Мы поджидали приезда на летнее время двух младших братьев Мишу и Гришу, живших с матерью и учившихся в Ростове-на-Дону⁵⁵⁴. Как-то сидели мы все вместе на террасе и весело болтали, съедая попутно массу яблок. Все мы были немного «рифмоплеты» и любили игру «рифмованная чепуха», и нам пришло в голову написать коллективно шуточное стихотворение под названием «Реклама, если бы она нам понадобилась». Она нам не понадобилась, т. к. дела в Училище шли очень хорошо и мы даже собирались отпраздновать 15 февраля 1905 года первое десятилетие со дня открытия нашего учреждения⁵⁵⁵. Все же это стихотворение мы написали в тот же вечерок. Вот оно:

Реклама, если бы она нам понадобилась

Сочинено коллективно в один очень жаркий июльский день
в 1899 г.

На Собачьей на Площадке
Музыкальна школа есть,
И для многих в том загадка,
Почему порой не счесть

⁵⁵¹ Эти три стихотворения опубликованы в книге: Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. М., 2003. С. 48, 295–296, 351–352.

⁵⁵² Это коллективное стихотворение неоднократно переписывалось Ел. Ф. Гнесиной (она его записала по памяти в поздние годы): в некоторых вариантах пропускались две-три строфы. Печатается по первой, наиболее полной версии с датой 1899 года (очевидно, выставленной ошибочно: в 1899 году Гнесины еще не жили на Собачьей площадке, а переехали туда в 1900-м): ММКЕлФГ, X – 81, л. 232. Рукопись карандашом.

⁵⁵³ Сохранилось и несколько записанных Ел. Ф. Гнесиной версий создания коллективного стихотворения, где приводятся и совершенно разные даты, и даже места сочинения: это и Стрелино, и Поливаново. Ясно, что Ел. Ф. Гнесина помнила только точно, что это происходило летом на даче.

Приводим здесь наиболее развернутую версию по рукописи Ел. Ф. Гнесиной (ММКЕлФГ, X – 81, л. 229).

⁵⁵⁴ Ел. Ф. Гнесина специально пометила (в нескольких записях стихотворения), что последнюю строфу сочинил Миша (Михаил Фабианович) Гнесин. Поэтому данный рассказ не совсем точен – стихотворение писалось уже после приезда Миши Гнесина к сестрам на дачу и при его участии.

⁵⁵⁵ Еще одно несоответствие дат.

Учениц, они толпою
В школу чудную спешат,
Полно все, а нет отбоя,
Все учиться там хотят.
Почему ж так все стремятся
В этой школе обучаться?

Потому что знает всяк,
Кто в искусстве не дурак!
Учат в школе все сестрицы,
Все премилые девицы.
Их талантом бог снабдил,
Сам Сафонов оценил
И представил двух к медали⁵⁵⁶,
Но оне не возмечтали –
Очень дешево берут,
В дело душу всю кладут.
Там прекрасная метода,
Там творятся чудеса, –
Кто пробудет там с полгода –
Уж не станет врать баса!
Обучают там педали,
Много классиков дают
И устраивают в зале
Вечера, на них зовут
Знаменитых музыкантов,
Педагогов и родных,
Там не терпят дилетантов,
В зале места нет для них!
Моцарт, Бах, Бетховен, Гендель –
Все в программу там войдут!
А в антрактах к чаю крендель
И вареньица дадут!
А когда порой сойдутся
Для занятий в общий класс⁵⁵⁷,
Громко гаммы раздаются
И поют их целый час!
Каждо осень непременно
Двух к Сафонову ведут,
Он же, удовлетворенный,
Говорит: останьтесь тут!⁵⁵⁸

⁵⁵⁶ Подразумевается, что и Евгения, и Елена Гнесины получили серебряные медали по окончании консерватории.

⁵⁵⁷ Имеется в виду хоровой класс.

С Юга, с Запада, с Востока,
Из Москвы и издалека
Всяк спешит в приемный час
Записаться первым в класс.

Скептик ты или мечтатель,
Наш почтеннейший читатель,
Знай, что этот Институт⁵⁵⁹ –
Школой Гнесиных зовут!

2

[М. О. Штейнбергу]⁵⁶⁰

Когда-то Макс, не искушенный в страсти,
Стонал, уткнувшись в дружеский жилет:
«Ах, я влюблен! Ох, сердце рвет на части
Сомнение – взаимно или нет?»

Смеялась я: «Оставьте междометья,
Хотите биться об заклад со мной –
Фунт Chocolat Mignon⁵⁶¹ хочу иметь я,
Коль станет Надя Вашею женой».

А он твердил, не веря и горюя:
«Пусть только Ваши сбудутся слова,
Охотно, милый друг, Вам подарю я
Не фунт один, а даже целых два».

И что ж? Мои сбылися предсказанья,
Давно уж брак счастливый заключен,
Три отпрыска его венчают зданье,
Когда же, где мой Chocolat Mignon?

Уж ветром революции суровым
И Крафта, и миньон его смело⁵⁶²,
И шоколад советский в мире новом
Не на фунты мы мерим, на кило.

⁵⁵⁸ Хороший «рекламный» ход: подчеркивается, что каждый год осенью две ученицы поступают в консерваторию, где, после прослушивания их «оставляет» В. И. Сафонов.

⁵⁵⁹ Слово «Институт» неслучайно подчеркнуто Ел. Ф. Гнесиной в ее позднейшей записи – таким образом в шуточной «рекламе» предвосхищалось воплощение ее будущей мечты!

⁵⁶⁰ ММКЕЛФГ, X – 81, л. 45. Рукопись карандашом. Написано, судя по содержанию, в 1934 году. Речь, без сомнения, идет о М. О. Штейнберге и его жене Н. Н. Штейнберг, которые поженились в 1908-м.

⁵⁶¹ Популярная марка шоколада.

⁵⁶² Крафт – владелец шоколадной фабрики, выпускавший «Chocolat Mignon».

Готова в ногу я идти с эпохой,
Ведь наши достижения – хоть куда,
Миньон, стандарт, ярлык⁵⁶³ – совсем не плохо,
Да мне же их не дарят – вот беда!

Проходят дни, и месяцы, и годы,
И 26 с тех пор минуло лет,
Иду к концу, таков закон природы,
А шоколада все же нет и нет.

Друзья! Когда глаза мои закрою,
Молю – чтоб мне земля была легка, –
Покрыть меня не гробовой доскою,
А плиткой Золотого ярлыка!

3

Дорогому Конст.[антину] Николаев.[ичу] Игумнову⁵⁶⁴

Привет Вам, мастер кантилены!
Вас поздравляют две Елены,
Которые уже полвека,
С начала славного пути,
Что в жизни Вам пришлось пройти,
В Вас чтут артиста, человека
И педагога, и... поэта!
Желаем многие Вам лета
Любимого искусства зная
Нести все так же рядом с нами!

Здесь надо написать нотами (вставить рисунок из рукописи?) Елена Бекман-Щербина

То же Елена Гнесина
(24 января 1946 г)

⁵⁶³ «Стандарт», «Золотой ярлык» – советские марки шоколада.

⁵⁶⁴ Рукопись (автограф Ел. Ф. Гнесиной) на именном бланке директора ГМПИ им. Гнесиных. 1 л. ММКЕлФГ, без инв. номера.

Впервые опубликовано в кн.: Жизнь пианистки (к 125-летию со дня рождения Е. А. Бекман-Щербины). М., 2006. С. 514. Публикуемые там материалы свидетельствуют о том, что Игумнов действительно был «поэтом», постоянно обменивавшимся стихотворными посланиями с Е. А. Бекман-Щербиной.

Поздравление в стихах подписано музыкальными инициалами его авторов – «двух Елен», причем музыкальные инициалы Ел. Ф. Гнесиной даны в ином варианте, чем ее обычная музыкальная подпись (видимо, для сближения музыкальных подписей «двух Елен»). Поставленная дата не дает ответа, в связи с каким событием написано поздравление. Не исключено, что дата ошибочная, а поздравление сочинено к концерту К. Н. Игумнова, искусство которого Ел. Ф. Гнесина глубоко чтит. Сохранился также рисунок Ел. Ф. Гнесиной, изображающий К. Н. Игумнова со спины (опубликован: Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников. М., 2003. С. 265).

Академика толпой
Окружил журнальный рой.
«Дайте, старче, нам совет,
Как дожить до Ваших лет,
Что нам есть и что нам пить,
Чтоб здоровье сохранить».

И Зелинский дал ответ:
«Чтоб прожить до 200 лет,
Нужно кушать апельсины,
Два кусочка лососины,
Клюкву, сливы, виноград
И в обед всегда салат.

Позабудьте щи и кашу,
Ешьте только простоквашу,
Пейте мед, свекольный сок,
Налегайте на чеснок,
Да, чеснок при каждом блюде,
Пусть шарахаются люди.
Этим можно пренебречь,
Коль желать себя сберечь.

К вам болезни не пристанут,
Если с луком есть сметану.
Полируйте вашу кровь,
Ешьте свежую морковь.

Коли 40 лет вам стало,
Пейте пиво для начала,
А с 50-ти годов –
Вина лучших погребов.
Но во всем имейте меру!
Привожу вам для примера:
В девяносто с лишним лет

⁵⁶⁵ ММКЕЛФГ, V – 3, л. 9. Рукопись. Написано, по всей вероятности, к юбилею Н. Д. Зелинского (90-летию?), в 1951 году (?). С Н. Д. Зелинским и его семьей Ел. Ф. Гнесина находилась в дружеских отношениях. Его дочь, художница Е. Н. Зелинская-Платэ, – автор портрета Ел. Ф. Гнесиной; внук, Ф. Ф. Платэ, учился в Школе и Училище им. Гнесиных.

Я совсем не старый дед!»

И Зелинского диету
Разнесли по белу свету
Все, кто хочет быть здоров
И забыть про докторов.

Нам особенно приятно,
Что Зелинский деликатно
Умолчал о том, как быть,
Можно ль водку людям пить?
Этим, стало быть, доказано,
Что она не противопоказана.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Концертные выступления Ел. Ф. Гнесиной

Здесь приведены (известные по сохранившимся, в основном, в архиве Ел. Ф. Гнесиной концертным программам) сведения о ее выступлениях в качестве пианистки, а также репертуар хора Училища Гнесиных, выступавшего под ее руководством. Разумеется, список концертов Гнесиной далеко не полный – известно, что ее концертная деятельность, особенно в 1903–08 годах, а также в 1896–97-х, когда она гастролировала, в том числе, в Воронеже и Смоленске, была весьма интенсивной (например, регулярно проходили ее выступления с Л. В. Собиновым). Если концерт состоялся в Москве, то в списке город не указан.

- 25.11.1892 (или 1891?). Московская консерватория, ученический вечер. Бетховен – Соната ор. 101.
- 3.03.1895. (Зал неизвестен.) Лист – Полонез; Григ – Соната для скрипки и фортепиано F-dur ор. 8 (Н. Н. Соколовский – скрипка). Возможно, также аккомпанировала скрипачу Н. Н. Соколовскому и певице А. И. Книппер.
- 12.03.1895. (Зал неизвестен.) А. Рубинштейн – Трио, III часть. (Б. Ф. Славинский – скрипка, А. И. Ермолов – виолончель); Лист – Полонез.
- 2.05.1895. Ярославль, Городской театр (?). Концерт бывшей артистки Императорских театров Н. Н. Мшанской-Соколовой (меццо-сопрано) при благосклонном участии артиста Императорских театров известного баритона П. А. Хохлова и известной артистки Е. Ф. Гнесиной (ф-но). Лист – Полонез; Шопен – Ноктюрн; Лешетицкий – Andante Finale de Lucia di Lamermoor. Аккомпанировала арии и романсы Мшанской-Соколовой и Хохлову (в том числе «Лесной царь» Шуберта).
- 19.01.1896. Зал Дворянского собрания. Концерт в пользу недостаточных студентов-смолян Московского университета. Глинка–Балакирев – «Жаворонок»; Лист – Consolation («Утешение») E-dur; Шуберт–Лист – «Morgenstandchen» («Утренняя серенада»). Возможно, также аккомпанировала певцам П. Хохлову, Клементьеву, Соколовой-Фрелих.
- 14.12. 1898. Исторический музей. Десятое общедоступное музыкальное утро (устроитель – Щуровский). Шуман – «Детские сцены»; Мошковский – Этюд.
- 18.12.1899. (Зал неизвестен.) Аренский – Трио d-moll (М. И. Пресс – скрипка, И. И. Пресс – виолончель). Возможно, также аккомпанировала певцам П. А. Хохлову, А. И. Книппер, Л. А. Николаевой и скрипачу М. И. Прессу.
- 5.11.1900. (Зал неизвестен.) Аренский – Трио d-moll (тот же состав).
- 16.12.1901. Концертный зал М. С. Романова. Концерт и музыкально-танцевальный вечер в пользу вечерне-воскресных классов при Ольховском мужском училище. Шуберт–Лист – «Morgenstandchen». Возможно, также аккомпанировала скрипачке Елиз. Гнесиной и певцам Шубину, Дома, Медкову, Мосальской, Далматову, Балабановой, Виноградову.
- 2.02.1902. Исторический музей. Московское общество содействия общеобразовательных народных развлечений. Общедоступное литературно-музыкальное утро, посвященное М. Ю. Лермонтову. Бородин – «В монастыре». Возможно, также аккомпанировала Елиз. Гнесиной и певцам.
- 26.03.1902. Концертный зал М. С. Романова. Кружок любителей русской музыки. Вечер 36-й. Аренский – Трио (тот же состав, что 18.12.1899 и 5.11.1900).
- 1.04.1902. Малый зал Московской консерватории. Лядов – Barcarolle; Мендельсон – Scherzo; Григ – Menuet.
- 8.04.1906. (Зал неизвестен.) Гуно – Hymne a Sainte-Cecile («Гимн святой Цецилии») (Елиз. Ф. Вивьен-Гнесина – скрипка, Г. С. Маликонян – арфа); Глинка–Балакирев – «Жаворонок». Возможно, также аккомпанировала Елиз. Вивьен-Гнесиной «Meditation» («Размышление») Массне.

- 1.04.1907. Малый зал Консерватории. Концерт, устраиваемый Е. Ф. Гнесиной в пользу недостаточных студентов Императорского Московского университета – калужан и ельчан. Рахманинов – Соната для фортепиано и виолончели op. 19 (М. Е. Букиник – виолончель).
- 25.04.1907. Здание Императорского Московского Технического училища. Концерт-бал в пользу недостаточных студентов городов Ростова и Нахичевани-на-Дону. Глинка–Балакирев – «Жаворонок».
- 18 ноября 1907 г. Политехнический музей. Народная консерватория. Себастьян Бах. Лекция-концерт Ю. Д. Энгеля. Музыкальные иллюстрации к лекции «Бах и его творчество». И. С. Бах – Маленькая прелюдия D-dur; 2-голосная инвенция g-moll; Прелюдия G-dur (Хорошо темперированный клавир); Прелюдия и fuga B-dur (Хорошо темперированный клавир); Жига из партиты B-dur, Гавот из Английской сюиты d-moll; Соната D-dur, I ч.; Allegro из 1-го Концерта; Соната для скрипки и фортепиано d-moll (А. Я. Могилевский – скрипка); аккомпанировала также на фортепиано и гармоние арии, дуэт, хоралы из кантат (№ 21, 34, 10, 93, 6) певцам А. К. Аскоченскому, В. М. Борисовой, П. Ж. Доберт и хору Народной консерватории.
- 25.11.1907. Зал Польской библиотеки. Концерт в пользу детского сада для глухонемых. Григ – Соната c-moll (Елиз. Ф. Вивьен-Гнесина – скрипка); Рахманинов – Баркарола; Скрябин – Этюд cis-moll op. 2; вероятно, также: Чайковский – Serenade melancolique (Елиз. Ф. Вивьен-Гнесина – скрипка).
- 21.01.1908. Московский Женский клуб. Литературно-музыкальный вечер с участием Н. А. Морозова. В пользу Московского Трудового Братства. Скрябин – Этюд [cis-moll, op. 2?]; Кюи – Вальс. Аулин – Humoreske, Wiegenlied III (Колыбельная) (Елиз. Гнесина – скрипка).
- 9.03.1908. Большой зал консерватории (?). Московская симфоническая капелла. Памяти Елизаветы Ивановны Булычевой. 12-й вечер ансамблевых исполнений под управлением В. А. Булычева. Моцарт – Реквием. (Партия органа – Е. Ф. Гнесина).
9. 04. 1909. Зал Синодального училища. 10-я Музыкальная выставка (год II). М. Ф. Гнесин – из op. 2 и 3: музыка к стихотворениям «Чайка» (Бальмонт), «В бессоницу» (Пушкин), «Снежинки» (Волькенштейн). (М. А. Дейша-Сионицкая – сопрано, А. А. Иринархов, В. Р. Петрих.)
- Осень 1910 (?). (Зал неизвестен, возможно, на Музыкальной выставке в зале Синодального училища). М. Ф. Гнесин – Соната-баллада для фортепиано и виолончели cis-moll, op. 7 (П. Казальс – виолончель)
- Декабрь 1910. Зал Синодального училища (?). Музыкальная выставка. М. Ф. Гнесин – «Воздушная птичка», «Она, как русалка» (сопрано – возможно, В. К. Гончарова?)
- 13.01.1913. Московское Общество распространения камерной музыки. Сезон IV. Открытое исполнительское собрание. М. Ф. Гнесин – Соната-баллада для фортепиано и виолончели cis-moll op. 7 (А. А. Крейн – виолончель)⁵⁶⁶.
- 7.11.1913. Зал Учительского Дома. Вечер в память Л. Н. Толстого (организован правлением Толстовского общества в Москве). Моцарт – Соната для рояля и скрипки (Елиз. Ф. Гнесина-Витачек – скрипка).
- 1.11.1915 и 21.02.1916 (повторение той же программы). Малый зал консерватории. Всероссийский Союз городов. Детское утро из произведений А. Т. Гречанинова в пользу детей-беженцев. Женский хор Училища Е. и М. Гнесиных под руководством Ел. Ф. Гнесиной. Исполнялось: «Из города в деревню», «Нива», «Капля дождевая», «Урожай», «Совушкина свадьба» (дирижер – автор, партия фортепиано – Е. Ф. Гнесина).
- 10.01.1920. Партийный клуб Хамовнического района. Аккомпанировала певцам П. Ж. Доберт и В. И. Садовникову.

⁵⁶⁶ Об этом концерте см. беседу Ел. Ф. Гнесиной с П. В. Лобановым в данной книге.

Репертуар открытых выступлений женского и смешанного хоров Училища Гнесиных

под руководством Ел. Ф. Гнесиной (1898–1927)

Ел. Гнесина – «Когда погаснет долгий день» (хор учеников класса сольфеджио, 1896).

Глезер – «Утро».

Рахманинов – «Задремали волны», «Ангел», «Сосна», «Неволя».

Рубинштейн – женский хор из опер «Маккавеи»; хоры потомков Хама, потомков Иафета и потомков Сима из оратории «Вавилонское столпотворение; трио из оратории «Потерянный рай».

Аренский – женский хор (хор подруг Дамаянти) из оперы «Наль и Дамаянти»; «Под солнцем вьются жаворонки».

Мендельсон – «Дуэт», Мотет, «За городом», «Не остави нас», трио ангелов из оратории «Илия».

Ипполитов-Иванов – «Сговор», «Крестьянская пирушка», «Русалки».

Григ – Норвежская песня, «Весна».

Моцарт – хор из оперы «Свадьба Фигаро».

Кюи – «Май. Вечерняя заря», «Неурожай», «Неразгаданный сон», «Сокрытая красота».

Глиэр – «Скоро весна» (первое исполнение), «В синем море» (первое исполнение), «Весна».

Корещенко – «Белый воробей».

Гречанинов – «В чистом поле дуб стоит»; «Капля дождевая», «Стояли девушки», «Прибаутки» (первое исполнение); «Солнце и месяц»; Гимн Свободной России; «Осенью. Отлет птиц», «Призыв весны» из сб. «Времена года» (первое исполнение); «Колыбельная»; «Совушкина свадьба» «Ручеек», «Ноктюрн» (из сб. «Ручеек»); «Из города в деревню» (из сб. «В деревне»); «Тень-тень-потетень»; «Нива»; «Урожай»; «Ой, Иван».

Народная песня «Виноградие».

Лядов – хор из «Мессинской невесты».

Чайковский – хор народа и царедворцев из «Снегурочки», хор берендеев из «Снегурочки», хоровод из «Снегурочки»; хор девушек из оперы «Орлеанская дева».

Бетховен – Sanctus.

Абт – «Лес».

Римский-Корсаков – Колядка из оперы «Ночь перед Рождеством», «Стрекозы», кантата «Из Гомера», Проводы Масленицы из оперы «Снегурочка».

Катуар – «Смотри, как роща зеленеет», «Что ты клонишь над водами».

Танеев – хор «Слава» из оперы «Орестея».

Мусоргский – хор из оперы «Саламбо».

Калинников – «Жаворонок».

Карнович – Фуга на юмористическое стихотворение Апухтина (специальное исполнение шуточного юбилейного произведения на праздновании 30-летия Техникума им. Гнесиных).

М. Гнесин – «Плачьте, дочери земли»; «С майским деревом» (из драмы А. Блока «Роза и крест»); Заключительный хор к «Симфонического монументу» на сл. С. Есенина.

Кастальский – Песня товарищей Разина из кантаты «Стенька Разин».

Рославец – «На полях».

Список музыкальных произведений Ел. Ф. Гнесиной

В настоящий список внесены опубликованные произведения и методические пособия, а также сохранившиеся в рукописях неопубликованные сочинения. Все прижизненные издания произведений Ел. Ф. Гнесиной были осуществлены в «Музгизе» (Музыкальный сектор Госиздата, Государственное музыкальное издательство, издательство «Музыка»). Многие произведения издавались неоднократно и даже многократно. По возможно-

сти, здесь учтены прижизненные переиздания (в том числе два, осуществленные за границей). Следует иметь в виду, что большая часть отдельных пьес, этюдов, упражнений издавалась в различных сборниках педагогического репертуара, хрестоматиях, школах и т. п. Множество таких изданий имело место и после смерти Ел. Ф. Гнесиной. В данном перечне учтены только прижизненные издания авторских сборников. В 1950–52 годах Ел. Ф. Гнесиной (или по ее просьбе) был сделан список изданных в «Музгизе» сочинений с указанием опусов⁵⁶⁷. В изданиях опусы никогда не выставлялись. Кроме того, вызывает сомнения последовательность опусов, так как ряд произведений, написанных и изданных раньше, имеют более поздние номера опусов. В настоящем списке опусы указаны в скобках.

При составлении данного перечня для датировок сочинений и первых изданий были использованы, помимо изданных нот, рукописи сочинений, хранящиеся в архиве Ел. Ф. Гнесиной, и договора с «Музгизом», хранящиеся там же.

1. Маленькие этюды для начинающих. В 4-х тетрадях. Для фортепиано. Соч. в 1917 г. Сдано в издательство в 1919 г. (Ор. 1.) 1-е изд. в 4-х тетрадях (отдельно): 1921. В дальнейшем издавалось как в 4-х тетрадях, так и в вариантах объединений по 2 тетради. В 1931 – уже 7-е изд. Последующие изд.: 1935, 1937–38, 1940, 1946, 1948.
Избранные этюды (23 из 34) изданы: Gnesina H. Mate??? etiudy dla poczatkujacych. Na fortepiano. Kraków: Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1962.
2. Маленькие пьесы для фортепиано (6 пьес; первоначальный замысел – 7, возможно, одна из пьес осталась в рукописи). (Ор. 2.) Две пьесы впервые изданы в 1923 г. в сборнике «Педагогический репертуар для фортепиано». 1-е изд. Полностью – 1925–1926. Переизд. – 1935, 1939, 1946, 1950, 1960.
3. Миниатюры для фортепиано (11 пьес). (Ор. 6.) 1-е изд.: 1926. Переизд.: 1927, 1933, 1934, 1937; 1958 (9 пьес).
4. Две пьесы для фортепиано в 4 руки: «Ладушки». Марш. Дата окончания пьесы «Ладушки» – 3.01. 1929. (Ор. 5.) 1-е изд.: 1929. Переизд.: 1933, 1939.
5. Две пьесы: Дуэттино. «Перезвон». Для 2-х фортепиано в 4 руки. (Ор. 8.) 1-е изд.: 1929. Переиздавались.
6. Три пьесы для фортепиано: «В кузнице». «Юмореска». Баркарола (этюд). Дата сдачи в печать пьесы «Юмореска» – 3.01. 1929. (Ор. 9.) 1-е изд.: 1929. Переизд.: 1939.
7. «Возьмем винтовки новые». Песня для двухголосного хора в сопровождении фортепиано на сл. В. Маяковского. 1-е изд.: «Флажки на штыках»: Сборник к Октябрю: сборник стихов и песен с нотным приложением песни «Возьмем винтовки новые» на сл. В. Маяковского и муз. Ел. Гнесиной, 1930. Переизд. с небольшими редакционными изменениями, под названием «Пионерская песня» в сб.: *Е. Гнесина. «Пионерские песни»*, 1966.
8. Фортепианная азбука. Дата окончания – 7.06. 1930. (Ор. 3.) 1-е изд. (40 номеров): 1932. Переизд. многократно: 1940 – уже 6-е изд. Новая редакция с предисловием⁵⁶⁸ (50 номеров): 1943, переизд. – 1944, 1945, 1947, 1952. Новая редакция (количество номеров сокращено до 44, их порядок изменен) сделана в 1954, изд. 1956. Переизд. не менее 10 раз. Последнее изд.: 1984.
9. Маленькие упражнения и этюды на скачки и стаккато. Для фортепиано. Отдельные фрагменты – 1932, закончено в 1934. (Ор. 7.) 1-е изд.: 1936. Переизд.: 1938, 1961–1962.
10. «Спасибо!». Песня для детского хора с фортепиано (стихи Н. Добровольского). (Ор. 10.) 1-е изд.: 1937.

⁵⁶⁷ Указанные в списке изданных сочинений как ор. 4 «Две пьесы для ф-но» - не обнаружены.

⁵⁶⁸ Опубликовано в данной книге.

11. Две детские песни: «Чудо дерево» (сл. К. Чуковского) и «Весенний марш» (сл. Э. Эмден). Для голоса с ф-но. Дата сочинения песни «Весенний марш» – 1935. (Ор. 11.) 1-е изд.: 1938.
12. Подготовительные упражнения к различным видам фортепианной техники: Пособие для педагогов и учащихся. Соч. в 1939. (Ор. 12.) 1-е изд.: 1940. Переизд.: 1947, 1952. Переизд.: *Gnesina H. Přípravná cvičení k různým druhům klavírní techniky./здесь наверняка много диакритических знаков/ Praha, 1964. Текст на чешск.*
13. Пьески-картинки для фортепиано. (17 пьес.) Соч. в 1939, сдано в издательство в 1940. (Ор. 13.) 1-е изд.: 1943. Переизд.: 1948.
14. Альбом детских пьес для фортепиано. (6 пьес.) (Ор. 14.) Первоначально, вероятно, напечатано на стеклографе: 1948. 1-е изд.: 1950. Переизд.: 1993.
15. Пионерские песни для хора в сопровождении фортепиано: Пионерская праздничная. Песня юных космонавтов. (Стихи А. Чинарьяна.) 1-е изд.: под названием «Пионерский альбом»⁵⁶⁹: 1952(?). Переизд.: 1966, в сборнике: *Е. Гнесина. Пионерские песни (с добавлением «Пионерской песни» на стихи В. Маяковского).*
16. Музыкальные диктанты: Пособие для музыкальных школ и училищ. Отдельные диктанты соч. начиная с 1928 г.; завершение сборника датировано в разных вариантах 1950-м и 1952-м гг. 1-е изд.: 1958.
17. Дуэты для маленьких скрипачей. Первая позиция. Соч. летом 1965. 1-е изд.: 1966.

*Авторские сборники, составленные из произведений,
входящих в различные циклы*

Е. Гнесина. Избранные детские пьесы для фортепиано / Сост. З. Финкельштейн. М., 1963.
Е. Гнесина. Избранные пьесы / Сост. И. А. Шпигель. М., 1990.

Первомайская песня (Первомайская пионерская) (сл. С. Зауральского). Для двухголосного хора в сопровождении фортепиано. Соч. в 1919–1920. Сохранилось в рукописях и в верстке, подготовлено к печати, но сведений об издании не найдено.

Неизданные сочинения (рукописи, хранящиеся в архиве Ел. Ф. Гнесиной⁵⁷⁰)

Четыре хорика для детских голосов. Сл. Лизы Гнесиной⁵⁷¹. (Два – трехголосные, два – четырехголосные, в сопровождении фортепиано.) 1890.

«Сколько дел у нас с утра». Сл. Е. Тараховской. Песня для голоса и ф-но. 28.03. 1940.
Менуэт для фортепиано в 4 руки.

Пьесы для фортепиано, первоначально предназначавшиеся для сборника «Альбом детских пьес»: «Осенняя сказочка». Прелюдия (обе пьесы датированы 1945 г.). Хроматический этюд. Маленький вальс. Педальный этюд.

Ульриху Осиповичу Авранеку. «Слава»⁵⁷². Для четырехголосного хора без сопровождения.
Переложения сочинений других авторов:

Брамс. Каприччио ор. 76 № 2. Переложение для 2-х ф-но.

Глюк. Гавот из балета «Дон Жуан». Переложение для 2-х скрипок и ф-но.

⁵⁶⁹ Датировано на основании договора с «Музгизом».

⁵⁷⁰ ММКЕлФГ, оп. IV, д. 1,2, всего 829 листов. Нотные рукописи (включающие и наброски, и неоконченные произведения) датированы 1890–1964 годами. Здесь имеются и шуточные экспромты (пародия на «Рыболова» и «Чибиса» в связи с приемными экзаменами в Детскую школу-семилетку им. Гнесиных), и поздравление «Слава К. С. Станиславскому».

⁵⁷¹ Елизаветы Фабиановны – сестры Ел. Ф. Гнесиной.

⁵⁷² Авранек Ульрих Иосифович (Осипович) (1853–1937) – бессменный главный хормейстер Большого театра (с 1882). Очевидно, приветственный хор был сочинен к его юбилейному чествованию (20 мая 1922 года) и предназначался для исполнения студентами.

«Колыбельная» для скрипки и ф-но (в архиве отсутствует; указана Ел. Ф. Гнесиной в списке своих сочинений, предназначенных к изданию в начале 1950-х гг. – возможно, рукопись утрачена в издательстве).

Прижизненные литературные публикации Ел. Ф. Гнесиной

- Встречи с Рахманиновым // Огонек. 1953. № 13. С. 27
Концертмейстер – тоже педагог. Коллективное письмо в редакцию (подписи: А. Гольденвейзер, Е. Гнесина, М. Юдина, М. Мирзоева, А. Ямпольский, М. Владимиров, А. Доливо, Н. Шпиллер) // Сов. культура. 1954. 5 июля
Спасибо нашим ученым / Искусственный спутник Земли // Московская правда. 1957. 11 октября.
- Фридерик Шопен // Пионерская правда. 1960. 23 (22?) февраля
Слава героям // Моск. правда. 1961. 26 марта [О космических запусках.]
О друге и соратнике (К 5-летию со дня смерти Р. Глиэра) // Сов. музыка. 1961. № 6. С. 106–109. Перепечатано под назв.: Человек, победивший старость // Р. М. Глиэр. Статьи, воспоминания, материалы. Т. 1. М.; Л., 1965. С. 49–53.
О Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове. 2-е изд. М., 1962. Т. 1. С. 220–228
- Из моих воспоминаний // Сов. музыка. 1964. № 5. С. 44–51.
В редакцию газеты «Известия» // Известия. 1964. Июнь [Благодарность всем, поздравившим с 90-летием.]
В музыкальный календарь школьника. 1964 год / К 90-летию Е. Ф. Гнесиной. М., 1963.
Из моих воспоминаний о Ферруччо Бузони // Воспоминания о Московской консерватории. М., 1966. С. 172–174.
Воспоминания об А. В. Луначарском // Сов. музыка. 1967. №3. С. 70–72.

Список учеников Ел. Ф. Гнесиной

За годы работы у Елены Фабиановны Гнесиной было огромное количество учеников (конечно, речь идет только об ее индивидуальных учениках по фортепиано, а не тех, кто пел в хоре).

Восстановить имена не только всех, но даже большинства учеников не представляется возможным: так, в иные годы число учеников ее класса доходило до тридцати шести! Больше всего самых разных учеников, разумеется, было в дореволюционный период. В дальнейшем у нее занималось достаточно много учеников, однако громадная работа Елены Фабиановны по разным направлениям (прежде всего, руководство растущими учебными заведениями) заставляла ее сокращать их количество. С 1920-х годов она в основном ведет учеников училища (техникума), ограничивая число учащихся детской школы. А с 1944 года, после открытия института, в ее классе большинство составляют студенты вуза, тогда как число учащихся училища постепенно сокращается. В спецшколе-десятилетке ее класс посещает, в основном, один ученик, а в школе-семилетке она уже не преподает. В 1950-е годы она ограничивает себя только занятиями со студентами института (затем остается и единственная аспирантка – до 1964 года).

В целом, за период с 1891 года до 1964-го, у Елены Фабиановны учились сотни учеников. Невозможно установить тех, кто занимался в интернате гимназии Арсеньевой, кроме В. В. Чичкиной (о чем сама Гнесина рассказывает в беседе с П. В. Лобановым, публикуемой в книге). Также немало было частных учеников (до середины 1920-х годов) – но их имена, как правило, нигде не зафиксированы (известна, например, семья Унковских, где Ел. Ф. Гнесина, будучи студенткой, давала детям уроки, живя летом в их имении). Некоторые занимались у Елены Фабиановны очень короткое время (например, Р. М. Глиэр – см. воспоминания о нем в данной книге); сведения о некоторых учениках не подтверждаются документами (например, о М. И. Ульяновой – сестре В. И. Ленина, занимавшейся в Училище Е. и М. Гнесиных в 1895 году). Гораздо больше сведений имеется об учениках Музыкального училища Е. и М. Гнесиных, так как с 1899-го по 1919-й год сохранились «Экзаменные ведомости», куда были включены все учащиеся. Однако, из ведомостей

видно, что большая часть учеников частного училища занималась недолго, порой в течение нескольких месяцев, нерегулярно (со сдачей экзамена в конце года и без него) в течение одного-двух лет, с пропусками по несколько лет (позже у Ел. Ф. Гнесиной учились по фортепиано и учащиеся других специальностей – музыковеды, композиторы). До 1899-го и после 1919-го годов подобные ведомости не сохранились. Более того, если списки выпускников училища (техникума) составлялись (и до 1945 года велась книга выдачи дипломов⁵⁷³), то в детской школе списки выпускников не сохранились.

Таким образом, наиболее точные данные об учащихся – это имена тех, кто закончил по классу Ел. Ф. Гнесиной Музыкальное училище (в 1901–1951 годах) и Музыкально-педагогический институт им. Гнесиных (в 1950–63 годах), а также Специальную школу-десятилетку. Их – 132 человека.

При составлении списка учащихся, не закончивших эти учебные заведения, использовались следующие источники, кроме указанных «Экзаменных ведомостей Музыкального училища Е. и М. Гнесиных»⁵⁷⁴: записные книжки Ел. Ф. Гнесиной с именами и программами ее учеников⁵⁷⁵, списки учеников Ел. Ф. Гнесиной, составленные М. Э. Риттих, Э. А. Вайнштейн, Т. В. Антоновой при содействии Б. С. Виленкиной, Е. А. Вержболович, Л. Б. Булатовой, К. П. Виноградова, П. Г. Козлова и А. В. Малинковской, списки выпускников ГМПИ им. Гнесиных, составленные М. Э. Риттих на основании документов отдела кадров института, а также некоторые другие рукописные материалы архива Ел. Ф. Гнесиной.

В этот список включены (за несколькими исключениями) учащиеся, занимавшиеся у Ел. Ф. Гнесиной не менее двух лет. По возможности приводятся годы занятий, но их точность не всегда удалось проверить. Имена и отчества приводятся в зависимости от наличия материалов, в скобках иногда указываются фамилии, которые ученицы носили уже после учебы.

Выпускники Музыкального училища Гнесиных

1. Ренквист (Глиэр) Мария Робертовна – 1901 (с 1896)
2. Гнесина (Александрова-Гнесина) Ольга Фабиановна – 1901 (с 1895)
3. Акундович Анна Николаевна – 1902
4. Вальтер Елизавета Федоровна – 1902 (не позднее, чем с 1899)
5. Шмотина Елена Павловна – 1902 (не позднее, чем с 1900)
6. Щербатова Вера Семеновна – 1902 (не позднее, чем с 1899)
7. Прозоровская Елизавета Васильевна – 1904 (не позднее, чем с 1899)
8. Ендовицкий Михаил Александрович – 1904 (не позднее, чем с 1899)
9. Крутоголовова Александра Ивановна – 1905 (с 1897)
10. Халатова Люси Ивановна – 1905
11. Малютина Надежда Николаевна – 1905 (с 1899)
12. Орлова Ольга Николаевна – 1906 (с 1903)
13. Корзлинская Ольга Николаевна – 1907 (с 1901 или 1904)
14. Шишова Надежда Николаевна – 1908
15. Казакова Елизавета Андреевна – 1908 (с 1902)
16. Крыгина Лидия Степановна – 1908
17. Зеликина Анна Львовна – 1909
18. Ендовицкая Нина Александровна – 1909
19. Листов Николай Николаевич – 1910
20. Кораблина Елена Николаевна – 1910
21. Воздвиженская Александра Константиновна – 1910
22. Кочина Наталья Федоровна – 1911
23. Огранович Мария Михайловна – 1911
24. Леви Елизавета Николаевна – 1911 (с 1907)
25. Сергиевская Софья Ивановна – 1912
26. фон Траубенберг Елена Николаевна – 1913
27. Петровский Михаил Александрович – 1913
28. Бирюкова Евгения Ивановна – 1914

⁵⁷³ ММКЕлФГ, IX – 21, 22.

⁵⁷⁴ ММКЕлФГ, IX – 1-20.

⁵⁷⁵ ММКЕлФГ, IX – 23, V – 100-114.

29. Коновалова Надежда Николаевна – 1914
30. Бомзе Мария Лазаревна – 1915
31. Тугенхольд Роза Александровна – 1915
32. Мельникова-Разведенкова Варвара Степановна – 1915
33. Одолеева (Сенаторская) Елена Петровна – 1917 (с 1910)
34. Токарева (Семенцова-Огиевская) Ольга Николаевна – 1918 (с 1915)
35. Волконская Ксения Васильевна – 1918 (с 1916?)
36. Халатова Мария Ивановна – 1920 (с 1915)
37. Чичкин Алексей Алексеевич – 1921 (с 1915)
38. Оборин Лев Николаевич – 1921 (с 1915)
39. Соколова Ольга Александровна – 1925 (с 1918)
40. Дерингер Ирина Робертовна – 1925
41. Виноградов Константин Петрович – 1925 (с 1915)
42. Воронова Валентина Ивановна – 1926 (с 1923?)
43. Истомина Нина Михайловна – 1926 (с 1923)
44. Давыдова Елена Васильевна – 1926 (с 1919)
45. Виленкина Берта Самойловна – 1926 (с 1923)
46. Акулов Евгений Алексеевич – 1927 (с 1924)
47. Элинсон Софья Моисеевна – 1927 (с 1923)
48. Григорьев Михаил Григорьевич – 1927 (с 1925)
49. Жив (Михайлова-Микулинская) Ревекка Исааковна – 1927
50. Збарская Берта Семеновна – 1928 (с 1924?)
51. Муромцев Юрий Владимирович – 1928 (с 1922)
52. Скребков Сергей Сергеевич – 1928 (с 1923)
53. Клумов Алексей Константинович – 1929 (с 1924)
54. Калнынь Люция Яковлевна – 1929 (с 1924)
55. Мемешкина Нина Георгиевна – 1929 (с 1924)
56. Мильман Марк Владимирович – 1929 (с 1923?)
57. Николаев Александр Александрович – 1929 (с 1924)
58. Пашенко (Васильева) Ольга Сергеевна – 1929 (с 1926?)
59. Сербинова Светлана Викторовна – 1929 (с 1924)
60. Колбасникова Тамара Борисовна – 1929 (с 1925)
61. Шавердов Александр Сергеевич – 1930
62. Мытник Андрей Яковлевич – 1930 (с 1928)
63. Цфас Евгения Григорьевна – 1930 (с 1926)
64. Азбель Борис Наумович – 1931 (с 1928)
65. Закс Михаил Львович – 1931 (с 1928)
66. Баранов Георгий Владимирович – 1931 (с 1929)
67. Шабадаш Юлия Матвеевна – 1931
68. Кашталева (Зволинская) Ольга Савельевна – 1931 (с 1926)
70. Григорьева Любовь Андреевна – 1932 (с 1929)
71. Рыцлин Любовь Львовна – 1933 (с 1929)
72. Финкельштейн Зиновий Исаакович – 1934
73. Альтерман Элла Григорьевна – 1935
74. Вайнштейн Эсфирь Ароновна – 1935
75. Брудная Евгения Михайловна – 1935
76. Крыжановская Долли Зиновьевна – 1935
77. Мацкевич Ирина Борисовна – 1935
78. Сафронеев Аркадий Сергеевич – 1935 (с 1929, с перерывами)
79. Харлампиди Софья Ивановна – 1935
80. Герасимович Тамара Сергеевна – 1936

81. Гинзберг Анеля (Анна) Матвеевна – 1936
82. Зарубина Елизавета Сергеевна – 1936
83. Гуржиенко Георгий (Юрий) Антонович – 1937
84. Иоффе (Ромм) Евгения Борисовна – 1938 (с 1934)
85. Лернер Елизавета Ароновна – 1938 (с 1934)
86. Бабаджанян Арно Арутюнович⁵⁷⁶ – 1939 (с 1937)
87. Головина Галина Александровна – 1939
88. Левит Юрий Ефимович – 1939 (с 1934)
89. Мазина Софья (Сарра) Наумовна – 1939
90. Хузеханов Шамиль Нургаязович – 1939
91. Герасимова Екатерина Евгеньевна – 1940 (с 1935?)
92. Илюхина Тамара Степановна – 1940 (с 1940)
93. Иткина Марианна Владимировна – 1940 (с 1937)
94. Листова Наталья Александровна – 1940 (в 1940)
95. Людевиг Зоя – 1940 (с 1937?)
96. Костылевская Ревекка Моисеевна – 1941 (с 1936?)
97. Федорова Ольга Ивановна – 1941 (с 1937)
98. Кашеева (Кашеева-Квитка) Галина Лукинична – 1942
99. Чайковский Борис Александрович – 1942
100. Сычева Маргарита Львовна – 1944
101. Хаймовский Григорий Самуилович – 1944 (с 1943; в ГМПИ учился в 1944-45)
102. Фрейнкина Тамара Ефимовна – 1945
103. Ратинова Эдит Наумовна – 1945
104. Метнер (Назарова) Татьяна Борисовна⁵⁷⁷ – 1946
105. Степанов Ольгерд Борисович – 1948
106. Кротов Игорь Сергеевич – 1948
107. Судзиловская Лиля (Лилия) Васильевна – 1948
108. Лапутин Лев Александрович – 1948
109. Бубырева (Петрунина) Дагмара Александровна – 1948
110. Раппопорт Лидия Яковлевна – 1949
111. Демченко Валерия Дмитриевна – 1951

Выпускники Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных⁵⁷⁸

1. Родзевич Ирина Сергеевна – 1950
2. Сычева Маргарита Львовна – 1950
3. Девенишская Софья Викторовна – 1951
4. Кац (Булатова) Лина Борисовна – 1951
5. Кудрявцев Владимир Николаевич – 1951
6. Назарова-Метнер Татьяна Борисовна – 1952
7. Рабинович С. М. – 1952
8. Кротов Игорь Сергеевич – 1953
9. Раснер И. Л. – 1953
10. Степанов Ольгерд Борисович – 1953
11. Карлинская З. А. – 1954
12. Раппопорт Лидия Яковлевна – 1954

⁵⁷⁶ Композитор, народный артист СССР.

⁵⁷⁷ Внучка дирижера и альтиста А. К. Метнера, родного брата Н. К. Метнера.

⁵⁷⁸ Срок обучения в Институте им. Гнесиных, начиная со второго выпуска (1950) всегда составлял 5 лет, поэтому даты начала обучения студентов не указываются.

13. Ратинова Эдит Наумовна – 1954
14. Орлова (Зверева) Валентина Евгеньевна – 1955
15. Демченко Валерия Дмитриевна – 1956
16. Судзиловская Лилия Васильевна – 1956
17. Антонова Татьяна Владимировна – 1957 (заочное отделение)
18. Семенова Людмила Николаевна⁵⁷⁹ – 1958
19. Трахтман Ольга Л. – 1958
20. Бугаева Татьяна Н. – 1959
21. Егиков Игорь Андреевич – 1959
22. Москаленко Мария Сергеевна – 1959
23. Розенбаум-Быстрова Камилла А. – 1959 (заочное отделение)
24. Померанцева Наталья Алексеевна⁵⁸⁰ – 1960
25. Малинковская Августа Викторовна – 1961
26. Николаева Людмила Леонидовна – 1961
27. Корчагина Ольга Николаевна – 1963

**Выпускник Средней специальной музыкальной школы-десятилетки
при ГМПИ им. Гнесиных**

Ягодин Илья Васильевич – 1956 (с 1946)

Выпускница аспирантуры ГМПИ им. Гнесиных

Малинковская Августа Викторовна. 1964 (с 1961)

Ученики в Музыкальном училище Е. и М. Гнесиных

Клумова (Ганнушкина) София Васильевна⁵⁸¹. 1895–1900

Эренбург Евгения Григорьевна⁵⁸². 1896–?

Зернов Дмитрий Сергеевич. 1896–1901

Вартер Ольга Сергеевна(?). 1899–1901

Выгодчикова Августа. 1899–1904

Рачинская Мария. 1899–1902

Гончарова Нина Дмитриевна⁵⁸³. 1900–1902

Корш Елена. 1900–08 (с перерывами)

Синицына Н. (?) 1901–05

Синицына О. 1902–05

Гуревич Е. 1901–03

Толчевская. 1901–03

Серова. 1902–08

Безуглая. 1902–08

Алексеева. 1902–06

Римская-Корсакова М. 1902–03

Дольник Т. 1903–09

Дольник Н. 1903–06

Серова. 1903–06

Фертич. 1903–06

Дерюжинская Е. 1904–08

Аронсон. 1904–11

⁵⁷⁹ Дочь академика Н. Н. Семенова

⁵⁸⁰ Египтолог, доктор искусствоведения

⁵⁸¹ Жена психиатра П. Б. Ганнушкина

⁵⁸² Сестра писателя И. Г. Эренбурга (как и Эренбург Изабелла Григорьевна – см. далее).

⁵⁸³ Дочь Д. Д. и В. К. Гончаровых.

Благоволина. 1904–08
Бурштейн. 1904–07
Змеевская. 1904–06
Тютюнник⁵⁸⁴. 1904–05
Федорова. 1904–06
Эренбург Изабелла Григорьевна. 1904–08
Генкина. 1905–08
Витоль. 1906–08
Понсова. 1906–10
Свинарская. 1907–11
Александрова. 1907–09
Аркина. 1908–11
Ленгольд. 1908–11
Люминарский. 1908–10
Николаева. 1908–10
Говсева. 1908–10
Сахаров Дмитрий Иванович⁵⁸⁵. 1908–09
Розенблюм (Гурвич) Мария Александровна. 1908–11
Карташева. 1909–12
Богословский. 1909–13?
Тютюнник⁵⁸⁶. 1909–13? (с перерывами)
Шор⁵⁸⁷. 1909–11
Шлезингер. 1908–11
Вивьен Шурик. 1910–11
Левицкий. 1910–13?
Ильинская. 1910–13?
Тушнина. 1910–12
Рогалевич. 1910–17 (с перерывами)?
Ландау. 1911–13?
Мельникова А. 1911–13?
Кизильштейн Зинаида. 1912–?
Горбунова. 1915–18
Дмитриевский. 1915–17
Шелехова А. 1915–17
Шелехова Е. 1915–17
Ковальская. 1917–19
Державина. 1916–18?
Генрих–Залеская. 1915–17?
Залевски Теодор⁵⁸⁸. 1914–15, 1917–19
Способин Игорь Владимирович⁵⁸⁹. 1915–17
Гурвич. 1916–18?
Модина А. 1917–18?
Быстрицкая. 1916–22

⁵⁸⁴ Дочь или сын певца и и. о. главного режиссера Большого театра В. С. Тютюнника.

⁵⁸⁵ Математик, отец академика А. Д. Сахарова.

⁵⁸⁶ То же, что и сноски 11 (в школе учились несколько детей В. С. Тютюнника).

⁵⁸⁷ Скорее всего – сын или дочь пианиста Д. С. Шора.

⁵⁸⁸ Польский композитор.

⁵⁸⁹ Музыковед, профессор.

Ученики в Техникуме (Училище) и Детской школе им. Гнесиных

Кудрявцева Наталия. 1919?–23
Могилевская Софья Абрамовна⁵⁹⁰. 1918–22
Носов Виктор. 1918?–22
Цендлер (?). 1918–22
Шефтель Раиса. 1917?–25
Зеликина 1919?–22
Афремов. 1921–25
Богатырева (Туртыгина) Пава Григорьевна. 1921–22
Багдатьян Нора. 1921–23
Гуревич Александр Михайлович. 1921–26
Гольдовский Юрий. 1921–23
Заклинская. 1921–24
Красноглядова Вера Владимировна. 1921–22
Елпидинская Галина. 1921–23
Зенкевич Мария Евгеньевна. 1921–23
Рождественский Андрей. 1921–23
Соловцов Анатолий Александрович. 1921–23
Фраучи Нина. 1921–23
Недошивин Петр. 1921–25
Нестерович Мария. 1921–23
Кантор Лия Арьевна. 1922–24 (оконч. творческое отд. техникума по кл. М. Ф. Гнесина)
Итина. 1922–25
Книппер Лев Константинович. 1922–23
Ротштейн Наталия⁵⁹¹. 1922–24
Чивикова Татьяна. 1922–25
Августовская Мария Иосифовна. 1922–25
Соловьев Сергей. 1922–24
Мосолов. 1922–23
Блиох Вениамин. 1923–26
Игнатов. 1923–25
Дедова. 1922–25
Моралева Наталия. 1923–25
Страннолюбский Борис Михайлович. 1923–25 (оконч. творческое отд. техникума по кл. М. Ф. Гнесина)
Юргенсон⁵⁹². 1923–24
Вержболович Елена Антоновна. 1923–24
Штутин. 1923–25
Москвина Нина. 1925–27
Николаева Елизавета Ионатановна. 1925–27
Сапожников Сергей Владимирович. 1925–27
Кайдан–Дешкин Сергей Федорович. 1927–28?
Соловьева Татьяна Николаевна. 1927–28
Пеккер Яков. 1927–30
Постельников Сергей. 1929–30
Хейфец Людмила (Лина) Натановна⁵⁹³. 1928–31
Ваксман. 1928–30

⁵⁹⁰ Детская писательница.

⁵⁹¹ Дочь зам. наркома иностранных дел Ф. А. Ротштейна.

⁵⁹² Вероятно, внучка Б. П. Юргенсона.

⁵⁹³ Двоюродная сестра скрипача Я. Хейфеца.

Кангер Евгений. 1928–29
 Хавчин Фанни Л. 1928–?
 Фридлянд Леля – 1928–?
 Кац Сигизмунд Абрамович⁵⁹⁴. 1929–30 (занимался у В. Р. Шора, в течение года – также под руководством Ел. Ф. Гнесиной; закончил техникум как композитор по кл. М. Ф. Гнесина)
 Смирнова Галина Константиновна. 1930–31 (?)
 Макаров–Ракитин Константин Дмитриевич. 1930–31(33?)
 Разоренов Сергей Александрович. До 1932
 Канчеева. 1930–34
 Гельд Владимир. 1932–36
 Летунова Александра. 1932–33, 1935–37
 Гройсер Михаил. 1933–36
 Чистяков Александр Николаевич. 1933?–34
 Мазаев Аркадий Николаевич. До 1935 (окончил теоретико-композиторское отделение техникума по кл. М. Ф. Гнесина)
 Родзевич Ирина Сергеевна. 1935–41 и 1943–44 (принята в ГМПИ без окончания училища)
 Бранддорф Михаил. 1934–36
 Гудкова Галина. 1935–38
 Брумберг Владимир Михайлович. 1935–36
 Ремезова Тамара. 1932–37 (с перерывом)
 Федоровская Мифа. 1935–37?
 Лернер. 1934–39
 Майзель Рахиль. 1935–39?
 Якулова Магда. 1936–39 (?)
 Бухарина. 1936–39 (с перерывом?)
 Блюх Светлана Яковлевна. 1937–39?
 Шумская Наталия. 1937–39
 Комарицкая Лина. 1937–39
 Ливанова. 1937–39?
 Дрейзина Вера. 1935–39?
 Рождественский Геннадий Николаевич. 1939–41, 1942–46
 Чугаев Александр Георгиевич. 1940–41
 Малинина (Юрлова) Наталия Федоровна. 1942–45 (?)
 Ионин Борис Сергеевич. 1942–44 (закончил у А. Н. Юровского)
 Кац (Булатова) Лина Борисовна. 1943–46 (принята в ГМПИ после III курса Училища)
 Конев Анатолий. 1943–44
 Захаров Владимир. 1944–48?
 Городинская Ноэми. 1944–46?
 Усова Изабелла Константиновна. 1942–47

Институт им. Гнесиных

Акимов Кирилл Дмитриевич. 1948–51?
 Скудина Евгения (Генриетта) Семеновна. 1949–51 (?)
 Захарченко Всеволод. 1951–53
 Шарф Зинаида Н. 1953–54
 Чернышов Александр. 1957–60
 Азархина (Александрова) Елена И. 1959–63(?)
 Сидорова (Черных) Маргарита Петровна. 1959–61

⁵⁹⁴ Композитор, народный артист РСФСР.

Шарапова Наталия. 1960–63 (?)

Рыскина (Тихонова) Александра Иосифовна. 1961–62

Именной указатель

Именной указатель состоит из двух разделов: «Семья Гнесиных» и «Персоналии». В первом разделе приведены сведения о представителях семьи Гнесиных, независимо от того, упоминаются ли они в тексте книги. В этом разделе ссылки на страницы отсутствуют, так как о некоторых членах семьи Гнесиных в книге речь идет почти постоянно. Во втором разделе даются ссылки на все страницы, где упоминаются данные имена.

Семья Гнесиных

В разделе «Семья Гнесиных» персоналии разделены по поколениям: разделы «Родители Ел.Ф.Гнесиной», «Братья и сестры Ел.Ф.Гнесиной», «Племянники Ел.Ф.Гнесиной», «Внучатые племянники Ел.Ф.Гнесиной и их потомство». Римскими цифрами обозначены братья и сестры, арабскими – их дети (племянники), буквами – внучатые племянники Ел.Ф.Гнесиной.

Родители Ел.Ф.Гнесиной

Отец: *Гнесин Фабиан Осипович* (1837, Минская губ. –1891, Ростов). Происходил из бедного еврейского местечка (сельской местности). Рос без отца. Еще мальчиком, стремясь получить образование, тайно бежал в Вильно, чтобы избежать набора в рекруты. Там поступил в Виленское раввинское училище (образование, дававшееся в подобных духовных учебных заведениях, было весьма серьезным), которое успешно закончил в 1862 г. Не позднее 1865 г. переехал вместе с женой в Ростов-на-Дону, получив назначение на службу общественным раввином. На этой должности пробыл четверть века, снискав подлинный авторитет и глубокое уважение жителей города. Был членом городской управы. Среди свидетельств тому – и официальная благодарность министра, и высказывание простого дворника после его смерти: «Это был не человек, а ангел. Только крыльев не хватало». Проповеди Ф.О.Гнесина отличаются свободной и активной общественно-политической позицией, они хранятся в РГАЛИ в фонде Михаила Фабиановича Гнесина. Одновременно работал также банковским служащим.

Брат отца: Гнесин Самуил (ум. 1925, Москва). Жил в Ростове и в Москве. Работал строителем-прорабом. По неподтвержденным данным, также был общественным раввином.

Мать: *Гнесина (ур. Флотзингер) Белла (по другим данным – Изабелла) Исаевна* (ок. 1842, Вильно – 1911, Москва). Дочь известного в Вильно скрипача-клезмера, народного музыканта, фактически ставшего профессионалом. Талантливая певица-любительница, училась у С.Монюшко, как и ее три сестры. Вышла замуж не позднее 1865 г.

Сестры матери: Генриетта Данишевская – певица, выступала в Петербурге; Цецилия Каведани – певица, закончила Петербургскую консерваторию, солистка Миланского театра «Ла Скала».

Братья и сестры Ел.Ф.Гнесиной

I. *Гнесин Александр Фабианович* (1867?, Ростов – 1942, Москва) – инженер (электро- и теплотехника). Жил в Москве с конца 1880-х г. – окончил Высшее техническое училище. Некоторое время работал машинистом на железной дороге – в 1892-93 в Мерве, в 1893-95

– в Узловой. В Москве занимался производством аккумуляторов. С 1900 г. управляющим конторой московского отделения русско-немецкой фирмы (акционерного общества) «Тюдор» (производство и продажа аккумуляторов). Непосредственно занимался электрификацией Храма Христа Спасителя. После революции фирма национализирована и стала Аккумуляторным трестом «Ленинская искра», где он продолжает работать до конца жизни, являясь квалифицированным и уважаемым специалистом, был начальником отдела (с перерывом в 1919-21 г., когда работал под Аткарском). После революции лишился собственной квартиры на Арбате и в 1921 г. поселился в квартире сестры Елизаветы и ее мужа на Большой Никитской улице (ул. Герцена), ставшей большой коммуналкой.

Жена (с 1892 г.): *Гнесина (ур. Романова) Анна Федотовна* (ок. 1867, Ростов – 1952, Москва). Происходила из семьи ремесленников – каретника и портнихи, бывшей крепостной (сильное отличие уклада семей, из которых происходили ее супруг и она, вызывало у ее матери враждебное отношение к матери Гнесиных, воспринимавшуюся как «барыня»). Отличалась глубокой религиозностью, с возрастом усилившейся до крайних проявлений.

Несмотря на долгие годы жизни рядом отношения старшего брата и его семьи с сестрами были достаточно далекими. Совершенно особая жизнь сестер Гнесиных, целиком посвященная единому делу – музыкальной педагогике, не вызвала понимания у брата, имевшего другие интересы, у его жены и дочерей, имевших разные специальности и обремененных своими семейными заботами и бесконечными тяготами быта. Не отличалась взаимопониманием и сама семья А.Ф.Гнесина, у которого была и «гражданская жена»...

II. *Гнесин Владимир Фабианович* (1869, Ростов – ? после 1947, США, штат Южная Каролина, Васонтон) – переменял много профессий и мест жительства. В Москве недолгое время был совладельцем фирмы в месте с братом Александром. Во время войны с Японией ушел на фронт вольноопределяющимся, вернулся в чине капитана. В 1904 г. ему пожаловано дворянское звание. В качестве офицера служил в Туркестанской губ. (долгое время жил в Ташкенте). До первой мировой войны шесть лет прожил в США, где имел куриную ферму. Во время первой мировой войны представлен к отличию. В 1917 г. присвоено звание штабс-капитана, назначен командиром роты, военным комендантом в Ташкенте. В 1919 г. навсегда эмигрировал в США, выехав вначале в Константинополь. В США стал очень преуспевающим фермером (ореховые и персиковые плантации). Долгое время сестры не имели никаких сообщений о нем. В 1947 г. его дочь Евгения прислала газету, в которой помещена была заметка о нем с фотографией и сообщением о том, что им ведется курс русского языка в вечерних классах для коммиссионеров в Университете Южной Каролины (в это время он еще продолжал активно хозяйничать на ферме). Видимо, Владимир Фабианович отличался яркостью натуры, со склонностью к авантюре, этим сближаясь с младшим братом – Григорием.

Жена (не позднее, чем с нач. 1890-х г.): *Прасковья Михайловна* (ум. до второй мировой войны в США). Дочь священника, по специальности фельдшер-акушер (после замужества не работала). Была любима сестрами Гнесиными и стала им близким человеком, несмотря на то, что большую часть времени прожила в других городах.

III. *Савина-Гнесина Евгения Фабиановна* (1870?, Ростов – 1940, Москва). Пианистка, окончила Московскую консерваторию в 1889 г. по классу В.И.Сафонова с дипломом свободного художника и серебряной медалью. Занималась и на теоретическом отделении консерватории. В 1889-91 – преподавала музыкально-теоретические предметы в училище при Обществе друзей литературы и искусства. С 1895 г. – основатель, руководитель, педагог Музыкального училища Е. и М. Гнесиных, затем – Государственного музыкального техникума-училища, где заведовала фортепианным отделом до 1938(?) г. Вела также теорию музыки с основания училища до 1920-х г. и детский хор с 1903 по 1935. С 1918 г. участвовала в работе МУЗО Наркомпроса (зав. отделом детских школ первой ступени),

разработала программы, утвержденные для государственных детских музыкальных школ страны. В 1922-25 г. также преподавала элементарную теорию музыки в Московской консерватории. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Выдающийся педагог, она воспитала множество музыкантов, среди которых – пианисты – Н. Орлов, завоевавший мировую известность, А. Татулян, композиторы – А. Юрасовский, ее племянник Ф. Витачек и целая плеяда ведущих педагогов учебных заведений имени Гнесиных – С. Апфельбаум, А. Васильева, М. Гурвич, Т. Илюхина, Н. Сахарова, Н. Светозарова, А. Урисон, концертмейстер В. Шубина и др.

Муж (с 1901 г.): *Савин (Саввин) Александр Николаевич* (1873, Кондрово Калужской губ. – 1923, Лондон). Историк, окончил Московский университет в 1895 г. с серебряной медалью. С 1903 г. до конца жизни преподавал в университете и на Высших женских курсах, профессор (с 1907). Специалист по истории Англии (XV-XVII в.), автор множества работ, в том числе книг: «Английская деревня в эпоху Тюдоров», «Лекции по истории английской революции» (последнее переиздание в 2000 г.), «Английская секуляризация» (работа, за которую он получил докторскую степень) и др. Статьи публиковались в русских и английских журналах. Постоянно работал в английских архивах – Британском музее, в Оксфорде и др. (в 1900-02 находился в научной командировке в Англии), в Германии, Швейцарии, выступал с лекциями и докладами на конференциях в Англии. Ряд учеников завоевали большую известность, в т.ч. академик Е. Косминский, профессор В. Лавровский; дружеские отношения связывали его с М. Покровским, занимавшим крупные посты в советское время. Благодаря их усилиям, вероятно, Савин, хотя и был объявлен «буржуазным ученым», но все же признавался как специалист в СССР, а не причислен к «врагам»: основанием для последнего была его бескомпромиссная критика Маркса (статья «Заметка о первоначальном накоплении в изображении Маркса»). После революции работал в ряде учреждений, в т.ч. в комиссии по реформе высшего образования. Осталось большое количество написанных им стихотворений (в рукописи).

В «Охранной грамоте» Б. Пастернак вспоминает лекции Савина как скучные, что, наверное, объясняется высокой степенью академичной специализации последнего и отсутствием специализированных научных интересов у Пастернака.

IV. *Гнесина Мария Фабиановна* (1874?, Ростов – 1918, Москва). Пианистка-педагог, окончила педагогический курс Моск. консерватории в 1895 г., с этого времени – педагог и совладелец Музыкального училища Е. и М. Гнесиных. Занималась, в основном, с детьми. В числе учеников – дети Скрябина Юлиан и Ариадна. Увлекалась живописью и вышивкой (сохранились ее прекрасные аппликации).

V. *Гнесина-Витачек (она же Вивьен, Гнесина-Вивьен, Витачек) Елизавета Фабиановна* (1879?, возм. 1876?, Ростов – 1953, Москва). Скрипачка, окончила Московскую консерваторию в 1901 г. с дипломом свободного художника (по классу И. В. Гржимали). С этого времени – педагог Училища Е. и М. Гнесиных по классу скрипки. Вела также классы сольфеджио (1902-25 г.), ансамбля, оркестра (впервые все эти предметы, кроме сольфеджио, велись ею). После революции – зав. смычковым отделом Техникума-училища и Детской-школы. В 1944-52 – и.о. профессора Института им. Гнесиных. С организацией Спецшколы им. Гнесиных – зав. оркестровым отделом (1946-49) и педагог школы. Заслуженный деятель искусств РСФСР, доцент.

1-й муж (с 1901 по 1907?): *Вивьен Александр (Борисович?)* – скрипач, окончил Московскую консерваторию с золотой медалью, концертировал.

2-й муж (с 1909 по 1936?): *Витачек Генрих (Евгений) Францевич* (1880, Высока, Чехия – 1946, Москва). Скрипичный мастер. Происходил из семьи потомственных скрипичных мастеров. До 1885 жил в Чехии, затем переехал в Киев. Работал в мастерской своего дяди Ф. Шпидлена, бывшего одновр. его учителем. С 1898 жил в Москве. В 1899-1905 само-

стоятельно сделал ок. 70 скрипок, с 1905 вновь работал в мастерской Шпидлена, с 1909 стал её владельцем. В 1913 получил медаль и 2 премии на Всероссийском конкурсе, в 1926 – две первые премии на Всесоюзном конкурсе. Прочно занял место самого авторитетного эксперта по смычковым инструментам и непревзойденного мастера скрипок в стране, которого называли “русским Страдивари” (всего им было сделано св. 400 инструментов). Его скрипки приобретали такие знаменитые скрипачи, как Э.Изаи, Я.Кубелик, М.Эрденко, Б.Сибор. Один из инициаторов создания организации Первой государственной школы скрипичных мастеров (1918), Госколлекции старинных смычковых инструментов (1919), до конца жизни её бессменный ответственный хранитель, реставрировал и исследовал множество уникальных инструментов. Выезжал на многие конкурсы и для обмена опытом за границу, регулярно – в Чехию (в советское время получил эту возможность благодаря дружбе с М.Н.Тухачевским). С 1930 зав. опытной лабораторией смычковых инструментов, с 1932 – художественный руководитель мастерской смычковых инструментов при консерватории (ныне – его имени), впервые читал курс струнно-смычкового инструментоведения. В 1936 г. – один из первых руководителей Мастерской смычковых инструментов при Всекомпромсовете. Автор многих научных работ. Посмертно изданы "Очерки по истории изготовления смычковых инструментов". Заслуженный мастер Республики, заслуженный деятель искусств РСФСР. О его жизни написан роман чешской писательницы М.Котатковой “Скрипичный мастер ушёл на восток”. На родине ему установлен памятник.

VI. *Александрова-Гнесина Ольга Фабиановна* (1881, Ростов – 1963, Москва). Пианистка-педагог. Училась в Музыкальном училище Е. и М. Гнесиных у своей сестры Елены с 1895 г. (основания училища), в 1901 г. закончила его со свидетельством под номером «2», с этого же времени – педагог училища (в дальнейшем – училища и школы). До 1930-х г. больше занималась с детьми, в дальнейшем – и с учащимися училища. С открытием Спецшколы-десятилетки им.Гнесиных в 1946 г. преподавала и там (в 1946-47 – зав. фортепианным отделом). Заслуженный деятель искусств РСФСР.

Муж (с 1932): *Александров Дмитрий Константинович* (1878/79–1947, Москва). Химик-органик, окончил Московский университет, преподавал там же, во 2-м МГУ и Московском институте тонкой химической технологии, Моск. авиационном институте (МАИ - зав. кафедрой химии). Кандидат химических наук. С 1930-х г. – профессор Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е.Жуковского, генерал-майор инженерных войск.

Постоянно проживал в доме своего учителя, профессора университета С.Г.Крапивина. В связи с данным учителю обещанием опекать его двух дочерей (по крайней мере одна из них была крестницей Д.К.Александрова) не женился до их полного взросления, хотя был другом и очевидным женихом О.Ф.Гнесиной в течение долгого времени (полностью все обстоятельства этого обещания и соответствующей ситуации не выяснены). Оставался жить в квартире со своими приемными дочерьми и после женитьбы (Ольга Фабиановна оставалась жить на Собачьей площадке при школе вместе с сестрами), в эвакуации вместе с ним и Ольгой Фабиановной была приемная внучка.

VII. *Гнесин Михаил Фабианович* (1883, Ростов – 1957, Москва). Композитор. В 1901-09 учился в Петербургской консерватории, с 1902 по 1908 у Н.А.Римского-Корсакова, окончил по классу А.К.Лядова с занесением на Доску почёта. Как композитор быстро приобрел известность романсами на слова поэтов-символистов – Бальмонта, Вяч.Иванова, Блока, Сологуба. С 1909 начал печатать статьи в различных журналах. В 1908-09 и 1912-14 занимался в Студии Вс.Э.Мейерхольда «музыкальным чтением в драме» – созданной им особой музыкально-театральной системой (в 1926 г. сотрудничество с Мейерхольдом продолжено в Москве созданием музыки к спектаклю «Ревизор»). В 1911-12 работал в Музыкальном училище в Екатеринодаре, в 1912-21 – в Музыкальном училище в Ростове,

где вел грандиозную по масштабам просветительскую работу: организовал общество «Музыкальная библиотека им. Н.А.Римского-Корсакова», проводил фестивали, «Музыкальные празднества» в честь Римского-Корсакова», открыл три музыкальные школы (одна носит его имя), был одним из организаторов консерватории (в 1920-21 был ее ректором), читал лекции и мн. др. В 1920-21 зав. МУЗО Донского отдела народного образования. В 1921-23 находился, в основном, в Берлине. В 1923-35 живет в Москве, заведует творческим отделом Техникума им. Гнесиных. В 1925-35 – также профессор и декан Педагогического факультета Московской консерватории. В 1918-26 главным объектом интересов композиторских интересов стала еврейская тема (наиболее удачный из вокальных циклов — музыка к «Повести о рыжем Мотеле» И.П.Уткина; в 1927 был одним из руководителей Общества еврейской музыки). В 1935-44 – профессор кафедры композиции Ленинградской консерватории. В 1944 вернулся в Москву, заняв должность зав. кафедрой композиции ГМПИ им. Гнесиных. В 1951 г. был вынужден уйти из института. Наиболее значительные произведения – симфоническая поэма «Из Шелли», «Симфонический монумент» (с заключительным хором на сл. Есенина), Соната-баллада для фортепиано и виолончели (впервые исполнена П.Казальсом и А.И.Зилоти), Реквием для фортепианного квинтета, Трио для фортепиано, скрипки и виолончели («Памяти наших погибших детей») и др. Со временем, к сожалению, творчество М.Ф.Гнесина находило всё меньше исполнителей. Его педагогическая деятельность была чрезвычайно плодотворной. Будучи человеком широчайшей эрудиции, он мог вести самые разные предметы. Среди его учеников – композиторы и музыковеды Е.Голубев, С.Кац, А.Леман, Е.Месснер, И.Рыжкин, В.Салманов, С.Скребков, Е.Светланов, А.Степанян, А.Хачатурян, Т.Хренников, А.Эшпай и мн. др. Глубокими были и его научные изыскания.

Автор книг «Начальный курс практической композиции», «Мысли и воспоминания о Римском-Корсакове», а также многих статей, посвященных, в том числе творчеству Римского-Корсакова, исследованию фольклора. Заслуженный деятель искусств, профессор, доктор искусствоведения. чл. Президиума и Правления СК. Премии им. М.И.Глинки (1912, за вокальный цикл «Из современной поэзии», ор. 5 и 1913, за симфонический дифирамб «Врубель» ор. 8), Сталинская (Государственная) премия (1946, за Сонату-фантазию для фортепианного квартета, ор.64). Член Президиума и правления Союза композиторов СССР.

1-я жена (с 1907): *Гнесина, ур. Марголина Надежда Товиевна* (1881, Петербург – 1934, Москва). Училась как певица в Петербургской консерватории и как филолог в Петербургском университете. Занималась переводами: среди них – книги Т.Бильрота «Кто музыкален?» и Э.Жак-Далькроза «Ритм» (переиздана: М: Классика-XXI, 2002), работала в библиотеках в Ростове и в Москве

2-я жена (с 1934, брак зарегистрирован в 1951): *Ванькович (Гнесина) Галина Маврикиевна* (1893, Новочеркасск – 1976, Москва). Музыковед. Происходила из аристократического польского рода (среди представителей которого – известный художник XIX в. и известный писатель XX в.). Окончила Московскую консерваторию как пианистка, занималась также теорией и композицией (у М.Ф.Гнесина). До 1957 заведовала нотным отделом Библиотеки Московской консерватории. Преподавала также музыкально-теоретические предметы в Училище им. Гнесиных (с конца 1930-х г. до 1963, с перерывами). Коллеги и ученики высоко ценили ее огромную эрудицию (знала несколько языков), интеллектуальность, профессионализм (по словам ведущего педагога В.А.Кирилловой, «она была совестью училища»). Обладала, кроме того, талантом художника (в ММКЕЛФГ имеются многие её графические работы, прекрасные портреты), глубоко интересовалась проблемами медицины, сочиняла стихи на русском и английском языках, помогала А.А.Гольденвейзеру в переводах писем Ф.Шопена.

VIII. *Гнесин Григорий Фабианович* (1884?, Ростов – 1938, Ленинград?). Певец, актер, литератор. Окончил Петровское реальное училище в Ростове. С 1902 г. учился в Петербургском Технологическом институте как химик, также был студентом в университетах Дармштадта и Женевы. В 1903-05 находился в Италии, учился пению, играл в передвижных труппах «del arte». Вернувшись в Россию учился пению в Петербурге, участвовал в различных любительских и профессиональных спектаклях как драматический артист. Арестован и выслан в 1908 г. По возвращении из Италии в 1910 г. находился в Крыму, Алуште, Москве, Петербурге. Тесно общался с Вс.Мейерхольдом, К.Чуковским, П.Кульбиным, В.Маяковским (написавшим его карандашный портрет) в Финляндии, в Куоккале. В 1916-19 работал в Мурманске на строительстве железной дороги, в Петрозаводске в детском доме. С 1919 до конца жизни – в Петрограде-Ленинграде как артист, литератор, переводчик. На Ленинградском радио в 1930-е г. вел популярную детскую передачу «Дядя Гриша рассказывает», заведовал нотной библиотекой Ленинградской хоровой капеллы. Автор переводов либретто опер (в т.ч. «Севильский цирюльник» для Оперного театра им. К.С.Станиславского в Москве), итальянских песен и др., многочисленных стихов, книги «Воспоминания бродячего певца. Очерки Италии» (переиздана в 1997), музыкальных произведений. Был одним из крупнейших библиофилов в Ленинграде. Арестован в 1937 г. и расстрелян, реабилитирован в 1956 г. Из-за конфискации имущества после ареста уцелело лишь совсем малая часть литературного и эпистолярного наследия Г.Ф.Гнесина⁵⁹⁵.

Жена (с 1919): *Гнесина, ур. Руднева Мария Владимировна* (1888, Новгород – 1942, Ленинград). Училась на Бестужевских курсах в Петербурге. Работала в двух Этнографических музеях – народов мира и народов СССР – в Ленинграде. Преподавала также естествознание в Финансово-экономическом институте. Выслана после ареста мужа в Башкирию, вернулась в Ленинград в январе 1941 г. Умерла в блокаду. Ее брат – известный архитектор Л.В.Руднев.

Племянники Ел.Ф.Гнесиной⁵⁹⁶

Дети А.Ф.Гнесина (I):

1. *Ивановская, ур. Гнесина Екатерина Александровна* (1893, Мерв Туркестанской губ. – 1979?, Москва). Училась в гимназии, в Училище Гнесиных – первая ученица О.Ф.Гнесиной (с 1901 по 1912 с перерывами). Училась на Историко-филологическом факультете Высших женских курсов в Москве. Некоторое время (1917-22) жила в Баланде и под Аткарском в Саратовской губ. Затем – до конца жизни в Москве.

Муж (с 1917, брак зарегистрирован в 1920-х г.): *Ивановский Казимир* (ум. 1947, Москва). Работал директором Ремесленного училища в Баланде. С 1922 г. в Москве, работал в Моск. университете.

2. *Шванская, ур. Гнесина (по первому мужу Доровская) Мария Александровна* (1895, Узловая Тульской губ. – 1977?, Москва). Училась в гимназии, Училище Гнесиных у М.Ф.Гнесиной, О.Н.Орловой, О.Ф.Гнесиной (в 1903-13). Окончила Медико-биологический факультет Высших женских курсов в Москве. В 1917-20 – медсестра, скиталась по Кавказу, в госпитале Белой армии. С 1921 – в Москве. Работала экономистом в различных организациях: в 1922-27 – в Госбанке (элеваторный отдел), с 1935 – в Нарко-

⁵⁹⁵ Немногие уцелевшие материалы переданы дочерью Г.Ф.Гнесина в ММКЕЛФГ. См.: Гнесин Г. Воспоминания бродячего певца. Очерки Италии. М.: Россияне (книга в журнале), 1997; Ахматова О.В. Гнесин из рода Гнесиных (по сохранившимся архивным материалам) // Гнесинский исторический сборник. М., 2004. С. 192-202.

⁵⁹⁶ В скобках указаны порядковые номера, под которыми здесь указаны представители более старшего поколения.

мате электростанций, в его различных отделах – Главэнергострой, Опытно-конструкторском бюро и др., с 1949 по 1963 – в Наладочно-ремонтном предприятии. В 1933-35 – на машиностроительном комбинате в Ярославле.

М.А.Шванская оставила большие воспоминания, которые содержат интересные описания событий разных драматических периодов истории и сведения о семье Гнесиных. В то же время эти мемуары отличаются тенденциозной недоброжелательностью и ограниченной неспособностью понять значительность работы и жизненной позиции своих теток – сестер Гнесиных.⁵⁹⁷

Муж (2-й брак, с 1923 – первый брак был совсем непродолжительным в 1918 г.): *Шванский Вячеслав Васильевич* (1893?, Мерв Туркестанской губ. – 1956, Москва). Инженер, специалист по сварке. Окончил Московский электромашиностроительный институт, работал на различных заводах в Москве, в 1931-35 в Ярославле.

3. *Никольская, ур. Гнесина Елена Александровна* (1897?, Москва – 1986, там же). Училась в гимназии, в Училище Гнесиных в 1913-17 г. (класс О.Ф.Гнесиной). В 1919?-21 г. – в Баланде и под Аткарском. С 1921 – в Москве (в 1935-37 работала в Магадане). Сотрудник, заведующая отделом Фундаментальной библиотеки Академии наук СССР (1937-68).

Муж (с 1919): *Никольский Николай* (1896–1971, Москва). Работал шифровальщиком в ГПУ, на заводе «Фрезер» в Москве (в 1935-37 – в Магадане). Арестован и выслан в 1949 г., освобожден в 1953.

4. *Гнесин Николай Александрович* (1900, Москва – 1918-19?, погиб во время Гражданской войны). Учился в реальном училище в Москве до 1917 г. и в Училище Гнесиных в 1911-14 (класс Елиз.Ф.Гнесиной-Витачек). С 1917 – в Георгиевске, в 1918 г. мобилизован там в части Белой армии и пропал без вести.

5. *Гнесин Михаил Александрович* (ум. маленьким в 1910-х г., Москва)

Дети В.Ф.Гнесина (II):

1. *Ур. Гнесина Юлия Владимировна* (1893?, Москва – вероятно, до 1940, США). Училась в Усачевско-Черняевском институте, в Училище Гнесиных (первая ученица О.Ф.Гнесиной в 1901-02 г.). Затем жила в Ташкенте, замужем – не позднее 1913 г. за офицером Туркестанского гарнизона. После 1915 г., потеряв мужа, воевавшего на фронте и эмигрировавшего – в Индии, вернулась в Россию, а затем выехала в США к родителям.

2. *Кафкова, ур. Гнесина (по первому мужу Мельникова) Евгения Владимировна* (1894?, Москва – ? после 1968, Печоры). Училась в Усачевско-Черняевском институте (до 1909). По ее словам, «вся моя юность, с 8 до 14 лет, была прожита с вами и у вас; вы мне близки как мама» (т.е. ее тетки – Гнесиных). Затем жила в Ташкенте. В 1919 эмигрировала вместе со вторым мужем, жила в Чехии (Прага) с 1922 (?) г. В 1967-68 вернулась в Россию, жила в Печорах с дочерью.

1-й муж (с 1912 по 1916-18?): *Мельников Николай* – офицер Туркестанского гарнизона.

2-й муж (не позднее, чем с 1917-18): *Кафка Рудольф* (ум. 1967?, Прага). Был чешским офицером, военнопленным в России.

Дети Елиз.Ф.Гнесиной (V):

⁵⁹⁷ Рукопись хранится: ММКЕлФГ, научно-вспомогательный фонд, ед.хр. 81.

От 1-го брака: *Вивьен Александр Александрович, Шурик* (1903, Москва – 1911, там же). Учился в Школе Гнесиных с 1909 г. у М.Ф.Гнесиной, затем у Ел.Ф.Гнесиной. Крестник Ел.Ф.Гнесиной.

От 2-го брака: *Витачек Фабий⁵⁹⁸ Евгеньевич, Фабик* (1910, Москва – 1983, там же). Композитор, пианист. С 6 лет учился в Училище Гнесиных как пианист (сначала в кл. М.Ф.Гнесиной, затем – долгое время у Евг.Ф.Савиной-Гнесиной) и скрипач (у Елиз.Ф.Гнесиной-Витачек). В 1928 закончил Техникум как композитор (кл. Р.М.Глиэра), в 1930 – как пианист. Обладал яркими виртуозными данными и выступал в концертах в качестве пианиста-солиста и аккомпаниатора, феноменально читал партитуры. В 1929 поступил на композиторское отделение Московской консерватории, где учился у Н.С.Жилыева и Н.Я.Мяковского (окончил за два года – в 1931). С 1937 преподавал в Училище им. Гнесиных (композиция и инструментовка), с 1944 до конца жизни вел курсы чтения партитур и инструментовки в ГМПИ им. Гнесиных, профессор. В 1935, 1937-38 и 1943-56 преподавал в консерватории (инструментовка, музыкальная литература). Многолетняя педагогическая работа отражена в его труде «Пьесы–задачи по инструментовке для симфонического оркестра». Автор более 30 опусов, в основном камерно-инструментальных произведений, а также симфонии, балета «Сказки Пушкина» (неоконч.), двух концертов для фортепиано с оркестром, Концертной сюиты для виолончели с оркестром и др.

Сын М.Ф.Гнесина (VII):

Гнесин Фабий Михайлович (1907, Петербург – 1942, Ташкент). Одаренный музыкально и обладавший способностями к технике, он получил исключительно домашнее образование, так как страдал нервным, а позже и психическим заболеванием. Сконструировал электроинструмент (на основе рояля). Его талант получил высокую оценку М.В.Юдиной (о чем свидетельствует ее переписка с ним и с М.Ф.Гнесиным). По словам двоюродной сестры Е.Г.Гнесиной, вспоминавшей о его игре, «ни у кого горечь и боль шопеновской музыки не слышалась так ярко. Хотелось плакать, бежать куда-то от чего-то страшного и неизбежного». Умер от последствий истощения в блокадном Ленинграде и в эвакуации.

Дочь Г.Ф.Гнесина (VIII):

Гнесина Евгения Григорьевна (р. 1921, Петроград). После ареста отца выслана в Башкирию, вернулась в Ленинград в 1939 г. В 1942 г. эвакуирована на Кавказ, оказалась в зоне немецкой оккупации. После освобождения Пятигорска вызвана Ел.Ф.Гнесиной в Москву (в 1943). Окончила Театрально-художественное техническое училище (ТХТУ) в Москве, работала бутафором в ряде театров, затем преподавала историю материальной культуры в том же училище (1951-71). В 1971-91 – сотрудник Библиотеки ВТО-СТД.

Муж (с 1958): *Поль Александр Сергеевич* (1897, Москва – 1965, там же). Происходил из актерской семьи. Окончил Московский университет (дипломатические курсы), работал в Наркомате внешней торговли. Арестован по «делу ордена тамплиеров» в 1930 г., отправлен на Беломорканал. После освобождения в 1934 г. преподавал в Москве историю зарубежной литературы во многих учебных заведениях (Школа-студия МХАТ, ГИТИС, Театральное училище им.Щукина, Институт киноискусства (ВГИК), ТХТУ и др.).

Внучатые племянники Ел.Ф.Гнесиной и их потомство

Дети Е.А.Ивановской (I-1):

⁵⁹⁸ Имя «Фабий», данное своим сыновьям и Елизаветой, и Михаилом Гнесиными, было производным от имени их отца – Фабиана (в честь которого, очевидно, и хотели назвать его внуков) и в то же время от православного имени Фавий, которое и дано было при крещении Ф.Е.Витачеку.

А) *Ярмак, ур. Ивановская Марина Казимировна* (1918, Баланда Саратовской губ. – 1994, Москва). Маленькой Марине Ивановской С.Есенин посвятил стихотворение «Как должна рекомендоваться Марина» (1924) – С.А.Есенин встретил ее в больнице, куда она пришла навещать отца (впервые опубликовано: Есенин С. Собр. соч. в пяти тт. М., 1962. Т.5. С.248-249). Инженер-химик, работала в конструкторском бюро.

Муж: *Ярмак Николай Иосифович* (ум. 1975, Москва). Инженер. Работал в Институте землеустройства, был его проректором. Кандидат наук.

Дочь М.К.Ярмак:

Ефремова, ур. Ярмак Елена Николаевна (1946, Москва – 1998, там же). Работала в Опыт-но-конструкторском бюро автоматики. Муж: Ефремов Григорий.

Дочь Е.Н.Ефремовой:

Ефремова Юлия Григорьевна (р. 1973, Москва). Преп. ВГИК

Сын Ю.Г.Ефремовой:

Медведев Валентин (р. 1996, Москва).

Б) *Ивановский Евгений Казимирович* (1924, Москва – 1942?). С декабря 1941 – на специальных курсах по подготовке разведчиков, погиб под Сухиничами.

Сын Е.А.Никольской (I-3):

Никольский Александр Николаевич (1924, Москва – 1942-43). Учился в Училище им.Гнесиных. С 1942 г. в Ижевском военном училище, с мая 1942 – на фронте, вскоре пропал без вести.

Дети Ю.В.Гнесиной (II-1):

А) *Людмила* (1913? -). Жила в США. Муж: Мельников Николай (он же – в 1-м браке муж Е.В.Кафковой).

Б) *Татьяна*

В) ?

Все дети Ю.В.Гнесиной жили в США

Дети Е.В. Кафковой (II-2):

А) *Мельников Владимир Николаевич* (1913?-?). Воспитывался в семье деда и бабушки – В.Ф. и П.М.Гнесиных, в США. Офицер армии США в 1940-х г.

Б) *Акрманова, ур. Мельникова Евгения Николаевна* (1915 – ?). До 1946 г. жила в Праге. Член компартии Чехословакии. В 1948? г. вернулась в СССР, жила в Печорах. Работала там учительницей средней школы.

Муж: фамилия Акрман – чешский коммунист. Погиб в концлагере Матхаузен во время гитлеровской оккупации.

Сын Е.Н.Акрмановой-Мельниковой (внебрачный): *Алексей* (р. 1948, Печоры?). Учился и работал в Ленинграде.

Персоналии

В этой части указателя даны краткие сведения об упоминаемых лицах в книге, без учета тех фамилий, которые упоминаются в приложениях и в литературных ссылках (с указанием страниц). В этих сведениях не указываются почетные звания (кроме академиков Петербургской академии наук – Академии наук СССР). Указаны лишь некоторые места работы (акцент сделан на связях с Гнесиными); при указании преподавательского звания указывается только высшая должность, независимо от того, что в течение времени данный человек занимал различные должности).

Специально в именном указателе приняты следующие сокращения:

австр. – австрийский, Всес. – Всесоюзное(-ый, -ая), гл. – главный, дир. – директор, драм. – драматический(ая), ЕФГ – Елена Фабиановна Гнесина, журн. – журнал, ин-т – институт, и.о. – исполняющий обязанности, итал. – итальянский(ая), конц. – концертный, нач. – начальник, неизв. – неизвестный(ая), нем. – немецкий, неуст. – неустановленное, обществ. – общественный, оконч. – окончил(а), орг. – организатор, осн. – основатель, отд. – отдел (отделение), парт. – партийный, предс. – председатель, преп. – преподавал(а), рук. – руководитель, симф. – симфонический, сов. – советский, сотр. – сотрудник, упр. – управление, уч. – ученик(ца), франц. – французский, худ. – художественный.

- Абрамзон Соломон Исаакович (1910-1976) – скрипач, уч. Елиз.Ф.Гнесиной-Витачек, преп. МДМШ (1933-76, завуч школы в 1946-56)
- Абрамов – врач
- Абрамсон (Горник) Валентина Александровна (1915-1976) – пианистка-педагог, оконч. ГМУ в 1940
- Авраамов Арсений Михайлович (1886-1944) – композитор, экспериментировал в создании «новой музыки» в 1920-х г., основанной на новых принципах построения ладов и новых инструментальных тембров; особенно знаменитым экспериментом стала «Симфония гудков». Дружил с М.Ф.Гнесиным
- Аджемов Константин Христофорович (1911-1985) – пианист, музыковед, проф. МГК и ГМПИ
- Адлер (Дидерихс) – жена А.А.Дидерихса, член семьи, владевшей фабрикой по производству роялей в Ростове
- Акимова Софья Владимировна (1887-1972) – певица (сопрано), солистка Мариинского театра, проф. Ленинградской консерватории
- Аксенов Алексей Николаевич (1909-1962) – композитор, фольклорист, зам. дир. ГМПИ (1951-53)
- Акулов Евгений Алексеевич (1905-1997) – дирижер, уч. ЕФГ, гл. дирижер Муз. театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, проф. ГМПИ, ГИТИС
- Александров Д.К. – см. Семья Гнесиных (VI)
- Александрова-Кочетова Александра Дормидонтовна (1833-1902) – певица (сопрано), проф. МГК (1866-80)
- Алексеев Василий Михайлович (1887-1922) – композитор, преп. гармонии в Уч-ще Гнесиных
- Алексеев Петр Иванович (1887-1951) – гл. дирижер Оркестра русских народных инструментов Всес. радио
- Алчевская Мария Николаевна – жена Г.А.Алчевского
- Алчевский Григорий Алексеевич (1866-1920) – композитор, певец-педагог, брат И.А.Алчевского
- Алчевский Иван Алексеевич (1876-1917) – певец (тенор), солист Мариинского, Большого театров, Grand Opera (Париж), много гастролировал в разл. странах
- Альтшуллер Модест Исаакович (1863-1953) – виолончелист, дирижер, с 1900-х г. жил в США
- Анастасьев Михаил Николаевич, Миша (1915-1974) – виолончелист, оконч. ГМУ, дир. ЦМШ, проректор МГК, зам. дир. Большого театра
- Андрей Федорович (неуст. лицо)
- Анисимов Александр Иванович – композитор, хормейстер, зам. предс. и нач. управления муз. учреждений Комитета по делам искусств (1949-51)

Апфельбаум Виктор Юрьевич, Витя (1916-1963) – художник, оконч. ГМУ как пианист, автор ряда портретов ЕФГ, дарил ей много своих картин
Апфельбаум Софья Ивановна (1887-1981) – пианистка, педагог МДМШ (1931-71), мать В.Ю.Апфельбаума
Аренский Антон (Антоний) Степанович (1861-1906) – композитор, проф. МГК (1882-95)
Арзаманов Федор Георгиевич, Федя (1925-1995) – музыковед, проф. ГМПИ (1951-91, зав. кафедрой теории музыки, затем полифонии и анализа в 1961-75, проректор по научной работе в 1975-85)
Арзаманова Корнелия Ивановна, Нелли (1926-2004) – пианистка-педагог, жена Ф.Г.Арзаманова
Асафьев Борис Владимирович (1884-1949) – музыковед, композитор, академик 250

Бабаджанян Арно Арутюнович (1921-1984) – композитор, уч. ЕФГ
Бакалейников Владимир Романович (1885-1953) – альтист, дирижер, проф. МГК, участник Квартета им.Страдивариуса (1920-24)
Бакалов Леонид Ованесович – композитор
Балтрушайтис Юргис (1873-1944) – поэт
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867-1942) – поэт
Бархударян Сергей Васильевич – композитор
Бах Иоганн Себастьян (1685-1750)
Бекман (Скробкова) Ольга Леонидовна (1905-1997) – музыковед, доц. ГМПИ, дочь Е.А.Бекман-Щербины
Бекман (Сухаревская) Вера Леонидовна (1903-1977) – музыковед, редактор (гл. редактор) музыкального вещания Всес. Радио, дочь Е.А.Бекман-Щербины
Бекман-Щербина Елена Александровна (1882-1951) – пианистка, выступала с сольными концертами с нач. 1900-х г. до конца жизни, преп. ГМУ (1908-12, 1921-40)
Беллини Винченцо (1801-1835) – итал. композитор
Белорусец Игорь Михайлович (1910-1996) – композитор, преп. ГМПИ (1945-50)
Берия Лаврентий Павлович (1894-1953) – министр внутренних дел СССР, организатор массовых репрессий
Беспалов Николай Николаевич – гос. деятель, занимал посты Нач. Управления по делам искусств при Совнарком РСФСР, Зам. предс., Предс. Комитета по делам искусств при Совмине СССР
Бетховен Людвиг ван (1770-1827)
Бильрот Теодор (1829-1894) – австр. врач, автор работ о музыке, друг Й.Брамса
Бихтер Михаил Алексеевич (1881-1947) – пианист, дирижер, рук. Театра муз. драмы (1912-17), дир. Харьковской консерватории им. Римского-Корсакова, проф. Ленинградской консерватории (1933-47)
Бихтер (?) Елизавета Львовна
Блантер Матвей Исаакович (1903-1990) – композитор
Блок Александр Александрович (1880-1921)
Блуменфельд Феликс Михайлович (1863-1931) – пианист, дирижер, композитор, проф. Петербургской, Киевской, Московской консерваторий
Блюменфельд Вера – уч. Евг.Ф.Савиной-Гнесиной, первая уч. Училища Гнесиных
Борисенко Алексей Григорьевич (1868-1941) – певец (тенор), солист Частной оперы С.И.Зимины (в 1916-19 – худ. рук.)
Боровский Александр Кириллович (1889-1968) – пианист, с 1920 за рубежом
Борхман Александр Адольфович (1872-1940) – композитор, врач-ларинголог
Брамс Иоганнес (1833-1897)
Брумберг Леонид Ефимович (р.1925) – пианист, ассистент Г.Г.Нейгауза, проф. ГМПИ (1948-80), с 1981 – в Австрии, проф. Венской высшей школы музыки (Hochschule)

- Брюсов Валерий Яковлевич (1873-1924) – поэт, писатель, занимал пост Зав. ОХОБР при Главпрофобре (1919-21)
- Бубнов Андрей Сергеевич (1884-1938) – парт. и гос. деятель, нарком просвещения (1929-38)
- Бузони Ферруччо Бенвенуто (1866-1924) – итал. пианист, композитор
- Бузони Герда – жена Ф.Бузони
- Бузони Рафаэль – сын Ф.Бузони
- Букиник Михаил Евсеевич (1872-1947) – виолончелист, выступал в ансамбле с ЕФГ, преп. в Училище Гнесиных (1906-07)
- Булатова (ур. Кац) Лина Борисовна (р. 1929) – пианистка, уч. ЕФГ, ее ассистент (1951-60), проф. ГМПИ-РАМ (с 1952). Автор книги «Педагогические принципы Е.Ф.Гнесиной» (М., 1976), во втором, доп. изд. – «Творческое наследие Е.Ф.Гнесиной» (М., 1999), диссертации и ряда статей о ЕФГ
- Булганин Николай Александрович (1895-1975) – гос. деятель, Зам. предс., Предс. Совмина СССР (1955-58)
- Булычев Вячеслав Александрович (1872-1959) – хормейстер, муз. деятель, рук. Московской симфонической капеллы, Предс. общества «Музыкально-теоретическая библиотека». В концертах под его упр. участвовала ЕФГ
- Бутомо-Названова Ольга Николаевна (1888-1960) – камерная певица (меццо-сопрано)
- Ванькович Г.М. – см. Семья Гнесиных (VII)**
- Ванькович (Одаровская) Е.М. – см. Одаровская Е.М.
- Василенко Сергей Никифорович (1872-1956) – композитор
- Вейсберг Юлия Лазаревна (1879-1942) – композитор, сотр. в журн. «Музыкальный современник», Петроградском отд. АСМ, жена А.Н.Римского-Корсакова. Ее оперы «Гуси-лебеди», «Русалочка», «Гюльнара» ставились в ГМУ
- Венедиктова Наталия – пианистка
- Вербова Нина Александровна (1897-1981) – певица (контральто), преп. ГМУ (1932-57 с перерывами), ГМПИ (1944-80, зав. кафедрой в 1949-75)
- Вивьен А.Б. – см. Семья Гнесиных (V)
- Вик (Шуман) Клара (1819-1896)
- Виноградов Константин Петрович (1899-1980) – хормейстер, уч. ЕФГ, преп. ГМУ (1924-41), ГМПИ (1944-53), гл. хормейстер, гл. дирижер Оперного театра им.Станиславского, гл. хормейстер Краснознаменного ансамбля Сов. армии им.Александрова
- Виноградов Павел Гаврилович (1854-1925) – историк, академик
- Виппер Роберт Юрьевич (1859-1954) – историк, академик
- Витачек Мария Евгеньевна, Маруша (р. 1937) – дочь Е.Ф.Витачека и Н.К.Витачек
- Витачек Нина Константиновна (1902-1973) – вторая жена Е.Ф.Витачека
- Витачек Ф.Е. – см. Семья Гнесиных, племянник ЕФГ (V)
- Владигеров Панчо (1899-1978) – болгарский композитор
- Владимирская (Корнилова) М.П. – см. Корнилова М.П.
- Владимирский Борис Давидович (1902/03-1979) – пианист, муз. деятель, дир. (1931-32), зам. дир. ГМУ (1932-38), дир. Всес. студии грамзаписи и 1-й зам. ген. Дир. Всес. фирмы грампластинок «Мелодия» (1958-79)
- Власенко Лев Николаевич (1928-1996) – пианист
- Власов Александр Кондратьевич (1911-1986) – виолончелист, проф. ГМПИ (1944-86, зав. кафедрой в 1951-71)
- Волков Вячеслав Иванович (1904-1979) – композитор
- Волькенштейн Владимир Михайлович (1883-1974) – литературовед, драматург, театровед. Близкий друг М.Ф.Гнесина
- Волькенштейн Мария Михайловна (1883?-1961) – пианистка-педагог, преп. ГМУ (1916-53), ГМПИ (1947-52), жена В.М.Волькенштейна

Вольф-Израэль Евгений Владимирович (1874-1956) – виолончелист
 Ворошилов Климент Ефремович (1881-1969) – гос., военн. деятель, нарком по военно-морским
 делам – обороны (1925-40), Зам. предс. Совнаркома-Совмина (1940-53), Предс. президиу-
 ма Верховного совета СССР (1953-60)
 Врубель Михаил Александрович (1856-1910)

Гагарин Юрий Алексеевич (1934-1968)
 Гайдн Йозеф (1732-1809)
 Гедике Александр Федорович (1877-1957) – органист, пианист, композитор, проф. МГК
 Геккер И.В.
 Гельман Эфраим Григорьевич (1883-1953) – пианист, педагог 235,241,245
 Гендель Георг Фридрих (1685-1759)
 Герасимович Тамара Сергеевна (1913-2002) – пианистка-педагог, уч. ЕФГ, ее ассистент (1944-
 51), преп. ГМУ и ГМПИ
 Герович Л.И. (Элеазар) (ум. 1915) – кантор в Ростове, композитор, автор религиозных песнопений
 Гибианский Миша – уч. МДМШ
 Гилельс Эмиль Григорьевич (1916-1985)
 Гинзберг Матвей Маркович – врач-хирург
 Глазунов Александр Константинович (1865-1936)
 Глиэр (ур. Ренквист) Мария Робертовна (1878-1962) – жена Р.М.Глиэра, уч. ЕФГ
 Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874/75-1956) – композитор
 Глиэры Лия, Нина, Роман, Валентина – дети Р.М. и М.Р. Глиэров
 Глюк Христоф Виллибальд (1714-1787)
 Годовский Леопольд (1870-1938) – польский пианист, композитор, педагог, директор Piano
 Meisterschule (Школы фортепианного мастерства) в Венской академии музыки (1909-14)
 Голев Яков Ильич (1894-1960) – Зам. наркома-министра финансов СССР
 Голованов Николай Семенович (1891-1953) – дирижер 200
 Голубев Евгений Кириллович (1910-1988) – композитор, проф. МГК (1937-8)
 Гольденвейзер Александр Борисович (1875-1961) – пианист, композитор, проф. МГК (1906-61,
 дир. в 1922-24 и 1939-41). С первого выпуска Училища Е. и М. Гнесиных в 1901 г. и не
 ранее, чем до 1937 ежегодно был председателем комиссии на выпускных экзаменах учи-
 лища.

Гончаров Дмитрий Дмитриевич (1873-1908) – владелец усадьбы Полотняный завод, внучатый
 племянник Н.Н.Гончаровой (Пушкиной), меценат, певец-любитель (тенор), друг ЕФГ
 Гончарова (Новицкая-Гончарова) Вера Константиновна (1875-1936) – жена Д.Д.Гончарова,
 певица (сопрано)
 Гончарова (Пушкина) Наталия Николаевна (1812-1863) – жена А.С.Пушкина
 Гончаровы
 Гофман Иосиф (1876-1957) – польский пианист
 Грановский Вениамин Львович (1905-1964) – ученый-физик, уч. ГМУ как пианист (у
 Евг.Ф.Савиной-Гнесиной)
 Гречанинов Александр Тихонович (1864-1956) – композитор, преп. в Училище Гнесиных (1906-
 08, 1914-20), автор целого ряда произведений, посвященных Гнесиным
 Гржимали Иван Войцехович (1844-1915) – скрипач, проф. МГК (1869-1915), учитель
 Елиз.Ф.Гнесиной-Витачек
 Григ Эдвард (1843-1907)
 Григорьев – дирижер
 Гроссман Эммануил Иосифович (1913-1954) – пианист, доц. ГМПИ (1944-51), МГК (1931-52)
 Гульд Глен (1932-1982) – канадский пианист
 Гунст Евгений Оттович (1877-1938) – композитор, критик

Гурвич Мария Александровна (1897-1981) – пианистка-педагог, уч. Евг.Ф. и Ел.Ф.Гнесиных, преп. ГМУ (1927-61, зав. отделом в 1938-41), доц. ГМПИ (1944-71)

Гутман Теодор Давидович (1905-1995) – пианист, проф. ГМПИ (1944-95, зав. кафедрой в 1958-73)

Давыдова Елена Васильевна (1902-1981) – музыкант-педагог, теоретик, хормейстер, уч. ЕФГ, преп. МДМШ (1925-53, дир. в 1948-53), МССМШ (1946-61, зав. отделом в 1946-50), ГМПИ (1944-73?, зам. дир. в 1953-58)

Давыдова Татьяна Васильевна – художник, сестра Е.В.Давыдовой

Даль Монте Тотти (1893-1975) – итал. певица (сопрано), побывала у ЕФГ в 1965 г.

Дебюсси Клод (1862-1918)

Дейша-Сионицкая Мария Адриановна (1859-1932) – певица (сопрано), солистка Мариинского и Большого театров, организовала 15 «Музыкальных выставок» (1907-11), проф. МГК

Делиб Лео (1836-1891) – франц. композитор

Делициевы:

Нина Николаевна (1902/03-2002) – пианистка, проф. камерного пения ГМПИ (1947-93);

Сергей Гаврилович (1903-1981) – дирижер, проф. ГМПИ (1951-81)

Денисова Евдокия Дмитриевна – камерная певица, исп. народных песен, преп. Народной консерватории

Деревлев В.Д. – студент-композитор ГМПИ

Джевецкий Збигнев (1890-1971) – польский пианист, педагог

Джиральдони Леоне (Лев Иванович) (1822 или 1825?-1897) – итал. певец (баритон), педагог, проф. МГК (1890-97)

Дзержинский Иван Иванович (1909-1978) – композитор

Дидерихс Андрей Андреевич (ум. 1923) – совладелец старейшей русской фабрики по производству роялей «А. и Р. Дидерихс», затем владелец собственной фабрики, глава представительства фирмы «Bechstein» в России и концертного бюро

Долуханова Зара Александровна (1918-2007) – певица, уч. в ГМУ, оконч. ГМПИ, солистка Моск. филармонии (1959-82), проф. ГМПИ-РАМ (с 1972, в 1978-84 – зав. кафедрой)

Дорлиак Ксения Николаевна (1881/82-1945) – певица, пела в Grand Opera, Мариинском театре, вела большую конц. деятельность, проф. Петерб. консерватории (1914-29), МГК (1930-45), преп. камерного пения в ГМУ (1930-е г.)

Дорлиак Нина Львовна (1908-1998) – камерная певица (сопрано), проф. МГК (с 1935), дочь К.Н.Дорлиак, жена С.Т.Рихтера

Дроздов Анатолий Николаевич (1883-1950) – композитор, пианист, музыковед, педагог. Близкий друг М.Ф.Гнесина

Дубровина – зав. Гороно Москвы

Дукельская-Лунц (Орлова) Генриетта Петровна – пианистка-педагог, преп. Училища Гнесиных (1906-16), концертмейстер ГМУ (в 1940-е г.)

Духовская Вера Иосифовна (Осиповна) (1903-1982) – камерная певица (сопрано)

Елизавета, королева Бельгии (1876-1966) – занималась на скрипке у Э.Изаи, орг. Межд. конкурса (им. Изаи с 1937, с 1951 носит ее имя). Приехав в Москву на 2-й конкурс им. Чайковского, встретила с ЕФГ

Евдокия Петровна – первая жена А.Н.Дроздова

Елизавета Львовна – см. Бихтер

Ендовицкая Лидия Александровна (1889-?) – уч. Евг.Ф.Савиной-Гнесиной (1899-1907), преп. Училища Е. и М. Гнесиных (1912-14)

Жданов Андрей Александрович (1896-1948) – парт. деятель, секретарь ЦК ВКПб, руководил кампанией «борьбы против формализма» в музыке

Жив (Михайлова-Микулинская) Ревекка Исааковна (1906-1994) – пианистка, уч. ЕФГ, концерт-мейстер и преп. ГМУ, ГМПИ, МССМШ

Забела-Врубель Надежда Ивановна (1868-1913) – певица (сопрано), солистка Русской частной оперы С.И.Мамонтова и Мариинского театра, много концертировала. Жена М.А.Врубеля. Для нее написан ряд гл. партий в операх Н.А.Римского-Корсакова. Исполняла произв. М.Ф.Гнесина, ряд из которых написан для нее и ей же посвящен

Званский Иосиф Григорьевич (1886-1938) – муз. деятель, искусствовед

Зверев Николай Сергеевич (1832-1893) – пианист-педагог, проф. МГК (1870-93), учитель А.И.Зилоти, С.В.Рахманинова, А.Н.Скрябина и мн. др.

Зелинская-Платэ Раиса Николаевна (1910-2002) – художница, дочь Н.Д.Зелинского

Зелинский Николай Дмитриевич (1861-1953) – ученый-химик, академик

Зернов Дмитрий Сергеевич, Митя (1885?-1913) – композитор, пианист, уч. Евг.Ф.Савиной-Гнесиной и ЕФГ

Зилоти Александр Ильич (1863-1945) – пианист, дирижер, орг. и рук. «Концертов А.И.Зилоти» (1903-17), много исполнял музыку М.Ф.Гнесина

Зимин Сергей Иванович (1875-1942) – театральный деятель, антрепренер, орг. частного Оперного театра С.И.Зимины (1904-17)

Зотов Василий Петрович (1899-1977) – нарком-министр торговли, пищевой промышленности

Иванников Владимир Сергеевич – композитор

Иванов Вячеслав Иванович (1864-1949) – поэт, писатель, литературовед

Иванова Анфья Аполлоновна (1900-1968?) – педагог и секретарь учебной части МДМШ (1930-50)

Игумнов Константин Николаевич (1873-1948) – пианист, проф. МГК (1899-1948, ректор в 1924-29)

Ионин Борис Сергеевич (1926-1995) – музыковед, уч. ЕФГ, доц. ГМПИ (1966-95)

Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (1859-1935) – композитор, проф. МГК (1893-1935 с перерывом, директор в 1906-22), дирижер Большого театра (1922-34), первый рук. оркестрового класса ГМУ

Исаков Иван Степанович (1894-1967) – адмирал флота, 1-й зам. наркома военно-морского флота, нач. Гл. морского штаба

Каведани Ц. – сестра матери ЕФГ, см. Семья Гнесиных

Каверин Александр Павлович (1849-1921) – фабрикант, меценат (построил церковь и корпус акушерского отделения Екатерининской больницы, носивший его имя, материально поддерживал художника П.Д.Корина), друг Т.В.Фигуровской и семьи Гнесиных, первый оказал финансовую помощь при основании Училища Е. и М. Гнесиных

Каганович Лазарь Моисеевич (1893-1991) – парт., гос. деятель, зам. предс. Совнаркома – Совмина СССР

Казальс Пабло (1876-1973) – испанский виолончелист. Многократно выступал в концертах А.И.Зилоти

Кайдан-Дешкин Сергей Федорович (1901-1972) – композитор, автор «пионерского гимна» «Взвейтесь кострами, синие ночи», уч. ЕФГ, репрессирован с 1930 по 1956

Калинин Михаил Иванович (1875-1946) – Предс. президиума Верховного совета СССР

Калинников Василий Сергеевич (1866-1900/01) – композитор

Кац Сигизмунд Абрамович (1908-1984) – композитор

Качалов Василий Иванович (1875-1948) – артист МХАТ (1903-48)

Кашкин Николай Дмитриевич (1839-1920) – музыковед, критик, проф. МГК (1866-1906 с перерывом)

Кашперова Елизавета Владимировна, Лиза (1871-1936) – пианистка, доц. МГК (1921-36)

Кашеева (Кашеева-Квитка) Галина Лукинична, Галя – уч. ЕФГ
Квитко Николай Исидорович (1911-1981) – дирижер, доц. ГМПИ (1959-81, декан трех факультетов в 1962-66)
Кенеман Федор Федорович (1873-1937) – пианист, композитор, проф. МГК (1899-1932)
Кербель Лев Ефимович (1917-2005) – скульптор, автор скульптурного портрета ЕФГ (в двух вариантах), 1951 г.
Керзины Аркадий Михайлович (1857-1914) и Мария Семеновна (1865-1926) – орг. общества «Кружок любителей русской музыки», постоянно проводившего концерты (1896-1912), в которых принимала участие и ЕФГ
Кизеветтер Александр Александрович (1866-1933) – историк, деятель кадетской партии, был выслан из СССР на «философском пароходе»
Кишкина (Дойникова) Татьяна Николаевна (1909-1976) – уч. ГМУ, режиссер Театра им.Вахтангова, работала в МССМШ
Клементьев Лев Михайлович (1868-1910) – певец (тенор), солист Большого театра (1892-1902), много гастролировал
Клиберн Ван (Клайберн Вэн) (р. 1934) – амер. пианист
Клумов Алексей Константинович (1908-1944) – пианист, композитор, уч. ЕФГ, доц. Белорусской консерватории (Минск)
Клумова-Ганнушкина Софья Васильевна (1880-1945) – уч. ЕФГ, затем училась в Лейпциге у Ф.Бузони, тетья А.К.Клумова
Клюзнер Борис Лазаревич (1909-1975) – композитор
Ключевский Василий Осипович (1841-1911) – историк, почетный академик
Книппер Анна Ивановна (1850-1919) – камерная певица, проф. Филармонического училища (1896-1919)
Книппер Лев Константинович (1898-1974) – композитор, уч. ЕФГ, внук А.И.Книппер
Книппер-Нардов (Нардов) Владимир Леонардович (1876-1942) – певец (тенор), режиссер, солист (1920-34) и режиссер (1923-36) Большого театра, проф. МГК. Сын А.И.Книппер
Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868-1959) – актриса МХАТ (1898-1959), жена А.П.Чехова, дочь А.И.Книппер
Коган Григорий Михайлович (1901-1979) – пианист, музыковед, критик, проф. МГК (1926-43)
Коган Петр Семенович (1873-1932) – литературовед, предс. Художественного комитета Наркомпроса, президент Гос. академии художественных наук (ГАХН)
Кодай Золтан (1882-1967) – венгерский композитор, педагог, фольклорист
Колобова (Мосолова) Елена Федоровна (1894 или 1898? – 1948) – пианистка, преп. ГМУ (1921-48), доц. ГМПИ (1944-48), друг семьи Гнесиных, жена композитора А.В.Мосолова
Комиссаржевская Вера Федоровна (1864-1910) – актриса
Комиссаржевский Федор Петрович (1838-1905) – певец (тенор), режиссер, проф. МГК, орг. Муз.-драм. Училища при Обществе искусства и литературы. Отец В.Ф.Комиссаржевской
Кон Феликс Яковлевич (1864-1941) – парт. деятель, польский революционер, зав. МУЗО Наркомпроса, предс. Всес. комитета по радиовещанию. В 1932 г. МГК называлась «ВМШ им. Ф.Кона»
Конен Валентина Джозефовна (1909-1991) – музыковед
Кононенко А.И. – начальник жилотдела исполкома Моссовета
Конюс Георгий Эдуардович (1862-1933) – музыковед, проф. МГК (1891-99, 1920-33), преп. в ГМУ (1920-22?)
Корзлинская (Пляттен) Ольга Николаевна, Оля (1891-? не ранее 1912) – уч. ЕФГ,
Корнилов Дмитрий Гаврилович (1878-1907) – композитор, пианист, уч. В.И.Сафонова, близкий друг семьи Гнесиных
Корнилова (ур. Владимирская) Мария Петровна (1877-1960) – пианистка, педагог, преп. МДМШ (1918-54), жена Д.Г.Корнилова, подруга Елиз.Ф.Гнесиной-Витачек
Корсунский Саул Григорьевич – композитор, оконч. ГМУ

- Коссото Фьоренца (р. 1935) – итал. певица (меццо-сопрано)
- Косыгин Алексей Николаевич (1904-1980) – гос. деятель, Предс. Совнаркома РСФСР (1943-46), Зам. предс. Совнаркома – Совмина СССР (1940-64 с перерывами), Предс. Совмина СССР (1964-80)
- Красин Борис Борисович (1884-1936) – муз. деятель, предс. правления Росфилармонии, предс. Автономной научно-технической секции Союза композиторов, рук. ряда муз. учреждений. Руководил организацией 40-летнего юбилея Техникума им.Гнесиных в 1935 г.
- Красноглядова Вера Владимировна (1902-1970) – композитор
- Крейн Александр Абрамович (1883-1951) – композитор, виолончелист. Друг М.Ф.Гнесина
- Крейн Давид Сергеевич (1869-1926) – скрипач, концертмейстер оркестра Большого театра. Двоюродный брат А.А.Крейна
- Кренкель Эрнст Теодорович (1903-1971) – ученый-полярник, участник экспедиций на «Челюскине» и на станции «Северный полюс-1»
- Кругликов Семен Николаевич (1851-1910) – музыковед, критик, проф. Филармонического и Синодального училищ
- Крыжановский – дир. Техникума им.Гнесиных (1929-31)
- Крылов Иван Андреевич (1769-1844)
- Кубацкий Виктор Львович (1891-1970) – виолончелист, дирижер, участник Квартета им. Страдивариуса, орг. Госколлекции смычковых инструментов, преп. ГМУ, проф. ГМПИ (1948-70)
- Кудряшов Петр Тимофеевич (1899-1948) – сторож в ГМУ
- Кудряшова Елизавета Тимофеевна (1902-1977) – приемная дочь О.Ф.Александровой-Гнесиной, сестра П.Т.Кудряшова, преп. МДМШ (1932-63)
- Кузнецов Николай Герасимович (1904-1974) – адмирал флота, главнокомандующий военноморскими силами СССР, нарком – министр военноморского флота
- Курбатов Михаил Николаевич (1868-1934) – пианист, педагог
- Кусевицкий Сергей Александрович (1874-1951) – контрабасист, дирижер, орг. и рук. Симфонических концертов С.А.Кусевицкого (1908-18) и Росс. муз. издательства, гл. дирижер Бостонского симф. оркестра (1924-49)
- Кухарков Н.Н. – нач. управления учебных заведений, зам. предс. Комитета по делам искусств, во время войны – гл. представитель комитета в Москве
- Лавровская Елизавета Андреевна (1845-1919) – певица (контральто), проф. МГК (1888-1919)
- Лангер Эдуард Леонтьевич (Леопольдович) (1836-1905) – пианист-педагог, один из орг., преп. МГК (1866-1905, вел кл. ф-но на младшем отд.), учитель ЕФГ и Евг.Ф. Савиной-Гнесиной
- Ланнер Йозеф (1801-1843) – австр. композитор
- Ларош Герман Августович (1845-1904) – музыковед, критик, проф. МГК (1867-70, 1883-86)
- Лахути Абулькасим Ахмед-заде (1887-1957) – таджикский поэт, переводчик, автор стихотворения «Гнесиным»
- Лебедев Константин Матвеевич (1875-?) – певец (тенор)
- Лебедева Мария Николаевна (1897-1974) – врач-микробиолог, зав. кафедрой 1-го Медицинского ин-та им.Сеченова
- Левик Борис Вениаминович (1898-1976) – музыковед, преп. ГМУ (1930-41), и.о. проф. ГМПИ (1945-73)
- Левин Иосиф Аркадьевич (1874-1944) – пианист, уч. В.И.Сафонова в МГК (оконч. в 1892), с 1907 за границей, с огромным успехом концерттировал в разл. странах
- Левина (ур. Бесси) Розина (Розалия Яковлевна) (1880-1976) – пианистка, уч. В.И.Сафонова в МГК (оконч. в 1898), проф. Джульярдской школы (Julliard School of Music) в Нью-Йорке (с 1922)
- Лепин Анатолий Яковлевич – композитор
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841)

Либерман Евгений Яковлевич (1925-2003) – пианист, проф. ГМПИ-РАМ (1958-2003)
 Лист Ференц (1811-1886)
 Листова Валерия Владимировна (1883-1970) – пианистка-педагог, преп. Филармонического училища, Техникума им.Ярошевского, ГМУ (1927-58), МДМШ (1927-66), МССМШ (1946-58)
 Литинский Генрих Ильич (1901-1985) – композитор, музыковед, проф. МГК (1924-43, зав. кафедрой в 1932-43), ГМУ (1928-39?), ГМПИ (1946-85)
 Лобанов Павел Васильевич (р. 1923) – пианист, звукорежиссер, записал уроки и выступления многих выдающихся пианистов, являющиеся уникальными свидетельствами, создатель ряда учебных машин и звуковых пособий, доц. ГМПИ (1949-83), научн. сотр. Музея А.Н.Скрябина (с 1992)
 Лонг Маргерит (1874-1966) – франц. пианистка
 Лужский (Калужский) Василий Васильевич (1869-1931) – артист, режиссер МХАТ (1898-1931), до того – Общества искусства и литературы (1890-98)
 Луначарская Анна Александровна (1883-1959) – литератор, орг. и рук. детских колоний, первая жена А.В.Луначарского
 Луначарский Анатолий Васильевич (1875-1933) – гос. деятель, нарком просвещения (1918-29), предс. Комитета по делам ученых при Совнарком (1929-33)
 Лурье Артур Сергеевич (1892-1966) – композитор, один из ярких авангардистов, зав. МУЗО Наркомпроса (1918-20)
 Луцкий Евгений Леонидович (1888-1966) – композитор
 Любимова – зав. Московским отделом народного образования (МОНО)
 Лядов Анатолий Константинович (1855-1914)

Майоров Сергей Петрович - Зам. нач. Управления промышленности строительных материалов и строительных деталей Исполкома Моссовета (Главмосстройматериалы)
 Макриди Григорий Ставрович (1878-1915) – пианист, друг семьи Гнесиных
 Максимов Леонид Александрович (1873-1904) – пианист, педагог
 Маленков Георгий Максимилианович (1902-1988) – гос., парт. деятель, предс. Совмина СССР (1953-55)
 Малинковская Августа Викторовна (р. 1937) – пианистка-педагог, уч. ЕФГ, проф. ГМПИ-РАМ (с 1964)
 Малиновская Александра – пианистка
 Малинин Михаил Сергеевич (1899-1960) – генерал армии, нач. штаба группы сов. войск в Германии, 1-й зам. нач. Генштаба
 Мамонтов Савва Иванович (1841-1918) – меценат, орг. Русской частной оперы С.И.Мамонтова (1885-1901)
 Мария Николаевна – см. Ренквист М.Н.
 Мартынов Алексей Васильевич (1862-1934) – врач-хирург
 Матвеев Михаил Александрович – композитор
 Маяковский Владимир Владимирович (1893-1930)
 Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874-1940). С Мейерхольдом был тесно связан совместной (творчески плодотворной) работой М.Ф.Гнесин – в петербургской студии Мейерхольда (в период 1908-14) и при постановке «Ревизора» в Гос. театре им.Мейерхольда в 1926
 фон Мекк – семья известной меценатки Н.Ф. фон Мекк: скорее всего, на концертах бывал ее сын Николай Карлович (1863-1929) с семьей
 Мендельсон (Мендельсон-Бартольди) Феликс (1809-1847)
 Месснер Евгений Осипович (Иосифович) (1897-1967) – композитор, уч. М.Ф.Гнесина, преп. МДМШ и ГМУ (1932-49?), доц. МГК (1943-57)
 Метнер Николай Карлович (1879/80-1951) – композитор, пианист 84, 166
 Микеланджело Буонаротти (1475-1564)

Микитянский Семен Михайлович (1915-1985) – скрипач, преп. ГМУ (1946-85), ГМПИ (1945-69)

Микоян Анастас Иванович (1895-1978) – гос. деятель, Зам. предс. Сонаркома – Совмина СССР (1937-64), Предс. президиума Верх. Совета СССР (1964-65)

Мильман Марк Владимирович (1910-1995) – пианист, композитор, уч. ЕФГ, проф. МГК (1935-95)

Михоэлс Соломон Михайлович (1890-1948) – актер, режиссер, артист (1919-48), худ. рук. (с 1929) Гос. еврейского театра

Могилевский Абрам Ильич (1875-1964) – виолончелист, преп. ГМУ и МДМШ (1913-20, 1934-48)

Могилевский Александр Яковлевич (1885-1953) – скрипач, уч. Квартета им. Страдивариуса, с 1930 жил в Японии, проф. Консерватории в Токио. Двоюродный брат А.И.Могилевского

Молотов Вячеслав Михайлович (1890-1986) – парт., гос. деятель, Предс. (1930-41), 1-й зам. предс. Совнаркома – Совмина СССР (1941-57)

Монюшко Станислав (1819-1872) – польский композитор, создатель национальной оперы

Морозов Игорь Владимирович (1906-1970) – композитор

Морозова Маргарита Кирилловна (1873-1958) – меценат, ученица А.Н.Скрябина (которому выплачивала постоянную субсидию) и Н.К.Метнера

Москвин Иван Михайлович (1874-1946) – артист МХАТ (1898-1946)

Моцарт Вольфганг Амадей (1756-1791)

Муромцев Юрий Владимирович (1908-1975) – дирижер, пианист, уч. ЕФГ, преп. ГМУ (1928-41), проф. ГМПИ (1946-70, 1973-75, зам. дир. 1946-51, дир. 1953-70), дир. Большого театра (1970-72)

Мусоргский Модест Петрович (1839-1881)

Мушель Георгий Александрович – композитор

Надя – домработница ЕФГ

Назаров Алексей Иванович (1905-1968) – предс. Комитета по делам искусств при Совнарком СССР (1938-39)

Направник Эдуард Францевич (1839-1916) – дирижер, композитор, гл. дирижер Мариинского театра (с 1863)

Нардов В.Л. – см. Книппер-Нардов В.Л.

Нариманидзе Николай Васильевич – композитор

Недошивин Петр, Петя – уч. ЕФГ

Нежданова Антонина Васильевна (1873-1950)

Нейгауз Генрих Густавович (1888-1964). Проф. ГМПИ в 1944-63

Никиш Артур (1855-1922) – нем. дирижер (венгр), рук. Гевандхаус-оркестра в Лейпциге, многократно гастролировал в России

Николаев Александр Александрович, Шура (1903-1980) – пианист-педагог, музыковед, уч. ЕФГ, проф. МГК (с 1937, зав. кафедрой истории и теории пианизма в 1946-73, проректор в 1955-72)

Оборин Лев Николаевич, Левушка (1907-1974) – пианист, композитор, уч. ЕФГ, победитель I Межд. конкурса им.Шопена (1927), проф. МГК (1930-74)

Образцов Сергей Владимирович (1901-1992) – режиссер и актер, орг. и худ. рук. Гос. центрального театра кукол, ныне им. С.В.Образцова

Обухова Надежда Андреевна (1886-1961) – певица (меццо-сопрано) 224

Одаровская (Ванькович) Елена Маврикиевна (1898-1988) – балерина, снималась в немом кино, педагог ритмики и танца, преп. учебных заведений им.Гнесиных (с конца 1930-х г. до 1970). Сестра Г.М.Ванькович – жены М.Ф.Гнесина

Одолеева-Сенаторская Елена Петровна (1888-1978) – пианистка-педагог, уч. ЕФГ, преп. ГМУ и МДМШ (1917-41)

Ознобищев Константин Викторович (1915-2001) – альтист, уч. Елиз.Ф.Гнесиной-Витачек, доц. ГМПИ (1950-76 с перерывом, декан в 1954-63, проректор в 1963-70), преп. МССМШ (1979-98)

Ойстрах Давид Федорович (1908-1974)

Ойстрах Игорь Давидович (р. 1931) – скрипач, проф. МГК (1958-75)

Оленин Петр Сергеевич (1870 или 1874?-1922) – певец (баритон), режиссер, гл. режиссер Оперного театра С.И.Зимины (1905-17)

Оленина д'Альгейм Мария Алексеевна (1869-1970) – камерная певица (меццо-сопрано), много гастролировала в разл. странах, орг. «Дом песни» в Москве (1908-15), в 1918-59 жила во Франции. Двоюродная сестра П.С.Оленина

Орлов Николай Андреевич, Коля (1892-1964) – пианист, уч. Евг.Ф.Савиной-Гнесиной, проф. Филармонического училища и МГК, с 1921 за границей, успешно концертировал

Орлова Ольга Николаевна – пианистка-педагог, уч. ЕФГ, преп. Училища Е. и М. Гнесиных (1905-12), мать Н.А.Орлова

Орлова-Зверева Валентина Евгеньевна (р. 1930) – пианистка, уч. ЕФГ, проф. ГМПИ-РАМ (с 1955, декан фортепианного факультета в 1988-2003)

Оссовский Александр Вячеславович (1871-1957) – музыковед, критик, проф. Петроградской-Ленинградской консерватории (1915-52), дир. Ленинградского ин-та театра, музыки и кинематографии (1937-52)

Пакельман В.И. – скрипач

Параничев Олег Семенович (1909-1990) – преп. истории КПСС в ГМПИ (1963-90)

Пастернак Леонид Осипович (1862-1945) – художник, отец Б.Л.Пастернака

Пастернак Розалия Исидоровна (1867-1938) – пианистка, жена Л.О.Пастернака, мать Б.Л.Пастернака

Пахтер Иосиф Моисеевич (1911-1989) – завхоз ГМУ, проректор по административно-хозяйственной части ГМПИ

Пашкевич – литератор (?)

Пекелис Михаил Самойлович (1899-1979) – музыковед, проф. МГК (1922-44), ГМПИ (1947-48, 1955-78), преп. ГМУ (1930-39?)

Петренко Елизавета Федоровна (1880-1951) – певица (меццо-сопрано), солистка Мариинского театра (1905-15), много гастролировала, проф. МГК (1929-50), преп. ГМУ (1928-30)

Петрова-Званцева Вера Николаевна (1876-1944) – певица (меццо-сопрано), солистка Частной оперы С.И.Мамонтова, затем С.И.Зимины, гастролировала в разл. странах, проф. МГК (1916-32)

Петровский Борис Васильевич (1908-2004) – врач-хирург, академик

Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863-1942) – историк, академик

Печников Александр Сергеевич (Моисеевич) (1873-1949) – скрипач, с 1913 – за границей

Пильстрем Максимилиан Густавович (1884-1957) – пианист, преп. в разл. учебных заведениях Харькова (1922-48)

Платэ Феликс Феликсович – ученый-физик, виолончелист, уч. МДМШ и ГМУ, внук Н.Д.Зелинского

Плотников Борис Сергеевич (1873-1914) – пианист, муж Л.Г.Шор-Плотниковой

Покрасс Дмитрий Яковлевич (1899-1978) – композитор

Покровский Михаил Николаевич (1868-1932) – историк, академик, занимал гос. посты с 1918 г.

Поляков Рувим Львович – директор муз. школы в Казани

Померанцев Юрий Николаевич, Юра (1878-1933) – композитор, дирижер, друг Гнесиных, преп. в Училище Е. и М. Гнесиных

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902-1984) – парт., гос. деятель, во время войны – нач. Центр. штаба партизанского движения, министр культуры СССР (1953-54)

Попов Василий Федорович (1903-1964) – гос. деятель, финансист

Постельников Сергей (ум. 1972) – пианист, уч. ЕФГ, с 1930-х г. жил в Париже, концертировал
Пресман Матвей Леонтьевич (1870-1941) – пианист-педагог, орг. и дир. Ростовских муз. классов
и Муз. училища при РМО (1896-1912), покровительствовал М.Ф. и Г.Ф.Гнесиным в Рос-
тове, соученик и друг семьи Гнесиных

Пресс:

Иосиф Исаакович (1881-1924) – виолончелист, участник Русского трио,
Михаил Исаакович (1871-1938) – скрипач, участник Русского трио, проф. МГК.
ЕФГ выступала с братьями Пресс в ансамблях

Прокофьев – нач. Главвоенпромстроя

Прокофьев Григорий Петрович (1883-1962) – пианист-педагог, критик, преп. МГК (1911-24), орг.
Педагогического факультета консерватории, рук. Педагогической лабораторией

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891-1953)

Промыслов Владимир Федорович – гос., парт. деятель, Предс. комитета – министр строительства
СССР, Предс. Мосгорисполкома

Протопопов Илья Николаевич (1866-1912) – пианист, музыковед, преп. Филармонического
училища, друг Гнесиных

Протопопов Сергей Владимирович (1893-1954) – музыковед, доц. МГК 177

Птица Клавдий Борисович (1911-1983) – хормейстер, рук. Большого хора Всес. радио и
телевидения (с 1950), проф. МГК (1938-83, зав. кафедрой с 1960), ГМПИ (1946-59, зав.
кафедрой)

Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837)

Пшибышевский Болеслав Станиславович (1892-?) – музыковед, дир. МГК (1929-31), один из гл.
теоретиков РАПМ

Равель Морис (1875-1937)

Равичер Яков Ильич – музыковед

Разоренов Сергей Александрович (1909-1996) – композитор

Райский Назарий Григорьевич (1876-1958) – певец, проф. МГК (1919-49 с перерывом)

Райх Зинаида Николаевна (1894-1939) – артистка Театра им. Мейерхольда (1920-38), жена
Вс.Мейерхольда

Рамм Валентина Иосифовна – композитор, певица, друг М.Ф.Гнесина

Рамм Михаил Григорьевич – врач, муж В.И.Рамм

Рафаэль Санти (1483-1520)

Рахманинов Сергей Васильевич (1873-1943). 2,33,34,37,46,49,50,55,61,64,80,82,84,86-
93,100,104,160,162-164,166,167,197-202,225,231-232,257-258,282

Рахманинова Наталия Александровна (1877-1951) – жена С.В.Рахманинова

Рахманиновы: Ирина Сергеевна, Ириночка (1903-1969),

Татьяна Сергеевна, Танечка (1907-1961) – дочери С.В.Рахманинова

Ренквист (Глиэр) – см. Глиэр М.Р.

Ренквист Мария Николаевна – мать М.Р.Ренквист-Глиэр и теща Р.М.Глиэра

Римский-Корсаков Андрей Николаевич (1878-1940) – музыковед, сын Н.А.Римского-Корсакова

Римский-Корсаков Всеволод Андреевич, Воля (1917-1942) – филолог, сын А.Н.Римского-
Корсакова и Ю.Л.Вейсберг

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844-1908)

Риттих Маргарита Эдуардовна (1910-1994) – музыковед, преп. ГМУ (1939-56), ГМПИ (1944-92,
зав. кафедрой истории музыки в 1963-72), орг. и дир. ММКЕЛФГ (1969-94), сост. книг
«Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников» (М., 1982; 2-е изд. 2003), ав-
тор ряда статей о ЕФГ

Рихтер Святослав Теофилович (1915-1997). Дружба с Гнесиными продолжалась с 1940-х г., ЕФГ
оказывала Рихтеру всяческую помощь. В 1966 он дал концерт памяти
О.Ф.Александровой-Гнесиной

Робсон Поль (1898-1976) – амер. певец (бас), актер. Как обществ. деятель часто приезжал в СССР
 Рождественский Геннадий Николаевич (р. 1931). Уч. ЕФГ

Рождественский Зиновий Петрович (1848-1909)– вице-адмирал флота, командовал эскадрой, разбитой во время Цусимского сражения русско-японской войны

Розанов Виктор Алексеевич (1899-1972) – пианист, редактор (зам. дир.) Музгиза, доц. МГК (1932-72)

Розенов Эмилий Карлович (1861-1936) – пианист, музыковед, ученый, преп. МГК, один из рук. об-ва «Музыкально-теоретическая библиотека», научн. сотр. ГИМН. Близкий друг Гнесиных

Розеншильд Константин Константинович (1898-1971) – музыковед, и.о. проф. ГМПИ (1944-71, зав. кафедрой марксизма-ленинизма в 1944-46, истории музыки в 1948-53), возглавлял кампанию «борьбы с формализмом» в ГМПИ

Розовский (неизв.)

Ростропович Вероника Леопольдовна – виолончелистка, училась в МДМШ (1933-36). Сестра М.Л.Ростроповича

Ростропович Мстислав Леопольдович, Слава (1927-2007). Учился в МДМШ (1934-36) у своего отца – Л.В.Ростроповича (Растроповича)

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829-1894)

Рубинштейн Николай Григорьевич (1835-1881)

Рубинштейн Софья Григорьевна (1841-1919) – вокалистка-педагог, сестра А.Г. и Н.Г. Рубинштейнов, участвовала в революционном движении

Руднева М.В. – жена Г.Ф.Гнесина, см. Семья Гнесиных (VIII)

Русин М.А. – студент-композитор ГМПИ

Рыбникова Любовь Федоровна – неуст. лицо

Рябкова Лидия Ивановна (1894-1978) – партработник, преп. истории КПСС, зам. дир. (1938-49), дир. ГМУ (1949-61)

Сабанеев Леонид Леонидович (1881-1968) – музыковед, критик, композитор, дружил с Гнесиными и постоянно освещал работу их училища

Савин А.Н. – см. Семья Гнесиных (III)

Саввин (Савин) Витт Николаевич (ум. 1932) – врач-хирург, проф. Томского (до 1930) и Челябинского университетов, брат А.Н.Савина

Садовников Виктор Иванович (1886-1964) – певец (тенор), преп. ГМУ, проф. ГМПИ и МГК 163

Самуэльсоны – возможно, семья пианиста С.В.Самуэльсона, соученика ЕФГ по классу В.И.Сафонова, знакомые Гнесиных по Ростову

Салина Надежда Васильевна (1864-1956) – певица (сопрано), солистка Большого театра (1888-1908)

Салманов Владимир Николаевич (1912-1978) – композитор

Сатина Софья Александровна (1879-1975) – ученый-биолог, двоюродная сестра С.В.Рахманинова

Сафонов Василий Ильич (1852-1918) – пианист, дирижер, проф. МГК (1885-1905, дир. в 1889-1905)

Сафронеев Аркадий Сергеевич (1915-1937?) – пианист, уч. ЕФГ

Сахарова Галина Петровна – певица, солистка Всесоюзного радио

Сахновский Юрий Сергеевич (1866-1930) – критик, композитор

Сванидзе Наталия Сергеевна (р. 1923) – пианистка-педагог, преп. ГМПИ (1962-92), бессменный сотр. ММКЕлФГ (с 1969)

Светланов Евгений Федорович (1928-2002)

Свешников Александр Васильевич (1890-1980) – хормейстер, проф. МГК (с 1944), ее ректор (1948-74), рук. Гос. академического русского хора (1942-80)

Селиванов – музыкант (неуст.)

Семенцова-Огиевская (ур. Токарева) Ольга Николаевна (1899-1950) – пианистка, уч. ЕФГ, преп., концертмейстер ГМУ и МДМШ

Сенаторская Е.П. – см. Одолеева-Сенаторская Е.П.

Сергей Александрович, великий князь (1857-1905) – сын Александра II, генерал-губернатор Москвы, убит революционером Каляевым

Сибор Борис Осипович (1880-1961) – скрипач, проф. МГК 160

Скребков Сергей Сергеевич, Сережа (1905-1967) – музыковед, уч. ЕФГ, проф. ГМПИ (1944-63, зав. кафедрой в 1944-49), МГК (1932-67, зав. кафедрой в 1948-67)

Скребкова (Бекман) О.Л. – см. Бекман (Скребкова) О.Л.

Скрябин Александр Николаевич (1871/72-1915)

Скрябины Юлиан (1906-1918), Ариадна (1905-1944) – дети А.Н.Скрябина и Т.Ф.Шлецер

Скрябина (Шлецер) Т.Ф. – см. Шлецер Т.Ф.

Скрябина Марина Александровна (1911-1998) – младшая дочь А.Н.Скрябина

Слонов Юрий Михайлович (1906-1981) – композитор

Смирнов Борис Федорович – композитор, фольклорист

Смоленский Степан Васильевич (1848-1909) – хормейстер, музыковед, рук. Синодального хора, орг. и дир. Синодального училища (1889-1901), проф. МГК

Смородинов Иван Васильевич (1894-1953) – рук. подготовки резервов Красной Армии в период войны

Собинов Леонид Витальевич (1872-1934) – певец (тенор), солист Большого театра. Много выступал в ансамбле с ЕФГ (в основном в 1903-05)

Сологуб Федор Кузьмич (1863-1927) – писатель, поэт

Софроницкий Владимир Владимирович (1901-1961) – пианист

Средина Мария Григорьевна (1875-1947) – вторая жена А.Т.Гречанинова

Сталин Иосиф Виссарионович (1879-1953)

Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863-1938)

Старикова Александра Семеновна (1894-1923) – пианистка, успешно концертировала, преп. ГМУ

Степанов Лев Борисович – композитор

Степанян Аро Леонович – композитор

Столяров Григорий Арнольдович (1892-1963) – дирижер, проф. МГК (1934-43, и.о. дир. в 1941-42)

Стрельбицкая Валерия Александровна (1887-1952) – пианистка-педагог, преп. и зав. отделом МДМШ в 1921-52, зав. учебной частью школы

Сувчинский Петр Петрович (1892-1985) – музыковед, муз. критик, сотр. журнала «Музыкальный современник»

Судзиловская Лилия Васильевна (1926-1994) – пианистка-педагог, уч. ЕФГ, преп. МДМШ

Сук Вячеслав Иванович (1861-1933) – дирижер, главный дирижер Большого театра

Суслов Михаил Андреевич (1902-1982) – парт. деятель, секретарь ЦК ВКПб – КПСС (1947-82)

Сухаревская (Бекман) В.Л. – см. Бекман (Сухаревская) В.Л.

Сухаревский Борис Михайлович (1909-1991) – экономист, уч. в ГМУ как скрипач

Сухаревский Юрий Михайлович (1906-2004) – ученый-физик (акустик), как пианист оконч. ГМУ и МГК, выступал с сольными концертами

Такеноучи Алексей, Алеша, Алексейка (р. 1955) – японск. пианист, педагог, сын В.Н.Такеноучи

Такеноучи Владимир Николаевич (ум. 2003) – японск. пианист, проф. Кунитачи-колледжа в Токио

Такеноучи Капитолина Николаевна – жена В.Н.Такеноучи

Танеев Владимир Иванович (1840-1921) – адвокат, брат С.И.Танеева, обществ. деятель

Танеев Сергей Иванович (1856-1915)

Татулян Арам Георгиевич, Арамчик (1915-1974) – пианист, уч. Евг.Ф.Савиной-Гнесиной, преп. ГМУ (1940-57, зав. отделом в 1947-57), доц. ГМПИ (1944-74)

Татьяна Артемьевна – зав. педпрактикой ГМПИ
 Тер-Гевондян – композитор
 Тиктин Фабиан – врач в Ростове (в первую мировую войну – военный врач), друг семьи Гнесиных
 Тихомиров Георгий (Юрий) Васильевич (1913-1967) – уч. М.Ф.Гнесина, преп. ГМПИ (1947-56)
 Тишин Алексей Васильевич (1900-1990) – архитектор, автор проекта здания ГМПИ
 Туровская Вера Федоровна (1887-1957) – певица, преп. ГМУ (1919-29?), проф. МГК (1920-37)
 Турчанинова Евдокия Дмитриевна (1870-1963) – артистка Малого театра (1891-1963)
 Тютюнник Сашенька – дочь певца, солиста и и.о. гл. режиссера Большого театра В.С.Тютюнника, уч. Училища Е. и М. Гнесиных

Угримов Александр Иванович (1874-1971) – ученый-агроном, предс. Российского общества сельского хозяйства, в 1922 выслан из России, вернулся в 1947 г. (жил в ссылке в Калужской обл., сын был репрессирован). Благодаря ЕФГ был прописан в Москве вместе с семьей. Его дочь, В.А.Решикова, училась в Училище Е. и М. Гнесиных, внучка – И.Г.Решикова – в ГМПИ и была преп. ГМУ

Унковские – семья генерала, детям которого ЕФГ давала уроки с 1891 г.
 Усова Изабелла Константиновна, Белла (ум. 1948?) – уч. ЕФГ

Федорченко Эсфирь Марковна (1903-1986) – пианистка-педагог, преп. ГМУ, МССМШ (1946-73, зав. отделом в 1947-61)
 Федотов Александр Филиппович (1841-1895) – режиссер, актер, орг. первого Народного театра, муж актрисы Г.Н.Федотовой
 Фейнберг Самуил Евгеньевич (1890-1962) – пианист, композитор, проф. МГК (1922-62), ГМПИ (1945-58)
 Ферман Валентин Эдуардович (1896-1948) – музыковед, уч., преп. ГМУ, проф. МГК (1925-43), ГМПИ (1944-48, зав. кафедрой истории музыки)
 Фигуровская Татьяна Васильевна (1851-1921) – преп. франц. и нем. языков в частной гимназии, воспитательница сестер Гнесиных (с 1884 – жила с ними до конца жизни)
 Финкельштейн Зиновий Исаакович (1910-1989) – пианист, дирижер, уч. ЕФГ, преп. МДМШ (1932-41, зам. дир. в 1945-46), орг. и дир. МССМШ (1946-89, в 1952-56 – зам. дир.)
 Френи Мирелла (р. 1935) – итал. певица
 Фритче (фон Фритче) Оскар Оскарович – пианист-педагог, рук. «Классов фортепианной игры О.О.Фритче», работал в др. учебных заведениях в Ростове, учитель М.Ф.Гнесина
 Фурцева Екатерина Алексеевна (1910-1974) – министр культуры СССР (1960-74)

Хазанов Александр Борисович (1906-1984) – хормейстер, раб. в Большом театре (1937-78), в ГМПИ (1948-52, уволен из-за запрета на совместительство)
 Хаймовский Григорий Самуилович (р. 1926) – пианист, уч. ЕФГ, пишет о ней в своей книге «В поисках острова Радости» (Нью-Йорк, 2002)
 Хачатурян Арам Ильич (1903-1978). Обязан Гнесиным своим муз. образованием, с большой теплотой относился к ним. Проф. ГМПИ (1951-78)
 Хейфиц (Энгель) Антонина Константиновна, Тоня – пианистка, преп. Народной консерватории, жена Ю.Д.Энгеля,
 Хикмет Назым (1902-1963) – турецкий писатель, поэт, жил в СССР
 Ходский П.П. – певец (бас)
 Хомяков Алексей Степанович (1804-1860) – философ, писатель, основоположник движения славянофилов
 Хохлов Павел Акинфиевич (1854-1919) – певец (баритон), солист Большого театра (1879-1900 с перерывом), избирался в Городскую думу, земский деятель
 Хохлова Ольга Николаевна (1859-1938) – жена П.А.Хохлова

Храпченко Михаил Борисович (1904-1986) – литературовед, академик, предс. Комитета по делам искусств (1939-48)

Хренников Тихон Николаевич (1913-2007) – композитор, уч. М.Ф.Гнесина, 1-й секретарь правления Союза композиторов СССР (1948-90)

Хренникова Клара Арнольдовна – жена Т.Н.Хренникова

Хрущев Никита Сергеевич (1894-1971) – 1-й секретарь ЦК КПСС (1953-64), Предс. Совмина СССР (1958-64)

Цеткин Клара (1857-1933) – нем. коммунистка

Чайковский Борис Александрович (1925-1996) – композитор, уч. ЕФГ

Чайковский Модест Ильич (1850-1916) – брат П.И.Чайковского, литератор, биограф П.И.Чайковского, орг. ГДМЧ в Клину

Чайковский Петр Ильич (1840-1893)

Черняев Александр Михайлович – друг С.В.Рахманинова

Чинарьян А. – детский поэт

Чичкин Алексей Алексеевич, Алеша (1904-1963) – пианист, уч. ЕФГ, преп. ГМУ, ГМПИ, МГК

Чичкина Варвара Васильевна – уч. ЕФГ

Чугаев Александр Георгиевич (1924-1990) – композитор, музыковед, уч. ЕФГ, проф. ГМПИ (1951-83) и МГК

Шаляпин Федор Иванович (1873-1938)

Шассеван – франц. педагог (сольфеджио)

Шверник Николай Михайлович (1888-1970) – гос., парт. деятель, 1-й секретарь ВЦСПС (1930-44), Предс. президиума Верховного совета РСФСР (1944-46) и СССР (1946-53)

Шебалин Виссарион Яковлевич (1902-1963) – композитор, преп. ГМУ (1935-41), проф. МГК (1928-48, 1951-63, дир. в 1942-48), ГМПИ (1951-53)

Шерман Николай Самойлович (1897-?) – пианист, доц. МГК (1922-41), отв. работник Комитета по делам искусств

Шершевский Моисей Александрович – ближайший друг семьи Гнесиных

Шехтер Борис Семенович (1900-1961) – композитор, доц. МГК

Шимановский Кароль (1882-1937) – польский композитор

Шишаков Юрий Николаевич (1925-2000) – композитор, уч. М.Ф.Гнесина, проф. ГМПИ (1948-2000, зав. кафедрой народных инструментов в 1966-74)

Шлиппе (фон Шлиппе) Владимир Карлович (1834-1923) – гос. деятель, ученый-химик, член **Сената**, губернатор Тульской, Екатеринославской губерний. Его семья дружила с семьей Гнесиных, предоставил свой дом при основании Училища Е. и М. Гнесиных

Шопен Фридерик (1810-1849)

Шор Владимир Романович (1897-1952) – пианист, участник «Нового московского трио», преп. ГМУ (1924-52), доц. ГМПИ (1944-52)

Шор Давид Соломонович (1867-1942) – пианист, муз. деятель, проф. МГК (1918-25), орг. и рук. Бетховенской студии (1912-17), музыкальной академии в Иерусалиме. Близкий друг Гнесиных. Дядя В.Р.Шора

Шор Раиса Михайловна (ум. 1920) – жена Д.С.Шора

Шор-Плотникова Любовь Георгиевна (1875-?) – певица, доц. МГК (1929-37)

Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906-1975)

Шлецер Павел Юльевич (1829?-1898) – пианист-педагог, уч. Ф.Листа, проф. МГК (1891-98)

Шлецер Татьяна Федоровна (1883-1922) – вторая жена А.Н.Скрябина, племянница П.Ю.Шлецера

Штейнберг Максимилиан Осеевич (1883-1946) – композитор, проф. Петербургской-Ленинградской консерватории (1908-46). Близкий друг М.Ф.Гнесина и всей семьи Гнесиных

- Штейнберг Надежда Максимилиановна, Надюша – дочь М.О. и Н.Н. Штейнбергов
- Штейнберг Надежда Николаевна (1884-1971) – дочь Н.А.Римского-Корсакова, жена М.О.Штейнберга
- Штейнберг Сергей Максимилианович, Сережа – художник, сын М.О. и Н.Н. Штейнбергов
- Штраус Иоганн (1825-1899)
- Штрейхер Любовь Львовна (1885?-1958) – композитор, доц. Ленинградской консерватории, ГМПИ, была ассистентом М.Ф.Гнесина. Близкий друг М.Ф.Гнесина. Первая жена М.А.Бихтера
- Штример Александр Яковлевич (1888-1961) – виолончелист, проф. Ленинградской консерватории
- Шуберт Франц (1797-1828)
- Шубина Вера Яковлевна, Верочка (1909-1988) – пианистка, уч. Евг.Ф.Савиной-Гнесиной, концертмейстер ГМУ (с 1933), ГМПИ (1944-72), МГК (1972-86). Друг семьи Гнесиных
- Шуман Роберт (1810-1856)
- Эдельман Георгий Яковлевич (1907-1970) – пианист, музыковед, редактор журнала «Советская музыка», доц. ГМПИ (1960-70)
- Эйгес Константин Романович (1875-1950) – композитор, пианист, орг. и дир. Техникума им.Ярошевского (1919-27), преп. ГМУ (1927-37?)
- Эмме В.В. – альтист
- Энгели – см. Хейфец (Энгель) А.К. и Энгель Ю.Д.
- Энгель Юлий Дмитриевич (1868-1927) – музыковед, критик, композитор, орг. и рук. Народной консерватории (1906-18)
- Эрарский Анатолий Александрович (1850-1897) – пианист, педагог, дирижер, орг. первого детского оркестра (в 1880-е г.), преп. Синодального училища (1889-97)
- Эрдели Ксения Александровна (1878-1971) – арфистка, много концертировала, солистка оркестра Большого театра (1899-1937 с перерывом), проф. МГК (1918-71), ГМПИ (1944-54)
- Эренбурги: Евгения Григорьевна, Изабелла Григорьевна – уч. ЕФГ, сестры И.Г.Эренбурга
- Эрлих Рудольф Иванович (1866-1924) – виолончелист, солист оркестра Большого театра, проф. Филармонического училища
- Эшпай Андрей Яковлевич (р. 1925) – композитор, пианист, уч. МДМШ и ГМУ
- Эшпай Яков Андреевич (1890-1963) – композитор
- Юдина Мария Вениаминовна (1899-1970) – пианистка, проф. ГМПИ (1944-60)**
- Юра (неуст. лицо)
- Юрасовский Александр Иванович (1890-1922) – композитор, уч. Евг.Ф.Савиной-Гнесиной, сын Н.В.Салиной
- Юргенсон Борис Петрович (1868-1935) – глава (совладелец) крупнейшего в России музыкального издательства и торговой фирмы
- Юровский Александр Наумович (1882-1952) – музыковед, пианист, гл. редактор Музгиза (1922-44), проф., декан фортепианного факультета ГМПИ (1944-52, в 1944-46 – также зам. дир.)

216

- Яблочкина Александра Александровна (1866-1964) – актриса Малого театра (1888-1964), бессменный предс. ВТО (с 1916)**
- Яворский Болеслав Леопольдович (1877-1942) – музыковед, один из рук. Народной консерватории, проф. Киевской консерватории и МГК, рук. муз. секцией Наркомпроса (1921-24), 1-м муз. техникумом (1921-30)

Ягодин Илья Васильевич (р. 1938) – пианист, композитор, уч. ЕФГ, зав. муз. частью Гос. центр. Театра кукол им. Образцова (с 1961)

Ягодина Екатерина Александровна (1902-1990) – мать И.В.Ягодина, личный секретарь ЕФГ (1953-56), помогала ЕФГ в разборе ее архива в качестве «домашнего секретаря» (с 1948)

Яппо Александр Степанович (1898-? после 1938) – пианист, преп. ГМУ (1927-38)

Ярошевский Адольф Адольфович (1863-1910) – пианист, проф. МГК (1898-1910), друг Гнесиных

Яруллин Фарид Загидуллович (1913/14-1943) – композитор, погиб на фронте

Яснов Михаил Алексеевич (1906-1991) – гос. деятель, предс. Мосгорисполкома (1950-56), предс., 1-й зам. предс. Совмина РСФСР (1956-66)

Яунзем Ирма Петровна (1897-1975) – певица, исполнительница народных песен

К именному указателю:

Асафьев Борис Владимирович (1884-1949) – музыковед, композитор, академик 250

Гельман Эфраим Григорьевич (1883-1953) – пианист, педагог 235,241,245

Голованов Николай Семенович (1891-1953) – дирижер 200

Метнер Николай Карлович (1879/80-1951) – композитор, пианист 84, 166

Обухова Надежда Андреевна (1886-1961) – певица (меццо-сопрано) 224

Протопопов Сергей Владимирович (1893-1954) – музыковед, доц. МГК 177

Садовников Виктор Иванович (1886-1964) – певец (тенор), преп. ГМУ, проф. ГМПИ и МГК 163

Сибор Борис Осипович (1880-1961) – скрипач, проф. МГК 160

Юровский Александр Наумович (1882-1952) – музыковед, пианист, гл. редактор Музгиза (1922-44), проф., декан фортепианного факультета ГМПИ (1944-52, в 1944-46 – также зам. дир.) 216

Рахманинов Сергей Васильевич (1873-1943). 2,33,34,37,46,49,50,55,61,64,80,82,84,86-93,100,104,160,162-164,166,167,197-202,225,231-232,257-258,282

Елена Гнесина. «Я привыкла жить долго...».
Воспоминания, статьи, письма, выступления
Оглавление⁵⁹⁹

От составителя.....	1
Ел. Ф. Гнесина. Хроника жизни и деятельности	
Даты жизни и деятельности.....	6
Биографический очерк.....	13
Воспоминания	
Из истории нашей семьи – истории наших учреждений.....	37
Беседа Ел. Ф. Гнесиной с П. В. Лобановым.....	54
Мои воспоминания о Рахманинове.....	63
Мои воспоминания о Бузони за один год учебы у него.....	71
О друге и соратнике (Р. М Глиэр).....	76
Воспоминания о П. А. Хохлове.....	80
Мои воспоминания о замечательном человеке Анатолии Васильевиче Луначарском, с которым мне довелось близко познакомиться еще до революции.....	81
Старые воспоминания о давно минувшем. Воспоминания о 1905 годе (моя единственная поездка за границу).....	85
Вспоминая прошлое. К 80-летию со дня рождения И. Г. Званского.....	102
Статьи	
Предисловие к «Фортепианной азбуке».....	104
Мои принципы.....	107
Конспект занятий Ел. Фаб. Гнесиной по методике работы с начинающими.....	108
В Редакцию журнала «Советская женщина».....	111
Урок профессора Е. Ф. Гнесиной. Мендельсон. Песни без слов.....	112
Письма.....	117
Р. М. Глиэру.....	118
М. Ф. Гнесину.....	120
С. И. Танееву, М. И. Чайковскому.....	145

⁵⁹⁹ Здесь указаны страницы не по изданию, а по данному тексту

М. А. Бихтеру.....	147
С. В.Рахманинову.....	151
М.О. Штейнбергу.....	155
Елиз. Ф. Гнесиной-Витачек и Ф. Е. Витачеку.....	164
Ф. Г. Арзаманову, Н. И. Квитко.....	170
Р.Левиной.....	172
В. Н. Такеноучи.....	173
Деловые письма (в различные инстанции).....	180
Письма-ходатайства.....	205
Выступления	
Речи на сессиях и пленумах Моссовета.....	209
Выступления и юбилейные приветствия.....	216
Шуточные стихотворения.....	222
Приложения	
Концертные выступления Ел. Ф. Гнесиной.....	228
Список музыкальных произведений Ел. Ф. Гнесиной.....	232
Прижизненные литературные публикации.....	234
Список учеников	
Ел.Ф.Гнесиной.....	234
Именной указатель	
Сведения о семье Гнесиных.....	243
Персоналии.....	252